

Алексей Яшин

Сны и явь полковника Хатурова

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года. Автор 18 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского «толстого» литературного журнала «Приокские зори», член редколлегий ряда московских и тульских периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля и «Московского Парнаса». Награжден памятными медалями: «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля», «К 75-летию Литературного института им. А. М. Горького», Почетной грамотой Минкультуры РФ. Кавалер ордена «Владимир Маяковский».

Литературное творчество совмещает с научной работой: профессор Медицинского института Тульского госуниверситета. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования».

Биография А. А. Яшина опубликована в двух десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008). Академик Академии российской литературы, член ее Правления.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НЕЗАВИСИМОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ АГЕНТСТВО
«МОСКОВСКИЙ ПАРНАС»
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЕКСЕЙ ЯШИН

СНЫ И ЯВЬ ПОЛКОВНИКА ХМУРОВА

Педагогическая поэма
в трех частях

МОСКВА
«МОСКОВСКИЙ ПАРНАС»
2011

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)
УДК 882
Я 96

Алексей Яшин. Сны и явь полковника Хмурова: Педагогическая поэма в трех частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— Москва: «Московский Парнас», 2011.— 551 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-73301-0663-7

«Московский Парнас» представляет читателям в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» пятую книгу известного современного русского писателя Алексея Яшина из цикла «Рассказы Николая Андреяновича». Ранее были изданы в данном цикле книги А. А. Яшина: «Тяжёло дышит синий норд» (Тула, 2003); «Живые шахматы. Новые рассказы Николая Андреяновича» (Тула, 2006); «2007 — Штиль: Третья книга рассказов Николая Андреяновича» (Москва. 2007); «Страна холода (Детство в гипербореях)» (Москва, 2009). За душой наблюдательного повествователя и умелого рассказчика Николая Андреяновича достаточный жизненный опыт; ему есть с чем сравнивать времена третьего передела бывшей народной собственности. Если в предшествующих книгах цикла — рассказах и повестях — Николай Андреянович вспоминает о своем заполярном детстве, отрочестве и юности, о годах уже взрослой жизни на «Большой земле», институтской учебе, инженерной работе в ЦКБ агрегатостроения и НПО «Меткость», то в пятой книге читатель видит бывшего конструктора-ракетчика уже преподавателем университета, который некогда сам окончил. Вроде родные, памятные стены, да и большинство нынешних его коллег — его бывшие преподаватели, правда, уже запенсионного возраста, но еще бодрые и энергичные, однако «что-то изменилось в королевстве датском». И неудивительно: ведь наш герой попал в совершенно новый для него мир, который он все пробует сравнивать со своей студенческой юностью. Увы, это две разные, почти противоположные *status quo*...

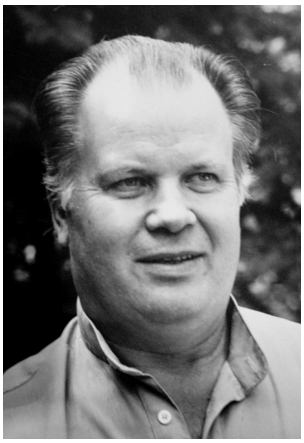
Роман-поэма, как уточняет для своей книги автор этот жанр, богато иллюстрирован. Здесь Алексей Яшин использует изобретенный им и ранее апробированный метод: взятые из изданий конца XIX — начала XX века иллюстрации он дополняет пространными подписями, фактически мини-очерками, новеллами в контексте основного содержания книги.

На обложке: Борис Дмитриевич Григорьев (1886—1939). Портрет режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда, 1916 (Из собрания Государственного Русского музея).

ISBN 978-5-73301-0663-7

© Яшин А. А., 2011
© Яшин А. А., художественное оформление и подписи к иллюстрациям, 2011
© Ханбеков Л. В. Предисловие, 2011

К ЧИТАТЕЛЮ

В своем очерке о творчестве Алексея Яшина* я писал: «Естественно, все типажи, с которыми общается, наблюдает происходящее вокруг Николай Андреянович, это во многом *альтер эго* самого Алексея Афанасьевича». Да автор уже пятой по счету книги «рассказов Николая Андреяновича» это не скрывает, не прячет, не маскирует какой-либо нарочитой отстраненностью. Здесь ему пример — наша великая русская классика; также не маскировали своих авторизованных героев в автобиографических трилогиях Лев Толстой, Максим Горький, Гарин-Михайловский. Также точно построены и книги Чапыгина, Федора Гладкова и многих, многих других русских и советских писателей. Однако — к настоящей книге.

Если в предыдущих мы видели Николая Андреяновича шестилетним мальчиком на крохотном островке, что на выходе из Кольского залива в Баренцево море; школьником в городе Полярном — в тех же местах; студентом и инженером-конструктором уже на «Большой земле»..., то в этом романе-поэме, как автор переиначил данный жанр, читатель знакомится с главным героем в его новой профессиональной ипостаси: преподавателем, доцентом университета. Этот же самый

---

* Ханбеков Л. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: «Московский Парнас», 2008 (Серия «Созвездие России»); очерк вошел в книгу: Ханбеков Л. Собрание сочинений. Т. 4.— М.: «Московский Парнас», 2009.— С. 62—145.

университет, только тогда именовавшийся институтом, Николай Андреянович окончил в «золотые» семидесятые годы — в «эпоху Брежнева», где-то между получением этим славным генсеком второй и третьей Золотой звезды.

Современное высшее образование — ныне притча во языцех. Его не ругает только ленивый или абсолютно ко всему безразличный. Таких, правда, сейчас большинство в наших пенатах. Да и не только в наших. Но это к слову.

Однако, ни журнально-газетная трескотня, ни опереточные петушиные бои на разных телевизионных «барьерах», ни нарочито осерьезненные передачи по радиоофициозам — не создают какой-либо объективный образ современной высшей школы. Остается в памяти некая мешанина: Фурсенко — «за», а Садовничий — «против» *ЕГЭ*; обучение платное все больше, а качество его все ниже; высшее образование де-факто стало всеобщим, но только считанные проценты выпускников работают по специальности. Остальные, что с дипломом в кармане, занимаются малопонятно чем; в основном, торгуют бананами, воруют по мелочи и не очень, миллионы их в офисах-конторах работают на хозяев, делающих деньги из воздуха, то есть спекулирующих. Иногда *СМИ* начинает дежурную кампанию о профессорах-взяточниках... И так далее, в той же тональности.

Причина такой сумятицы, многоголосности и запутанности проста. Обыватель, как уже два десятка лет те же *СМИ* уничижительно называют бывший советский народ, слабо или почти никак не знает реалии вузовской жизни. Но и труженики университетов, резко поделившиеся на два класса — хорошо питающуюся администрацию и нищенствующий профессорско-преподавательский состав,— замкнутое сообщество, мало интересующееся жизнью вне стен своих учебных корпусов. Кстати, такая замкнутость сложилась в вузах исторически, еще со времен первых европейских университетов.

...А вот автору предваряемой нами книги очень повезло. Ибо его персонифицированный, авторизованный герой, то есть Николай Андреянович, «и в поле жнец, и на дуде игрец». Несмотря на не такие уж большие лета, за его плечами солидный жизненный опыт. Насыщенные детство-отрочество-юность в суровой, но и по-своему великолепной, оптимистичной и энергичной, обстановке Заполярья, в вотчине Северного флота, где от носка ботинка Николки, стоящего на берегу своего островка, если провести прямую линию до Северного полюса, уже нет ни клочка суши (из повести «Страна холода»).

А дальше по возрастной «лестнице»? Дальше?

Переезд на «Большую землю», в ближнюю к столице провинцию (периферию по-советски).

Учеба в техническом институте... и не нынешнее затворничество в стенах учебных корпусов с неаккуратным посещением занятий, а вне стен, включая летние каникулы, ленивое брожение по улицам, распивание на лавочках скверов и парков мерзейшего нынешнего пива...

Нет, студенческая жизнь Николая, как и всех его сверстников, была насыщенной, разносторонней, впечатлительной.

Вот наш герой все лето проводит со своими однокашниками на технологической практике в Предуралье, в удмуртском Сарапуле на берегу широченной Камы.

Вот в многомесячную преддипломную практику живет в Загорске, нынешнем Сергиевом Посаде, работает на тамошнем оптико-механическом заводе.

Хорошо знакомы ему со студенческих лет и основные оборонные предприятия родного города. А в зимние каникулы Николай не к наркоте в «Интернет-кафе» приценивается, не кухтыли боулинговые катает, если деньги завелись, но опять же в веселой студенческой компании ходит по лыжным маршрутам в Карпатах, на Кавказе. И все это почти что на стипендию!..

Когда уже доцент Николай Андреянович рассказывает о временах своей учебы нынешним студиозусам,

жертвам пресловутого «Болонского процесса», то те только ухмыляются: вот, мол, какую пургу препод гонит!

Дальше — больше, еще насыщеннее жизнь, еще познавательнее.

Двадцать лет работает наш герой на оборонных предприятиях инженером, исследователем и конструктором. В начальство по характеру не стремится, но свое дело туго знает. И его участие есть в создании той боевой техники, что совсем недавно все мы видели на параде, на Красной площади в честь 65-летия Победы. Правда, комментаторы *СМИ* почему-то уверенно именуют эту технику «новейшими российскими разработками». А это скорее — доработки советских «планов громадья».

И опять же не только за паяльником и кульманом корпел инженер Николай Андреянович: командировки по всей стране, боевые испытания на полигонах. В быту — семья, квартира от предприятия, большой круг общения по службе и вне ее. Сама работа — это как клуб по интересам. Справедлива бытовавшая тогда присказка: утром — на работу с охотой, вечером — с еще большей охотой домой! Летом — отпуск в Крыму, в Сочи, в Прибалтике. И знаменитый «колхоз» — почти что второй отпуск, только коллективный...

Ко всему этому — сознательная, творческая и трудовая жизнь Николая Андреяновича в равных долях, под два десятка лет каждая, пришлась на времена-антиподы: советское и нынешнее, российское. Это также важно учитывать.

Итак, жизнь большого человеческого мира в любых ее пространственно-временных срезах и коллизиях прекрасно знакома герою романа. С ее отменным знанием он и приходит в стены своей *alma mater*. Но попадает в совершенно иной, по сравнению со своим студенчеством, мир. Хотя бы даже и нынешние его коллеги — бывшие преподаватели, естественно, постаревшие, но хронически оптимистичные и жизнелюбивые.

Как человек переимчивый, Николай Андреянович очень скоро разбирается в специфике нынешней университетской жизни, но при этом, не сливаясь в общую «тусовку», а мудро и снисходительно к человеческим слабостям рассматривает свое окружение — администраторов, преподавателей и студентов — как бы со стороны, чуть отстраненно.

Итак, в отличии от обывателей, чиновников от образования, депутатов всех мастей, оказалось, что Николай Андреянович наиболее реально представляет себе положение дел в современной высшей школе. Здесь автору книги очень повезло с главным героем. А остальное — как раз дело сугубо автора: сделать столь многоопытного в жизни Николая Андреяновича литературным героем, а его оценку вузовской жизни — во всех ее ипостасях — уложить в канву художественной прозы. С чем наш автор успешно справился. Как справлялся и раньше в предшествующих «рассказах Николая Андреяновича».

Что касается «модификации» автором классического жанра романа, то Алексей Яшин большой мастер на такие кунштюки. Достаточно вспомнить его прежние романы: «Историк и его История», «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», «Любовь новоюрского периода». Первый из них назван авантюрным, другой — патриотическим, третий — философским. Теперь вот и поэма в рассказах... А почему бы и не быть ему в рассказах, если у одного классика есть роман в стихах? У другого — роман поименован поэмой, как и у Алексея Яшина. А классикам подражать не зазорно. Главное, чтобы наличествовали все признаки и черты жанра, а они в этой книге явственны.

Как всегда, автор оригинален и в иллюстративном оформлении книги. Я уже писал об этом в «Тульском энциклопедисте». Надеюсь, постоянные читатели Алексея Яшина уже настолько привыкли к этим своеобразным иллюстрациям-очеркам, памфлетам и пр., что полагают их неотъемлемой принадлежностью его книг.

...И еще один момент. Понятно, что сейчас книги читают почти исключительно представители старших поколений — остатки «самой читающей страны в мире». У них есть традиция чтения, независимо от степени образования и профессии. Они-то прекрасно знают, что художественная литература в своих сюжетах и персонажах есть обобщение, но никак не конкретика. Конечно, автор во многом делает эти обобщения, исходя из реалий окружающего его мира или мирка. Но в том-то и секрет творчества, что настоящая книга, неважно, роман или поэма, всегда выходит за пределы этого мира или мирка. Так и книга, о которой мы ведем речь. Читатель хочет конкретики, так пусть и ищет ее, читая роман, в своем окружающем мире. Профессор из Тамбова, доцент из Вологды, аспирант из Кирова прочтут книгу и одинаково удивятся: так это же о нашем «универе» все написано!? Согласитесь, это уже удача автора.

Леонид Ханбеков, критик,
вице-президент Академии
российской литературы, г. Москва

Болонский сон № 17. Собрал полковник-доцент Хмуров добровольческую армию для ликвидации Болонского процесса. И вот подходит армия волонтеров к городу Болонье. Сам Полковник впереди на белом жуковском коне, в первой за ним шеренге личная лейб-гвардия: доценты Язвишин, Николай Андреянович и Яцышен. А Григорий Иванович своим артиллерийским басом знакомит своих фронтовиков с диспозицией на местности: «Вот только что мы сходу форсировали реку Рено. Не Волга, конечно, но все одно река. Далее на горизонте видны в дымке Апеннины, у подножия которых на равнине и расположена Болонья, центр одноименной провинции и главный город исторической области Эмилия-Романья. Наша главная цель — Болонский уни-

верситет, старейший в Европе, основан в XI веке, знаменитый со Средних веков своей школой римского права.

Солдаты! На вас смотрят двадцать шесть столетий! Еще в шестом веке до нашей эры этот город, тогда именовавшийся Фельсиной, был столицей этрусков. Затем стал римской провинцией, а с двенадцатого века — городской коммуной. До образования единой Италии 150 лет назад Болонья четыреста лет входила в Папское государство.

Солдаты! При штурме города щадите древности и промышленные предприятия, иначе итальянцы и лично Берлускони нам этого не простят!»

Часть первая.

ПОЛКОВНИК ХМУРОВ И ДРУГИЕ В АПОФЕОЗЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Полковник наш рожден был хватом,
Слуга царю, отец солдатам.

М. Ю. Лермонтов, «Бородино»

Правительство, конечно, знало, что казенного жалованья не хватает на прожиток, потому и не совало носа в омут непривилегированных поборов — стало быть, терпело их; по-французски есть верное слово: tolérait[*].

И. А. Гончаров «На родине»

ПЕРЕЗАГРУЗКА: АЛИТЕТ УХОДИТ В ГОРЫ, А ИНЖЕНЕР В ПЕДАГОГИ

♦ — Катам меркичкен! Чтоб тебя черт побрал! — Николай Андреянович выругался по-чукотски и по-русски, когда ему прямо на темечко упал с верхней стеллажной полки толстенный и запыленный том сочинителя Семушкина «Алитет уходит в горы». А ворошил он книги на коридорном стеллаже, встав на табуретку, именно на самом верху, под потолком, куда не одним десятилетием постепенно перемещалось все, что, казалось бы, больше не понадобится. Потому и запыленное.

Ан нет, никогда не зарекайся. Вот и понадобился

[*] Толерантность (франц.).— Прим. авт.

старый институтский учебник по математической физике. Настолько давно он преспокойно стоял на самой верхотуре, что его ледериновая обложка слиплась с такой же на книге классика чукотской литературы, поэтому, когда наш книголюб отыскал учебник и, оторвав пятки от табуретки и вытянув на всю длину вверх правую руку, ухватил его за корешок и потянул на себя, то том «Алитета» выдернулся из плотного ряда книг вслед учебнику на голову Николая Андреяновича. Причем пребольно ударил углом.

«Надо же,— усмехнулся он, наведя порядок, то есть подобрав с пола и водрузив на прежнее место чукотскую сагу, отнеся табуретку и учебник по матфизике в свою комнату и помассировав темечко, чтобы шишка не образовалась,— вот что значит детская память и скорость мыслительной реакции... если что-то на голову сваливается: на лету книги Семушкина инстинктивно и боковым зрением отметил ее название и мигом вспомнил чукотскую брань из нее. А ведь читал-то ее еще учась в седьмом или восьмом классе!»

...Алитет-то в книге сочинителя Семушкина долго собирался, почти на шестистах страницах, но все же вышел из яранги и ушел в свои чукотские горы. А вот зачем инженеру-конструктору тактических ракет понадобился учебник по математической физике, дисциплине сугубо теоретической? Ведь конструктор, конечно, должен понимать сущность физических процессов в проектируемой им ракете, даже знать, какой математикой они описываются, но ведь для своих расчетов он использует не теоремы и доказательства из учебника, а всего лишь выводы из них — достаточно простые, выверенные на практике инженерные формулы.

Так зачем учебник, который он поставил на верхнюю полку в коридоре, правда, в родительском еще доме, после второго курса, сдав на «хорошо» экзамен по спецглавам высшей математики? — А затем, что, подобно злосчастному Алитету, Николай Андреянович

на предпенсионном десятке круто поменял доселе ровное течение жизни. В смысле профессии. Со дня окончания военно-технического факультета знаменитого на всю страну, тогда *СССР*, местного института, отгуляв положенный месячный отпуск, молодой специалист явился в отдел кадров *ЦКБ* агрегатостроения, где проработал почти десять лет конструктором, а затем перешел в местный же гигант оборонпрома *НПО* «Меткость». Других «переходов» до настоящего времени он не имел.

Казалось, что как прибыл он в тридцать с небольшим лет на «Меткость», так и пребудет там до окончания трудовой деятельности. Так было издавна принято на этом, трижды орденоносном предприятии, занимавшем за городской чертой несколько десятков гектар посреди леса, куда инженеров и рабочих доставлял по утрам и вывозил вечером целый автобусный парк. Потому и отвечали работники *НПО* с боевыми орденами на знамени предприятия уклончиво на вопрос малознакомых людей о месте работы: «В лесу работаю, по лесной части». Приходили сюда молодыми специалистами, выпускниками военно-технического факультета, а прощались со вторым, может и первым, домом уже далеко за пенсионным возрастом. Николай Андреянович, попав на «Меткость», еще застал там работающими, бодрыми в свои «под восемьдесят», с Золотыми звездами Героев соцтруда на лацканах пиджаков ведущих конструкторов с громкими именами. Имена эти знали все граждане страны и далеко за ее пределами, особенно в Азии, Африке и Латинской Америке, по названию носимого и возимого — по суше, по воде, по воздуху — оружия.

И действительно, зачем «лесникам» нужно было менять место работы, полагая, что славны бубны за горами, если в «Меткости» — самая высокая зарплата в городе у инженеров и работяг, в иные годы до сотни квартир на предприятие выделяли, своя поликлиника на территории и много чего другого, где не надо толочься

в очередях, давиться в сверхпереполненном общественном транспорте. Потом и сотрудников при поступлении на работу отбирали тщательно, приветствовались семейные династии конструкторов и умельцев-рабочих. Так что лишних людей, в смысле халявщиков, попрыгунчиков с места на место, выжиг, малоумеренных пьяниц, прогульщиков и просто дураков, здесь не наблюдалось.

И еще: те несколько тысяч инженеров, конструкторов и исследователей, работавших в *НПО*, объединяло и место бывшей учебы, все тот же военно-технический факультет. Порой целыми выпусками, проучившись вместе шесть лет, распределялись сюда. Все друг друга знают по студенческим годам в «пентагоне», как издавна в институте, да и в инженерной среде города, называют корпус факультета — солидное «сталинское» здание с дорическими колоннами и массивным фронтоном. Словом — одновременно творческая, изобретательская работа и клуб по интересам, включая по выходу за ворота «Меткости», продолжение рабочего дня на часполтора в какой-нибудь «стекляшке» за ординарным портвешком, проникновенной оргеевской мадерцей*, а в предпраздничные дни и за белоголовкой — но в меру!

Хотя Николай Андреянович и выпускник «пентагона», но, в силу своей нонконформистской натуры и военно-морского воспитания, морщился при этом слове.

— Что за народ у нас такой падкий на все чужеземное,— рассуждает он порой на кафедральных посиделках в предпраздничные дни,— особенно на словечки всякие. Читаешь газету, слушаешь утром за завтраком кухонный репродуктор, смотришь «ящик», а там и сы-

---

* Этот ностальгический по 70—80-м годам века минувшего на всю огромную страну производил винзавод в селе Оргеевка Молдавской ССР: самый дешевый «сухач», куда добавляли спирту до крепости 21 градус, а мадерный привкус создавался пережженными панировочными сухарями. Тем не менее это был сугубо натуральный напиток, не нынешнее порошковое пойло с этикетками типа «Бургундское урожая 1842 года»...— Прим. авт.

пят горохом: бизнесментер с менежментером, олигархер с таинственным франгеркайзером... И это не только в новейшие времена; еще наши литературные классики едко прохаживались насчет «Аршавских портных» и монтера Вани, что «в духе парижан себя нарек электротехник Жан».

Понятно, что вся эта иностранщина исходит от прессы и «ящика», труженики которых давно полагают себя парижанами... нет, нет, брайтон-бичевцами. Но ведь и народ должен хоть на пару минут в сутки здраво мыслить. Завяз в зубах этот «Белый дом» на Краснопресненской! Самые высшие чиновники, не стесняясь, говорят в прямом эфире, например, отвечая на вопрос корреспондента о дальнейшем трудоустройстве, сдавая предыдущую госдолжность: я, дескать, еще не решил: может, и в *Белый дом* на работу перейду.

...В самом горячечном сне не привидится, что прежний Буш или нынешний Обама публично заявят о своем желании продолжить деятельность в *Кремле*!

Вот и мы, мужики, все «пентагон» да «пентагон»...

— Так привыкли же, Николай Андреянович,— возразил молодой доцент,— это же наш бренд, так сказать! Не Оружейной же палатой называть?

— Вот, вот, теперь уже и «бренд»,— проворчал отставной полковник Хмуров.— Давай, разольем по последней. Пора домой к щам идти.

♦ Николай Андреянович громкого имени в «Меткости» не приобрел, хотя конструктором слыл отменным по признанию коллег и даже кое-кого из начальства. Но все одно, наблюдая по «ящику» парад на Красной площади в совсем недавно с размахом, но более словесном, отмеченной полукруглой датой Победы, с легкой гордостью комментировал домашним прохождение «изделия» их НПО, впервые показанного публично:

— Полтора десятка лет по этой теме работал. Два моих изобретения и пара-тройка узлов моей разработки в этой штуковине! Это вам не фунт изюму.

Но тут же поморщился: диктор радостно объявил: вы, мол, дамы и господа, видите новейшую разработку нашего, российского военпрома.

— Мд-а-а, не разработку, всего лишь доработку почти готовой машины, замороженной на период наших «выдающихся реформ». И остальная техника, что на экране, тоже еще советского периода разработки.

— Вот, вот,— неубедительно и невнимательно отозвалась супруга,— и продолжал бы работать на своей «Меткости», глядишь — и в начальники бы вышел, какую-нибудь штуковину твоим именем назвали. А ты в доценты с зарплатой дворника, а вашего брата доцента в городе поболее чем дворников...

Но Николай Андреянович, остыв от легкой гордости от своей причастности к «изделию», что шло по Красной площади на резиновом ходу поверх гусениц, опять было начал мысленную филиппику против всеобщего подражательства и обезьянничества с заграницы. Вот, мол, несколько месяцев назад наш президент встречался с Обамой, а поскольку оба они очень увлечены поголовной компьютеризацией населения своих стран, то кто-то из них и обмолвился на этом самом компьютерном сленге: дескать, в отношениях наших стран, партнеров по борьбе с мировым терроризмом, наступает период очередного («Очередное, 1428-е серьезное предупреждение Китайской Народной республики Соединенным Штатам»,— мигом всплыл в его голове давний, вроде как еще левитановский радиоголос...) сближения и расширения сотрудничества, поэтому нам следует произвести, так сказать, *перезагрузку* в этих самых отношениях... и так далее. В основном про борьбу с терроризмом.

И телерадиодикторы тотчас словно взбесились: каждое третье, а то и второе, слово в их горячечных репортажах стала эта самая перезагрузка. Очень им такое вольнолюбивое погоняло понравилось. Как припомнил Николай Андреянович, такой восторг наблюдался только после горбачевского «консенсуса» и чубайсовского

«ваучера». А в их городе при назначении очередного главы администрации с пару недель местные дикторы, особенно дикторши, именовали его *сити-менеджером*...

А вот перезаг... Но в этот момент на экране показали девяностолетнего бывшего короля Румынии Михая I. Николай Андреянович развеселился; у потомков древних римлян итальянцев и румын есть одна привычка, а именно: начинать участие в большой войне на одной стороне, заканчивать на другой. Так и Румыния с юным королем, опекаемым Антонеску, до сорок четвертого года целые армии посылала воевать с нами, штурмовавшие Одессу и Севастополь, сражавшиеся под Сталинградом, а потом резко перешла в антигитлеровскую коалицию. И чуть повзрослевший Михай оказался единственной венценосной особой, кому Иосиф Виссарионович распорядился дать орден Победы. Даже британского короля Георга этой наградой обнесли...

После того, как в конце сороковых годов монархию в Румынии упразднили, а Михая из страны спровадили, то не стало о нем ни слуху, ни духу. Николай Андреянович с его цепкой памятью только и мог вспомнить: где-то в самом начале семидесятых годов прочел он в какой-то газете коротенькую, в несколько строк заметку: мол, бывший король Румынии перековался и трудится коммивояжером в Египте. Специализируется по галантерее из поддельной крокодиловой кожи.

И вот тебе на! — Пожилой, но бодрый, улыбчивый прибыл на победный парад в Москву. А главное — он сейчас единственный живущий из кавалеров ордена Победы!

Николай Андреянович совсем развеселился и даже подмигнул экранному экс-королю: держись, Михай Батькович! Ты уже в Книге Гиннеса на двух позициях пропечатан: как единственный монарх с орденом Победы и единственный же долгожитель с орденом в бриллиантах. Есть шанс и третью позицию застолбить: стать последним живым участником Второй мировой...

Но его благодушие, как это и принято у женщин, тотчас смела супруга, мысли которой от образцово-показательного парада (это чтобы народ хоть на один день забыл об Абрамовиче и других лауреатах журнала «Форбс» из России) перескочили на нищенскую зарплату доцента:

— Я, конечно, понимаю: хоть раз в жизни человек должен поменять профессию, перезагрузиться, как сейчас люди го...

— Что-о-о! И ты туда же?

В полном гневе Николай Андреянович вскочил с кресла, готовясь гневно обличить весь Евин род в попугайничестве и обезьянничестве, но вспомнил, что ему не двадцать лет, в излишнем адреналине его организм не нуждается. А потому мысленно сплюнул и ушел на кухню покурить и выпить чаю, не досмотрев образцово-показательного...

Успокоился было, но тут же с почти мистическим ужасом понял: размышляя о всех «за» и «против» своего недавнего перехода из инженеров в доценты, в преподы, как говорят студенты, он то и дело неявно употреблял эту навязавшуюся «перезагрузку». Что поделаешь, телеящик, прикажи ему кто имеет на это право, все население не то что страны, но и всего мира в зомби превратит! Против лома, то есть телевизионного психотропного оружия, нет приема. Интересно, а малообитаемые территории севера Сибири, не там, конечно, где нефть с газом качают, тоже телесетью покрыты? Смотрят ли телевизор папа Римский — 16-й Бенедикт, наш патриарх, далай-лама — кажется 14-й по счету, которого китайские коммунисты выгнали из тибетской Лхасы в Индию?

♦ Напрасно он отвлекал себя размышлениями о телевизионном электорате — перезагрузка не выходила из головы. «Может крестом себя осенить, доставшимся от предков староверческим двоеперстием,— подумал научный атеист, некрещенный Николай Андреянович,—

В большую перемену, в преподавательской полковник Хмуров решил послушать по своему старенькому транзисторному приемничку еще советской выделки последние известия про развернувшуюся в Северной Африке героическую войну своего коллеги, полковника Муаммара Каддафи, с возродившейся на нефтяной диете Антантой. А доценты Николай Андреянович и Василий Викторович Яцышен чуть поодаль, подпирая спинами стену, беседовали о тонкостях и специфике внедрения в российскую вузовскую практику Болонского процесса. Тема скучная, но надо же чем-то занять эти полчаса до начала послеобеденной «пары»? Но здесь Григорий Иванович, дослушав сообщение огорченного диктора об успехах войск седьмого (или

восьмого?) пророка, коим себя Каддафи провозгласил еще сорок лет назад, не поворачивая головы, рассеянно обратился к коллегам:

— Кто помнит из школьной географии: сколько верст по прямой от ливийского побережья до Болоньи в Италии?

— А что это вас, Григорий Иванович, заинтересовало?

Но Хмуров, проигнорировав контрвопрос, горестно махнул рукой:

— Не вспоминайте. Все равно у руководителя Джамахирии нет ракет средней дальности... Пойдем по пивку, а?

может это избавить от прилипчивого компьютерного словца?» Но тут на кухню вошел кот, обеспокоенный уединением хозяина. По аномально теплой, жаркой погоде он начал досрочно линять, уже сбросил половину своей зимней шубы, потому имел кудлатый, ощипанный вид, которого и сам стеснялся.

— Ты еще мне, помесь сибирского с персидским, про перезагрузку промяучь,— громко выговорил Николай Андреянович ни в чем не повинному зверьку. На это кот распушил остатки полинявшего хвоста и выметнулся с кухни. Слов человеческих он не понимал в их смысловой связности, но только чувствовал интонацию.

Николаю Андреяновичу стало стыдно, но — о, чудо — про перезагрузку он тотчас забыл. И в бессчетный уже раз, словно ища самооправдания, скоренько и заученно повторил про себя конспективно все доводы, что побудили его поменять привычный инженерный труд на преподавательскую работу.

Во всем, конечно, виновата его диссертация и воспоследовавшая затем степень кандидата технических наук. Конечно, он прекрасно знал: на предприятиях военно-промышленного комплекса по всей стране, даже отчасти и в лавролюбивых столицах, не принято обзаводиться учеными степенями. Даже если это *НИИ* или *КБ*, *НПО* тож, что называется, впереди планеты всей в разработке архисложных систем, в которых науки поболее чем в десятке академических институтов. Так принято, так повелось. Медалей и орденов, вплоть до Золотой звезды с серпом и молотом по центру, пожалуйста — зарабатывай своей головой сколько хочешь. Никто тебе и слова, исключая похвального, не скажет. А вот ученая степень... Как любит на эту щекотливую тему говорить генеральный конструктор и начальник «Меткости» Гусаков, кстати, сам доктор наук и академик главной академии страны, дескать, все эти околонаучные упражнения хороши в пенсионном возрасте, когда мозги уже не способны на серьезные дела, пото-

му можно отдохнуть за диссертационным бумагомарани-ем. А сочинять эти диссертации инженерам и конструкторам в возрасте полной работоспособности — значит отвлекать их от полезной работы, что в итоге наносит вред предприятию, всему оборонному делу страны.

...Но с Николаем Андреяновичем судьба-злодейка сыграла в поддавки, заманив в диссертационные тенета.

Искушение пришло из вуза, столичного и знаменитого авиационного института, что по обе стороны Волоколамского шоссе занимает два квартала своими корпусами. Хотя советские времена уже подернулись туманной пеленой забывчивости, но в остатках военно-промышленного комплекса еще сохранилась какая-никакая кооперация науки и промышленности. В основном, по старым связям. Вот и с авиационным институтом, ныне, как положено, техническим университетом, «Меткость» сотрудничала еще с довоенных лет, когда само-то предприятие именовалось по-сталински сурово-лаконично: КБ — с номером таким-то.

Отдел же, в котором трудился Николай Андреянович, сотрудничал с факультетом двигателей столичного вуза. Это который в свое время окончил эстрадник Миша Задорнов, в одной группе с которым учился и в друзьяках с Мишей был нынешний коллега и приятель Николая Андреяновича — Серега Зябликов. Посланцев-командированных из «Меткости», приезжавших в авиационный университет, встречали радушно. Матерые академики и профессора, по учебникам которых Николай Андреянович в свое время постигал премудрости ракетостроения, долго и с воодушевлением, двумя руками здороваясь с простыми инженерами, приветствовали ходоков за знаниями. Оно и понятно, ведь даже столичные вузы не баловали своих сотрудников по части зарплаты, а «Меткость» все же подпитывала своих контрагентов по хоздоговорам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

И раньше Николай Андреянович бывал у авиастро-

ителей, но тут случилось, что в течение полугода он командировался на двигательный факультет едва ли не через неделю на вторую.— Шла хоздоговорная тема по их отделу и даже по тому «изделию», где Николай Андреянович являлся если не ведущим разработчиком, то, во всяком случае, ближним к таковому ведомым.

Курировал же его на факультете «холодный» профессор, то есть имеющий звание профессора за долгую научно-педагогическую работу, но не удосужившийся за делами защитить докторскую диссертацию, его тезка Николай Ипполитович.

— Ха! Мы с тобой, Николай Андреянович, не только тезки, но и отчества у нас из одних святцев,— заметил профессор при знакомстве и сразу расположился к слегка застеснявшемуся провинциалу.

Обычно Николай Андреянович оборачивался одним днем, благо от из города пустили до столицы безостановочную электричку: утром за два часа доезжал он до Москвы, а вечером за то же время возвращался домой. На третий или четвертый приезд случилось так, что за полный рабочий день они с Николаем Ипполитовичем решили только половину не терпящих отлагательства вопросов.

— А переночуй у меня,— сказал профессор,— завтра с утра, не торопясь, все доделаем. Как раз моя Наталья вчера пельменей налепила трехлитровую кастрюлю — мы ведь с ней оба родом из Иркутска. И комната сына свободна, он в какой-то технической конторе при *ФСБ* работает инженером, вчера на неделю улетел в Сочи — они тоже к олимпиаде готовятся по своей линии.

Они вышли из проходных; Николай Андреянович повернул было налево, в сторону «Сокола», но профессор махнул рукой направо:

— Здесь ближе до метро. Заодно зайдем в «Пиночет», по кружечке пивка для разминки выпьем.

Николай Андреянович уже знал, что «Пиночет» —

пивная перед самым виадуком, в который втекало Волоколамское шоссе. А прозвание свое она получила еще в советские времена из-за обилия снаружи и внутри узорчатых чугунных решеток. Даже перегородки в питейном зале решетчатые. Преимущественная публика — студенты и молодые преподаватели из трех вузов, чьи корпуса чередовались по обе стороны Волоколамки: авиационного, пищевого и Строгановки.

...За домашними пельмешками под прихваченную Николаем Андреяновичем *0,7*-литровую бутылку неподдельной профессор повернул разговор на тему остепенения Николая Андреяновича:

— ...А что? Мало ли что у вас в «Меткости» это не принято! Сегодня не принято, а завтра наоборот вывернут: дескать, столько времени работаешь, в небольшие начальники метишь, а защититься не удосужишься.

— Да время сколько потребуется? И как начальство посмотрит; тем более, что к Гусакову, нашему начальнику и генеральному конструктору, я по малости чина не вхож...

— Ерунда. Войдешь, если захочешь, и к Гусакову, а насчет времени это ты вовсе зря. У тебя, как только что говорил, полсотни оформленных изобретений да два десятка статей в отраслевых журналах. Все, конечно, с грифом «секретно», а у нас как раз под твою тему закрытый диссертационный совет. Председатель Дремов — мой хороший знакомый, вместе учились в нашем же авиационном, а ученый секретарь и вовсе на нашей кафедре состоит. И тема у тебя проходная. Осталось только слепить «кирпич»; мы чем сможем — поможем. Главное, у нас традиции еще советские держатся, барашка в бумажке не требуют.

Вошедший в преподавательский раж Николай Ипполитович истребовал от супруги бумагу и ручку, раздвинул на столе посуду и в полчаса набросал план диссертации и список подлежащих решению вопросов.

...Николай Андреянович вернулся домой со слож-

ным чувством: и хочется, и можется, и Гусаков не велит! Но судьба-злодейка продолжала играть в поддавки. Вроде как дурачась, в наступивший вскоре отпуск — все одно на инженерскую зарплату и учительскую жены на юг не съездишь — взялся за диссертацию, ан как гладко-то все пошло! Понятно, что все его изобретения и статьи под «грифом», на работе в первом отделе под расписку до конца трудодня выдаются, но Николай Андреянович отличался отменной памятью.

За время отпуска остов диссертации был готов. Еще пару месяцев уже на работе разделил рабочий день на две половины: до обеда трудился по плану, а затем переписывал в прошнурованный и сдаваемый в первый отдел в конце дня блокнот-гроссбух из «отпускной» тетради и своих же засекреченных описаний изобретений и журнальных статей недостающее. Готовый труд (без титульного листа) сдал с секретное же машбюро (так называли по старинке; теперь здесь печатали на компьютерах), выдав его за промежуточный отчет по теме. Служебку не глядя подмахнул начальник отдела. Девушки в машбюро рисунки на компьютере рисовать не умели, как и сам диссертант, поэтому подрядил молодого специалиста Мещерякова. Этот чудак мало того, что хорошо знал компьютерную графику, но и пришел работать в «Меткость» после окончания университета, а не в офис офисничать, как сейчас принято у получивших дипломы.

Но отдал набирать текст диссера в машбюро и подрядил за умеренную плату Мещерякова только решив самый трудный вопрос: получение разрешения на защиту от руководства «Меткости». Конечно, к Гусакову он и не думал идти. Но от ученого секретаря «Меткости», с которым ездил «в лес» и обратно на одном автобусе, случайно узнал, что на защиту кандидатских диссертаций добро может дать и главный инженер, если работа по тематике, им курируемой. Услышав это — а секретарь разговаривал не с ним, а со своим приятелем, зам-

начальника опытного производства Водовым,— Николай Андреянович даже испугался: слишком все хорошо и в руку идет! Ибо добрейший и совсем нечиновный, хотя и являлся вторым лицом в «Меткости», Петр Васильевич как раз курировал — в числе прочих — их отдел. Но главное не в этом. Главный инженер по общественной линии числился руководителем первичной организации чудом сохранившегося в новейшие времена машиностроительного научно-технического общества: всероссийского, ранее всесоюзного.

Николай Андреянович также издавна значился в своей первичке чем-то вроде референта, то есть иногда подписывал у Главного наспех состряпанные и уже никому не нужные отчеты по деятельности этой общественной организации. А Петр Васильевич и вовсе считал его своим замом по обществу, в дела которого по своей занятости нимало не вникал.

И вот, подписывая у главного инженера очередную командировку в авиационный университет, Николай Андреянович — пан или пропал — рассказал ему о своей докуке. Петр Васильевич, сам недавно поддавшийся уговорам, почти что приказу Гусакова, и защитивший кандидатскую диссертацию, отнесся к просьбе инженера благосклонно и дал добро. Даже велел ему передать ученому секретарю, чтобы тот не поднимал шумиху с обсуждением диссертации на ученом совете, а все бумаги оформить келейно и принести ему на подпись.

♦ ...Через три месяца Николай Андреянович защитился и еще через полгода получил диплом кандидата наук. Технических. Вот здесь Николай Андреянович вспомнил давние, советских времен собрания работников отделов или отделений, когда профорг, парторг или комсорг обличал провинившегося: «...Товарищ Имярек в последнее время совсем потерял гражданскую совесть и повернулся к коллективу задом».

Точно также и судьба-злодейка отвернулась от доселе опекаемого ею Николая Андреяновича и обрати-

лась к нему... этим самым местом, у обычных молодых и средневозрастных женщин столь привлекательным. Особенно в новейшие времена, когда джинсы или короткие юбочки шьются китайцами и турками «под обтяжку». И даже в рекламном деле грудасто-задастые манекенщицы приходят на смену изможденным диетой «дахау-леди».

Словом, многие из коллег начали смотреть на Николая Андреяновича со сложным выражением лица: некоторое недоумение с вежливой осторожностью. Женщины же — просто с обидой. За своих мужей и сожителей, реже — любовников, не имеющих ученых степеней. Даже служебные друзья погрустнели. Один Серега Зябликов, весь поглощенный самодовлеющими мечтами о реставрации советской власти, но без предателей-коммунистов, от души радовался за Николая Андреяновича:

— Правильно, Андреянович, так и действуй! Чем больше наших во всех слоях и структурах, в том числе в науке, конечно, тем скорее мы явочным порядком вернем себе нашу родную советскую власть и уже навсегда освободимся от заразы частной собственности.

Николай Андреянович привычно не акцентировал свое внимание на том, что Серега уже за десять лет, как ушел из «Меткости» и трудился в какой-то сомнительной частной лавочке — что-то с перепродажей металлолома. Сам Зябликов называл это работой в тылу врага. Как Штирлиц, но только без связи с Лубянкой.

Хотя это неприятно, но полбеды. А полной бедой оказалась позиция начальника его отдела. Поскольку он не входил в ученый совет «Меткости», а сам Николай Андреянович хотя и не скрывал от того факт работы над диссертацией, что было бы совсем уж глупо, но никаких разрешений и подписей от начальника не просил. Просто по самой процедуре такие разрешения-просьбы не предусматривались.

А кто бы, по служебной совести говоря, не обидел-

ся на месте начальника? И Николай Андреянович это прекрасно понимал, даже (вот она, воспитанная советская душевная деликатность и совесть!) сочувствовал тому. Но итог оказался совсем печальным для новоиспеченного кандидата наук. Как-то очень быстро Николая Андреяновича оттерли от серьезной работы, уравняв едва ли не с женщинами, что на подхвате, не задумываясь, неторопливо рисовали на ватмане всякую мелочевку: деталировку неответственных узлов и прочее, вплоть до нестандартных винтов и гаек.

Это унижение повлекло за собой и отлучение от плановых и итоговых премий, надбавок, поощрений. А жесткий голый оклад, то есть унижение уже материальное, чрезвычайно огорчил домочадцев.

Обеспокоенный долгим молчанием приятеля, позвонил Серега, мигом врубился в ситуацию и, выражаясь его частнособственническим, правда, в двадцать первом веке уже устаревшим, языком, забил стрелку на завтра в народной распивочной «Ханты-манси», бывшей при Советах стекляшкой-кафе «Малыш».

Собственно, все сказанное в бывшей стекляшке Зябликовым новым для Николая Андреяновича не было. Поэтому — под последнюю, отвальную стопку — он легко согласился с резюмирующими доводами приятеля:

— ...Сам понимаешь, даром что ученую степень имеешь, еще пяток лет и «Меткости» конец. Не зря уже два президента штатовские ее чем-то вроде национальных врагов объявляли. А Кремль сейчас с Белым домом, только настоящим, не на Краснопресненской, все теснее, вась-вась, с терроризмом по миру борются. А скорый глобализм и вовсе упразднит понятие самостийной госполитики. Одни хохлы только ерничать продолжают, да и то для виду. А «Меткость» — как красная тряпка со своим сверточным — пока еще — оружием тактического боя. Приговор нашему славному НПО уже подписан.

Но и не это главное. Даже затребуй наше правительство от «Меткости» сверхсовременных разработок,

Болонский сон № 19. Полковник-доцент Хмуров расквартировал свою добровольческую армию на берегу форсированной реки Рено на прямой видимости цели экспедиции — города Болоньи. Армии он дал два дня на отдых перед штурмом города с его знаменитым университетом, ныне проклинаемым всеми профессорами мира. Лихих кавалеристов, доцентов Язвишина, Николая Андреяновича и Яцышена он отправил с разведротой волонтеров на рекогносцировку наиболее удобных подходов к городу. Сам Полковник устало прислонился к стенке караульной будки — старого шкафа в полураз-

рушенном временем домишке, одиноко стоявшем на берегу Рено и давно брошенном прежними хозяевами.

Пристально смотрит Григорий Иванович вдаль, на панораму окаймленного горами Апеннин города, по привычке старого артиллериста присматривая цели и их ориентиры, прикидывая тысячные разворота стволов, номера прицелов и установочную дальность трубок взрывателей снарядов. Морщится Хмуров: Европа, мать ее ети... Надо соблюдать конвенцию об охране исторических памятников при ведении боевых действий. Ведь даже американосы при бомбардировке Белграда их особо не задевали своими «томагавками». Вот и он высматривает и отмечает в памяти такие охраняемые ценности: церковь Сан-Доменико тринадцатого века с гробницей св. Доменико работы Никколо Пизано; церковь же Сан-Петронио четырнадцатого века с порталами руки Якоба делла Кверга; уникальные по своей архитектуре дворцы «Косые башни» тож двенадцатого столетия.

Трудно воевать в Италии с ее древностями!

завали сирийцы и эмиратовцы ее миллиардными заказами — все равно ничего нового сделать не сумеют. Сам прекрасно знаешь: почти двадцать лет с грехом пополам прежние, советских времен разработки пробуют до серии довести. Никакие деньги, никакие государевы указы здесь не сработают. Почему? — И здесь, сам знаешь, кадры решают все. Умнейшим человеком был Иосиф Виссарионович. А кадров-то в нашем «лесу» кот наплакал...

— Да, да, прав ты, Серега. Дошло до того, что такие как я, на предпенсионном десятке считаются молодыми. А костяк инженерный — под семьдесят. Через несколько лет — аминь конторе. Еще два года назад молодые ребята после универа худо-бедно, но приходили. Понятно, чтобы до двадцати семи лет отсидеться, побездельничать, от армии укрываясь. До смеху дошло: эти ребятки за положенные две недели до своего дня рождения заявления об увольнении подавали. Чтобы, значит, ни одного лишнего дня! А сейчас бронь с таких контор сняли — и все, остались шестидесяти-семидесятилетние. И мы, «молодые». Как пели когда-то: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!»

— Вот и я о том. Ладно, я в глубокую разведку в стан врага классового ушел. С отвращением служу полукриминальному капиталу, поэтому приходится это отвращение регулярно водярой заливать. И тебе пора ходу давать с голого-то оклада и полного отсутствия перспективы. По моим стопам ты, конечно, даже со сне не пойдешь. Все другие конторы с военным профилем, да и без этого профиля в городе давно сдохли. В дворники еще рано... Надо тебе в твой же универ подаваться: рядом с домом опять же. Оклад доцента года три потерпишь, а дальше в доктора выйдешь, в профессора. А для них, для профессоров, ограничений по возрасту в работе не существует. Лопать себе с прохладцей, занимайся для души нашей ракетной наукой — у тебя к

этому делу склонность имеется — и внуков воспитывай; пора твоим ребятам уже и жениться.

Проговорили они до темноты и донышка третьей по счету бутылки. Вырубившегося Зябликова Николай Андреянович с трудом усадил в такси — жил Серега на другом конце города, на окраине, в десяти минутах ходьбы по лесу до «Меткости».

Ночью ему приснилось, что его перевели на должность материально ответственного по отделу, благо занимавшая эту должность техник Людочка вышла замуж, тотчас родила двойню и уволилась — воспитывать близнецов. А поутру супруга наехала:

— Говорила же тебе? Какую-то диссертацию придумал, вместо того чтобы как все нормальные мужики дело свое открыть, деньги для семьи зарабатывать! Все совковыми мечтами живешь, а на дворе двадцать первый век! Смотри, допьянствуешь со своим Зябликовым; тот-то поумнее оказался, в бизнес подался...

Здесь и мучимый зловещим сном и легким похмельем Николай Андреянович взбрыкнул:

— Ах, тебе *объ...бизнес* нужен? Двадцать первый век покоя не дает! Хрен вам, а не бизнес с веком. Все, ухожу из «Меткости». В университет, на кафедру Дьяконова. А за совка ответишь. Хватит по два часа болтать по телефону со своими училками! Кот голодный, а ей лень ему кашу с печенкой сварить.

Хотя был Николай Андреянович северного, военно-морского воспитания и решения по жизни принимал, не вдаваясь в какие-либо обсуждения даже с женой, но про перемену места работы все обдумал еще до вчерашней встречи с Серегой.

Тем более, судьба-злодейка снова повернулась к нему подобревшим лицом, лишь слегка повертев перед ним тощеватым задом.

Его родная кафедра тесно связана с «Меткостью». И не удивительно: до полутысячи ее выпускников дер-

жали шишку* в «лесном» *НПО*, включая почти всю руководящую верхушку и ведущих конструкторов. Сам Гусаков также являлся выпускником ракетной кафедры. Естественно, кафедра даже в сверхнищенские для вузов волчьи девяностые годы имела и посейчас имеет приоритетные хоздоговора с «Меткостью». Хотя не больно-то на них жируют профессора и доценты кафедры Дьяконова, но и не на одну прискорбно низкую зарплату живут.

Николай Андреянович по этим самым хоздоговорам часто бывал на кафедре. Как поднимается на третий этаж «пентагона», свернет в левую половину — словно в студенческую пору вернулся! Родные стены, лаборатории с прежней и новой техникой, главное — все те же преподаватели, у которых он учился. Правда, за прошедшие три десятка лет заматерели, ассистенты стали доцентами, а прежние доценты вышли в профессора. Сам Фомич стал завкафедрой когда Николай Андреянович заканчивал шестой курс (на военно-технических специальностях учатся не пять, как «гражданские», а шесть лет) и корпел над дипломной работой. И уже тридцать лет с гаком уверенно ведет большую кафедру через бури, ураганы, мели и рифы нашей занимательной жизни. Тоже давно уже доктор и профессор, еще в советское время стал лауреатом Госпремии, а недавно — заслуженным деятелем науки.

♦ Когда Николай Андреянович, защитив диссертацию, пришел по делам на кафедру, затарив портфель парой бутылок с закуской для обмывки, то после легко-

---

* Это слово, столь вписавшееся еще с начала XIX века в народную речь и фольклор и обозначающее начальника, главаря, не с неба свалилось. Вышло оно в этом значении из бурлацкой среды. Вспомните «Бурлаков на Волге»: вся ватага, построившись гуськом, с натугой тянет баржевой канат. А самый сильный, главарь ватаги, напрягается впереди. В руках у него конец каната, завязанный узлом — шишкой по-бурлацки. Потому и главарь зовется шишкой.— Прим. авт.

го обеда в кабинете Дьяконова в компании еще трех профессоров и двух почтенных доцентов Вадим Фомич попридержал диссертанта у себя:

— А знаешь что, Николай Андреянович, как бы тебе сказать... Будем откровенны, мы старые знакомые, оба военно-морского воспитания: ты на Северном флоте вырос, а я с детских лет к морю неравнодушен, учился в Ленинграде в кораблестроительном. Короче, по-флотски: я тебя еще со студенчества приметил, по договорам не первый год общаемся. Характер твой знаю, в начальники ты на «Меткости» не выйдешь, не так скроен. А в инженерах, хотя и ведущих, своей степенью глаза всем будешь мозолить. А у тебя по твоему староверческому происхождению сейчас самый пик творческой активности. Голова хорошо устроена, через несколько лет докторскую защитишь, есть у меня горящая тема под это дело. Имею корыстный интерес само собой: моим мужикам основным под семьдесят, средневозрастных раз-два и обчелся, а молодежи и вовсе нет: все в торговлю и в офисники подаются, получив диплом.

А «Меткость»?.. Между нами говоря, Гусакову уже восемьдесят, прихварывает, опять же американские президенты, наши, как сейчас говорят, партнеры по борьбе с мировым терроризмом, на него обижаются: слишком хорошие ракеты арабам продает. А без его руководства, Гусакова то есть, «Меткости» туго придется.

Думай, дорогой Андреяныч, а мы всей душой к тебе.

...Через полтора месяца после встречи в «Хантах-мансях» с Серегой Зябликовым с воспоследовавшим вещим сном с утренней перебранкой с супругой Николай Андреянович уже не торопился утром к половине восьмого на «лесной» автобус, а в четверть десятого неторопливо прошагивал те триста метров, что отделяли его дом от «пентагона». Был день первого сентября.

КЛАССИК ЛЖЕНАУКИ ПОЛКОВНИК ХМУРОВ

♦ Полковник Хмуров досмотрел очередной свой военный сон, на этот раз о штурме его Краснознаменным, ордена Суворова драгунским полком, усиленным несколькими батареями стенобитной артиллерии города-крепости Болоньи. После дружного пятого залпа участок крепостной стены не выдержал ударов роя чугунных ядер и рухнул.

— Ребята, чудо-богатыри! Круши масонов! — Полковник выдернул из ножен саблю и устремился к пролому. Его гвардейцы, оберегая от случайной пули отца-командира, обогнали Полковника и уже через считанные минуты зеленые мундиры растеклись по кривым улочкам масонской столицы.

Вот и один из старейших в Европе университетов, откуда всепожирающей чумной хворью за последние двадцать лет растеклась по миру зараза *ЕГЭ*.

— Круши *болонский процесс*, ребята! Выкорчуем его заразный корень! Ур-р-ра!

Через час бледный, насмерть перепуганный ректор университета с низким поклоном вручил победительному Полковнику золотой поднос с ключами от города и административного корпуса университета.

— Ректора, проректоров и деканов выпороть розгами, вымазать дегтем и отпустить на все четыре стороны,— отдал Полковник команду начштаба полка,— а бойцам дать по традиции три дня на разграбление города и университета. Только, майор, строго-настрого всех предупреди: ни в коем случае нижним чинам, унтерам и господам-товарищам офицерам не прикасаться к болонским учебникам. А кто искусится из любопытства или жадности — того в карантин полкового лазарета на два месяца!

— А господам-товарищам офицерам и георгиевским кавалерам из нижних чинов и унтеров проследовать в

мензу* на банкет по случаю защиты дисс... тьфу, в ознаменование взятия города-крепости Болоньи и закрытия местного университета,— продолжал командовать Полковник, еще не остывший от пыла сражения. Но здесь к нему подбежал адъютант, поручик граф Белозерский-Белосельский с лихо закрученными черными усиками на юнорозовом приятном лице:

— Григорий Иванович! Половина девятого по московскому времени, пора просыпаться!

— Гриша, вставай, каникулы капут!

Полковник мгновенно, по-военному проснулся. Его тормошила супруга.

— Опять во сне с кем-то сражался, ночью дважды «ура» выкрикивал! Заканчивай до часу-двух ночи свои сочинения сочинять. С Первым сентября тебя, товарищ педагог!

Супруга от довольства спокойствием домашней жизни посмеиваясь, вернулась на кухню, откуда до вернувшегося в явь Полковника доносились веселые детскошкольные песни из репродуктора и ядреный запах приготовленного завтрака: жареная картошка с эскалопом из «Мясной лавки», щедро посыпанная укропом и свежепорезанный салат.

Ровно в девять ноль-ноль умытый и сытый Полковник вышел из дома и пошел азимутом на университет, точнее на корпус своего военно-технического факультета. За произнесение студентами названия «пентагон» своего корпуса он на ближайшем экзамене или зачете вычитал десять «мерзких болонских баллов».

Про эту причуду Полковника все на кафедре, да и на всем факультете знали. Многие патриотическую инициативу одобряли, если рядом не наблюдалось соглядатаев из главного корпуса университета, где в советское время помещались два факультета и несколько общеобразовательных кафедр, а теперь не хватало ка-

---

* Латинск. *mensa* — столовая в университете (средневековое).

бинетов для удесятерившихся в числе административных чинов и служб.

Многие, но это уже на кафедре, знакомы и с другой причудой коллеги: он не пользовался городским общественным транспортом. Известно даже милицейским генералам в Москве, что по численности воров на душу населения Россия уверенно входит в первую тройку-пятерку стран мира. Но народ с этим как-то свыкся. И не с таким свыкались. Особенно за последние двадцать лет.

И Полковник, даже имея прямолинейный характер, тоже привык. Поневоле. Особо не возмущался, когда в течение одного семестра в троллейбусе у него вытащили кошелек, а в частно-извощичьем автобусе-«пазике» украли зачем-то удостоверение. Тем более, что в кошельке, а дело случилось перед зарплатой, ничего не было, не считая мелочи на обратный проезд — и хлеб супруга просила ввечеру купить. Сама же она собиралась целый день священнодействовать над холодцом — усладой Полковник. А удостоверение он в тот день положил в карман нового твидового пиджака по спешке не нынешнее университетское, а прежнее — на военную кафедру, три года как упраздненную.

Но когда через месяц после удостоверения у него уже в «Икарусе» в толчее вытащили из подмышки солидно смотревшуюся папку, набитую на три пальца толщины, то Григорий Иванович пришел в ярость, поднял на ноги по старым связям всех отставных и действующих знакомых и полузнакомых полковников: армейских, милицейских, фээсбэшных. Даже приставского и пожарного. Потом он в течение недели, отчитав лекции, разъезжал на машине своего аспиранта Эдика по всем райотделам города на опознание: милиция явно перестаралась, изъяв не менее сотни совсем даже другого фасона папок. И еще с десяток портфелей. Но все оказалось напарсным.

Дело, конечно, не в папке «под кожу», подаренную

кафедральными коллегами к некруглой дате рождения, стоимостью двести тридцать рублей. Но в то злосчастное утро он вез на службу (слов типа «на работу» не признавал) рукопись накануне законченного трактата. Вернее третьего тома «труда жизни», как он именовал свои вечерне-ночные писания. Писал он только перьевой ручкой — настоящим, неподдельным «паркером». Всякие «компутеры», как он их презрительно называл, не признавал. В смысле — признавал, если кто на них для него набирал текст по его рукописям. Обычно это делала кафедральная лаборантка Света, очень грамотная девушка, что сейчас редкость. Набирала за вполне умеренную плату.

Когда из райотделов перестали звать на опознание, Эдик дал дельный совет: поскольку ворам автобусным рукописи трактатов ни к чему, то хорошо бы осмотреть закоулки, свалки и не убираемые свецавтохозяйством помойки на конечной остановке автобуса, номер которого Полковник запомнил — в пригородном поселке, бывшем шахтерском. Эдик хорошо ориентировался в современной жизни.

Намекнув руководителю, что вторая глава диссертации что-то у него туго идет, Эдик и вызвался провести эту операцию. Сожалея о меркантильности современной молодежи, Полковник на следующий же день, благо лекций у него не было, правил вторую главу, а Эдик с десятком студентов, снятых с занятий на хозработы, тем же несчастливым номером автобуса отбыл на поиски.

♦ ...Уже и уборщица хозяйничала на опустевшей к вечеру кафедре, уходя домой. Заглянул в преподавательскую Вадим Фомич, одобрительно кивнул работающему сверхурочно подчиненному, пошутил: «Не забудь, Григорий Иванович, перед завтрашним трудоднем домой забежать!» Еще через короткое время в проеме открытой двери проявился синий халат коллеги-отставника, старшего лаборанта, семидесятипятилетнего бодряка Прокофьича:

Полковник Хмуров на второй день очередной служебной командировки в столицу, где, как всегда, остановился у курортной знакомой Стеллочки, позавтракав, заинтересовался новым, самым хитовым в этом сезоне смартфоном подруги:

— Ишь, буржуины, все им неймется; все выдумывают и выдумывают всякие гэджики... Вот и дофукусимствовались! Не надо было наш «Варяг» до самопотопления доводить в девятьсот четвертом году!

— Ну-у, Гриша, японцев надо пожалеть, ведь у них такие передовые технологии...— И чтобы поменять тему разговора, скучную для красивой женщины в расцвете второй молодости, закокетничала:

— А что, Гриша, признайся честно: у тебя

со студенточками твоими это... ну-у, понимаешь о чем я, было? Ведь они такие сейчас красивые, длинноногие, волосики по плечам распущены. Как тут такому любвеобильному мужчине, как ты, мой герой, удержаться?

— Очень просто удержаться,— на полном серьезе ответил Хмуров, положив смартфон на стол,— я мысленно раздеваю такую деваху, усаживаю в ванну и набело отмываю от грима...

— И-и что? Изменщик ты коварный!

— И, сплюнув, ухожу от этого костлявого создания, выписываю у Дьяконова внеочередную командировку и еду к тебе, моя пышногрудая!

— И-и-и,— взвизгнула Стеллочка (щадя целомудрие читателя, на этом описание сцены прекращаем).

— Извиняюсь, Григорий Иванович, ты один на кафедре остаешься. Пойдешь — решетку на выходе коридорную не забудь замкнуть; ключ перед тобой на доске, внизу охране сдай под расписку. Прощевай до завтра. Моя старуха уже забеспокоилась, звонит.

— Может к девкам нашим приревновала? А чего это так припозднился, не начальник ведь?

— А что, разве не знаешь? Все на кафедре знают. Велел в четвертой лаборатории студентам стенд с птурсом* перенести в другой угол, а у этих охламонов руки из заднего прохода растут, вот и уронили. Мне же пришлось весь день возиться, восстанавливать. Мать их едрить в душу-корень! Ну, счастливо оставаться. Пошел я.

Полковник подождал еще четверть часа. Глава исправлена, а где этот аспирант-следопыт? Но Эдик оказался легок на помине и столкнулся с руководителем своим на его выходе из преподавательской. Был тот несколько пьяноват, слегка чумаз, одежда пыльная, но запах спиртного перебивал неповторимый аромат подпивной воблы; так пахнут только тлеющие помойки, поджигаемые пригородными мальчишками, которые по малости лет еще не стали карманными ворами.

— Товарищ полковник, задание выполнено! — С этим бодрым рапóртом Эдик протянул обернутый газетой большой пакет — и отдельно исписанный тетрадный листок,— это, Григорий Иванович, список ребят-поисковиков. Вы обещали им по двадцать баллов на экзамене добавить при удаче.

— Ну-у, дорогой, огромное тебе спасибо,— даже непривычно для себя самого засуетился обрадованный Полковник,— вот возьми на столе свою главу; я там все поправил и вопросы в конце приписал... Да, в поселке никаких происшествий не было, не побили местные?

— Так, по недоразумению малость было... Но мы

---

* *ПТУРС* — противотанковый управляемый реактивный снаряд (военн.).— Прим. авт.

их в полное бегство обратили. Так я пошел, Григорий Иванович?

— Да, да, свободен. Только больше сегодня не пей, даже пива. Я сегодня утром в местных новостях слышал: у милиции начался месячник «Наш город — спокойный город».

...Рукопись, естественно, оказалась без пластикового скоросшивателя (на хрена он ворью понадобился?), листы помяты и перепутаны, чем-то вроде прокисших щей облитыми. И цигарки на ней тушили. Да и Эдик предупредил: листы по всей помойке были разбросаны. Как ни странно, но в рукописи при ее тщательной сортировке по номерам страниц только четырех не доставало. Еще несколько надорваны. «Если не бог, то кто-то другой уполномоченный на то меня оберегает,— подумал Полковник,— а пропавшие страницы? — Так все равно придется переписывать: на облитых листах буквы-слова расплылись, запашок опять же — Свете не дашь такую для набора. Заодно и пропавшие страницы восстановлю по памяти, да и весь текст отредактирую». Впервые он пожалел, что пишет «паркером», а не обычной шариковой ручкой.

В тот же вечер, перед сном, дал себе зарок: городским общественно-частным транспортом не пользоваться. Пригородным и междугородним — только при самой насущной необходимости.

Поскольку же личного автомобиля Полковник, как враг частной собственности, никогда не имел, то в пределах, в радиусе, как он всегда уточнял, трех километров от своего дома стал передвигаться только в пешем порядке, а если требовалось, хотя и редко, преодолеть большее расстояние, то просил подкинуть аспиранта Эдика. При этом он всегда пояснял, скорее для себя: аспирант, согласно его статусу, не является должностным подчиненным своего руководителя. Им формально руководит проректор по науке. А он, Григорий Иванович, такой должности не имеет. «Не по моему характе-

ру»,— добавлял совершенно серьезно. Только отставник Прокофьич понимал своеобразный военный юмор.

Корпус военизированного факультета располагался примерно посредине главного проспекта, что взбегал на пологое взгорье от исторического центра с кремлем в самой низине города до южной окраины, где уже начинались садовые кооперативы закладки еще хрущевских времен. Хмуров же «стоял на квартире», по его лексике, в микрорайоне семидесятых лет постройки чуть западнее кремля. Так и выходило, что армейским шагом, то есть шесть километров в час, Полковник за половину часа доходил до своего корпуса: сначала метров четыреста переулком, а потом по проспекту. Дорога как раз составляла три километра.

Вот и в этот первосентябрьский день ровно в девять-тридцать он подошел к «сталинскому» зданию с дорическими колоннами, поднялся по ступенькам левой лестницы на площадку перед входной дверью, даже тремя дверями, из которых по всероссийской традиции (он всегда в этот момент вспоминал рассуждения одесских классиков на этот предмет) две боковые навечно закрыты. Площадка с внешней стороны огорожена перилами балюстрады с фигурными балясинами, на смычке которых с такими же лестничными перилами поднимались на трехметровую высоту чугунные, тоже рельефно-фигурные опирающиеся на львиные лапы фонарные столбы. И сами трехпалые фонари являли собой копию тех, что Хмуров несколько лет лицезрел перед входами исторических зданий в Ленинграде, где учился в академии.

На площадке, размером с двухкомнатную — без санузла и кухни — квартиру Полковника, обменивались летними впечатлениями студенты («...Не-е, прикинь: расколол предков на новый комп с плазмой в придачу!»), разбившись по группкам. А опершись локтями на перила, естественно тоже чугунные в черном цвете свежей, летней покраски, чуть наклонившись друг

к другу, о чем-то оживленно беседовали двое кафедральных коллег Хмурова: доцент Яцышен и «холодный» профессор Шерстобитов. Фамилию профессора весь университет — в разговорах за глаза — тотчас ассоциировал с его некогда бывшей на исходе советской власти должностью — был Вадим Васильевич последним парторгом — тогда еще не университета, а политехнического института.

А спиной к взошедшему на площадку Полковнику, как его все, в том числе и в глаза, звали на кафедре и даже факультете, стоял третий, чуть выше среднего роста, примерно в начале шестого десятка, но моложавый, не знакомый Хмурову, но явно в компанействе с доцентом и профессором. В отличие от кафедральных коллег он молчал, но с интересом прислушивался.

— Здравия желаю! — Полковник поздоровался за руку с коллегами и, замешкавшись на секунду, с незнакомцем.

— Вот, Григорий Иванович,— отвлекся от беседы Шерстобитов,— познакомься: наш новый коллега, доцент Николай Андреянови, ранее работал в «Меткости». Да он часто у нас по хоздоговорам на кафедре бывал.

Здесь Полковник вспомнил: да-да, то-то лицо нового доцента чем-то знакомым показалось. Точно, пару раз встречал на третьем этаже на их половине.

— Будем знакомы, полковник запаса Хмуров, теперь штатский доцент и классик лженауки.

Николай Андреянович озадаченно оглядел лица всех троих: самые обычные выражения, без смешливости, без оттенков розыгрыша. Но здесь хорошо знающий Николая Андреяновича Яцышен, лет десять назад также перешедший в университет из «Меткости», пришел на помощь:

— Привыкай, Андреяныч, к теперь родному тебе коллективу. Вот Вадим Васильевич, как ты уже знаешь, бывший и последний парторг нашего вуза, а Григорий Иванович до упразднения у нас военной кафедры препо-

давал на ней, защитил кандидатскую диссертацию, успел там дослужиться до полной полковничьей пенсии, третий год работает у нас. Разработал оригинальную, принципиально новую теорию... ну, о ней, когда сдружитесь, сам расскажет. Или ознакомишься по изданным книгам Григория Ивановича. А поскольку книги умудрился издать в Москве, то попал под прицел Комиссии по лженауке при Академии наук, в народе ученом — «лжекомиссии». И удостоился высокой чести: в ежегоднике «лжекомиссии» был назван классиком лженауки. Впрочем — опять же наш полковник при желании расскажет. Однако, господа-товарищи приват-доценты и «холодные» профессора, нас Вадим Фомич уже заждался. Пора.

ЗАКЛЕЕННЫЙ ФОРЗАЦ

♦ Завкафедрой Дьяконов, действительно, уже мягко-демонстративно поглядывал на настенные часы. Как человек приближенный к флоту — в душе и по учебе в Кораблестроительном институте,— он не хуже Николая Андреяновича уважал точность и аккуратность. Ждал же он костяк кафедры на первосеньябрьское собрание, предоставив в первой половине дня заниматься со студентами доцентам и аспирантам. По этой причине Вадим Фомич и только на сегодня самолично переставил местами распорядок лекций и практических упражнений, что, с точки зрения учебно-методического управления университета являлось уголовным преступлением. Но *УМУ* находилось в главном корпусе, что полутора километрами южнее по проспекту. Да и в этой громокипящей службе, с недавнего времени получившей диктаторские полномочия, все же трудились старинной закалки люди, чтили традиции. Но самое главное в отношении распоясавшихся «умистов» Вадим Фомич приберегал для сообщения сослуживцам на десерт. Даже предвкушал собственное удовольствие.

...Эту многоходовую интригу еще в середине прошлого учебного года затеяли по сговору завкафедрами и деканат их факультета, гордившегося своим статусом и определенной полуавтономностью. Здесь даже студенты учились на год больше, а в советское время получали стипендию в сорок пять целковых — на червонец больше всех остальных десяти тысяч студентов-очников.

И вход в корпус выше первого, административно-деканатского, этажа был закрыт для всех посторонних факультету: требовалось предъявить удостоверение преподавателя или студента с настораживающей диагональной красной полосой на развороте. Это означало, что обладатель такого документа имеет форму допуска к тому, чего всем знать не положено. На первом же этаже корпуса располагался и первый отдел, ведавший душами военно-технических факультетчиков. Он же и давал разрешение на вход выше первого этажа.

Начальник первого отдела, режимник Бабенко, невероятно упрямый хохол, естественно из отставников, служил в советское время политотдельцем в располагавшемся рядом с корпусом артиллерийском училище, забор которого огораживал почти целый квартал. Когда в духе времени «артуху» переименовали в институт, а политотделы упразднили, Бабенку демобилизовали. Так он оказался в режимниках.

Его фрондирующие обитатели факультета и разыграли в качестве козырной карты, использовав разведданные Хмурова, единственного человека, с которым Бабенко иногда общался по военному компатриотству. Когда Григория Ивановича поверстали в заговорщики, тот и сообщил: когда Бабенку уволили из «артухи», где после политотдела какое-то время болтался в некоем воспитательном отделе, то он пробовал устроиться в *УМУ* университета — место, как ему казалось, хлебное. Но на должность эту претендовал чей-то родственник по линии городской думы. И хотя Бабенку тут

же взяли на более значимое место режимника, но по характеру своему он затаил злобу на «умушников».

Узнав об этом прецеденте, декан мигом все организовал. Бабенко получил крохотную, но отдельскую комнатку под кабинет; он давно ее присмотрел, а до того сидел в одном помещении с двумя своими подчиненными, пожилыми женщинами, оформлявшими всякие бумаги, спецпочту и удостоверения с диагоналевой красной полосой. А режимник, не афишируя, за лето, когда отпуска расслабляют даже железную вузовскую администрацию, теряющую бдительность, подготовил и подписал новое режимное уложение по университету на многих страницах. А где-то на втором десятке страниц в «дополнительном списке № 3...» и так далее был закамуфлирован пункт, при переводе с военно-бюрократического на человеческий язык запрещавший сотрудникам *УМУ* вход в режимный корпус.

...Все же Вадим Фомич не утерпел. Как только народ подтянулся в кают-компанию, как Дьяконов именовал свой просторный кабинет, он под завершающий хохот сослуживцев рассказал эту увлекательную детективную историю.

— Конечно, умушники немедля кинутся с жалобами,— посерьезнел завкафедрой,— но, во-первых, Бабенко на нашей стороне; во-вторых, те, кто подписывал и утверждал это режимное произведение, не захотят быть унтер-офицерскими вдовами, что сами себя высекли. Тоже станут тянуть. Итак, в этот учебный год нога умушника выше первого этажа не ступит. Ни пяди родной земли бюрократам!

Профессора и доценты одобрительно зашумели, обсуждая приятную новость. Как опытный капитан корабля, Вадим Фомич выждал паузу и продолжил:

— И вторая, так сказать позитивная, новость: к нам перешел с «Меткости» Николай Андреянович, которого, впрочем, почти все вы хорошо знаете или просто знаете. Наш новый коллега займет свободную став-

ку на должность доцента, а через год-полтора оформим ему и ученое звание доцента...

— Вадим Фомич! Но для звания требуется не менее трех лет преподавательского стажа,— встрял Яцышен, беспокоясь о своем давнем друге и некогда коллеге по «Меткости».

— Не все так прямолинейно,— мягко и назидательно ответил Дьяконов,— официальные документы надо читать внимательно, особенно примечание мелким шрифтом. Так вот, было такое примечание и в положении о присвоении степеней и званий, что по стажу допускаются исключения для приглашенных ученых-специалистов из промышленности. Правда, в самом новом варианте положения об этом прямо не говорится, но ведь и звание доцента теперь дает университет, а еще Генрих Семенович в последний год своего ректорства предусмотрел этот момент в университетском уставе. Решим вопрос, решим, Василий Викторович. Третий приятный момент — хорошая погода за окнами, но это для студентов, которые ждут — не дождутся выйти из корпуса и отправиться пить пиво в парках и скверах. Мы же перейдем к кафедральным делам. Долго вас не займу, но с полчаса меня прошу послушать.

С непривычки Николай Андреянович с интересом слушал рассуждения завкафедрой, точнее ненавязчиво подаваемые им советы по успешному проведению очередного учебного года. Одновременно непроизвольно присматривался к выражению лиц своих новых коллег. Кто-то изображал внимание, особенно из незаматеревших еще доцентов. Солидные профессора думали о своем, но успевали кивать головами в такт основным тезисам рассуждений своего руководителя. Но особое внимание Николая Андреяновича привлек Полковник. Доселе этакий жизнерадостный живчик, тот хмуро смотрел в одну точку. Проследив этот остановившийся взгляд, он с удивлением обнаружил, что Григорий Иванович так неодобрительно сверлит своими глазами добротно изданную

Болонский сон № 23. Как опытный политический стратег, полковник Хмуров очень удачно выбрал время и европейскую ситуацию для похода на Болонью и Болонский университет. Еще за год до начала известных событий в Северной Африке, когда агенты Тайного мирового правительства, истратив миллиарды (ничем не обеспеченных...) долларов на подкуп оппозиции, организовали массовые беспорядки в Тунисе, Египте, странах Ближнего Востока и юга Аравийского полуострова, Эдька-аспирант просчитал на компе весь ход дальнейших событий. Особые усилия эта агентура приложит к созданию оппозиции в Ливийской Арабской Социалистической Джамахирии. Все же провозгласивший себя еще тридцать с лишним лет назад очередным — после Иисуса Христа и Магомета — пророком аллаха полковник, как и Григорий Иванович, Муаммар Каддафи — орешек крепкий. Но именно Ливия, учитывая ее нефть, из всех забунтовавших стран одна стала объектом военных действий со стороны Антанты с примкнувшей к ней Италией.

И когда итальянцы связали себя войной с Ливией, полковник, как Муаммар Каддафи, Григорий Иванович и решил ударить по Италии с севера, правда, имея целью не Рим, а одну лишь Болонью. Но Каддафи тотчас признал в Хмурове союзника и послал на помощь Добровольческой армии два батальона своих нукеров-гвардейцев, в том числе артиллеристов.

Сидит в ожидании сигнала к бою командир нукерской артиллерии, еще в советское время учившийся в Тулуповском артиллерийском училище, размышляет: хорошо бы, с боя взяв Болонью, уговорить полковника, с которым он еще в курсантскую юность был знаком, двинуться дальше — на Рим. Да-а, надо намекнуть Григорию Ивановичу, что полковник Каддафи обещал Хмурову генеральские погоны!

книгу, одиноко лежавшую на столе завкафедрой. Как всякий человек, приближенный, пусть даже в мечтах, к военно-морскому флоту, Вадим Фомич не терпел на своем рабочем месте никаких завалов бумаг и вообще каких-либо предметов. Даже ручку, закончив писать, убирал в карман, а исписанный лист — в ящик стола.

Тогда почему книга не столе, да еще в первый день учебного года? И отчего Полковник с неприязнью безотрывно смотрит на нее? — Может, конечно, тоже предельный аккуратист и не одобряет беспорядка на столе шефа...

Отпустив через оговоренные полчаса сотрудников на занятия, благо прозвенел звонок на третью пару, Дьяконов сделал рукой жест Николаю Андреяновичу — задержаться.

— У тебя, Николай Андреянович,— перешел на дружеское «ты» в тет-а-тет завкафедрой,— знаю, сегодня занятий нет. Покалякаем. Как тебе курс молодого бойца? Начал ориентироваться?

— Вадим Фомич, ведь не первый раз на кафедре. Конечно, своя специфика, да и опыта общения со студентами в качестве лектора почти нет...

— Ну-у, через месяц-другой даже задумываться об этом не будешь. Хотя, конечно, университетская жизнь с виду проста, а держится почти все здесь, так сказать, на подводных течениях, штилевой погоде, порой переходящей в шторм и так далее. Так что присматривайся, мотай на ус, спрашивай без стеснения, что непонятным покажется. Но ты, я смотрю, в жизни человек наблюдательный. Обратил внимание, как на взгляд Полковник отреагировал, а? Верно? Ладно, не буду томить интригой. Я этой книжицей Григория Ивановича иногда поддразниваю. Не по злу, конечно, я к нему до́бро и с уважением отношусь. А поддразниваю из дисциплинарных соображений: если не отвлечь этой книгой внимание Полковника, то он начнет своим соседям армейские анекдоты громким шепотом рассказывать, будет отвлекать коллег. Я ж хотя и редко

ораторствую перед сотрудниками, но вообще-то по делу говорю. А теперь вкратце об этой загадочной книге. Все уже давно этот мой трюк знают как само собой разумеющееся. Знай и ты.

Николай Андреянович слушал, то посмеиваясь, то откровенно не веря, соглашаясь, снова сомневаясь. Но в целом рассказанная Дьяконовым детективная история позволила ему составить, хотя и самую общую, но очень содержательную характеристику специфических нравов вузовской жизни.

♦ Получалось так, что в предпоследний год ректорства Генриха Семеновича по всем кафедрам университета разослали директивное письмо. Ничем особым оно не отличалось от подобного рода объявлений, заявок, предложений, что курьерша Вера Тимофеевна, сама знаменитость вуза, разносила по всем двенадцати корпусам и еще тридцати отдельным объектам университетского городка до десятка-другого за неделю. Особо же отличающиеся циркулярные письма, то есть в которых фигурировали фамилии получателей внеокладных денег, соответственно циркулировали только в административной среде...

Дьяконова, как и других завкафедрами, неизменно раздражали участившиеся в последние годы циркуляры, в которых предлагалось незамедлительно и массово всем профессорам и доцентам принять участие в очередной показухе: в конкурсе, в энциклопедии и так далее. В приложении указывался список из двух десятков пунктов, по которым номинируемый должен предоставить кучу различных сведений о себе, своих трудах, фотографию соло и в рабочем коллективе. Самое огорчительное: никаких премий и иных поощрений участникам не предполагалось. Наоборот, в конце циркуляра мелким шрифтом сообщалось: одновременно с ворохом бумаг о себе номинант должен заказать «потребное ему число экземпляров» справочника или энциклопедии по цене 3000 рублей за одну штуку.

Как все умные люди понимали, затеи эти исходили либо от административных органов, «срубивших бюджетную капусту» и желающих отчитаться изданием малозатратного справочника или энциклопедии, либо же от невообразимо расплодившихся частных издательских лавочек.

Обычно Вадим Фомич, пробежав начерно глазами такое письмо, молча передавал его кафедральной секретарше без пояснений, а та также молча хоронила его в скоросшивателе «*Входящие-просмотренные*».

Точно так же завкафедрой хотел поступить и со свежепринесенным Верой Тимофеевной письмом, но в самый последний момент отметил: призывающий к очередному конкурсу циркуляр был подписан не проректором по науке, как то требовало содержание, но самим Генрихом Семеновичем. Подписано — в смысле пропечатана должность и Ф. И. О. Может исполнительница из научно-исследовательской части по ошибке ректора вместо проректора набрала на компе? Может. Но может и неспроста. Заматеревший на тонкой должности завкафедрой, то есть полуученый-полуадминистратор, Вадим Фомич обладал, как гончая или лайка, сразу тремя нюхами: верхним, средним и нижним. Тем более ему хорошо известны все приемчики Генриха Семеновича, что тоже состоит в ректорах за четверть века. Иногда он с помощью таких вот необязательных бумажек проверяет: исполняют ли заведующие кафедрами и отделами университета его указания или манкируют — от лени — ими?

Энергично пожевав губами, так что желваки заходили на худощавом лице спортивно сложенного Вадима Фомича, а аккуратно подстриженные усики чуть затопорщились. Присел и уже со вниманием, выискивая подтекст, прочитал все полторы страницы текста. «Ага,— усмехнулся он, увидев в списке учредителей конкурса департамент образования и областную библиотеку,— хорошую деньгу от казны на паритетных началах хапну-

ли! Хотят откупиться справочником по ученым области. Опять же подпись письма? Нет, все неспроста».

Дьяконов, человек не гордый, вышел из кают-компании и свернул из коридора в соседнюю комнатку — владения кафедральной секретарши Марины Евгеньевны, дамы серьезной и без возраста. Протянул письмо:

— Марина! Тут срок подачи почти на исходе. Дай мои стандартные данные, что у тебя в компьютере, и еще огорчи пару сотрудников. Обязательно Григория Ивановича! Есть вопросы по письму?

— Да-а, Вадим Фомич, что-то таких справочников раньше не выпускали: вроде и справочник, и конкурс на наибольшее число научных публикаций?

— Мг-м-м, правильно отметила. Конфуз может выйти. Сразу видно, что бумагу исходную готовили библиотекарши, далекие от реальной жизни вне своих стен...

Дьяконов вернулся к себе и занялся серьезным делом — просматриванием очередного техзадания от «Меткости» на хоздоговорную работу. Только на миг, что шел те десять метров из комнатки секретарши к себе, подумал о так ловко подставленном Полковнике, до́бро улыбаясь.

♦ ...Когда три года назад, после ликвидации военной кафедры, где солидное хозяйство размещалось во дворе «пентагона», кандидат технических наук, свежий военный пенсионер Хмуров пришел по рекомендации одного из проректоров представиться Дьяконову в качестве кандидата, но уже на вакансию доцента, то уже предупрежденный проректором Вадим Фомич встретил новоприбывшего демонстративно радушно. То есть настороженно. Однако уже через четверть часа разговора убедился: моложавый, только справивший «полтинник» отставник — находка для кафедры. Во-первых, любой отставник — это усиление порядка и дисциплины; во-вторых, Хмуров оказался отменным специалистом, причем теоретиком и практиком в одном лице. Наконец, у

него замечательно поставленный голос и почти двадцать лет педагогической практики.

Но что-то вроде шока Вадим Фомич испытал в конце осеннего, первого для Полковника, семестра. Как положено, в конце года, не учебного, но астрономического, все кафедры подают рейтинговые отчеты по научной работе. Когда Марина Евгеньевна принесла шефу на подпись сверстанный отчет, то, пробегая небрежно его глазами, Дьяконов мягко пожурил пунктуальнейшую секретаршу.

— На третьей странице, напротив фамилии Хмурова исправь опечатку, лишний нулик набрала. И чего это приложение к отчету раз в пять толще чем обычно?

— Я ошибок не делаю, Вадим Фомич. Тем более опечаток,— ответила с легкой обидой секретарша,— у Григория Ивановича именно *1080* научных публикаций, в том числе два десятка монографий, сорок пять изобретений и так далее. А приложение такое толстое вышло, что по правилам оформления там перечислены все эти *1080* библиографических описаний. Плюс *638* у всех остальных сотрудников.

— Да ты что? Неужели в самом деле? — не заметил Дьяконов, что детскими стишками говорит.— А за последний год, отчетный, сколько?

— У Хмурова — девяносто восемь, в том числе три книги, у всех остальных — сорок шесть,— Марина Евгеньевна чуть помедлила и мелко отмстила шефу за недоверие,— у вас девять статей и *соавторство* в двух изобретениях.

Вадим Фомич пропустил подколку мимо, попросил оставить отчет:

— Посмотрим, что за трактаты у нашего боевого товарища?

В положенный срок Марина Евгеньевна отнесла в облбиблиотеку и сдала секретарше конкурса описания научных достижений шефа Полковника и еще двух сотрудников. Причем у последних, ловко уклонявшихся от

бесполезной работы, она выбила требуемое, едва ли не взяв их за горло: угрожая многими неприятностями, в том числе «пропустить» их при квартальном наделении канцтоварами.

То же самое худо-бедно, но сделали остальные шестьдесят кафедр университета, а также все другие вузы города и области. После чего все дружно выкинули этот конкурс из головы, понимая: департамент и облбиблиотека отчитаются где надо о проведенном массовом мероприятии. Книгу же, конечно, издавать не будут: зачем же реальные деньги тратит на никому, кроме авторов из числа призеров, не нужную макулатуру!

Однако «отыскался след Тарасов». Где-то через полгода от описываемых событий Полковник, отчитав утреннюю лекцию, заглянул к Марии Евгеньевне, одетый для улицы:

— Мариша,— с позволенной только ему вольностью доложился он,— я часа на два отлучусь, если кто спрашивать будет.

— В гости к знакомой девушке,— игриво передернула округлыми плечиками Марина Евгеньевна.

— Ага, к Надежде Тихоновне, директрисе и владелице лучшей в городе типографии-издательства, что в Поречье. Подписать к печати свою новую монографию,— по-мальчишечьи похвастался он.— Честь имею, дорогая, не скучай без меня!

Однако вернулся Полковник не через два, но через три с половиной часа. Вернулся загадочно серьезный, но в то же время и благодушный. Не раздеваясь, прошел к шефу и положил на стол перед ним достаточно увесистую, в ламинированном, в цвете переплете книгу.

Вадим Фомич, доселе погруженный в какие-то, явно финансовые, вычисления, с немым вопросом посмотрел на еще пахнущий типографией том, потом на Полковника, снова на книгу.

Из дальнейших пояснений подчиненного Дьяконов узнал следующее. Когда Полковник по прибытию в

издательство, поговорив и даже попив чайку с коньяком в компании добрейшей Надежды Тихоновны, поднялся по витой и крутой лесенке на второй этаж к редакторам, просмотрел верстку, подписал ее полистно, собирался покинуть книгопечатню, его на выходе окликнула все та же хозяйка:

— Григорий Иванович! А я чуть не забыла поздравить вас!

— С чем же, многопочтенная Надежда Тихоновна?

— Да вот только что отпечатали тираж книги «*Лучшие ученые нашего края*». Вы там в лидерах! Заказ — пятьсот экземпляров, но мы сверху с десяток еще напечатали для обязательной рассылки, но два свободных остались. Вот один вам — от издательства презент, а второй, вроде как сигнальный, не сочтите за труд, Генриху Семеновичу передать.

Раскланиваясь и беспрестанно благодаря, Полковник вышел из издательства, перешел улицу, сел на троллейбус (он тогда еще не избегал общественного транспорта), а через полчаса уже входил в приемную ректора. По пути же ознакомился с книгой. На четырехстах страницах приведены биографии и списки основных трудов ученых города и области, а на обоих форзацах — фотографии всех восьмидесяти победителей конкурса-рейтинга, по двадцать фото на страницу форзаца. Оценка рейтинга велась по общему числу авторских публикаций. Соответственно были расположены и фотографии: с первого места в верхнем левом углу первой страницы форзаца и до последнего, восьмидесятого, в нижнем правом углу четвертой страницы. Чтобы читатель не подумал что иное, фото были пронумерованы от единицы до восьмидесяти.

Первым номером шел он сам, полковник запаса Хмуров Григорий Иванович, вторым доцент-патриот Язвишин Геннадий Сергеевич с медико-физкультурного факультета, известный всему университету, а Полковнику и вовсе приятель — еще с его военно-кафедральных лет. Вадим

Фомич хитровато усмехался в усы из нейтрального шестого десятка. А вот Генрих Семенович обиженно смотрел из предпоследнего десятка. Рядком же с ним, как шерочка с машерочкой, вовсе огорчалась Татьяна Антоновна, ректорша педагогического университета, второго по значимости в городе и области университета.

Полковник вовсе не был наивным ученым из старых романов и советских кинофильмов, хотя и создал грандиозную новую теорию (как и доцент-патриот Язвишин), но порой внезапная гордыня и таких людей равняет с наивными гимназистками-школьницами второй ступени: дескать, мне папа на день рождения мобилу за десять штук подарил!

Так и наш Григорий Иванович едва не попал в беду, решив лично вручить Генриху Семеновичу победительную книгу. В кабинете Сам принимал московских профессоров. Полковник просидел минут сорок. Спасла его Генриетта Пахомовна, секретарша, пересидевшая уже трех ректоров на своем законном месте и в свои восемьдесят два года выглядевшая не более чем на пятьдесят пять — шестьдесят. Отродясь не нося очков, она любознательно просматривала все приносимое ректору, в том числе и научные трактаты. Заинтересовалась и двумя экземплярами свежеизданной книги в руках посетителя. Тот охотно протянул ей лощеный том.

Генриетта Пахомовна сразу просмотрела оба разворота форзаца, погрустнела, даже с какой-то жалостью взглянула на симпатичного, моложавого доцента, еще недавно лихого полковника:

— Знаете, Григорий Иванович, после совещания Генрих Семенович с гостями, скорее всего, пойдут на ужин в «зеленую гостиную», а на ходу как-то неудобно передавать ему такую замечательную книгу. А я попозже или завтра утром сама передам.

...Вадим Фомич также тщательно и задумчиво изучил рейтинговые фотографии, также жалостливо посмотрел на подчиненного:

— Да-а, библиотеки должны книги читателям выдавать, а не сочинять их. Быть неприятности. Правда вас, Григорий Иванович, по небольшому званию это не коснется. А мне — втык!

♦ ...Через полтора месяца по кафедрам курьерша Вера Тимофеевна, жалуясь уже под сорок пять лет на неизменно низкую зарплату, разнесла рейтинговую книгу. Оба форзаца в каждом экземпляре были заклеены в той же пореченской типографии плотной белой бумагой. Григорий Иванович к ней никогда руками не прикасался, а свой, раритетный экземпляр продал за две тысячи (рублей, к сожалению) известному в городе книжному коллекционеру Тимошину.

БДИТЕЛЬНОСТЬ — НАША СИЛА

Заставь дурака богу молиться...
Пословица

♦ Став доцентом университета, Николай Андреянович довольно быстро привык к нравам нового места работы. Соответственно и интересы его постепенно, вроде как сами по себе, приспосабливались к бытующим среди вузовских преподавателей — преподов, как их заглаза звали нынешние студенты. А университет — универом. Это он скоро усвоил, привык.

Приноровился матерый инженер-конструктор и к Интернету, ранее недоступному в режимном НПО «Меткость». Много чего интересного там можно узнать, не перелистывая пыльные тома энциклопедий, справочников и монографий, а только-то и ткнув пальцем в клавишу.

Одно плохо — Интернет вещь платная, а ассигнования кафедре на его пользование постоянно срезают, мотивируя тем, что подготовка специалистов по военной технике сейчас не актуальна, а все средства надо бросить на экономический и юридический факультеты,

взращивание психологов и прочих гуманитариев тож. Учитывая все это, завкафедрой ограничил выход во всемирную паутину одним компьютером, установленным в преподавательской. Во-первых, вход студентам-халявщикам сюда закрыт; во-вторых, постоянно под наблюдением нескольких пар глаз. А каждый препод, обосновавший в форме служебной записки необходимость пользования чумой нашего времени, включался в график бдений перед новомодным плазменным экраном, стоимостью в полторы профессорские зарплаты.

Но преподаватели тоже дети, хотя и взрослые, своего времени, то есть с заметной долей нахальства, поэтому норовят внепланово пошарить по нужным сайтам, когда в преподавательской пусто, а формально ответственный за порядок семидесятипятилетний старший лаборант Прокофьич — из отставников невысокого чина, как то принято на военно-технических кафедрах — уходит на полдня по своим ветеранским делам. Николай Андреянович быстро эту уловку усвоил.

Так и в этот день. Где-то перед самым «адмиральским часом» (кафедра отчасти имела военно-морской уклон), то есть перед полуднем, лаборантка Света, что за умеренную плату набирала труды Хмурова, обежала все комнаты для занятий и лаборатории, донося указание шефа: всем сотрудницам факультета, прихватив зазевавшихся студентов, собраться в самой большой аудитории корпуса на встречу с кандидатом в депутаты Госдумы от правящей партии. Неофициально, но явно от лица шефа, просила проявить 100%-ную активность, поскольку кандидат — известный в городе бизнесмен-тер от торговли, сам окончивший некогда их факультет в чине комсорга, оказывает *alma mater* посильную спонсорскую помощь. И обещает ее удвоить в случае попадания в ряды народных избранников.

Все мигом вспомнили: в декабре этого года, совсем скоро, выборы в Госдуму. Погнали пытавшихся улизнуть студентов, а профессорам и доцентам постарше

Пятьдесят лет трудится университетская курьерша-письмоносица Вера Тимофеевна в своей непрестижной должности. Университет огромный, свыше сорока его зданий раскинулись на территории среднего размера райцентровского городка. Как-то на большой перемене доцент Яцышен с ракетостроительной кафедры с помощью компьютера и план-схемы университетских владений с буклета для абитуриентов, а также взятого у полковника Хмурова личного его, еще артиллерийских времен, курвиметра, подсчитал с точностью до одного процента, что за время своей службы Вера Тимофеевна

два с половиной раза обошла нашу голубую (не в нынешнем расхожем смысле этого слова) планету по экватору! О чем и сообщил своим коллегам, тож скучавшим в преподавательской. Все сразу оживились и предались воспоминаниям своей студенческой поры, благо все, кроме Хмурова, в свое время окончили этот же вуз, тогда — институт. Николай Андреянович отметил, что за сорок лет, что он знает письмоносицу, она ни капли внешне не изменилась. Яцышена более всего занимала неизменность ее одежды за эти же годы. Вошедшая по своим делам секретарша кафедры Марина Евгеньевна, мигом уловив нить разговора, сообщила, что знаменитая курьерша — сведения от подруги из бухгалтерии — ни разу за полсотни лет работы не болела даже гриппом.

— Эх-х,— резюмировал перед звонком на лекции Хмуров,— пушки бы из таких людей делать. Не было бы в мире крепче пушек!

было любопытно взглянуть на заматеревшего Леньку-комсорга, твердого троечника и женского угодника.

И Николай Андреянович, скептик крайний в части народного волеизъявления, двинулся было к лестнице на второй этаж, мысленно заготавливая самые каверзные вопросы туповатому кандидату-торгашу: почему за две недели этой осени цены на продукты питания взлетели на 30—50 %? Почему ныне на международных авиационных выставках от России все больше макеты самолетов демонстрируют, а не летающие аэропланы? Почему...

Вопросов набиралось на страницу убористого компьютерного текста шрифтом 10 через один интервал, но перед самой лестницей его попридержал завкафедрой, хорошо уже изучивший характер подчиненного:

— Андреяныч! Дело политическое, сам ректор будет присутствовать, так что атмосферу хорошо отрежиссированного спектакля не нарушай. Прошу тебя, дорогой мой. Мне с этого Леньки-торгаша — кровь из носу — надо содрать на оборудование новой лаборатории по оптоэлектронике.

Шеф проследовал вниз по лестнице а Николай Андреянович остановился, щелкнул пальцами, тихо присвистнул и с облегчением пошел в сторону опустевшей преподавательской, попутно отметив: Прокофьич тоже семенил на встречу с кандидатом, надев парадный, хорошо отглаженный супругой синий лаборантский халат, ради табельных дней обычно висевший в шкафчике.

♦ Как минимум, часа полтора неучтенный Интернет был в его распоряжении: Ленька-бизнесментер, судя по его частым выступлениям на местном телевидении, а также учитывая прежнюю профессию комсорга, отличался патологической словоохотливостью и вообще любил общаться с простым народом.

Понятно, что Николай Андреянович не наобум, как младший школьник, гулял по Интернету, но просматривал нужные сайты целенаправленно: либо сам себе тему задавал по Интернету, или же прислушивался к чьему-

либо компетентному совету. Темы и названия сайтов загодя заносил в пухлую свою записную книжку, вычеркивая уже просмотренное. Как в хорошей канцелярии, но так его воспитала работа в военно-промышленном комплексе с ее ранжированным порядком и строгой методичностью.

На сегодняшний дармовой просмотр приходилась тайна Декларации независимости США. Сразу двое коллег рекомендовали: обхохочешься, дескать, Андреяныч,— какие только чудеса в истории не случаются!

Действительно, Николай Андреянович с увлечением прочитал почти детективную историю со знаменитой Декларацией 1776-го года, положившей начало государству США. Он бы воспринял все читаемое как досужую фантазию, если бы не многочисленные иллюстрации подлинников, вставленные в интернет-текст. Впрочем, скептик Николай Андреянович понимал: при современном уровне развития компьютерной техники можно что угодно подделать...

Итак, судя по словам автора материала, пару лет тому назад он исследовал документы — на предмет своей исторической профессии — в отделе листовых материалов в Киеве, в архиве зарубежной истории Украины. Есть там такой, оказывается. И наткнулся на папку в линкрустовом переплете с небрежной надписью библиотекарскими белилами: «*Северная Америка. Война 1775—83 гг.*». А раскрыв папку, ахнул: в числе прочих тленных бумаг лежал очень ветхий, сложенный в несколько раз лист Декларации независимости США. Документ даже не на вес золота, но алмазов, поскольку таких листов в мире известно всего 24 экземпляра.

Автор сообщения как-то туманно и запутанно, с недомолвками пишет о киевском экземпляре Декларации. Николай Андреянович понял так, что в Киеве неведомыми путями оказалась факсимильная копия важнейшего документа в истории Америки! Но даже если это была копия, то все равно это предмет государственной

важности. Для США, конечно. А для государства-держателя — это непреходящая политическая валюта.

Но самое интересное было дальше. На экране монитора высветилась фотокопия заголовка Декларации:

...United States of Жmerinca.

Как принято у американцев и посейчас, заголовок был написан готическими буквами, поэтому, не приглядевшись, витиевато написанную букву «Ж» можно было принять за готическую «*A*», а слитно написанные «*in*» — за просто готическое «*i*». Но вот если присмотреться, то как раз читалось вместо Америки название исконно польско-украинского городка, написанного в стиле современной российской рекламы или названий тинейджерских рок-групп: половина слов по-русски, вторая половина латиницей...

Уже совершенно заинтересованный, Николай Андреянович застучал по клавиатуре, листая страницы исторического детектива.

♦ Из текста следовало, что в июле 1776-го года Конгресс распорядился: переписать документ под заголовком «*Единогласная декларация тринадцати Соединенных Штатов Америки*» на лучшем пергаменте каллиграфическим почерком крупными буками. Дело поручили курировать секретарю Конгресса Чарльзу Томсону, а тот в качестве каллиграфа взял своего помощника Тимоти Мэтлэка. К началу августа рукописная Декларация на листе пергамента размером 61,5×75,5 сантиметров была готова и тотчас подписана делегатами Конгресса — от всех тринадцати штатов. Нд-а-а, с сомнительного числа начиналась история Штатов...

Дальше, как пишет автор в Интернете, почему-то сведения об этом исходном листе с Декларацией во всех официальных источниках США даются как-то отрывочно и запутанно. Удалось выяснить, что после подписания Декларацию свернули в трубку и убрали в архив; в итоге, попутешествовав по архивам ряда городов и учреждений, оригинал в 1814 году «остановился» в Ва-

шингтоне. Причем оригинал никому не показывали, а в обиходе государства использовали типографски отпечатанные листовки с текстом и правильным заголовком.

В 1823 году по поручению Конгресса копировальщик Вильям Дж. Стоун, потратив почти три года, сделал ручную копию оригинала; один из двадцати с небольшим известных в мире оттисков с нее и оказался неведомыми путями в самостийном сейчас Киеве.

Перед Стоуном стояла сложная и щекотливая задача: максимально точно скопировать и в то же время решить вопрос с «Жмеринкой». Поэтому он максимально приблизил «Ж» к готической «*A*», а «*in*» — к «*i*»-готической. Сам Стоун убедил членов комиссии Конгресса, что для американца и европейца «все сойдет». Более во всей истории США оригинал никому не показывали и поныне о судьбе его ничего не известно.

А «причесанная» копия и сейчас лежит под толстым стеклом в зале хартий свободы в здании национальных архивов в Вашингтоне. Но при всех киносъемках (фотосъемки в архиве запрещены) заголовок не показывают крупным планом и в коллаже как-то прикрывают «Ж».

Автор интернетовской заметки, будучи крупным специалистом-историком, дотошно выяснил, что настоящее имя Тимоти Мэтлэка, каллиграфически исполнившего оригинал Декларации,— Томислав Матлаковский, поляк, родом из Жмеринки, которая тогда входила в Брацлавское воеводство Польши. В самом начале 1770-х годов он перебрался в Америку с тогдашней волной эмиграции из Европы в Новый Свет. Работал пивоваром, проповедником-квакером, потом занялся политикой.

Имея с детства каллиграфический почерк, он иногда выполнял поручения по написанию ответственных указов. Например, ему принадлежит подлинник рескрипта о назначении Джорджа Вашингтона главнокомандующим в войне с англичанами.

...Итак, Матлаковский, часто вспоминавший в малоуютные годы англо-американской войны тихий родной

городок, и запечатлел его название в главном документе нового государства. Сумасшедшим он не являлся, просто в те времена народ в Америке чувствовал себя душевно свободным; простоватые были люди у основания нынешней сверхдержавы, единственной сейчас в мире...

Члены же Конгресса, что подписывали документ, тоже во всей видимости люди простые, да еще и вдохновленные началом обретения независимости Соединенными Штатами, вчитываться не стали и лихо черканули свои росписи. И пошли пить виски с содовой и со льдом. Как у них принято.

Только на следующий день Чарльз Томсон обнаружил промашку, велел оригинал подальше упрятать, а своего ностальгирующего по родной Жмеринке помощника понизил в должности сразу на две ступени.

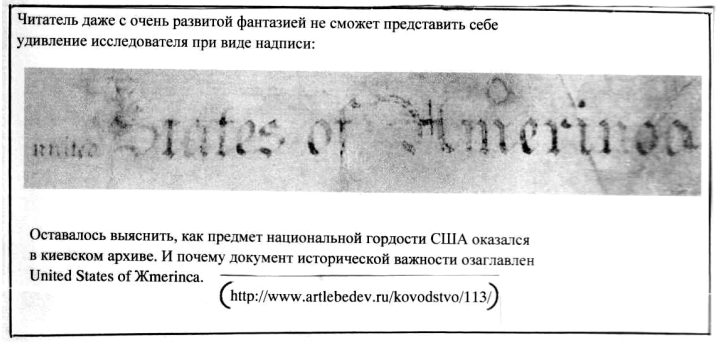
В заключении своего розыскания исторической правды автор рассказал и о современной судьбе киевской копии: сразу три президента стран, имевших и сейчас имеющих отношение к городу Жмеринке — родине Матлаковского,— начали предъявлять свои права на торжественное преподнесение Дж. Дж. Бушу подарка государственной важности. Победил Ющенко, пообещавший привезти документ во время визита в США. Обрадованный Буш на очередной пресс-конференции в Белом доме (который не на Краснопресненской, настоящий, оригинал, в городе Вашингтоне, округ Колумбия, США) сравнил незалежного президента с самим Джорджем Вашингтоном. Что он имел в виду? — На это автор интернет-сообщения ответа не дал.

♦ От души посмеялся Николай Андреянович, имея, как человек логически мыслящий категориями реальной жизни, в виду оба варианта: замечательно искусная литературно-историческая подделка или простота нравов американцев в XVIII веке, а именно: полное отсутствие бдительности даже в делах государственной важности.

«Нет, мистеры янки,— благодушно размышлял наш новоиспеченный до́цент вечером после ужина, располо-

жившись на своем диванчике с раскрытой на закладке новой книгой Александра Проханова из цикла «Последний солдат империи»,— у нас бы такое не прошло ни при царях, ни при чекистах, тем более — при президентах, когда класс чиновников вырос до гомерических размеров: есть кому в десять пар глаз не то что буквицы, так и оттенки их цвета на бумаге просмотреть. Бдительность — наша национальная черта; и гордость, и беда одновременно.

Сразу пришел на память с десяток случаев и ситуаций, в которые он сам по молодости лет попадал из-за отсутствия чрезмерной бдительности. В том числе и своя «*Жмеринка*» у него имелась, за которую его наказали как некогда впавшего в ностальгию поляка Матлаковского...

Читатель даже с очень развитой фантазией не сможет представить себе удивление исследователя при виде надписи:

Оставалось выяснить, как предмет национальной гордости США оказался в киевском архиве. И почему документ исторической важности озаглавлен United States of Жmerinca.

(http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/113/)

Случилось это по третьему году работы юного Николая в качестве молодого специалиста после окончания института в только что созданном в городе ЦКБ агрегатостроения — единственно усилиями и натиском талантливого руководителя Владимира Сергеевича Трибелина.

В самом конце первого года отбывания принятых тогда для выпускников вузов обязательных трех лет отработки по направлению, молодой и самомнительный тогда Николай (без Андреяновича) как-то от скуки инженерной службы в самый разгар жаркого лета затеял с другом-приятелем Витькой Смышляевым в обеден-

ный перерыв игру сам-двое в подкидного. Прямо за рабочим столом Смышляева. А поодаль резались в шахматы-пятиминутки мелкие начальники во главе с азартным игроком, начальником их отдела Михаилом Ивановичем Дорофеевым.

Каждая из групп была увлечена своим делом, потому никто поначалу не прореагировал на появление в комнате самого Трибелина: ему срочно понадобился Дорофеев, и, проходя по своим высоким делам по коридору, он демократично зашел к подчиненному.

Сам любитель шахматной игры (только не пешками-слонами, а людьми...), Владислав Сергеевич одобрительно посмотрел на азартных «пятиминутников», то со стуком двигавших пешки, то с размаху бивших по кнопкам часов. Но вдруг его замечательные, столь волнующие женщин серо-стальные глаза сузились, а лицо запылало гневом: это он увидел Николая с веером карт в руках. Смышляева же от глаз начальника закрывал кульман, поэтому весь разгоняй достался первому:

— Эт-то что за казино?! На режимном предприятии! Вы еще бы пьянку тут устроили с девицами развратными!

Шахматисты мигом ретировались; Дорофеев, побледнев, стоял по стойке «смирно». Николаю бы промолчать, порвать карты и покаяться всем святым, что более к этой заразе он не прикоснется... Но возбужденный тройным проигрышем Смышляеву (играли на пиво после работы), он неожиданно даже для самого себя язвительно брякнул:

— А что, Владислав Сергеевич, *у вас на режимном предприятии* развратные девицы работают?

...Гневу Трибелина, как-то в отношении себя принявшему намек насчет девиц, предела не было. Дорофеев, ранее никогда не страдавший сердечными болями, просил у своей помощницы, завсектором Розалии Тимофеевны, таблетку валидола. В итоге Николая сослали работать в технологический отдел, самое непрестижное

место — рисовать скучные штампы и прочую оснастку, что обычно делают выпускники машиностроительных техникумов. Срок ссылки не оговаривался. Начальник ЦКБ даже не принял во внимание невольное заступничество Дорофеева, что-де опальный молодой специалист один ведет важную тему, а теперь кому-то придется все заново начинать, полгода-год можно потерять...

♦ Почти год Николай (тем более сейчас без Андреяновича...) проторчал в техотделе. Правда, с определенной пользой: освоил новую для него специальность инженера по нестандартному оборудованию в машиностроении. А чтобы умственно не отупеть, на дому и в обеденные перерывы на работе по учебникам освоил полный курс физики твердого тела.

С тем бóльшим удивлением он воззрился на Дорофеева, вошедшего в комнату техотдела, где он никогда не бывал ранее, и направившегося к своему бывшему подчиненному. Более того, Михаил Иванович отечески похлопал опального машиностроителя по плечу:

— Хватит тебе, Николай, чепухой заниматься. Сейчас новое направление в ЦКБ начинаем развивать, думаю, оно же и главным в перспективе на две-три пятилетки будет; словом, пришло время все наши изделия на микроэлектронику переводить. Дело для ЦКБ абсолютно новое, а только ты в институте, как мне сказали, специализацию по ней проходил. И Владислав Сергеевич, зла не помня, согласился тебя вернуть в наш отдел. Даже велел мне на тебя представление к празднику Октября писать: на инженера-конструктора II категории. Это, так сказать, аванс.

И не давая ошеломленному Николаю перевести дух, сразу перешел к делу:

— Через неделю Владислав Сергеевич едет в министерство, в наш главк. Будет докладывать содержание технического предложения по перспективным разработкам нашего ЦКБ на ближайшие годы и дальнейшую перспективу. Тебе — ответственное задание: изобразить

Болонский сон № 37. Первая стычка передового отряда Добровольческой армии полковника Хмурова произошла с болонскими карабинерами еще на подступах к одному из пригородов, где жили рабочие заводов сельхозмашин и автооборудования компании «Фиат», а именно на низком мосту через приток реки Рено. Выхватив из рук оробевшего знаменосца стяг армии, Полковник вступил на мост: «Ребята! Чудо-богатыри! Помните: здесь был Суворов. Так не посрамим память нашего великого генералиссимуса, князя Италийского Александра Васильевича!»

Смяв нестройные ряды обленившихся в спокойном городе карабинеров, армия Хмурова перешла через мост приток Рено и заняла аван-

авангардные позиции на отвоеванном вражеском берегу. Три дня Григорий Иванович ожидал восстания болонского пролетариата и присоединения его к Добровольческой армии. Увы... молчали рабочие заводов сельхозмашин и автооборудования, макаронных фабрик. Не бастовали цеха компании по производству мотоциклов и мотороллеров, завода электротехнического инвентаря. Также исправно работали ткацкий комбинат, супер- и гипермаркеты города. «Макаронники,— ругался Хмуров,— зажрались и потеряли дух гарибальдийцев! Где же ваша пролетарская совесть и солидарность? Нет, в Италии можно надеяться только на мафию, но и ее извел капитан Катаньи...»

на большом листе 44-го формата в цветах подробную схему по существующим в промышленности микроэлектронным технологиям с акцентом, так сказать, на специфику наших изделий. Но очень подробную схему и визуально броскую и понятную для специалистов главка различных профилей. Берешься?

— Приказы не обсуждают, Михаил Иванович,— с восторгом ответил Николай.— Сущность вопроса ясна, микроэлектронику с института еще не забыл.

— Вот и хорошо. Твой *бывший* начальник уже в курсе дел; он сейчас у Владислава Сергеевича, там и узнает. А ты возвращайся на свое прежнее место. Я распорядился тебе новый гэдээровский кульман поставить — пока единственному в отделе. Цени и оправдывай доверие! Поскользнуться легко в жизни, да вывернуться и не упасть сложнее...

♦ На славу постарался воодушевленный Николай, оправдывая высокое доверие. Даже доверяя недурственной памяти, перелистал кучу книг и научно-технических журналов. Каждый день задерживался после официального окончания рабочего дня на два-три часа. А ведь раньше уже за четверть часа до отходного звонка бросал все дела и сидел на стуле в позе призового бегуна на стартовой полосе, ожидающего хлопка судейского пистолета-пугача.

Для начала во всю полутораметровую почти длину листа, склеенного из двух двадцатьчетвертых форматов наилучшего ватмана, нарисовал цепочку квадратов, овалов, прямоугольников с надписями, явно и убедительно показывающую соподчиненность процессов изготовления микроэлектронных приборов и систем. «Крыльями» и «подкрылками» тех же геометрических фигур обозначил специфику перспективных изделий их ЦКБ. Все это соединил разноцветными линиями и стрелками обратных и прямых связей...

Когда наш инженер-первооткрыватель наносил на лист завершающую разноформатную штриховку нужных

участков схемы, подошедший уже в который раз за день (за каждый день творения) Дорофеев не смог скрыть восторга:

— Ну и мастак ты, Николай, голову высокому начальству дурить! Нет, нет, я шучу, конечно, но в главках и министерствах вот такие схемы именно уважают: в цвете, броско и, главное, все по делу. Молодец!

Через пару часов, бережно свернув ватманский лист со схемой, Дорофеев отнес его в кабинет Трибелину. А вернувшись через небольшое время, сообщил: Владислав Сергеевич очень доволен, в понедельник с утра едет с листом и докладом в главк.

— ...И тебе от шефа привет: иди в отдел кадров к Надежде Борисовне и распишись в приказе. Поздравляют тебя, как говорили в старину, инженером-конструктором II категории!

Была пятница. Обмывать новую должность Николай пошел в компании Витьки Смышляева и еще двух ближайших приятелей. Получение должности «*ИК-II*» с двадцатью полновесными советскими рублями* прибавки и соответствующим увеличением месячных, квартальных и годовых премий, 13-ой и 14-ой зарплат явно тянули и на пролонгацию «отмечания» в выходные дни. Да еще, пользуясь доброжелательностью Дорофеева, Николай подписал у него отгулы на понедельник и вторник, оставшиеся в загашнике с летне-осенних поездок в колхоз на сельхозработы. Хотя бы это и было в прежнем отделе. Тот их «перезачел».

Славно отдохнул Николай, расслабился, а потому, явившись в среду на работу, не смог сразу сообразить: почему Дорофеев с ним не поздоровался даже кивком головы, а все сотрудники отдела, отделения, да и всего ЦКБ смотрят на новоиспеченного инженера-конструк-

---

* Напомним, что по официальному курсу 1 *USD* стоил тогда 60 копеек, но де-факто покупательная способность рубля была намного выше.— Прим. авт.

тора II категории как-то пристально, а женщины постарше и вовсе с легким испугом.

Встретившиеся ему в коридоре начальники отделений Кладунов и Гриневицкий даже обошли его по полуокружности, как зачумленного, а почтенная секретарша Трибелина Вера Григорьевна, тож шедшая ему навстречу, укоризненно покачала головой.

В голове застучали молотки и молоточки, Николай перестал чувствовать охолодевшие ноги, еле удерживал себя на стуле перед пустым кульманом. Пытка длилась до обеденного перерыва, в который почему-то шахматисты не играли. Открылась дверь крохотного кабинетика Дорофеева:

— Зайди ко мне.— Это были первые слова начальника, что он услышал сегодня за полдня.

На столе Дорофеева лежал развернутый лист с его великолепной схемой. Но что это? — По внешнему контуру цепей и цепочек квадратиков, овалов и прямоугольников с надписями чьей-то решительной рукой толстенной красной линией маркера, что только входили тогда в моду, был вырисован... православный, нет даже скорее староверческий осьмиконечный *крест*: стойка, перекладина для рук Спасителя, верхняя маленькая перекладина для надписи «*INCI*» (Иисус Назареянин — царь иудейский по латыни), нижняя косая перекладина для ног казненного.

— ...Что, уважаемый инженер-конструктор *третьей* категории, могильного холмика не хватает?

— Почему третьей? — явно невпопад ответил ошеломленный увиденным Николай.— Ведь приказ уже есть?

— Потому и третьей что приказ в пятницу и с утра в понедельник не успели кадровики занумеровать, а в понедельник же Владислав Сергеевич из Москвы позвонил пополудни и приказал дезавуировать. Нет, ты скажи мне начистоту: тебе мало было истории с картами? Понравилось штампы рисовать? А не желаешь ли

последний год своего срока молодого специалиста технологом в заготовительном цеху проработать? И как тебе только такая пакость в голову пришла — ты что, сектант какой? Да тебя мало...

Минут двадцать добрейший по характеру Михаил Иванович обвинял бывшего инженера-конструктора II категории во всех смертных грехах, грозил самыми большими неприятностями.

А потом с четверть часа пришедший в себя Николай убеждал, апеллируя к содержанию схемы, начальника, что он ни в каких задне-передних мыслях не имел ничего подобного. Чистое совпадение!

Понизив в недолгой должности инженера второй категории, Николая все же оставили в отделе Дорофеева — работать кому-то надо, ибо план развития микроэлектроники в ЦКБ утвердили-таки в главке. Даже к Первомаю вернули утраченную было новую должность.

И из уст скоро отошедшего Дорофеева Николай и узнал, что в самом конце совещания в главке, на «ура» приняв доклад Трибелина, проголосовали «за». Уже все поднялись со своих мест, как парторг главка, сидевший истуканом все три часа заседания, подошел к пришпиленной на демонстрационную доску схеме, вынул из нагрудного кармана новомодный маркер и вырисовал на ватмане высшего качества старорежимный церковный крест. Отомстил Трибелину, с которым у него имелись какие-то давние размолвки.

♦ ...Николай Андреянович после «Жмеринки» успел просмотреть еще пару-тройку интернетовских кунштюков. Но здесь начал возвращаться народ: встреча с комсоргом-бизнесментером завершилась. Выключив компьютер, уселся за свой преподавательский стол, сделал умно-утомленное лицо и уткнулся взглядом в первую попавшуюся исписанную бумагу.

Обладавший орлиным зрением и интересом к любому печатному или рукописному слову Полковник, проходя мимо Николая Андреяновича, непроизвольно по-

смотрел на заинтересовавшую коллегу бумагу — и расхохотался:

— Сразу видно, что по сравнению с советскими временами число администраторов-чиновников раз в пять возросло!

Николай Андреянович, смотревший на бумажный лист для проформы, не читая, вопросительно посмотрел на Хмурова.

— А-а, собственно, Григорий Иванович, какая связь роста числа администрации и Ленькой-бизнесментером?

— Да связь-то прямая, только не с Ленькой, что полтора часа нам сказки для младшего школьного возраста рассказывал, а вот с этим распоряжением, кстати говоря, прошлогодним, что тебя так заинтересовало.

— Ну и? Вижу — распоряжение о подготовке кафедрального отчета по регламентированию расхода канцелярских принадлежностей... А-а, вот в чем дело? Так это, Григорий Иванович, я у Светы взял пару десятков ненужных уже ей бумаг — в качестве черновиков использовать, с чистой обратной стороны писать. А сам текст я не читал.

— А вот, дорогой Андреяныч, прочти в конце: «...Отчет сдать до *31-го июня* сего года».

Здесь Николай Андреянович сообразил и рассмеялся:

— Так все же какая связь с численностью администрации?

— А такая: чем больше административных служб, тем они бестолковее и безграмотнее. Ну-у, с этим ты еще не раз столкнешься.

РУЛЕВОЙ НА ПОКОЕ

♦ Николай Андреянович, перейдя работать в университет, с интересом неофита присматривался к здешней жизни. Все для него, с молодых лет проработавшего более четверти века в оборонных научно-исследовательских организациях, здесь было внове. Очень

отличались эти миры обитания, хотя бы вроде там и там трудились люди от науки, в основном — бывшие однокашники по студенческой скамье в том же самом вузе, только называвшемся тогда по-другому.

Что составляет главный интерес в жизни любого трудового коллектива, где основной контингент — люди преимущественно с образованием и каким-никаким интересом к окружающему? То есть не безликое, хотя и очень полезное для общества, скопище работяг в километровой длины цехах бывших заводов-гигантов. Их-то интересуют в основном расценки, нормы выработки, то есть в итоге «получка».

Ответ же дадите всегда стопроцентно правильный: более всего волнует — от несовершеннолетних лаборанток до матерых изобретателей, лауреатов высших научно-технических премий и не менее значимых государственных наград,— прямо-таки все закоулки мозга занимают... нет, не завидные женихи для девушек на выданье, вовсе не сексапильная Наденька для холостых (и не очень) мужчин отдела, не дармовой коньяк для пьющего инженера Лохматых из ЦКБ агрегатостроения, бывшего коллеги Николая Андреяновича. Ответ все же один и выходит за рамки интересов общества потребления: наибольший интерес для коллектива составляет начальство всех уровней и расстановка власти, приязни-неприязни и системы предпочтения в его среде, начиная с ихнего руководителя сектора Бумбалаева и до самых небожителей второго, директорского этажа организации.

Этот интерес далее дробится на множество подпунктов в зависимости уже от личности самого члена коллектива, его поля, житейской мудрости и так далее.

Но Николая Андреяновича, как аналитика житейских коллизий, более интересовала ситуация, когда начальник в силу разных обстоятельств перестает быть таковым и даже водворяется обратно в вырастивший его коллектив.

Приснился полковнику Хмурову замысловатый сон. Стал он лауреатом Нобелевской премии, отрастил ученую бороду, благо в артиллерии уже ему не служить: не потому что стар, но артиллерийское училище в Тулуповске прихлопнули, а пушки из него, наверное, китайцам на металлолом продали. И доценты, его коллеги по кафедре ракетостроения, Николай Андреянович и Яцышен тоже бороды отпустили. Отмечают все трое уик-энд в «Ханты-мансях». Григорий Иванович водку разливает, а доценты ведут беседу на учебно-педагогическую тему. Хмуров не прерывает:

— Вот, ребята, уже который год пошел, как мы с вами дали клятву перед образом, то есть портретом, Фиделя Кастро: отрастить и не сбривать бороды до тех пор, пока у нас в России не отменят стобалльную систему оценок и трехуровневое высшее образование, и что мы видим, а?

— А видим мы, Иваныч,— ответил подперший кулачком подбородок небритый Николай Андреянович,— что скоро нам не только бороды не брить, а еще придется дать зарок не мыться, водку не пить, женщин... и так далее.

— Но ведь поговаривают,— вставил слово Яцышен с дьячковской бородкой,— что собираются в образовательные министры, по образцу футбольных клубов, пригласить негра Джакомбу из Африки. Они же люди простые, Болонских процессов не ведают...

Здесь Хмуров, закусывавший холодной телятиной, поперхнулся и с подозрением посмотрел на кусок мяса. Яцышен рассмеялся:

— Григорий Иванович! Джакомба ведь не император Бокасса, что людоедом был...

Сразу оговоримся, что для НИИ-КБ, заводов и фабрик, то есть для всей промышленности и научно-промышленной сферы, такая постановка ситуации практически не имеет смысла. Особенно в оборонной отрасли, каковой во времена СССР считалась вся страна.

Здесь весь слой среднего, то есть станового, начальства практически не менялся, уходили только на повышение или... увы, человек не вечен. Но с заслуженным почетом уходили. Причина же такой стабильности, исключая какой-то небольшой процент интриг, высокого родства-кумовства и прочее, проста и понятна: в начальство выходили не локтями, но хорошо соображающей головой, огромным трудолюбием, непререкаемой дисциплиной — и лишь отчасти умением держать нос по ветру.

Редчайшие случаи серьезных провинностей начальников заканчивались их остракизмом: изгнанием с предприятия или добровольным уходом. Вернуться на нижестоящую должность, исключая болезненность или преклонный возраст, считалось западло. В еще большей степени это относилось к высшему начальству; у них вообще имелось три дальнейших пути: в Москву в главк, руководителем объединения, куда включалось *его* бывшее НИИ или КБ, наконец... см. выше про марш Шопена.

Наконец, чуть посложнее с младшим начальствующим составом, то есть руководителями групп и секторов с числом подчиненных не более 10—15 человек. Это первая ступенька, исходный материал, поэтому здесь движение заметное, но опять же более в сторону повышения. Основной состав либо до пенсии остается «микроначальниками», но многие неперспективные уходят на другие, вновь создаваемые предприятия и организации с кадровым голодом даже в начальствующем составе. Опять же понятно, что все предыдущие рассуждения Николая Андреяновича относятся к советским временам, когда наука и наукоемкая промышленность были в фаворе.

♦ А вот в университетской среде мало что изменилось в данном вопросе с прошлого века и вообще со времен первых средневековых храмов науки в Италии и Испании. Тому причиной вовсе неведомая в промышленности демократия, закрепленная в вузовских уставах.

Чтобы не приходить к скороспелым выводам, Николай Андреянович захотел ознакомиться с уставом родного университета, то есть почти собрался зайти в главный корпус к юрисконсульту, но его вовремя остановил завкафедрой, у которого он поинтересовался местонахождением и именем-отчеством юриста и удовлетворил любопытство Дьяконова насчет своего интереса.

— Ты, Николай Андреянович, человек в нашей сфере новый. Поэтому, как твой друг и коллега по работе, и далее прошу информировать меня в случае возникновения подобных интересов...

И далее отсоветовал ходить к юристу и вообще интересоваться уставом:

— Поверь мне, не так все поймут, а главное — заподозрят бог весть в чем. Мигом дойдет до ректората, и внесут тебя в устный «черный список» по неблагонадежности. Со всеми вытекающими следствиями и последствиями. А твою любознательность я и сам не хуже юрисконсульта удовлетворю. Пошли в кают-компанию, чайку попьем, побеседуем.

Из задушевной беседы Николай Андреянович вынес следующее: все должности в вузе выборные де-юре, но де-факто смена среднего и высшего начальства случается крайне редко, да и то при смене ректора: по крайне почтенному возрасту согласно должностной табели о рангах, еще реже — при переводе в министерство.

Все об этом знают, новый глава вуза приводит свою «команду», а прежние проректора, начальники административных отделов, даже кое-кто из деканов возвращаются на давние прежние места, порой и рядовыми профессорами. Никакой вины за собой они не чувствуют, сразу отринут свою превосходительность и как ни в

чем не бывало вписываются заново в коллектив. Такое на «производстве» и в страшном сне не приснится; разве что только в издевательско-веселом.

— И еще один момент, правда, существенный для бывших, советских времен: к «высшему свету» тогда приравнивались парторг — он по нашему большому институту тогда с правами райкомовского секретаря был — и отчасти председатель профкома и главный комсомолец. Но первого и третьего Ельцин своим указом от должностей освободил, а профсоюзы свою роль «школы коммунизма»* утратили. Они также на свои кафедры вернулись — тоже без всякой вины. Да вот,— завкафедрой шутливо хлопнул себя по лбу,— наш-то «холодный» профессор Владимир Васильевич и был последним в истории нашего заведения парторгом...

Николай Андреянович уже уверенно разбирался в вузовской терминологии: «холодный» профессор — он вовсе даже теплый и жизнерадостный, но только без докторского звания. А звание профессора, будучи только кандидатом наук, получил либо по большому стажу педагогической работы, но чаще по пребыванию на высокой административной или партийной должности.

— Кстати,— в контекст беседы за чаем хорошей заварки уточнил Николай Андреянович,— вот за полгода до моего прихода в университете сменился ректор. И всех проректоров и вообще высших руководителей назначил из имеющих докторские степени и профессорские «горячие» звания. А вот при прежнем-то ректоре все прямые подчиненные, насколько я знаю, были только в «холодном» профзвании, а значит, и в кандидатских степенях. Это что, генеральная линия поменялась?

— И да, и нет. Просто сейчас, учитывая всеобщую демократизацию нравов, докторские степени полностью

---

* В профсоюзных билетах советского образца на каждой странице кремового цвета белым было оттиснуто в форме эллипса: «Профсоюзы — школа коммунизма».— Прим. авт.

обесценились. Не специально же в проректоры мальчишек-кандидатов искать? Это уже парадокс. А в прежние времена к таким делам относились архисерьезно. Поэтому всякий ректор намеренно отделял от своей должности возможных конкурентов существенными ступенями: нижерасположенной степенью и званием. И только доказавшему свою верность где-то на шестом десятке лет возраста давал «холодного» профессора. Проректора все понимали, не обижались. Да и было простым кандидатом тогда быть не обидно.

Ну, пошли, брат, лекции оболтусам скучно читать.

♦ Действительно, Николай Андреянович живо вспомнил: веселого хохотуна, румяного и пышущего здоровьем на последнем предпенсионном году, шарообразного, но ловкого в движениях живчика Владимира Васильевича; душу компании-кафедры заглаза и в глаза иногда по-дружески окликали «рулевым».

Почему-то Николай Андреянович связывал это с возможным военно-морским прошлым профессора-кандидата, потому испытывал к приятному во всех отношениях коллеге доброжелательное чувство. И даже слегка разочаровавшись в неморском происхождении «рулевого», окраски этого чувства не изменил.

Еще через полгода Николай Андреянович и вовсе сдружился с Владимиром Васильевичем. Формальная причина состояла в том, что по только что проведенной реструктуризации кафедры оба оказались на одной курсовой специализации; понятно, что Владимир Васильевич был назначен ответственным за нее. Неформальная же — в примерно одинаковом возрасте, также почти равных степенях-званиях, а главное, в веселом и необидном для окружающих скептицизме: у Николая Андреяновича от военно-морского воспитания, а у коллеги от партийно-рулевого прошлого. Не столь уж и давнего. Скоро и на «ты» перешли.

В связи с реорганизацией, модной ныне в активно перестраиваемой высшей школе, сотрудникам кафедры

пришлось и прихватывать вечерами после лекций от рабочего времени, корпеть в затихшем корпусе над учебными планами и прочей нудной дидактикой вводимого, согласно Болонскому процессу объединенной Европы, двухуровневого образования.

Николай Андреянович с морской прямотой определял это так: «Первый уровень — это немного не дотягивает до советского техникума, а второй — вытягивает деньги у родителей студентов. В итоге можно считать инженерное образование в стране завершенным, в смысле скончавшимся».

А Владимир Васильевич с нарочито серьезным видом говорил о необходимости следовать за общемировым опытом... но не закончив, заходился в веселом хохоте.

Бдели они по вечерам в пустой лабораторной комнате обычно сам-двое; более молодые доценты и ассистенты под разными предлогами разбегались еще засветло.

Но и они с сумерками все меньше говорили о надоевшем учебном процессе, заваривали кофейку и переключались на житейские воспоминания. Владимир Васильевич, всю сознательную жизнь проведший в вузе, живо интересовался спецификой работы в НИИ и КБ, в частности, современным состоянием их дел. Но и сам охотно рассказывал, как несколько лет «рулил» партийной жизнью института-университета в беспартийные времена.

С недавних времен у бывшего партайгеноссе, обычно неунывающего по любым обстоятельствам, появилось и легкое недовольство неконкретного характера. А всему виной столь нашумевшая семитысячная докторская доплата. Николай Андреянович парировал вопросом:

— Что ж ты, Владимир Васильевич, за столько лет высокого партийного чина не сварганил себе на льготных условиях докторскую степень?

— Понимаешь, Андреяныч, такая должность подразумевала волчий нюх, женскую изворотливость и бдительность полковника разведки. А у меня, видно,

жизненного опыта тогда не хватило. Ведь я еще молодым, в тридцать пять лет, в парторги попал. Высоких родственников у меня не было, но мною сыграли проходной пешкой в ферзи две конкурирующие, равные по влиянию институтские партии. Так им было удобно, а мне и вовсе хорошо на дармовщинку-то!

Не зря Иван Харлампьевич, всем нам прекрасно памятный первый секретарь обкома в самые золотые советские годы, утверждая мою кандидатуру на пленуме, напутствовал: «Смотри, Володя, должность твоя райкомовской равная... Знаю, справишься; вот и товарищи за тебя дружно проголосовали. Но молод ты. Это не недостаток, конечно, но к осмотрительности тебя призываю».

Хороший был человек, Иван Харлампьевич, но тутто и сглазил. И не состоялась моя докторская степень. Пора, впрочем, и по домам, а как-нибудь за стопкой-другой расскажу по-дружески.

♦ Владимир Васильевич Шерстобитов уже не первый год трудился парторгом института. Вроде все шло прекрасно, знал: с его должности да еще в относительно молодом возрасте через год-другой он смело может рассчитывать, как минимум, на завотделом образования в обкоме. Сам Иван Харлампьевич на последнем пленуме намекнул. Ни одного «чепэ», ни единого происшествия за пятилетку с лишком! Но уже наметанным партийной работой чутьем угадывал без видимых признаков: что-то сгнило в королевстве Датском... Какая-то нестабильность, неуверенность в жизни страны наступила после кончины трех генсеков подряд; вот месяц назад и Константина Устиновича схоронили. Новый же руководитель партии и страны нравился народу, но у опытных людей вызывал серьезные сомнения. Ох, не к добру все это!

Главное, в таких ситуациях женщин не обманешь. Вот и супруга талдычит: защищай поскорее докторскую, не сомневайся — пригодится, как жизнь, не дай, бог, круто завернется.

И то верно, засиделся в кандидатах. Слишком увлекся партийными делами. Еще в бытность работы на кафедре кой-какие наметки по будущей докторской сделал. Однако чтобы довести дело до конца, нужно не менее трех-четырех лет плотной работы от темна до темна. Нет, все это нереально в его нынешнем положении. А реально поступить как все в его ранге делают: найти толкового парня, скомпенсировав ему чем можно и нужно, поставить задачу, самому «засветиться» в глазах начальства и профессорско-преподавательского состава института, используя имеющийся с кафедральных времен научный задел...

Все это хлопотно несколько, но уже через пару лет можно и на защиту выходить ничтоже сумняшеся.

Сказано — сделано с партийной боевитостью и принципиальностью. И исполнитель сам собой выискался, хотя Шерстобитов только двум-трем доверенным людям о своем решении, да и то иносказательно, поведал.

Словом, объявился некто Игорь Загорульный. Окончил он в соседнем областном городе тамошний филиал Баумановки, там же аспирантуру. Защитился и года три преподавал, совмещая с комсомольским секретарством в филиале. То ли простое совпадение, а скорее по наводке друзей-коллег Шерстобитова, но Игорь объявился в их институте и по праву комсомольского секретаря сразу пошел на прием к парторгу. Разговорились. Загорульный имел намерение поступить в докторантуру, которой в филиале не было. Потом он только что развелся с женой и жилья своего у него не было.

Владимиру Васильевичу Игорь понравился: серьезный и основательный в свои двадцать девять лет, масса научных публикаций в солидных столичных изданиях. Опять же комсомольский работник-профессионал и происхождения хорошего: из шахтерской семьи; родители еще до войны с Украины на заработки приехали. Игорь — младший, четвертый ребенок. Вот только развод... правда, без детей. Это уже хорошо.

Парторг ничего не обещал, порекомендовал через пару недель наведаться: «Дел сейчас много, к областной партконференции готовлюсь. Может, что провентилирую». За это время навел подробные справки. Отзывы незаинтересованных людей были самые положительные. И из компетентных органов то же самое. А развод без обиняков объясняли стервозностью экс-супруги. Дело было на мази. Уже через полтора месяца Игорь Загорульный был зачислен в очную докторантуру по кафедре приятеля Шерстобитова, а уже по ведомству Владимира Васильевича Игорь занял вакантное место неосвобожденного заместителя по курированию институтской комсомольской организации. Парень действительно оказался деловит, умен и понятлив.

♦ Уже к началу второго учебного семестра, в феврале, Загорульный принес Владимиру Васильевичу аннотированный план диссертации парторга. Заодно прихватил из институтской библиотеки пару свежих номеров журналов с очередными совместными публикациями статей. Владимир Васильевич все это одобрил, поинтересовался о продвижении работы над диссертацией самого докторанта. Загорульный таким образом выбрал обе темы, что на первых этапах в зачет обоим шли совместные статьи.

Поговорили и о работе. Владимира Васильевича несколько настораживали отдельные проявления вещизма студентов, все большее распространение выполнения курсовых и дипломных работ малоуспешным в науках сокурсникам за деньги. Игорь соглашался, ознакомил партийного шефа с составленным полугодовым планом мероприятий. Тот тоже горячо одобрил, но в глазах Владимира Васильевича заметно присутствовала скука. Что-то уже гнило в советском королевстве.

Под конец беседы-отчета Игорь завизировал у шефа командировку в прежний свой город: там филиал Баумановки проводил отраслевую конференцию по их общей диссертационной тематике. Шерстобитов с удовольствием черканул визу и подмигнул докторанту:

Болонский сон № 51. Ох, и жаркий бой случился в районе макаронной фабрики! Против Добровольческой армии полковника Хмурова в поддержку оробевшим карабинерам выступил корпус, сформированный из добровольцев же Болонского университета с заводилами из факультета права. С деканом этого-то факультета и схватился Хмуров в бою. Скрестив шпаги, Полковник и декан сошлись в словесной перепалке:

— Твою макаронную мать! Сдавайте свой гребанный универ, а то сравняем его корпуса с землей!

— Господин Полковник, вы со своими русскими и ливийскими коллегами совершаете противоправные действия...

— Какое-такое право? Есть право преподавателя учить студентов, а супротив него и право студента на получение знания. Да-да, именно знания, а не бухгалтерии подсчета ваших идиотских баллов!

— Вы не правы! Но даже и не вы лично, не ваши коллеги по Добровольческой армии в этом виноваты. Дело все в том, что Россия совсем недавно, правда, очень успешно начала входить в цивилизованный мир, который почти весь давно уже признал правоту трехуровневого обучения, стобалльной системы, кредита баллов и полной свободы посещения заня...

Полковник уже собрался снести декану голову, но здесь прозвенел звонок на обеденный перерыв. С итальянской стороны послышалась команда: «К макаронам! К фалернскому!» А с нашей? «К водке! К кашам!»

— Небось, и к предбывшей своей заглянешь, а? То-то примечаю: парень ты видный, наши девки вокруг тебя вьются, а ты на них ноль внимания.

— Дело не в этом, Владимир Васильевич, один раз «замужем» побывал, так передохнуть нужно. Потом зарок, как товарищ Фидель Кастро, дал: пока *мы с вами* докторами не станем — ничего с женщинами серьезного. А с Еленой все одно придется встречаться, она ассистентом в Баумановке работает, к тому же секретарем оргкомитета этой конференции.

Знаете, Владимир Васильевич, письма мне пишет, раза два звонила: совсем другая интонация, жалеет вроде как о разводе, главное, что на нее вовсе не похоже, и свою вину частично стала признавать. Может, действительно одумалась? Тем более узнала, что я сейчас докторант и заместитель парторга солидного института...

— Дай-то, бог, если твои успехи на жизненном поприще ее интерес к тебе снова вернули. Это самое лучшее, что можно от обиженной женщины ждать. Даже если и сама обиду сотворила. Поезжай, Игорь, но во всем будь осторожен... какие-то зябкие, что ли, времена на дворе, а?

♦ В первый день конференции он только пару раз перекинулся фразой-другой с бывшей женой, удивительно похорошевшей, что характерно для разведенных молодых женщин: на регистрации и обеденном перерыве.

С обоими своими докладами Игорь выступил в тот же день: на пленарном утреннем заседании и на секционном после перерыва. Доклады были соавторские с Шерстобитовым: пленарный ближе к теме диссертации шефа, секционный — к своей.

Елена явно волновала докторанта, действительно почти полгода прожившего анахоретом, хотя и в отдельной двухсекционной квартире аспирантского общежития. Может, и правда команданте Острова свободы подражал...

Но после вечернего ужина-банкета парторг филиала,

загодя предупрежденный по телефону своим коллегой, включил талантливого докторанта в состав наиболее избранных участников мероприятия, которых заказным автобусом отвезли в загородный санаторий в сосновом бору — с продолжением банкета и отдыхом в палатах-люкс обкомовского резерва.

На второй день пошабашили сразу после полудня. Иногородних участников повезли на экскурсию. Игорю это было, понятно, малоинтересно, он собрался было отправиться на автовокзал, но здесь Елена взяла реванш, заговорила бывшего супруга, пригласила на случившийся концерт московских артистов, а потом попросту и по-дружески предложила вместо забронированной оргкомитетом гостиницы переночевать у нее: «Вроде как не должен еще забыть, что в квартире две раздельные комнаты. Можешь и на задвижку от меня запереться»,— рассмеялась прелестница.

Даже в предразводных баталиях Игорь всегда держал в уме: среди немногих достоинств жены — страсть к кулинарии, что, вообще говоря, нехарактерно для красивых молодых женщин. Ужин с шампанским и прихваченной гостем бутылочкой армянского был восхитителен, равно как и последовавшая ночь великого и бурного примирения. Утром затемно Игорь поспешил на автостанцию, чтобы успеть к одиннадцатичасовой лекции, что читал пятикурсникам. С Еленой договорился встретиться через пару недель: приедет на выходные. Тогда и обговорят все спокойно.

За три часа он выспался в автобусе, прочитал лекцию и зашел в партком — вручить шефу экземпляр трудов конференции. Тот посмеивался, все намекал насчет старой любви, которая не ржавеет. Партийными делами утомлять не стал, порекомендовал идти к себе и хорошо выспаться: «А то от тебя такой роскошный букет из коньяка, шампанского и духов «Фиджи»! Кстати, где это люди в провинции «Фиджи» достают? Дочь моя, школьница, крайне интересуется...»

Елена обещала сама позвонить через три-четыре дня, но на четвертый как раз день от возвращения Загорульного с конференции его позвали к деканатскому телефону прямо с лекции.

— Немедленно ко мне,— с незнакомой жесткой интонацией сказал в трубку на той стороне Шерстобитов,— какая лекция? Мигом в партком! — вовсе перешел на крик парторг.

...Через два дня, подписав в нужных местах обходной лист и выписавшись из аспирантского общежития, отчисленный из докторантуры и уволенный из института Игорь Загорульный уехал к родителям в шахтерский поселок. Больше ему ехать было некуда.

♦ — Вот так и закончились мои докторские поползновения,— с отделенной грустью в лице закончил свой рассказ Владимир Васильевич, сидя с Николаем Андреяновичем в маленьком кафе, куда они зашли в пятницу отметить «по маленькой» завершение трудов по учебным нагрузкам.

— А продолжать начатое? Ведь публикации уже были, планы подробные...

— Куда там! В парторгах едва усидел; сам Иван Харлампьевич вступился. Он человек был добрый по мелочам, даже с юмором. А я вот так кандидатом и остался. Впрочем, хватит о грустном, главное — эти чертовы планы мы с тобой скинули. Давай за это.

Еще Владимир Васильевич рассказал о судьбе неудачливого докторанта. А судьба оказалась более счастливой. Отсидевшись с душевной травмой в поселке у родителей, Игорь двинул сразу в Москву: удачно женился, защитил докторскую диссертацию, в новейшие времена бросил малокормящую науку, подался в бизнес. Сейчас — начальник информационно-аналитического отдела крупного столичного банка.

Возвращаясь после дружеского прощания домой, Николай Андреянович ухмылялся и продолжал восхищаться женской мстительностью.

Оказывается, на четвертый день после возвращения докторанта с конференции в партком института позвонили из обкома и велели Шерстобитову срочно явиться в отдел образования. Там его встретили сурово и молча протянули распечатанный конверт, пришедший по почте. В конверте находился... партбилет Игоря Загорульного и письмо на тетрадном листе в клеточку, написанное нарочито безграмотно. Это-то Владимир Васильевич смекнул сразу.

Из содержания письма в обком следовало, что пишет им обиженная партийцем Загорульным девушка Нина: «*...Я, конечно, женщина честная и незамужняя, поэтому имею право знакомиться с мужчинами и приглашать к себе в гости. А вот ваш партиец Загорульный И. Г. утром сказал, что денег мне на подарок у него нет, а вернется к себе в город и вышлет двадцать пять рублей мне по почте сразу же. Я поверила и денег жду посейчас. А стала постелю убирать, так нашла под подушкой партбилет, который Загорульный И. Г., как самое дорогое ему, туда положил, да видно утром второпях забыл. Знаю, что с партийца за потерю билета строго спрашивают и даже исключают из нашей партии, но не зная адреса его, посылаю вам. Прошу передать владельцу и сильно с него не спрашивать, если он пришлет мне двадцать пять рублей на подарок*».

...Игорь носил партбилет вместе с паспортом во внутреннем, левом кармане пиджака — ближе к сердцу. А так как в те мирные времена паспорта у людей никто и нигде не спрашивал, партбилеты тем более, то докторант его и не хватился. Зато место ношения книжицы с силуэтом Владимира Ильича на обложке хорошо знала бывшая его супруга, вскоре вышедшая замуж за разведенного ею же моложавого декана из филиала Бауманки.

ВТОРОЕ ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

♦ Не только характеры преподавателей отличались от таковых у бывших коллег Николая Андреяновича в «Меткости», а еще раньше в ЦКБ агрегатостроения. Причем, характеры эти нельзя сказать, что отличались в лучшую или худшую стороны. Что стоит здесь один бывший «рулевой» — Владимир Васильевич! Но ведь и в НИИ-КБ не менее занимательные персонажи встречались...

Поначалу его очень поразили происшедшие в вузе перемены: из чисто технического института с выраженным военным уклоном он превратился в университет классического типа; это навроде как Казанский университет, где экстерном получил диплом юриста Владимир Ильич... Разумеется, и здесь уже имелись юридический, экономический и прочие факультеты и специальности, которые Николай Андреянович, как истовый инженер-конструктор старой закалки, обобщенно называл торгово-воровскими и милицейско-бандитскими. Ему пытались коллеги по кафедре объяснить, что это веление времени, стране нужны миллионы экономистов, юристов и содержателей публич... тьфу-тьфу, то есть специалистов по гостиничному хозяйству и туризму, но Николай Андреянович «срезáл» их лаконичной фразой:

— Число юристов пропорционально количеству преступников, а экономистов — обратно пропорционально экономическому же развитию страны.

Матерые дóценты, в среде которых не было принято зубоскалить над временно-постоянными трудностями молодой российской демократии, вдруг вспоминали об учебном процессе и спешно расходились. Более же всего Николая Андреяновича восторгало наличие в университете специальности «Теология», кафедрой которой заведовал главный в городе священник с анархистской фамилией Кропоткин, и медико-физкультурный факультет.

Впрочем, если околоцерковная специальность воспри-

нималась им с юмором, то к медицине Николай Андреянович относился с почтением, хотя и не являлся профессиональным больным. Что такое профбольной, ему объяснил как-то сосед-психиатр при встрече в рюмочной.

— Понимаешь, Андреяныч, вся сущность профессионального больного укладывается в старинный анекдот. Сидит себе Иисус Христос на небеси и смотрит оттуда на страдания земных болящих и корыстолюбивых врачей-выжиг. Как помочь первым? Отпросился он ради благого дела у остальных участников Св. Троицы и прибыл в город *Т.*, устроившись в четвертую горбольницу врачом-терапевтом (Архангел Гавриил снабдил его дипломом об окончании курса и ординатуры в Смоленской медакадемии).

В первый же рабочий день в кабинет вкатился на коляске профбольной, не ходящий с рождения. Вкатился, понятно, не для лечения, а для получения справки на ежегодную инвалидную аттестацию. Христос же, вспомнив двухтысячелетней давности историю с исцелением Лазаря, возьми да и скажи: «Встаньте, больной, с кресла и идите». Пациент послушался, встал, отроду не ходивший, сухо поблагодарил эскулапа и вышел в коридор. Обступили его дожидающиеся в очереди: «Ну как он — новый доктор?» — «Да как и все, даже руки не помыл перед приемом! Вот теперь и инвалидность снимут».

...Рассмеялся Николай Андреянович, но очень ему захотелось подробнее узнать об университетском медфакультете. Бог помогает страждущим от полезной, несуетной любознательности, поэтому сразу после рассказывания анекдота в рюмочную-распивочную вошел гражданин — явно добавить к уже ранее выпитому: на посошок, так сказать.

Но уже через мгновенье Николай Андреянович и вошедший дружески похлопывали друг друга по плечам, поочередно восклицая:

— Сколько же мы с тобой не виделись, а?

Николай же Андреянович пояснял психиатру, что

третий в их компании — бывший его сосед по окраинной улице Севастопольской в металлургическом предместье Косолучье, где он сам жил в студенческие годы с родителями в частном доме. Фамилию бывший сосед имел харáктерную: Язвишин, что соответствовало его натуре и манере вести разговор.

С еще большим восторгом Николай Андреянович и Язвишин обнаружили, что оба теперь являются доцентами в одном и том же университете, причем второй трудится на медфакультете по части просвещения юношества биохимией и биофизикой. Николай же Андреянович немедленно перевел разговор на диковинный в их вузе факультет. Язвишин с мрачным юмором кратко, но толково все обрисовал. Выходило так, что преподы собрались на факультете серьезные, с большим опытом работы в различных медвузах страны, а вот со студиозусами сложнее... впрочем, как и на всех других факультетах: дети своего торгово-воровского времени.

— Понимаешь, Андреяныч, даже при нынешнем полном крахе вузовского образования надо все-таки делать различие между медициной и всеми прочими специальностями. Это даже официальными документами и правилами регламентировано. Возьмем вот защиты диссертаций. Юрист по образованию смело может становиться кандидатом, а потом и доктором тех же экономических наук. Если, конечно, нужное количество долла́ров наскребет. И так далее в любом сочетании: инженер-строитель выходит в педагогические кандидаты, некогда выпускник пединститута — в биологические доктора... Официально де-юре и де-факто существует только два ограничения: ученую степень по медицине и по ветеринарии может получить только человек с базовым медицинским или ветеринарным образованием, соответственно.

Тож и обучение студентов, пусть даже отменных оболтусов. Инженер, экономист, юрист... Сейчас они запросто могут купить диплом на толкучке — и хрен с

ними! Зачем профессорам и доцентам за зарплату — пособие по безработице из кожи лезть вон, вдалбливая в малоспособные головы тонкости наук? Все одно в стране инженеры никому не нужны, экономики никакой нет и в помине. Про юристов уже и не говорю. То есть ни вреда, ни пользы. А вот медикам, точнее той их части, что в лечебники идут, а не в департаментские клерки или на иное теплое место, все же дело придется иметь с живыми людьми... кроме патологоанатомов. И ветеринарам, коль о них вспомнили, тоже с живыми коровами, баранами и котами общаться. Отсюда и особый спрос с медфакультетовских! Еще у нас есть физкультурники, но с них и спрос обычный.

Опять же, Андреяныч, при сегодняшней всеобщей усредниловке все и всея, контингенты-то различные. Сам понимаешь, на ваши технические и все прочие специальности большинство ребят идет от армии косить, а девок родители пристраивают: чтобы в проститутки-содержанки с юности не подались, а диплом получат — уже поздно: некондиция, перестарки!

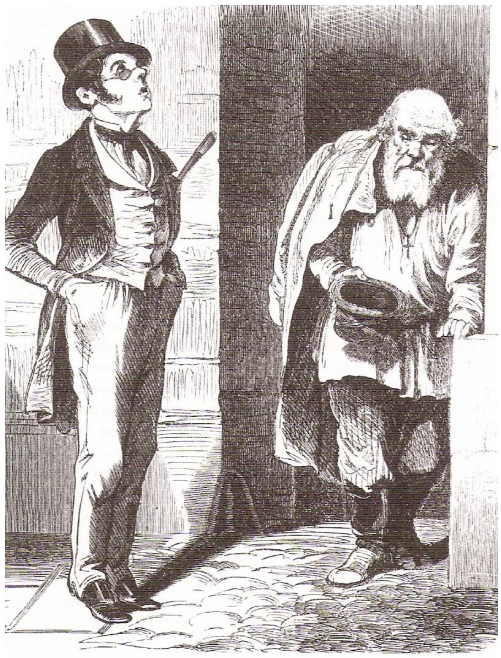
А на медицинский, по большей части, идут по семейной традиции. Но самый ценный кадр — это не потомственные, так сказать, а по призванию. Это как в добрые старые времена...

— Вот видишь,— перебил Язвишина Николай Андреянович,— как вам несказанно повезло! А мне так, хотя и недавно в преподах, уже с усилием приходится идти на лекции и смотреть в пустые глаза этих тинейджеров.

— Не все так гладко, как тебе кажется. Здесь другая напасть: всеобщая коммерциализация...

— Да-да, знаю, платных студентов у вас три четверти или поболее, а плата самая высокая в университете.

— Нет, не в этом дело. Здесь уже, как говорят мои коллеги-медики, порочный круг патогенеза: любой шаг в жизни сейчас требует денег, а деньги можно только тем или иным способом отнять от такого же бедолаги. Я понятно говорю, Андреяныч?

Прогуливается воскресным днем доцент Николай Андреянович, надев для умности во взоре очки, по университетскому городку и натыкается на углу в подворотне на отдаленно знакомое ему обличьем лицо нищего с благообразной академической бородой a la композитор и академик же музыки Асафьев. И вспомнил: это же знаменитый городской книжный коллекционер Тимошин. Поприветствовал его прикосновением двумя пальцами к полям цилиндра, пожелал доброго дня, поинтересовался причиной такой отчаянной бедности.

— Эх, ваше степенство, извиняюсь, не знаю чина-званья и имени-отчества! Пенсион-то справный получаю, даже на едово хватает. Но вот на книги — увы... А я недугом книгособи-

рательства сызмальства поражен до самых печенок. Уже не избавишься. Вот по воскресеньям и прошу милостыню, сам сгорая от стыда. Зато в месяц на четыре-пять книг средней стоимости, то есть рублев по двести, доброхоты накидывают.

— Понятно. А я доцент из университета, тоже люблю книги почитывать: и по специальности, и для души что-нибудь художественное.

— Ну-у, вам проще. Вам, я слышал, к зарплате «книжные» приплачивают. И в каком же, позвольте полюбопытствовать, размере?

— Сто двадцать рублев в месяц!

Тимошин жалостливо посмотрел на доцента, сунул ему в руки свою нищенскую шапку, указал, уступая, на свое место и, горестно вздыхая, побрел к себе домой.

— Врубился. Это как сегодня утром, завтракаю на кухне яишенкой на сале свином... вредно в нашем возрасте, но вкусно. Так вот, а кухонный-то динамик голосом местного журналюги Щеголькова радостно сообщает: дескать, наш город переживает самый пик экономический; из трехсот тысяч работающих половина состоит в малом и среднем бизнесе. То есть, переводя на русский язык, на одного работающего человека в городе приходится один торгаш. А так как это абсурд, чтобы у продавца имелся только один статистический покупатель, к тому же малоденежный бюджетник, инженер или студент, то получается: торгаши друг у друга отовариваются.

— Совершенно верно. Медицина наша уже давно де факто стала платной, в основном черным, реже — серым налом. Поэтому и нынешние студиозусы, уже с молоком матери, или тем комбикормом, детским питанием, которым их вскармливают, основу и смысл жизни видят в деньгах. Желательно в зеленых или кремового оттенка с двойной надписью: латиницей и греческими буковками.

— Прислушиваешься, Андреяныч, например, в транспорте, в университетских курилках: о чем наши воспитанники талдычат?

— Конечно, о мобилах, стоимости иномарок, крутых компах. Самое интересное и странное для их возраста — совсем не говорят о девицах!

— Все это так, наблюдательный ты наш, но вот тет-на-тет, как говорят в Нижнем Новгороде по-французски, они беседуют только о том, как по окончании вуза устроиться в самое зашибательское по деньгам место. Юристы — по части взяток, экономисты и ориентирующиеся на чиновничество... впрочем, тоже о взятках. И так далее. Не сомневаюсь, что в военных училищах и духовных семинариях о том же речь ведут, ведь термины «военный бизнес», «церковный бизнес» у всех на слуху.

Не миновала чаша сия и студентов-медиков, гото-

вящихся, так сказать, к труду на поприще самой гуманной профессии.

Мне вот в прошлом году дали дополнительную четверть ставки — читать первокурсникам лекции по медицинской этике. Никто не взялся: дисциплина, дескать, философская, а мы узкие профи. А вот ты, брат Язвишин, склонен к отвлеченным рассуждениям — тебе и карты в руки! Четверть ставки на дороге не валяются, вот и взялся.

Предмет и самому занимательный, но несколько щекотливый в наше корыстолюбивое время. Я не люблю часы отчитывать, то есть отбарабанил заученно свою «пару» по конспекту, выверенному по программе — и был таков. Тем более что предмет этот — действительно, палка о двух концах. С одной стороны, про бескорыстие врача надо рассказывать, ссылаясь на Гиппократа и русскую земскую бессеребрянную медицину, с другой... надо учитывать реалии нашего сегодняшнего здравоохранения.

До скандалов дело доходило. Как-то обмолвился на лекции, дескать, услугами серьезных медучреждений — не обнищавших МУЗ и МСЧ* — сейчас могут пользоваться за баксы-евро только бандиты, воры, спекулянты-торгаши, чиновники-взяточники и «прочие честные предприниматели». Студенты, научившиеся понимать мой язвительный юмор, оттаявшие душой, дружно рассмеялись. А через день меня заведующий кафедрой вызывает в неурочное время. Вхожу в кабинет-закуток, а половину его жилплощади занимает некто огромный, в версачевской белоснежной тройке, с гневом на черноземной морде, что на фотографии не умещается. Сразу в назидательный крик: «Вы нарушаете конституцию, проповедуете социальную рознь! Я, как депутат областной думы и предприниматель...»

---

* Муниципальное учреждение здравоохранения и медико-санитарная часть.— Прим. авт.

Хотя и с легкого похмелья (накануне день ангела куму справляли), но внимательно выслушал чесучево-белоснежного, а под конец и вовсе узнал в достопочтенном депутате — знаешь, Андреяныч, кого? — Кольку Резниченко, да-да, того самого из наших косолученских мест, с Доменной улицы, кого из ментовки за взятки вышибли. Вспомнил? Я ему и говорю: «Здорово, Коль! Помнишь, как я тебе сопатку расшиб, когда ты после ментуры уже пробовал права качать по старой памяти, к бате моему примотался: флаг красный на доме не накануне, а поутру на Первое мая вывесил?»

Слегка остолбенел Коля-депутат, несколько смешался, но лицо тренированное не потерял и, сделав выговор завкафедрой, вышел, хлопнув дверью.

Еще и другие истории случались. Завкафедрой нервничает, а мне мой вредный характер не позволяет «держаться в рамках». Вот завтра, наверное, опять будут по начальству в отношении меня звонить. А почему? Потому что опять на лекции правду-матку начал резать. Не робейте, мол, ребята. Лет через пять, как раз когда вы университет закончите, случится гигантский наплыв платежеспособных пациентов. Дело в том, что к этому времени всем честным предпринимателям, а они начали свою деятельность в молодом возрасте, стукнет по 35—40 лет, и их организмы, испорченные нервически-активной жизнью, пьянками, половыми излишествами, неумеренной жратвой, срочно потребуют ремонта. А в массе своей провинциальной они до загранлечебниц не тянут, масштаб не тот. Вот и бросятся в объятия местных эскулапов, а те — то есть и вы уже — скоренько растрясут их карманы, прописывая, как писал Чехов в рассказе «Сельские эскулапы», *olii licinii и ammonii causticae**. Будет, дескать, ребята, и на вашей улице праздник!

И знаешь, Андреяныч, читаю я лекцию и присмат-

* Касторовое масло и нашатырный спирт.— Прим. авт.

риваюсь к мечтательно задумавшимся студентам. Далеки их мысли от медицинской этики. Даже на 100 % знаю: о чем они мечтают.

♦ Первокурсник Димка Жвакин, родом из районного городка соседней области, сидел на самом верхнем ярусе амфитеатра лектория. Далеко внизу горячился доцент Язвишин. Ранневесеннее солнышко припекало лицо Димки. Он снисходительно слушал разошедшегося препода, трогательно рассказывавшего о традиционном бескорыстии русских врачей. Звучали имена Мудрова, Пирогова, Захарьина, Боткина, святых докторов земской медицины, на последние свои копейки покупавших лекарства для безденежных пациентов-крестьян.

Однако солнце размаривало, Димка впадал в полусон-полуявь. Голос доцента все глуше доходил до верха амфитеатра. Жвакин оглянулся вправо-влево: Катька Роганкова увлеченно переписывала с чьего-то конспекта по биологии, а сидевший слева Арсен Алвазян откровенно спал по стойке «смирно».

...И привиделось в полусне-полуяве Димке нечто чудесное, навеянное словами лектора. Вот он, уже Дмитрий Васильевич, окончил курс и интернатуру по специализации — какой? Это неважно — по какой. Будучи по-провинциальному сметливым, он не помчался, как другие дурачки, в Москву. А что в ней, первопрестольной? Кто его там ждет? Конкурентов тьма, а вся высокая зарплата уходит на оплату съемной квартиры в Чертаново и транспорт с тремя пересадками. Нет, он вернулся в родной городок, где уже через полгода прослыл истинным целителем. Бабки, профессиональные больные, за него свечки Богу ставят в храме Николая Угодника. Аж из самого областного города в очередь записываются по мобильнику. Вся местная братва, администрация, крупные ларечники, армянская и дагестанская торговые диаспоры у Дмитрия Васильевича пользуются.

Сидит он в кабинете № 12 в белоснежном халате,

сшитом по заметно полнеющей фигуре, а изящная медсестра-услада Нонночка выкликивает через полуотворенную дверь очередного пациента:

— Джавахарлаев! Заходите.

Входит обычно сановитый, но здесь вовсе потерявшийся от нахлынувшей хвори владелец главного в городе супермаркета «Копейка рубль бережет». Доктор даже и не делает обычных манипуляций со стетоскопом и градусником, просто внимательно осматривает со стороны бедолагу и диктует очаровашке-медсестре:

— А выписать ему олии лициниии и аммонии каустице.

Расцветает в восторге до того бледный язвенник Джавархарлаев, с чувством жмет руку доктору-целителю и, уходя, ловким движением руки мечет на столик Нонночки конверт двухсантиметровой толщины.

Откуда же эти олии и аммонии в память запали? — А это воспоминания деревенского детства: старый патефон и грампластинка, сохранившаяся с шестидесятых годов: художественное чтение рассказа Антона Павловича о сельском фельдшере, заменившем на приеме доктора, уехавшего с приятелем-становым на охоту...

Всего полгода проврачевал доктор Жвакин, а все у него вроде как есть: отселился из родительской «хрущевки» в собственный загородный коттедж, женился на дочери главы города, Нонночке-утешительнице купил квартиру в центре (жена больно страхолюдная и толстая), две нехилые машины в гараже... Ан чего-то не хватает, например, собственного вертолета, как у некогда бывшего академика-глазника, тоже целителя всемирной известности. Опять же дачи в Ницце, квартиры в Париже — для отдыха от трудов праведных. И много чего другого.

Увы, с местных доходов не разжиреешь, по-настоящему богатых людей в районной глубинке не водится. «Эх-х! — мечтает Дмитрий Васильевич, уже затем-

но собираясь идти от страстных ласк Нонночки в уютной квартирке домой, к пресно-ржаной супруге.— Вот бы подцепить московского олигарха, а то и вовсе хана-султана из нефтяного княжества? Обнимает, уже готовый в путь, раскаленную от избытка женского фермента эстрагена Нонночку, а та чуть не вдогонку:

— Димуля! Ты опять забыл *наши* часики.

Дмитрий Васильевич задорно ухмыляется и надевает на запястье настоящую швейцарскую «Омегу» с платиновым браслетом. И Нонночка прыснула весело в ладошку. У часов своя история, и они с Нонночкой называют их талисманом и спасителем любви.

Дело все в том, что теща его в последние два-три года сильно сдала, какая-то неведомая хворь по части селезенки к ней привязалась. Супруг кучу денег, сэкономленных на ремонте городского водопровода, на ее лечение в столичных лечебницах потратил, но — все тщетно. Супруга к огорчению городского головы Григория Кузьмича угасала. Ведь он хорошо помнил, что на ней, еще более некрасивой и толстой, чем дочь их, он женился в далекие советские времена, взяв в приданое от тестя, второго секретаря райкома партии, стартовую должность секретаря комсомола того же района.

С появлением в городе доктора-целителя появилась и надежда, но Дмитрий Васильевич все больше ориентировался на мнение Григория Кузьмича, а тот, мужик еще крепкий по женской части, как-то вяло говорил с зятем о болезни Настасьи Ивановны. Поэтому зятек обеим женщинам говорил что-то невнятное: дескать, по селезенке он не спец, так как про болезни этого второстепенного органа им забыли рассказать в университете...

Устав уговаривать, супруга пошла в наступление на доктора-благоверного: либо вылечишь маму, либо же заставлю отца выгнать из больницы и вообще из города твою проститутку-медсестру! Дмитрий Васильевич настолько испугался, что избавил Настасью Ивановну от

Болонский сон № 69. При штурме завода по производству мотоциклов и мотороллеров, преграждавшего прямой выход на западную стену Болонского университета, карабинеры и университетские волонтеры прибегли к хитрости: открыли шлюзы заводского технического водохранилища. Фукусимским валом мутная, неотстоявшаяся вода захлестнула бойцов Добровольческой армии полконика Хмурова.

«Не робей, ребята! Вперед, чудо-богатыри!» — Голос Полковника вдохновил оробевших было добровольцев, а ему, как то и бывает с творческими людьми с выраженным ассоциативным мышлением, в этот трагический было момент пришла в голову гениальная мысль, а именно: как радикально решить злободневный вопрос о борьбе со всякими студенческими гэджиками, с помощью которых они умудряются отвечать на вопросы экзаменатора.— Все эти хитрые мобильники, дистанционные микрофоны и прочая дрянь, которую они успешно маскиру-

ют в одежде, прическе у девушек и так далее вплоть до срамных мест.

«Надо по возвращении домой убедить ректорат построить большую университетскую баню с мужским и женским отделениями, а экзамены принимать в бане у голых студентов».

В полном восторге Полковник ринулся на неприятеля, увлекая своих бойцов. И тут же восторг его поубавился: ведь могут против его предложения возразить представители всяких комитетов по толерантности: а как, мол, быть с трансвеститами и прочими извращенцами? Вот незадача-то...

погибельной хвори даже без олии и аммонии — одним прикосновением руки.*

С этого дня он приобрел двух верных друзей — тещу и жену, простивших ему Нонночку сейчас и на будущее, несколько охладевшего к нему тестя, а главное — злейшего врага на всю жизнь: секретаря-референта главы города Инессу, разведенную тридцатидвухлетнюю бальзаковку, отчаянно красивую, в самом женском соку, которая уже несколько лет почти в открытую жила с Григорием Кузьмичом, полностью обрела власть над ним и строила вполне конкретные планы. Увы, выскочка-доктор, клистирная труба, их разрушил... А выздоровевшая Настасья Ивановна зачастила к косметологу и каждое утро проводила в женском фитнесс-клубе «Баба ягодка опять». В честь зятя заказала торжественные молебны во всех трех городских храмах.

Тесть официально поблагодарил целителя и по наущению супруги подарил ему швейцарские часы ручной работы, изъяв миллион рублей из фонда ремонта ветхого жилья.

Прошло еще полгода, а в самый канун яблочного Спаса, он же очередная годовщина *ГКЧП*, пополудни в кабинет № 12 бесшумно вошел, вежливо отстранив вставшую на его пути Нонну, некто в костюме лондонского пошива, в шляпе за тысячу долларов и темных очках. Попросил аудиенции наедине. Говорил с легким акцентом кратко и убедительно:

— Сэр, я представляю его величество эмира Иллязара Барлык-Елдирдина ибн Бенладерна XVI-го. Эмир тяжело болен, а мы получили самые авторитетные ре-

---

* «Пришед в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке. И коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им. Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных» (Матф., 8, 14—16).— Прим. авт.

ференции о вашем высоком врачебном искусстве. Предлагаем вам, достопочтимый сэр, заняться лечением его величества. При вашем согласии мы проследуем на городскую площадь имени Ленина, где нас ждет вертолет, который доставит в город Белгород. Там на взлетной полосе и с работающими двигателями стоит личный «Боинг-747» эмира, который доставит вас на Ближний Восток. Понятно, что в случае успешного излечения сумма гонорара вас приятно удивит.

— Послушайте,— ошарашенно спросил доктор,— у меня два вопроса: во-первых, вы в состоянии пригласить лучших врачей из Америки и Европы; во-вторых, почему надо лететь через Белгород?

— Его величество в течение года пользовали около полусотни мировых медицинских светил, в том числе шесть нобелевских лауреатов. Увы, они даже не смогли диагностировать заболевание. Эмир уже третий день в коме. Дорога каждая минута.

Что же касается Белгорода, то это ближайший отсюда город с аэродромом, с которого могут взлетать лайнеры. Так вы согласны, сэр?

Кстати или некстати, Дмитрий Васильевич припомнил некогда слышанное: в Израиль можно лететь рейсами из Москвы или из Белгорода. Второе намного дешевле. Разумеется, он согласился, поцеловал на прощанье Нонночку, позвонил домой, что убывает на несколько дней в зарубежную командировку. Уже на следующее раннее утро его ввели в больничные покои эмира. Робко посторонились перед вновь прибывшим сконфуженные нобелисты из ведущих клиник Америки и Европы.

Навстречу ему бежал взволнованный главный визирь. Переводчик по-русски озвучил его стенанья: «Что же вы так поздно, его величество уже час как беседует с аллахом!»

Доктор невежливо отстранил визиря, подошел к одру безжизненного эмира и громко сказал:

— Талифа куми!*

И эмир Иллязар (то есть Лазарь по-арабски) и так далее, встал и обнял целителя. Тому даже показалось, что от вмиг порозовевшего ибн Бенладерна попахивает кунжутной халвой, жареным миндалем и запретным для мусульман «Клико» высшего сорта. Обалдевший от радости визирь дал какую-то команду по мобильнику, и по всему нефтеносному эмирату ударили в тулумбасы, запели карнаи.

— О, аллах, как я проголодался! — молвил эмир и, полуобняв доктора, повел его в столовые покои со спешно накрываемым достарханом на пятьсот персон.

...К специально зафрахтованному для Дмитрия Васильевича аэробусу с сауной, бассейном, рестораном и десятком девушек для развлечений героя дня провожал эмир со всем двором. У трапа главный визирь вручил эскулапу сертификат о пожаловании титула великого паши-целителя всех времен и народов, высший в эмирате орден Золотого верблюда с пальмовыми листьями, обсыпанный брюликами по двадцать карат, а сам эмир протянул сиреневого оттенка чек на *Bank of New York*. Соблюдая этикет и достоинство, Дмитрий Васильевич все же скосил глаза на чек и никак не мог сосчитать количество нулей в сумме: что справа, что слева они еле умещались по ширине листа.

В тот момент со стороны Египта, из Нубийской пустыни налетел порыв жаркого суховея. Чек зашелестел на ветру, выпал из рук и закружился в танце по бетону взлетной полосы. Доктор быстро нагнулся. А великий визирь поднял вверх руку с колокольчиком и

---

* «Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! Иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет» (Иоанн., 11, 43—44). Талифа куми! — Встань и иди! — Те же слова Христа, что и приведенные выше, но по-арамейски — язык древних иудеев.— Прим. авт.

отчаянно затрезвонил, давая команду экипажу самолета разогревать двигатели.

...Студенты зашумели, повскакали со скамей, собирая свои конспекты. А Катька Роганкова и проснувшийся Арсен Алвазян с интересом смотрели на Димку Жвакина, съехавшего со скамьи, засунувшего голову под крышку парты и что-то суетливо ловившего на полу, прихлопывая обеими ладонями.

— Ты чего, Дим?

— Да так, ручку уронил.

Из аудитории Димка выходил с сомнительным чувством. С одной стороны, жаль, если недавняя мечта не сбудется, а с другой — повезло: хлопая ладонями по полу, он нашел сложенную вдвое сотенную бумажку, кем-то из предыдущих слушателей оброненную. К сожалению, не долларовую.

ОБОЛОНИВАНИЕ

♦ Полковник Хмуров, как истовый малочерноземный русак, превыше всех кухонь мира ставил русскую народную. И хотя пареную репу не любил, даже ни разу ее не пробовал, но настоящим наркотиком для него являлась селедка с отварной картошкой. Но — привередливо приготовленная. Чтобы картошка была рассыпчатой, а такая произрастает лишь на песчаных землях соседней калужской области, а селедка — засоленная супругой, великой искусницей этого, вообще говоря, не слишком любимого женщинами, приготовления. Много хлопот: проследить, чтобы целиковые, ошкуренные рыбины не пересолились, а потом тщательно выбрать все косточки, порезать на кусочки, в меру сдобрить неподдельным растительным маслом и посыпать размельченным зеленым или аккуратно порезанным колечками репчатым луком — в зависимости от сезона.

Калужская картошка покупалась на Южном рынке на окраине города; мимо него как раз проходила трасса

на Калугу. Свежемороженая селедка бралась там же в рыбных рядах. Много хлопот супруге доставляли поиски неподдельного подсолнечного масла.

Бесконечно дисциплинированная, тем не менее супруга иногда пробовала возражать:

— Ну чем тебе это масло не нравится? Видишь, на этикетке написано: «Подсолнечное масло высшего сорта «Солнечный дар» — натуральное, нерафинированное, первого холодного отжима».

— Во-первых, смотри где сделано это масло; во-вторых, пахнет ли подсолнухом.

— Вот... написано: произведено в Екатеринбурге. И вроде как пахнет подсолнухом.

— Сколько же мне тебе, дорогая, объяснять: подсолнухи в бывшем Свердловске не растут. Они произрастают на Украине, а у нас — в Ростовской области и на Ставрополье. И то сомнительно, что и там в бутылки чистое подсолнечное разливают. А по всей стране в бутылки льют пальмовое масло, которым Малайзия с середины девяностых годов расплачивается бартером за закупленные у нас истребители. Оно дешевое, пальм у них много, ухода они не требуют. Так что еще лет десять будут во Владивосток его танкерами привозить. А для запаха его процентов на пять-шесть разбавляют настоящим подсолнечным, что закупают в Швейцарии.

А с недавних времен Полковник — по мнению супруги — и вовсе чудить начал:

— Знаешь, Андреевна, репчатый лук под селедку лучше брать краснодарский, что фиолетово-красный, слегка сладковатый на вкус. Его корейцы, Иосифом Виссарионовичем на Кубани поселенные, выращивают. Самый лучший, полезный, вкусный и — главное — экологически чистый лук! Ты как пойдешь на Южный за селедкой и маслом, что воронежские купцы на розлив привозят, так насчет краснодарского побеспокойся.

...Видно в тот вечер супруга подала на ужин картошку с селедкой, приготовленные по всем диспозициям

главы семьи, если Полковник явно переел, хотя обжорой никогда не был, даже придерживался своеобразной, но все же диеты. Например, остерегался жира животного, но водку закусывал корейкой. Потому и имел к своим годам почти юношескую осанку — в части пропорций — и болел только гриппом раз в три года, когда неряхи-студенты в эпидемию обчихают.

Селедка — продукт коварный в смысле переедания. Через час после ее введения в организм целым чайником не напьешься. Затем легкий озноб изнутри идет, а когда переевший на боковую укладывается, то в желудке приятным теплом пышет. «Слава те, господи,— облегченно думает перекушавший,— все позади; теперь больше трех-четырех малюсеньких кусочков за ужин в рот не возьму!»

♦ Но рано господа вспомнил неаккуратный едок! Снятся всю ночь страдальцу вовсе не радужные сны, но почти кошмары: то есть гипертрофированная наша реальная жизнь, которая и сама-то от кошмара недалеко ушла. А утром, как последние нравоучительные напоминания гурману — просыпание с головной болью, даже если здоровье у переевшего как у курсанта отряда подготовки будущих космонавтов.

Вот и Полковник наутро проснулся смурным. А по дороге пешим маршем вверх по проспекту все вспоминал и вспоминал давешний сон.

Снилось: прямо с лекции заглянувшая в аудиторию Света передала приказ шефа: «Срочно в кают-компанию к шефу!» Полковник строевым шагом проследовал по указанному адресу. Кабинет Дьяконова плотно обсели все сотрудники кафедры. Молодые ассистенты и аспиранты, которым не хватило стульев и солидного кожаного дивана, вольнолюбиво сидели, болтая ногами, на двух столах, что по обе стороны входной двери использовались в предпраздничные дни... понятно для чего использовались.

— А вот и Григорий Иваныч пришел,— встретил

его, поднимаясь со своего жесткого полукреслица Вадим Фомич, слегка нервно поднимая то левый, то правый ус,— что ж, начнем, товарищи.

По кивку шефа Прокофьич в парадном синем халате подошел к двери, дважды повернул в замке ключ и встал по стойке «смирно». Полковник занял его освободившийся стул.

— По агентурным данным, что я получил по линии старых военно-морских связей, должен сообщить вам пренеприятнейшее известие: масонская верхушка Болонского университета распорядилась вместо стабильной системы оценок ввести *666*-балльную, то есть всех преподавателей и студентов мира привязать к числу дьявола. Поскольку волнения греческих студентов против *ЕГЭ* и прочих происков болонцев, к сожалению, улеглись, то инициатива переходит к нам, а именно — к нашей кафедре.

— А почему именно к нашей?

Дьяконов пристально посмотрел на любопытного экс-парторга Владимира Васильевича, дважды передернул усами и прижал указательный палец к сомкнутым губам:

— Тс-с-с! Строгий секрет. По разнарядке международного центра противодействия *оболониванию* имени Песталоцци и Яна Амоса Коменского. Для аспирантов поясняю: названные товарищи — выдающиеся педагоги прошлого. Не грех вам, будущим педагогам, хотя бы имена такие знать. Ну-у и отечественных великих по этой части: Вахтерова, Ушинского, Выготского и, конечно, Татьяну Антоновну, нашу современницу, ректора соседнего педуниверситета. Недавно ее Минвуз назвал лучшим педагогом страны.

Итак, товарищи, вопрос обсуждению не подлежит. Надо принимать эстафету от греческих коллег. Я тут посоветовался с Генрихом Семеновичем, и мы с нашим ректором пришли к одному решению: откомандировать в город Болонью нашего боевого коллегу, заслуженного

фронтовика Григория Ивановича Хмурова. Поаплодируем, товарищи!

Более того, несмотря на тяжелое финансовое положение университета и вообще всей страны, так что даже нашим выдающимся олигархам не всегда хватает денег на новые крейсерские яхты, бухгалтерия оплачивает Григорию Ивановичу проезд туда и обратно в общем вагоне почтово-пассажирского поезда и суточные в размере пять евро. В сутки, конечно. К сожалению, гостиничные не предусматриваются. Диспозицию действий вам, Григорий Иванович, вру́чит, или вручит, на перроне при посадке на московскую электричку начальник первого отдела Бабенко. Пакет же с пятью сургучными печатями надлежит вскрыть по прибытию в Болонью.

...Далее в сне случилась перебивка: мучимый селедочной жаждой Полковник встал с постели, сходил на кухню и выдул почти целиковую полторашку домашнего морса. Снова лег, закрыл глаза. Сон продолжился уже в другой окраске.

Полковник в мундире гарибальдийца, то есть в синих шароварах и алой рубахе, с зеленой косынкой на шее и в форменном картузе с козырьком на голове, размахивая саблей, ворвался впереди отряда своих бойцов в ворота Болонского университета.

Масонские гвардейцы университетской охраны в пелеринах с эмблемой Вельзевула дали нервный залп из мушкетов, но под натиском гарибальдийцев в панике бежали, рассеиваясь по коридорам университета.

Полковник с десятком наиболее лихих и надежных бойцов в зеленых косынках ворвался в кабинет проректора по мировому оболониванию:

— Кажи, собака, секретный циркуляр! А то я тебе самолично голову снесу!

Проректор дрожащими руками, пальцы которых унизаны золотыми перстнями с тайными символами масонства, протянул ему свиток пергамента, завязанный

шелковым шнурком, на свободном конце которого свисала массивная сургучная печать с барельефом Сатаны.

Полковник спрятал свиток под алой рубахой, велел гарибальдийцам заковать пакостного проректора, а заодно и весь ректорат и деканов университета в кандалы и отправить в бессрочную каторгу на каменоломни в Карраре. Сам же, вскинув правую руку, взглянул на стрелки своих «командирских» и трехэтажно матюгнулся: срок его командировки отсчитывал последние минуты.

...Отъезжая с вечерним почтово-пассажирским из Болоньи, Полковник любовался прекрасным итальянским закатом: с иссиня-лазурного неба опускалось за горизонт утомившееся за трудовой день солнце, то скрываясь, то вновь выныривая из дыма горящего старейшего университета Европы. Скажет им командир, Джузеппе или Полковник, например: выжечь заразу под корень — выжгут вместе с фундаментом!

Григорий Иванович очень хотел досмотреть сон до волнующего момента вручения отвоеванного свитка Генриху Семеновичу, но... абсолютно здоровые почки прервали почиванье: выпитый на ночь большой чайник и полторашка домашнего морса просились на свободу. В третий раз увлекательный сон, обидевшись, не вернулся.

— Пересолила ты, боевая подруга, на этот раз селедку,— сделал Полковник поутру легкий втык супруге. А по пути на службу (иначе он род своих занятий не называл) все размышлял: что же в том масонском пергаментном свитке, что он должен был вручить прежнему еще ректору своего университета, было начертано? Проклятая селедка!

♦ Как и положено профессиональному военному, шел он по четной стороне проспекта. Кстати, все четыре десятка зданий университета — от приземистых отраслевых лабораторий до десятиэтажных корпусов и общежитий — располагались именно на этой стороне на протяжении двух километров вдоль проспекта и на полкилометра вправо, вглубь. И только военно-техни-

ческий корпус с дорическими колоннами горделиво стоял на нечетной, причем на траверзе «четного» корпуса технологического факультета, тоже «сталинской» постройки, тоже с колоннами, но уже не дорическими, а ионическими. Так они и смотрели друг на друга, словно соревнуясь. И не удивительно: до хрущевской гигантомании объединения эти здания являлись главными корпусами двух совершенно отдельных технических институтов. Когда же их слили в один из крупнейших в стране вузов, то главным корпусом сделали новопостроенное в самом начале шестидесятых годов солидное здание в верху проспекта: что-то в нем еще проглядывалось от позднего сталинизма в архитектуре, но увы... От фронтона осталась полоса под название, а вместо колонн — символические прямоугольные ростры не выше второго этажа. Вроде похоже, но все уже не то.

Поскольку теперь бывшие главные корпуса уже таковыми не являлись, то их следовало занумеровать. Понятно, что, учитывая их прежнюю «главность», первые два номера им и отдали. Но кому стать почетным первым корпусом, а кому престижным вторым? Спор разрешили по-советски, то есть директивно: первым стал будущий «пентагон», поскольку именно его бывший руководитель стал ректором объединенного института.

Когда во второй половине семидесятых годов в городе вспыхнула кратковременная горячка строительства подземных переходов, то одним из них соединили военно-технический и технологический корпуса. Именно по нему Полковник и переходил с четной на нечетную сторону проспекта, неодобрительно оглядывая в подземелье расклеенные по кафельным стенам плакаты с рекламой энергетического напитка «Burn». На плакатах был изображен лихой юноша в джинсухе, явно студент, не вылезающий из-за неуспешности в учебе из академок, стоящий к зрителю задом. А уже перед плакатным тинейджером полыхал пионерский костер, который тот тушил мощной струей собственной мочи. Почки у бал-

беса, как и у Полковника, явно работали отменно. Как рассказывал Хмурову сосед по лестничной площадке, мелкооптовый торговец бананами, что летние отпуска проводил в европах, такие же точно плакаты повсюду развешаны и за бугром. «Понятно,— ответил Полковник,— входит в программу оболонивания».

Кстати, когда знаменитый первый секретарь обкома Иван Харлампиевич утверждал проект строительства подземных переходов, то соединяющий четный и нечетный корпуса не предусматривался. Но вскоре пришлось внести коррективу. Случилось дорожное происшествие. Дело в том, что профессор Мастодонтов из «пентагона», не то что всесоюзная, но даже и мировая знаменитость в части теплофизики, то есть теории ракетных и вообще реактивных двигателей, обедать ходил не домой, а в ресторан «Юбилейный», что на четной стороне проспекта, в двухстах метрах от технологического корпуса. Поскольку же до ближайшего официально-милицейского перехода было в два раза большее расстояние, то и осанистый Мастодонтов, фигурой своей оправдывавший фамилию, и хлипковатые студенты в районе противостоящих корпусов переходили проспект, нарушая правила.

Учитывая студенческую вольность и трудность перевоспитания, с этим все давно смирились: и водители, по своей воле притормаживающие на траверзе корпусов, и проезжающие гаишники... и, конечно, сами студенты и преподаватели. Известно, что законы в нашей стране для того и писаны, чтобы их нарушали.

Словом, никаких *ДТП* именно в этом районе массовых нарушений *ПДД* как раз не случалось. Поэтому многие в институте и вообще в городе удивились, когда на могучего Мастодонтова, предвкушающего обед в «Юбилейном», славящемся своей сборной солянкой, оливье, котлетами по-киевски и импортной польской «зубровкой», и шествующего через проспект, на осевой его линии робко наехал «запорожец». Как потом выяс-

нилось, пожилой водитель смешной машины жил в недальнем шахтерском поселке и городских нравов не знал, редко здесь бывая.

Почти мировая знаменитость получил тройной ушиб конечностей без признаков переломов, а чуть больше пострадало изделие запорожских автоумельцев — сломанный бампер и фара, погнутый радиатор и выбитое ветровое стекло.

...Как потом в течение двух десятков лет из поколения в поколение передавали студенты и преподаватели: когда через неделю Мастодонтов выписался из больницы, где все время проводил в конференц-зале, с азартом дописывая свою новую монографию, поселковый «запорожец» находился еще в разгаре ремонта.

Но вот Иван Харлампиевич, случайно узнав о происшествии, разволновался:

— Так *у меня* всех знаменитых профессоров из строя выведут! А ну-ка, дополните проект подземным переходом в районе института!

Сказано — сделано. Так гласит неофициальная, неписаная история нашего славного вуза. Где те могучие профессора, ради которых сам хозяин распоряжался тоннели копать? Увы, все они сейчас, в новейшие времена, равномерно распределились барельефом по фасадной стороне цокольного этажа военно-технического корпуса...

...Полковник, все еще огорченный вчерашней селедкой с картошкой, дошел по четной стороне проспекта до широченной лестницы в технологический корпус, автоматически отсчитал пять шагов и сделал, не замедляя хода, поворот налево, чуток скорректировал на десяток тысячных* вправо и взял курс на вход в подземку, огибая новомодный памятник, воздвигнутый перед технологическим факультетом по инициативе Генриха Семеновича.

---

* Угловая единица, принятая в артиллерии. Наш Полковник ранее работал... извиняемся, служил на военной кафедре с артиллерийско-ракетной спецификой.— Прим. авт.

Интересуется внучка Дашенька, студентка первого курса факультета менеджмента и национальной экономики Тулуповского университета, у своей бабушки, вяжущей попонку для теплолюбивого кота Амфибрахия:

— Бабуля! Ты ведь, блин, тоже в универе типа того — чалилась?

— Ох, внученька, не понимаю я нонешний язык, хотя еще хорошо помню французский и немецкий.

— Ну-у, как тебе объяснить... ты после школы вроде как училась?

— А-а, дошло, миленькая, дошло. Как же, училась и с «красным» дипломом ракетостроительный факультет нашего института закончила.

— Фи! Сейчас на этот факультет самые тупые и безденежные поневоле идут. Что ж ты на экономический не пошла?

— А экономические специальности, Дашенька, в наше тоталитарное время называли отстойником для самых некрасивых и глупых троечниц. Вот как времена-то меняются! И чему вас там учат на этом самом экономическом менеджментере?

— Не знаю, бабуля, еще не поняла. Но разве в этом смысл жизни современной? Мне надо фигуру совершенствовать, приискивать мужа-миллионера, а за диплом папаша, твой сынок, заплатит из доходов своего бизнеса.

— Да-а, Дашенька, меняются времена. А вот и папа твой к обеду пришел. То-то подгнившими бананами запахло...

♦ Дело в том, что под конец своего четвертьвекового стояния у руля ведущего вуза страны, конец естественный — по причине приближения к восьмидесятилетию, Генрих Семенович полюбил путешествовать по чужеземным краям. Естественно, радея об университете и по обмену опытом воспитания юношества в духе глобальной толерантности и приверженности Болонскому процессу.

«Процесс пошел! — подмигивал мудрейший и склонный к юмору с серьезным выражением лица ректор, прошедший за долгую руководящую жизнь огни, воды и медные трубы,— и нам грех от процессов отставать, коль возможность такая появилась!» Когда же равные ему по чину или университетские профессора с «весом», да еще не один пуд соли с ним съевшие, упрекали: дескать, грешно-то как раз пировать во время чумы, разъезжая по америкам-европам, то Генрих Семенович пожимал плечами: «На всех не угодишь. Я стараюсь держаться посередине. Хотя... демократы меня называют коммунистом, а бывшие товарищи по партии — демократом. На всех не угодишь».

Из заграничных вояжей посвежевший и всегда по жизни энергичный, несмотря на возраст, ректор возвращался, воодушевленный забугорными новациями в части образования: дистанционное обучение, необязательность посещения занятий студентами и так далее. А прямо накануне сдачи своего поста молодой смене — другу нового уже губернатора — вернулся Генрих Семенович из Америки, где подсмотрел во дворе какого-то заштатного университета на среднем Западе чисто студенческий памятник: на бетонном столбе трехфутовой высоты, завершающемся площадкой, стоял бронзовый койот, характерно поднявший левую заднюю лапу и справлявший естественную нужду на стилизованную зачетную книжку.

Проректора и ближний профессорский круг, собравшийся в просторном кабинете ректора после его

возвращения из командировки в Штаты, хохотали после рассказа Генриха Семеновича, а тот как-то призадумался, потом, вроде как советуясь, сказал:

— И так у них в каждом университете что-то такое занимательное имеется. Польза от таких штучек-дрючек. Студентов отвлекает от мыслей экзаменационных; опять же профессоров веселит, на время заставляет забыть о нищенской зарп... Ой, это я из другой оперы что-то начал...

— Наверное,— весело подхватил кто-то из совещающейся компании,— мочащийся шакал этот или свинья с таблицей логарифмов в зубах заставляет ихних профессоров на время забыть о докуке: как успеть истратить такую кучу долла́ров до следующей получки, которая уже на носу?

Генрих Семенович скучно улыбнулся:

— Да-да, конечно, маловата зарплата у наших профессоров и доцентов. Сами знаем, сами ими были. Ничего, это все временно-постоянные трудности (ухмыльнулся ректор), переход от тоталитаризма к демократии и так далее. Но ведь процесс-то пошел, болонский тем паче. Нужно и нам вписываться в него, разнообразить вузовскую жизнь. Я вот приметил: перед технологическим корпусом, рядом со входом в подземный переход какой-то пустырь, всего два хилых деревца растут, даже трава пожухла,— и посмотрел на проректора по науке:

— Александр Сергеевич! У тебя на кафедре народ собрался опытный, считай лучшие художники города, даже и скульпторы есть. Вот пусть и прикинут планировку, памятник, скамейки-фонарики. Ну-у, сами сообразят.

— Так точно, Генрих Семенович,— весело отозвался проректор, он же завкафедрой технической графики и дизайна, носивший в своем *ФИО* не только имя-отчество солнца русской поэзии, но и фамилию классика советской литературы Федина.

На том и порешили. Сказано — сделано. Через три

месяца, как раз к первому сентября случайные, то есть не имевшие отношения к университету прохожие, диковато таращились на бывший пустырь. Это со стороны тротуара. А с проезжей части проспекта — даже некоторые любознательные автомобилисты притормаживали. На то они и совки малочерноземные, привыкшие: если памятник, то обязательно генерал на коне или трех-четырехметровый мужик с бородой и в долгополом пиджаке.

А тут — как на лужайке перед каким-нибудь универом, в Висконсине или Оклахоме-сити. Выровненную площадку квадратом десять-на-десять метров устилает вечнозеленый пластиковый палас. По краям площадки расставлены фигуристые, с изогнутыми сиденьями и спинками скамейки, а в углах ее узорчатые столбики «под чугун» с фонарями поверху их. Все, конечно, на два-три сезона. Постепенно, но быстро, вечерние пьяные компании из тех же студиозусов скамейки переломают, демонстрируя своим девицам свою лихость в каратэ-до и ушу-хуэйюань, или как там у них называется. Фонари уже к следующему семестру собьют пустыми пивными бутылками. Это как пить дать, собьют.

...Но не архитектурно-парковое оформление бывшего пустыря привлекало внимание прохожих и проезжих, а завершающий композиционное единство монумент: на низеньком, стилизованном под лестничный, постаменте торчком стоял гипсовый столб, изготовленный на местном филиале германской фирмы *Knauff GmbX*. А на верхнем торце столба лихо распластал крылья коршун из бронзы, горделиво подняв клювастую голову и стыдливо пряча демонстративно выщипанный хвост. В клюве царь-птица держала раскрытую зачетку, на страницах которой выпуклыми, золочеными литерами значилось:

Экзамен: 105 баллов. Коршунов

(Надо заметить, что фамилия соответствовала реальной подписи Генриха Семеновича Коршунова, очень простой, безо всяких завитушек и стилизаций, легко читаемой).

— ...А это, господа, символическая фигура птицы, порода которой мне, конечно, не знакома,— восторженно пояснял раскрасневшийся от внимания высоких персон декан технологического Юлий Юльевич, на которого и была возложена ответственность за устройство кампусного* уголка университета,— а символ, уважаемые дамы и господа, в известном студенческом, извиняюсь, жаргоне: дескать, *хвостов* за семестр накопилось? Но вот сейчас торопится, допустим, наш студент на экзамен; конечно, хорошо подготовившись, но сомнение его гложет: а не осталось ли у меня задолженностей по лабораторкам, по коллоквиумам? А тут подойдет к бронзовой птице, дотронется до нее неуверенно рукой, ан глядь — хвоста-то нет! Значит и у него *хвостов* в семестре не случилось. Радостный, держит он дальше путь, сдает отлично экзамен, а профессор, еще больше студента обрадованный, с удовольствием ставит в зачетке сто баллов, добродушно приговаривая: «Моя бы воля — ну его, это благословение отцов Болонского процесса! Я бы возродил добрую традицию оценки лучших знаний: пятерку с плюсом по-старорежимному, а не по-болонски: сто пять баллов!»

И вот, уважаемые высокие гости и дорогие коллеги-профессора (сам Юлий Юльевич являлся доцентом), каждый раз, торопясь успешно сдавать экзамен, наш студент дотрагивается до символической бесхвостовой птички. Затем наш дорогой Генрих Семенович вручает ему «крас...», извиняюсь, вручает диплом с отличием, а юноша с горячим устремлением идет строить и созидать наше российское народное хозя... (здесь увлекшийся Юлий Юльевич, вторично чуть не нарушивший политкорректность, увидел соскучившееся лицо Генриха Семеновича и насторожившееся — молодцеватого нового губернатора, поперхнулся, но выкрутился) кхе-кхе, ус-

* Кампус — в американских университетах — студгородок.— Прим. авт.

пешно заниматься бизнесом, который единственно и создаст нашей стране статус великой торго... кхе-кхе, индустриальной державы. Спасибо за внимание, дамы и господа!»

Юлий Юльевич, весь покрывшийся нервическим потом, утираясь носовым платком, растворился в преподавательской толпе, про себя кляня все режимы, партии и политические течения, так быстро сменяющиеся, что не успеваешь привыкнуть к новой терминологии.

Генрих Семенович с открытием кампусного монумента не ударил лицом в грязь, гордясь своей (с американцами) выдумкой, а на открытие пригласил всех важных персон города: губернатора, городского голову, вернее — головиху, поскольку это была только-только назначенная гордумой дама, ректоршу педуниверситета Татьяну Антоновну, хозяев множества частных филиалов московских финансово-юридических вузов, виднейших представителей купечества, включая армянскую и дагестанскую торговые диаспоры. Наиболее весомым был мотив: если в предыдущие два десятка лет в городе памятники, доставшиеся от советской власти, активно сносили городские власти, то он, Генрих Семенович, впервые за эти времена соорудил монумент.

♦ После Юлия Юльевича, чуть не испортившего всю малину, на правах хозяина территории открывавшего толковище, кратко выступил губернатор, торопившийся по делам, мечтательно вспомнил о годах своей учебы. После отъезда Самого речи выступавших стали пространнее и живее. Здесь подоспел невидный собою батюшка, пока бесприходный, потому частно практикующий. Он живо разложил свой инвентарь и освятил монумент: «...Да освятится птица сия премудрая, вещая, юношество младое к наукам приноравливающая».

Профессора старой закалки при этом задумчиво смотрели на ясное первосентябрьское небушко, а чиновники и бизнесментеры, включая представителей армянской торговой диаспоры (дагестанцы молча благодарили

аллаха), тоже, как и Юлий Юльевич, не успевшие привыкнуть к новым обрядам, неумело крестились. Истовее всех осенял себя крестным знамением и ловко клал полупоклоны один из чудом сохранившихся в администрации чиновников старого закала Рошалевич, в советские времена заведовавший сектором атеизма в обкоме.

Случившееся событие отметили все городские и областные газеты, исключая органы коммунистической и национал-патриотической, впрочем, «ручной» оппозиции. Телевизионщики и радиокомитетчики дали развернутые репортажи.

...Все сбылось, как и предполагалось умными людьми, Полковником и доцентом-патриотом Язвишиным в том числе.

В первую же ночь после открытия монумента «оклахомской вороне», как тотчас весь город — явно с подачи Язвишина — стал звать болонскую бронзовую птицу, птичку с зачеткой вывороти́ли с торца столба и умыкнули. С раннего утра на кампусной поляне толпились милицейские и иные чины. Даже зачем-то суетились гаишники, что-то измеряя рулетками. Отдающий команды подполковник собрался было разослать своих ментов по скупкам вторсырья и вообще объявить план-перехват, но все великолепие фронтовой операции досадливо испортил проходивший мимо бомж, собирающий бутылки. Заглянув в урну на троллейбусно-автобусной остановке в десяти метрах от осиротевшего столба, он вытащил из нее чудо-птичку и стал ее рассматривать, прикидывая вес и умственно умножая его на стоимость медных сплавов. Углядев пропажу, на бомжика налетели милицейские и с матерной бранью находку отобрали.

На всякий случай бомжа отвезли в райотдел подметать служебную территорию. А Юлий Юльевич уже нашептывал полуполковнику о теракте бритоголовых экстремистов-националистов. «Это не по нашему ведомству, звоните в Кленовый переулок. Пусть фээсбэ этим

занимается»,— обрадованно ответил милицейский, отбоярившийся от глупого и хлопотного дела. С тем менты и отбыли.

Хлопот эта заморская затея доставляла множество. С постоянным упорством таинственные националисты-антиболонисты по ночам выламывали несчастную птицу и с удивительным постоянством бросали ее в ближнюю урну-плевательницу на остановке. Установленная под фронтоном технологического корпуса камера видеонаблюдения вызывала всеобщий смех: днем на птицу никто не покушался, а после часу ночи освещение оставалось только на редких припроспектных столбах. На видеокамеру ночного, инфракрасного наблюдения ни больших денег, ни спецразрешения у университета не имелось.

Как и предполагали скептики, к началу следующего учебного года кампусная площадка пришла в полное ничтожество: вокруг столба, в верху которого площадку заменили на бронеплиту, к которой в конце концов умельцы с кафедры сварки под руководством профессора Протодьяконова, которому Вадим Фомич слегка завидовал по превосходству фамилии, наглухо принайтовали птицу с зачеткой, лохматились остатки зеленого паласа. Поблекшие, с выломанными рейками скамейки к вечеру заполнялись студентами-двоечниками с пивными полторашками. Сшибленные фонари перестали реанимировать.

♦ Полковник четко сделал пол-оборота налево, взяв курс на вход в подземный переход, и тотчас отметил: утро, но на кампусной площадке почему-то мнется кучка людей. Причем не студентов с полторашками, но университетских администраторов с папками и профессоров-доцентов с портфелями. Остановившись, тотчас понял причину скопления: столб с злосчастной птицей был переломан посредине и изогнулся в форме непропорциональной буквы «Г». На сгибе виднелась арматура.

— Любуешься, Григорий Иванович?

Полковник неторопко повернул голову: к нему под-

ходил доцент-патриот Язвишин с медико-физкультурного факультета:

— А ты какими судьбами здесь, Геннадий Сергеевич? Вроде как не по пути тебе.

— Да вот с утра хочу зайти на технологический в библиотеку стандартов. Понадобилось кое-что; включили меня в тему по госзаказу — хоть какую-то копейку к нищенскому жалованью приработать. Да-а, придется теперь Юль-Юльичу искать цельнометаллическую болванку под столб...

— Так проще трубу того же диаметра поставить!

— Не-е, даже дюймовой толщины снова переломают.

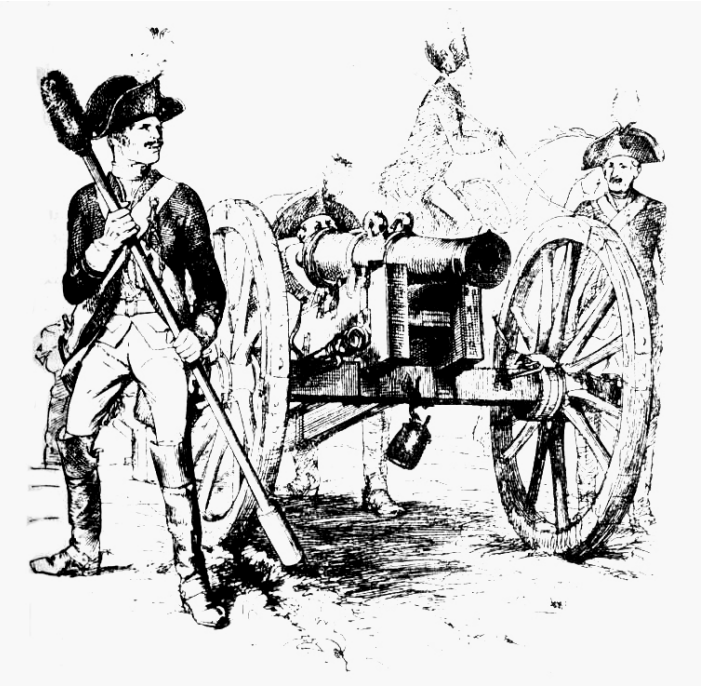
— Интересно однако,— задумался Полковник,— машина с пьяным водилой здесь ни при чем, иначе бы скамейки покорежила. А как еще такой столбище переломить?

— Ничего нет проще. Мне уже мои доверенные студиозусы шепнули: один из исключенных в прошлом году парней с технологического ночью девкам своим каратэ показывал и отомстил: ногой перешиб столб.

— Так-так, а если исключенный, то почему не в армии?

— Говорят, по здоровью медкомиссия забраковала. Слышал ведь: по телику и радио постоянно талдычат, что у нас до восьмидесяти процентов выбраковывают?

— Да, тогда, конечно, трубу нельзя. Слушай, коллега, у меня мысль появилась как Юлию Юльевичу помочь. Знаешь ведь, что нашу артуху за ненадобностью прикрывают. В этом году уже набора не было. Небось ихний хозотдел приискивает посредников — китайцам на металлолом старые и макетные пушки продать. Вот и позвони-ка наш ректор ихнему генералу: передать под столб двухметровый отрез ствола от корпусной пушки — типа тех, что перед входом для благоустройства стоят? Думаю, не откажут.

Болонский сон № 73. За время Болонского похода аспирант полковника Хмурова Эдька возмужал, отрастил лихие гренадерские усики, овладел артиллерийским искусством и, после взятия университета, получил из рук своего командира и научного руководителя погоны подпоручика.

Смотрит с отеческой любовью Хмуров на Эдьку, лихо наперехват держащего банник, которым он только что забил заряд в дуло трехдюймовой пушки. Так и вспоминается героическое: «Забил заряд я в пушку туго...» «Молодец Эдька,— растроганно думает Полковник,— как он лихо тройным подряд попаданием разбил батарею противника на подступах

к Болонскому университету, что затаилась в засаде за воротами завода электротехнического оборудования?! Надо будет по возвращению домой упросить ректора представить Эдьку к званию «Почетный работник высшего образования». Хотя и министерская только, но — награда! А главное, чтобы Эдька диссер свой поскорее защитил. Хороший доцент по артиллерии получится: теоретик и практик. Главное — чтобы не торопился с официальной женитьбой, а то молодуха мигом доведет его до торговли бананами!»

— Может быть. Ну-у, хрен с ним, со столбом и со всей этой затеей. У меня вот опять конфуз. Читал опять лекцию по биоэтике, как раз темы пьянства и наркомании — в смысле этики лечения этих страдальцев — коснулся. И прошелся по неэффективности в нашем отечестве всяких запретительных мер. Вспомнил и народные присказки на этот счет. Помнишь, когда под старость Брежнев начал цены на водяру повышать?

Если будете в столице,
Передайте Ильичу:
Все равно мы пить не бросим,
Нам и десять по плечу!
Если стоить будет больше —
Мы устроим вам, как в Польше.
Если ж станет двадцать пять —
Зимний будет взят опять.

Или при Горби-демократизаторе:

Если будете в Москве,
Передайте Мише:
Пили, пьем и будем пить,
Только чуть потише.

— И что, опять завкафедрой звонили?

— Хуже, самому Федину, а тот нашему декану. Декан же хотя со мной никогда не ссорится, но просил поумерить, как он сказал, «выразительную наглядность безусловно полезных примеров». Хороший он мужик...

— Так что инкриминировали-то? Ведь Горбач, тем более Ильич-второй, конституционно не охраняемы?

— Да видно студент, скорее, по признакам бестолковости — студентка, пересказывая высокопоставленным родителям, что-то переврала. Ведь память-то у них сейчас болонская, только на отдельные слова, а смысла связанного текста не улавливают. Ну, пошел в библиотеку. Прощевай, Иваныч!

— Будь здоров, Геннадий Сергеевич! А я пошел с утра пораньше оболонивать своих студиозусов.

ЛЮДИ В МАСКАХ

♦ Еще в первые дни работы на новом месте Вадим Фомич, несмотря на хлопотное начало учебного года, улучил полчаса, зазвал Николая Андреяновича сам-два в кают-компанию и провел, как он выразился, инструктаж по особенностям характеров в преподавательской среде. После чего порекомендовал завершить его у кафедральной секретарши и одновременно «ответственной за все»:

— ...Марина Евгеньевна — это тот уникум, впрочем, более или менее известный в вузах, наличие которого на кафедре делает жизнь заведующего почти что раем. До рая в наше время не хватает пустяка: зарплаты раз в пять больше, студентам ума во столько же, вместо, извиняюсь, идиотских баллов добротные царские и советские «отлично» и «хорошо». И еще... впрочем, долго эти пустяки перечислять, вернемся к Марине Евгеньевне. На ней у нас держится вся та муторная, архисложная, но крайне необходимая система упорядочения и сдерживания студенческого буйства и нежелания учиться, с одной стороны, а с другой — постоянного напоминания преподавательскому и вспомогательному составу кафедры об их обязанностях. Ибо студент и «препод» взаимно обогащают друг друга не лучшими своими качествами, но прежде всего ленью и, так сказать, сословным либерализмом.

Правда, дорогой Николай Андреянович, в силу этого возник и такой, приятный для нашего брата феномен, как активное долгожительство профессоров и доцентов. Ну-у, конечно, этому способствует достаточно непыльная работенка: языком ворочать — это не за станком стоять, даже не за кульманом или паяльником по инженерной части корпеть. Стимулом является и отсутствие в преподавательской деятельности формального ограничения по возрасту. Поэтому и говорят: профессоров и доцентов на пенсию выносят... Это понимают даже туповатые просвещенческие чиновники: настоящий про-

фессор, то есть не просто заучивший и талдычащий полвека учебник по своей специальности, но создающий свою научную школу, созревает как раз к общегражданским пенсионным летам.

Допустим, готовят генерала-полководца лет тридцать, начиная с училища, и как только тот готов вести в сражения армии и фронты, его провожают с почестями на заслуженный отдых. Нонсенс? — Конечно. Также и с профессорами.

...Но и не это главное в нашем, надеюсь, долгожительстве. Обратил внимание: как выглядят наши кафедральные преподаватели, у которых ты учился много-много лет назад? Правильно, как будто этих «...дцати» лет и не было. Точно также и выглядят.

Так вот, это уже эффект биологический, точнее — социально-биологический. Я и сам об этом догадывался, не пальцем все же делан, извиняюсь за военно-морскую вольность слога. Но все мне растолковал на научной основе сосед по гостиничному номеру, профессор по возрастной психологии: две наши конференции — еще на исходе советской власти — совпали по времени в Таганроге. Все дело в том, что старение человека, умственное, физиологическое и так далее, является во многом процессом подражательным, ориентированным на постоянную среду активного времяпрепровождения. А кто наша среда? Конечно, студенты в самом первом и яростном расцвете своих организмов... ну-у, про умственный расцвет здесь умолчим, но ведь мы и сами умные!

Вот такой своеобразный вампиризм. А ты у своего друга, у Язвишина с медико-физкультурного поинтересуйся тонкостями. Под пару-тройку стопок очищенной он тебе все по полочкам разложит. Однако, мне пора на деканское совещание, а тебе — за детализацией инструктажа к Марине Евгеньевне.

Да, первые два года работы у нас называй ее по имени-отчеству, потом как получится. Я вот ее просто

Мариной величаю, потому как начальник и сколько-то лет мы вместе служили. Сколько — не скажу, ибо она женщина без возраста. Полковник наш по армейской непосредственности Маришей зовет. Женщины от военных с приятностью любое прозвище с удовольствием примут...

Ладно, разбежались.

♦ Марина Евгеньевна, которую студенты-первокурсники, еще не заучившие имена и должности своих преподов, простодушно полагали заведующей кафедрой, отложила очередную, бесконечную в ее делах ведомость, и охотно растолковала новичку недостающее.

Николай Андреянович, аналитик и систематизатор по складу характера, вошел во вкус и в ближайшие дни расспросил на ту же тему своих давних друзей-приятелей Яцышена и Язвишина. Кстати, самым причудливым образом, игрой природы оба доцента, не состоящие ни в к какой степени родства, схожи не только чудаковатыми фамилиями, но и пугающе похожи друг на друга.

Бывают же такие совпадения?! Николай Андреянович, видя Василия Викторовича и Геннадия Сергеевича вместе, что было обычным для тройственного с ними посещения распивочных «Ханты-манси» или «Сайгона» на Серебрянской, всегда внутренне усмехался, вспоминая давний случай с самим собой. Было ему тогда тридцать девять лет, выглядел он эффектно при своем росте выше среднего и аккуратно подстриженной «шотландке»; как истинный потомок староверов, он ни разу полностью не сбривал бороду, которая начала проявляться на первом курсе института.

Каким-то боком он оказался на дне рождения в очень театральном семействе, в просторной квартире «сталинского» дома, где на стенах гостиной разместились хорошей кисти копииста портреты классиков русского сценического искусства и драматургов.

Несколько смущенный не очень знакомой компани-

ей, Николай Андреянович рассеянно провел взором по стенам и сел за стол на любезно указанный хозяйкой дома стул. После второго тоста он уже оживился, разговаривал не только со своей коллегой по работе в «Меткости», что привела его сюда, но знакомился с другими гостями. Причем сидевшие за столом напротив него, как-то озадаченно смотрели на Николая Андреяновича, затем переводили взгляд чуть в сторону от его левого уха, снова внимательно, как-то сравнительно смотрели на визави, после чего улыбались и попарно шептались.

Не выдержав такого странного внимания, Николай Андреянович обернулся на стену за спиной и похолодел. В совершенно незнакомой ему квартире, где живут незнакомые им до сих пор люди, на стене гостиной между портретами Грибоедова и узнаваемого Шекспира он увидел самого себя. Один к одному: того же возраста, даже одет как он сейчас; в темноватый пиджак или сюртук и темную же рубашку. Здесь интеллигентнейшая хозяйка пришла на выручку:

— Господи, как вы, Николай Андреянович, похожи на Островского! Это копия с портрета Александра Николаевича в сорокалетнем его возрасте. Бывает же такое сходство людей, разделенных почти веком! Я вам как-нибудь на память фотографию с портрета сделаю, через Нонну передам.

Застолье, как принято в интеллигентных семьях, длилось долго, многоречиво, почти без водки, но с сухим вином. Порой, улучив момент, Николай Андреянович оглядывался на портрет автора «Бесприданницы» и брата царского министра госимущества.

...На встрече в «Сайгоне» два лжебрата во многом дополнили в части преподавательских характеров Дьяконова и Марину Евгеньевну. А Геннадий Сергеевич и вовсе пообещал принести ему из дома копию пары страничек своей рукописи, как раз посвященные этому вопросу.

♦ И спустя пару дней Николай Андреянович после домашнего ужина с интересом читал эти страницы, дополняя читаемое сообщенным кафедральными коллегами.

Преподаватель по натуре и поведению своему отчаянный трус, но не физический, а моральный. Качество это от полной беззащитности. Так же точно ощущают себя незамужняя женщина средних лет, бродячая собака без стаи, чиновник без должности, кот без домашнего квартирования. То есть это трусость, с одной стороны, биологическая, но с другой — продукт социальной ущемленности. Это тяжелое наследие благоденственных советских времен, особенно с начала 50-х годов, когда радеющий об отечественной науке и высшем образовании Иосиф Виссарионович одним махом, то есть росчерком пера утроил зарплату (оклад содержания) профессорам и доцентам. И с тех пор сорок лет, до наступления гайдарномики и ельцинизма, остепененный вузовский преподаватель жил кумом королю: триста двадцать полновесных советских рублей доценту и пятьсот-семьсот (с надбавками) профессору позволяли им отвлекаться от житейских и иных забот и полностью отдаваться научным упражнениям и педагогическим наставлениям юношеству, алчущему знаний (тогда еще не долларов-евро).

Мудрейшим человеком был отец народов! Двух, а то и поболее зайцев убил этим тройным повышением окладов: освободил научных педагогов от материальных забот, а их головы премудрые даже от помышления о взятках, прекратил текучесть кадров. Во-первых, во всех вузах места плотно заняты; во-вторых, кому же охота от таких зарплат уходить в сторублевые инженеры, врачи, школьные учителя?

Но это явилось и миной замедленного действия — понятно, Вождь и помыслить не мог о кончине родной советской власти. Когда наступили волчьи времена, а зарплата вузовского профессорско-

преподавательского состава приравнялась к дворницкой, то эта мина и выявилась: оказалось, что профессиональный вузовский педагог ничего другого, кроме чтения лекций, делать не умеет. Особенно кому за сорок-сорок пять. Лишь единицы из них успели в самом начале «черного передела» выскочить в депутаты и чиновники. Только совсем молодые ребята растеклись по офисам и фондформированиям — кто умеет по клавишам компьютера стучать.

Итак, современный препод абсолютно беззащитен: жаловаться некому, парткомов нет, а профкомы лишены всяких прав, кроме как взносы собирать, да и то безналом — через бухгалтерию. Ничего реального, то есть воровать, строить, офисничать, торговать и так далее, он не умеет. Учится же поздно. Зарплата его на несколько пятилеток вперед заморожена при неистово растущих ценах. А тут вплотную приблизился демографический провал — следствие падения доходов и — от бесконечных забот — половой активности населения в первой половине девяностых годов. Впрочем, и второй. Сократят бедолагу, если его факультет или кафедра не будет набирать хоть какой-то контингент студентов — куда идти горемычному? Ничего ведь делать не умеет... Хорошо, правда, пока мне: армянская торговая диаспора в городе все прибывает и прибывает, а у них невесты сорта «А» — с медицинским образованием. А каково моим друзьям с военно-технических кафедр: Яцышену, молочному брату, Полковнику... Вот и Николай Андреянович пришел зачем-то с «Меткости», хотя и та на грани небытия.

От беззащитности и своеобразная трусость-боязливость, отсюда же и постоянная на лице препода маска.

Самое поучительное, что не только и не столько современные волчьи нравы создали маску, истинный

облик и специфические черты характера вузовского преподавателя. Все это формировалось еще со времен первых русских университетов и даже со времен средневековых университетов в Европе, даже первых из них: в мавританской Испании и в Италии. Тот же Болонский университет, будь не к ночи он помянут, а Полковник и вовсе матерится двенадцатиэтажным.

Исторический аспект все же опущу — это тема для серьезной, пожалуй, докторской диссертации по профессиональной социологии. Опять же умный и сам все знает, а глупым я и не дам читать.

Но очертить характер усредненного «препода» — это, прежде всего, провести скучноватую классификацию. Как амеба в лабораторных опытах поначалу делится на две саможивущие особи, так и все преподы четко подразделяются на две категории: профессиональные и непрофессиональные. Причем никакого отношения эта классификация к качеству, опыту и так далее «профи» и «непрофи» не имеет. Как правило, второй в преподавательском, а особенно в научном плане более значим и разносторонен. Классификация идет по другим признакам.

Короче говоря — и по формальным признакам,— профи ни дня не трудился вне вуза; его служебная ступень: студент, отличник или блатной в советское время, недотепа в нынешнее — аспирант или ассистент — защита кандидатской диссертации — работа доцентом всю остальную трудовую жизнь. В советское время каждый десятый, а сейчас каждый третий доцент к пятидесяти годам становится профессором.

А вот «непрофи» — это тот, кто после окончания вуза хотя бы четыре-пять лет проработал по полученной специальности, а потом стал преподом. И все. Сколько бы он не пыжился, не хватал звезд с научного небосклона, не обзаводился иконостасом

званий, степеней, премий и других знаков научного отличия, все одно он никакой административной, высокооплачиваемой должности не получит. На что уж у Яцышена и Андреяныча шеф заслуженный ученый, но выше завкафедрой Вадим Фомич не поднялся. Правда, и сам особо не хотел никогда, но главное — не профессионал, ибо, как и оба названные выше, начинал в «Меткости». Тогда просто «КБ» с трехзначным номером. А завкафедрой — это еще не административная должность.

Сколько бы... впрочем, только что это написал, в общем, проработай такой непрофессионал в вузе хоть полсотни лет, но все равно будет и сам себя ощущать чужаком в вузовской среде, и коллеги, начальство будут поддерживать его в этом убеждении. Конечно, были, есть и будут исключения — по разной линии: протекция, кумовство, бывшие директора НИИ, КБ, заводов, утомившиеся на старости лет от руководящих забот, погоревшие на деньгах, бабах и прочих делах бывшие крупные чиновники, для прокормления отправленные в институт или университет. Словом, дело житейское.

Впрочем, проработав лет тридцать, непрофессионал внешне даже начинает походить на профи, но — только внешне. Это как собака, особенно породы боксер или какой еще мордастый, прожив с десяток лет с хозяином, становится чем-то похожей на него выражением морды лица...

Непрофессионал мало чем отличается от нормального, невузовского человека с его обычными достоинствами и недостатками, поэтому описывать его неинтересно и, вообще говоря, не нужно.

А вот профессионал? Это цимес, как говорит технологический декан Юлий Юльевич, что родом по родителям из гомельского местечка Брагин, но в интервью городским СМИ называет себя потомком обрусевших деда-француза и бабушки-итальянки.

Это одно наслаждение описывать среднестатистического профессионала!

Прежде всего (супреждь, как говорит университетская знаменитость курьерша Вера Тимофеевна), профессионалы сами подразделяются на два сорта: первый и второй. Пересортица эта относится к столь восхвалявшимся в советское время трудовым династиям; помните? — «Династия Ивановых простояла возле фрезерного (горизонтально-фрезерного или вертикального, обычно в прессе не уточняли) станка двести пятьдесят лет! Или: «Трудовая династия Пфаффенгольцеров про...» Нет-нет, про такие династии не говорили, перепутал.— Это из свежего анекдота Полковника.

Итак, первосортный профи — тот шестидесятилетний нынешний доцент, у которого отец преподавал на рабфаке, а дед являлся приват-доцентом (если некрещеный еврей) или ординарным профессором (если крещеный, как, например, Мечников) где-нибудь в Новороссийском университете в Одессе. Еще недавно, но уже для XXI века и давно, встречались в провинциальных вузах и элитарные профи первого сорта. Как, например, в нашем вузе, тогда техническом институте, в 50—60-х годах работал профессором знаменитый автор справочников по математике, выдержавших под двадцать изданий, Выгодский. К нам в город его сослали, впрочем, тотчас поселив в квартире «сталинского» дома прямо напротив нового главного корпуса в великий разгон из Москвы учебных и академических институтов, предпринятый Никитой Сергеевичем.*

...Но элита в провинции редка, тем более, что при Леониде Ильиче все изгнанные из Москвы институты туда же и вернулись. Кстати, в период

---

* Это как академика Сахарова «сослали» в Горький, также поселив в доме повышенной комфортности.— Прим. авт.

разгона тогдашний наш областной первый секретарь Хворостов, человек робкого десятка, не согласился принять выселяемый из столицы 4-й мединститут. Этот институт охотно принял в свои объятия соседний областной город. Со временем и особенно в нынешнем своем бытие этот «мед» стал самым знаменитым в стране по взяткосборам со студентов...

Опять отвлекся. Второй же сорт профи — профессиональный препод в первом поколении.

Внешне и по характеру перво- и второсортники не особо различаются, но все же некоторая разница наличествует. Первые из поколения в поколение проживают в квартирах тех же «сталинских» домов, полученных отцами-дедами нынешних в тридцатые-пятидесятые годы, а вторые — преимущественно получили квартиры сами в шестидесятые-семидесятые года; хотя и трехкомнатные (одна из них — кабинет), но с совмещенным санузлом.

Первые осанистее вторых, даже если им обоим только-только стукнуло по тридцать пять. Если второсортные порой в речевой части переходят на скороговорку, горячатся, то первосортные беседуют неторопливо, говорят с расстановкой, что должно свидетельствовать о важности глаголемых ими истине. Если первые часто происходят от ветхозаветных предков, а жены их точно оттуда, то для вторых это не характерно. А среди молодых и средневозрастных второсортников и вовсе такие отсутствуют.

Есть еще кой-какие различия, но вернемся к общим признакам профессионального вузовского преподавателя.

Как правило — и в отличие от энергичных непрофессионалов — профи-доцент и профи-профессор более всего увлекаются чтением лекций и вообще чисто педагогической работой. То есть по сути сродни тем же школьным училкам. Но лекции они

читают великолепно, благо еще в молодости, когда память восприимчива, заучили свой курс и уже читают его без особых корректив всю последующую трудовую жизнь. Повторюсь: читают мастерски, интуитивно и феногенотипически прекрасно владеют самыми действенными приемами дидактики и других педагогических ухищрений, хотя, в отличие от школьных училок, никаких пединститутов не заканчивали. Чтобы студенты, например, не засыпали, такие профи каждые четверть часа делают intermezzo: второсортные вворачивают познавательный анекдот из университетской жизни, а первый сорт ненадолго уходит в воспоминания о своем прадедушке, доценте Императорского Казанского университета, который принимал экзамен по логике у заочника Ульянова и очника Керенского.

К наукам как таковым и вроде бы первенствующим занятиям вузовских профессоров и доцентов у них отношение несколько своеобразное. Это как женщины смотрят на нечто для них малопонятное, например, на только что напечатанную книгу ученого супруга по физике плазмы или на представленного дочерью жениха — родом из села, студента второго курса филологического факультета местного «педа». То есть смотрит как-то сбоку, искоса, отстраненно своими замечательными голубыми пустоватыми глазами, а если искусно подведены — глазищами бездонными. А в голове — недоумение и разочарование безденежными предприятиями мужа или дочери.

Здесь возникает — прямо по Гегелю и Марксу — диалектическое противоречие: наука — это не профессия, а призвание, но ведь не могут же все профпреподаватели иметь такое призвание? Это все равно, как если бы все шахтеры страны стали вдруг Стахановыми, все ткачихи — лжесестрами Виноградовыми, а нынешние миллионы, даже десятки миллионов торгашей — Абрамовичами и Дерипасками.

Потаниными тож, чтобы не обидно было за русаков. Из моего личного анализа следует: из числа профи-профессоров один ученый приходится на десять-пятнадцать просто педагогов; для профессиональных доцентов второе из сопоставляемых чисел еще больше.

Но ведь чтобы стать доцентом все же нужно защитить диссертацию. Для профессорства, соответственно, две диссертации. Как быть? И еще, уже будучи остепененным, такой лектор-педагог должен всю трудовую жизнь ежегодно публиковать какое-то минимальное число статей в научных или околонаучных, то есть педагогических изданиях. Так как же быть-стать?

...Профи по натуре хитрован. И здесь выход давно уже найден. Еще при поступлении в аспирантуру будущий его руководитель, как правило, профессор с научным устремлением, опытным глазом ставит диагноз: та-а-к, Васька, пожалуй, в ученые пойдет, дам ему серьезную тему. Остальные же десять новобранцев на нашу кафедру будут чтением лекций пробавляться. Поэтому дадим им всем стандартные, никому не нужные дежурные мудроватости.

Вот и хлеб на всю жизнь! Предельно узкая тема, неисчерпаемая в наукообразных исследованиях; опять же никому не интересная, что гарантирует свободу от завистников, конкурентов, доносчиков в научные инстанции и так далее.

У всяких механиков-технологов излюбленные диссертационные упражнения — исследование косозубых передач и изучение процессов обработки на токарных станках заготовок квадратного сечения. На одни только косозубчатые колеса можно сочинить до тысячи диссертаций — изменяя форму зубьев и угол их косозубости. А для обточки квадратных брусьев впечатляет экспериментальная часть: токари-лаборанты в подвальном этаже технологического фа-

Прокофьич, семидесятипятилетний старший лаборант кафедры ракетостроения, сам из отставников невысокого чина, за дополнительные полставки после окончания занятий убирает общие места кафедры: штатная уборщица уволилась — няньчить внучку, а всех других кандидатов на пыльную должность «зарубил» начальник режимного отдела университета Бабенка. По мнению Ивана Егоровича, у всех у них имелась неблагонадежность по родителям: находились в 1941—44 годах на временно оккупированной немцами территории.

Подметает Прокофьич коридор и неопечатываемые аудитории, сбрасывает в мусорное ведро-тележку пластиковые бутылки из-под

пепси-колы, пластиковые же стаканы, обертки от жвачки и конфет. Ворчит по-стариковски: студенты глупы, неряшливы и неотесанны, мусорят чем придется. Науками не занимаются, преподавательниц до слез доводят, да и мужчины из доцентов с ними стараются не связываться. Опасаются недоросли только полковника Хмурова и его аспиранта Эдьку. Оба, уличив студента в неуспешности и лени, тотчас ставят им в зачетку нуль баллов, то есть старинный «кол с минусом». Только девахам старших курсов с приметными грудями у них лафа: Эдька тискает их по закоулкам кафедры, а Григорий Иванович, ставя неуспевающей студентке хороший балл, вполголоса комментирует: «У тебя, Иванова, размер этак три с половиной, да? Умножаем на десять — итого тебе тридцать пять баллов, плюс еще столько же за нескрываемую тупость. Все это тебе в жизни пригодится!»

культета ближе к ночи, когда корпус пустеет, заправляют в станки эти брусья, включают их малые обороты и подводят к вращающемуся брусу резец. Представить получающийся при этом грохот легко: найдите на своей дворовой помойке картонную тару из-под компьютера, набейте ее плотно кирпичными обломками, закрепите крышку изолентой или импортным скотчем, а затем катите-кантуйте этот ящик по асфальту, предварительно посыпав его для совмещения грохота со скрипом — речным песком.

...Если вас через пяток минут не отправят в Кащенку или сходное вашей губернии заведение, то уж морду точно помнут. А вот в подвальном этаже — высокая, святая наука.

У всяких кибернетиков и автоматиков-телемехаников беспроигрышная тема звучит загадочно: «Использование нечеткой логики и сетей Петри — Улама для контроля гладкости поверхности в производстве древесно-стружечных плит».

Свои брэнды на остальных факультетах и кафедрах. Для самокртики: у нас на медико-физкультурном малоталанные биологи все изучают и изучают стариннейшее перекисное окисление липидов, а медики все высчитывают статистику всех заболеваний по суточному анализу мочи...*

♦ Дальше читать трактат доцента-патриота Язвишина Николай Андреянович не стал. Не потому что неинтересно, напротив, учитывая язвительный — в полном соответствии с фамилией — стиль Геннадия Сергеевича, но далее шло описание конкретных поведенческих черт профессиональных преподов, а он уже это на практике изучил. Многое подсказала Марина Евгеньевна.

А именно. Внешне профи, пока года не согнули, даже чуть выше среднего роста, тощеват, но грудь ши-

* Как любят шутковать на лекциях вольнолюбивые столичные профессора-медики: «Есть ложь, грубая ложь и медицинская статистика...».— Прим. авт.

рокая, поскольку все время говорит, то и легкие большого объема. На лице очки, а на голове шляпа. Лицо узковатое, скучное и бледноватое, потому что волнений в жизни избегает, значит давление в норме или даже чуть ниже. Адреналин всегда в нижней норме. То есть лицо краснеет редко; это бледноватость абсолютного здорового, но предельно берегущего себя человека. В новейшие времена огорчает только оскорбительно низкая зарплата.

Но независимо от степени материальной обеспеченности у него только два «базовых» костюма — пиджачные пары при сменной белой рубашке и нейтрального цвета галстуке: светло-коричневый для лета и однотонный темный для остальных времен года. Все это покупается на первую доцентскую зарплату и далее носится всю жизнь. Носится аккуратно, а супруга регулярно гладит. Это не от жадности-экономии, но есть униформа, а ее служащий не может по своей прихоти изменить.

Кстати, обратили внимание на телерекламу, где присутствует интеллигентный пенсионер, и как он одет (все же телевизионщики гениально наблюдательны!)? Правильно, одет чистенько: шляпа «под тирольскую» как новая, а светлый плащ недавно отглажен. Но по фасону плаща и шляпы сразу угадывается: куплены они были некогда франтоватым доцентом в магазине «Польская мода», что на Вернадского, рядом с зарубежной пивной «Ракушка», где любили проводить время православные эфиопы и арабы-мусульмане из расположенного опять же рядом общежития Университета дружбы народов. Тогда еще имени Патриса Лумумбы, которого (по непроверенным народным у нас догадкам) свергли и съели Жозеф Мобута Сесе Секу Рваза-Мвангва с друганами Чомбе и сержантом Касавубу... Давно все это было, но именно в те времена и посетил «Польскую моду» интеллигентный старичок-бодрячок из нынешней телерекламы.

Вот так одеты и наши профпреподаватели. Тоже не лыком шиты и в советскую доцентскую молодость, бывая в столице, не манкировали посещением «Польской моды». Заглядывали и в соседнюю «Ракушку», подивиться на православных эфиопов, не наблюдаемых в их закрытом городе. Закрытом для посещения иностранноподданными.

В правой, нет-нет, в левой руке у профи за семьдесят — старомодный пóртфель* чемоданного типа, архимодный в 69—70-е года, у более малых годами — дипломат, которому также за тридцать годов. Почему в левой, если не левша? — А чтобы регулярно вскидывать правую руку с часами: не опаздываю ли на лекцию или на кафедральное заседание? Это как в военном этикете: офицер всегда идет справа от своей дамы, чтобы отдавать честь встречному коллеге. А еще раньше, когда они носили шпаги или сабли — сподручнее, слегка осадив даму влево и чуть назад, выхватить из ножен этот военный снаряд и громить супостата, такого же офицера, только до синевы пьяного и переполненного половым адреналином.

Более всего Николая Андреяновича попервоначалу удивили две вещи. Первая — это сложная система приветствий при встрече слабознакомого профи. Именно знакомого, с другого факультета, например, не друга, не приятеля, не коллегу. В прежней, гражданской жизни он никогда на этом не зацикливался. Видит — навстречу идет такой слабознакомый, некто Иванов, татарин Файзуллин или инженер Слиозберг из соседнего конструкторского отдела, так Николай Андреянович, изобразив приятность на лице, изустно поздоровается, кивнув головой. И встречный сделает то же самое. А если раньше хоть один раз выпивали вместе, даже просто в разных компаниях в одно время причащались

* Известная загадка: чем отличается доцент от дóцента? — Доцент носит портфель, а дóцент — пóртфель.— Прим. авт.

Болонский сон № 82. «Мои друзья хоть и не в болониях, зато не тащат из семьи. А гадость пьют из экономии: пусть по утрам, но на свои»,— задумчиво напевал полковник Хмуров песенку своей артиллерийской юности, стоя за бруствером переднего края и рассматривая в подзорную трубу подходы к швейной фабрике, досадливо закрывавшей сектор обстрела университета. Именно на этой фабрике в шестидесятых годах впервые наладили пошив пластмассовых плащей-непромокаек, ставших в Италии принадлежностью ночных проституток на «точках», а в СССР — предметом вожделения девушек на выданье. Отняв от глаз оптический прибор, повернулся к адъютанту-аспиранту Эдьке, сидевшему на ящике со снарядами и писавшему диспозицию штурма швейной фабрики:

— Скажи, Эдуард Батькович, а почему это в нынешней студенческой среде ребята почти не выражаются нецензурно, а девицы кроют десятиэтажным, да нарочито громко, чтобы все внимание обращали?

— А это, Григорий Иванович, есть прямое следствие пропагандируемого сейчас равенства полов; по принципу: у кого чего в натуре-организме не хватает, тот о том и кричит. Вот у девиц отсутствует...

— Понял. Ты прямо как Язвишин все стал на биологию сводить!

в «Хантах-мансях» или в «Сайгоне», то и за руку обязательно поздоровкаются, даже дежурными фразами про погоду обмолвятся. И тут же оба забудут о мимолетной встрече на улице.

А вот с малознакомыми профи Николай Андреянович встал в полный тупик: такой профессионал педтруда никогда первым не здоровался, идет навстречу, смотрит вдохновенно-задумчиво перед собой и словно тебя не видит. И во второй, в третий раз то же самое — хоть сто лет каждый день встречайся! Как человек воспитанный, Николай Андреянович стал здороваться первым. Опять интересная реакция профи: услышав приветствие, тот либо ничего не ответит, даже не взглянет на тебя, либо же задумчиво посмотрит и безо всяких эмоций кивнет слабо головой или что-то пробурчит неразборчивое.

Если же такая встреча произойдет в транспорте и вообще в ситуации, когда физически невозможно пройти мимо и вообще отойти в сторону, то, услышав ваше «здравствуйте», визави пристально, вроде как вспоминая (мол, где-то мы с вами, товарищ, встречались...), пару-тройку секунд молчит, но потом весь как-то заулыбается, поздравит с добрым утром, наклонится грудью и головой, возьмет вашу неуверенную правую руку в свои обе и с чувством ее пожмет. Но — закончив церемониал приветствия, тут же о вас забудет и отвернется к окну троллейбуса, вроде как интересуясь жизнью города.

...Но вдруг случилось чудо. Идет навстречу доцент Кукушкин с кибернетического факультета, настоящий профпедагог с дипломатом, в очках на носу иссушенно-бледного лица, а Николай Андреянович уже гадает: ответит ли Кукушкин на его приветствие сегодня или проигнорирует? Но кибердоцент еще за десять шагов в восторге всплескивает руками, чуть не обронив дипломат, черт-те какую радость на вмиг порозовевшем лице изображает, скоробежью подбегает к Николаю Андрея-

новичу, пронзительно смотрит через диоптрии своих очков, с чувством душевным трясет руку малознакомого непрофессионала из «пентагона».

Но Николай Андреянович гасит свое удивление — дескать, неужели мир перевернулся? — вспоминает, что племянник Кукушкина намедни не сдал зачет по баллистике Яцышену... Из доброты душевной в этот же день он попросит Василия Викторовича помилосердствовать над незадачливым племянником. А коль скоро было это в обед, проводимый ими в «Сайгоне», то Яцышен охотно соглашается: «...А ну их, бездельников! Еще время на них тратить, перезачеты принимая. Завтра же с утра сороковку* ему влеплю».

Через пару дней, увидев идущего навстречу Кукушкина-дядю, Николай Андреянович уже сам приготовился к бурному приветствию, но... тот прошел мимо с бесстрастным выражением бледного лица, сухо кивнув малознакомому непрофессионалу из «пентагона».

♦ На ближайшем же уик-энде в «Хантах-мансях» Николай Андреянович задал вопрос о таких странностях профи Язвишину. Геннадий Сергеевич развил между второй и третьей стопками целую диссертационную теорию. Но собеседник четко уловил смысл этой теории. Оказывается, профи не хам и не зазнайка, наоборот, в массе своей он человек очень воспитанный, не хуже Николая Андреяновича. Просто у профи, прослужившего в вузе лет двадцать, происходит, как бы сказал сосед-психиатр, *сдвиг мотива на цель с доминированием фрустрации*. Говоря по-русски: с кем поведешься, от того и наберешься.

С утра до вечера находясь среди студентов, преподаватель невольно и себя таким ощущает, то есть на всю жизнь впадает в поведенческие нормы переходного

---

* Для непосвященных: сорок баллов — это минимальная сумма, соответствующая зачету — или «тройке» на экзамене.— Прим. авт.

от детства к затянувшейся студенческой юности. То есть профи и студенты взаимно учатся друг у друга хитрости, дурости и хамству. Известно, что студент здоровается первым со своим преподавателем, или вообще здоровается, до того курса и семестра включительно, после которого уже не будет иметь счастья с ним встречаться. Исключение — кафедральное и факультетское начальство, куратор их группы и Марина Евгеньевна. А также в знак уважения — что-то ведь человеческое в них есть! — здороваются с Прокофьичем. Преподаватели это хорошо знают, поэтому на всякий случай первыми никогда, даже со своими аспирантами, не здороваются. А поскольку студентов за день перед ними проходит масса, то стараются и вовсе их не замечать. Автоматически это и переносится на малознакомых коллег по университету.

...Можно часами и сутками вспоминать специфические для профессионалов поведенческие черты характера, но об одной его чуть ли не в первый рабочий день предупредила Марина Евгеньевна:

— Николай Андреянович! Вы человек в нашей системе новый, можете впросак попасть. Это я к тому говорю, чтобы вы ни в коем случае ничего, даже самую пустяшную бумагу, через кого-либо из преподавателей, чужих и даже своих, не передавали. Только из рук в руки кому нужно. Лучше потратьте время, сходите, дождитесь нужного человека и отдайте сами. Кстати, любую официальную и вообще бумагу, что требуется отдать на подпись и так далее, делайте в двух, а лучше в трех экземплярах. В пятидесяти процентах случаев ее потеряют. Особенно в бухгалтерии, плановых и учебно-методических службах. Почему так? Долго объяснять, но вы человек умный, сами скоро до всего дойдете.

...«Чудны дела твои, господи,— подумал Николай Андреянович,— отложив рукопись доцента-патриота о социальном портрете профессионального преподавателя вуза,— пора на боковую. Завтра первая пара в семь-

сорок пять, надо выспаться. Полковник, небось, уже третий сон о штурме Болонского университета смотрит. А-а-а... — раззевался Николай Андреянович.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ

♦ С загадками, заданными ему Мариной Евгеньевной, Николай Андреянович со временем разобрался даже без консультаций с Вадимом Фомичом и лжебратьями Яцышеным и Язвишиным.

Проще всего — с частой потерей официальных бумаг. Он просто вспомнил один из базовых законов Паркинсона: чем больше штат административно-обслуживающих команд, тем сильнее беспорядок и бестолковщина. Оно и в советские времена в крупных вузах бюрократия себя нет-нет да проявляла, а что говорить про нынешние реалии, когда количество преподавателей и администраторов всех уровней и чинов практически сравнялось?

А вот с другой стороны загадкой пришлось голову поломать. Выходило следующее. Точнее, вычислялось два равновероятных, параллельно существующих варианта.

В первом из них главную роль играла присущая почти всем преподавателям неряшливость и полное отсутствие привычки к порядку обращения с бумагами. Исключение — их факультет, где имели хождение бумаги и книги с грифом «*Секретно*» и «*Для служебного пользования*», за потерю которых следовали взыскания и наказания вплоть до увольнения. А так обычный преподаватель абсолютно неряшлив и безответственен. Поручи такому, идущему в другой корпус, передать письмо или просто вернуть тамошнему знакомцу что-то у него взятое на время: книгу, автореферат к диссертации, «сидюшник» с потребовавшейся программой... и так далее вплоть до одолженного коробка спичек.

Зашедший по делам из другого корпуса Иванов, Мансуров или Шапиро горячо возьмется исполнить

поручение, раз пять заверит, что тотчас по приходу в корпус, даже в ущерб своим делам, забежит к Петрову, тому же Файзуллину или Слиозбергу и передаст требуемое. Успокоится Николай Андреянович, не сомневаясь, что книжка или «сидюшник» уже передан. Встретит он через день-другой Петрова или других Имя-рек, а тот с обидой: дескать, что же ты, Андреяныч, взял книгу на пару дней, а сейчас уже четвертый заканчивается? А мне в докторский диссер срочно нужно из нее целых полглавы переписать!

Николай Андреянович — мигом в преподавательскую соседнего корпуса, к Иванову, с обидой: дескать, что же ты, друг? А тот заизвиняется, мол, пришел к себе на факультет, хотел прямо к Петрову, да вспомнил, что на тот же этаж заодно и бумагу занести, пришел к себе в преподавательскую, пока искал бумагу — книга куда-то запропастилась. А тут завкафедрой ко мне с претензиями по учебному плану — все из головы и вылетело.

Смотрит Николай Андреянович, человек строго военно-морского воспитания, на рабочий стол Петрова, даже невольная жалость появляется: стол, как дворовая помойка «горкой», завален всяким бумажным хламом, книгами, пожелтевшими газетами... Петров их ворошит — нет книги! Выдвигает ящики стола... о, боже! Там хуже помойки: вороха тех же бумаг. Пустые сигаретные коробки, заплесневелый недоеденный бутерброд с колбасой, початая пачка презервативов «*Exclusive Aromatic*» (сорокалетний, в полной мужской силе Петров имеет интрижку с двадцатилетней кафедральной лаборанткой Леночкой).

...Нужную книгу усилиями всех находящихся в преподавательской через четверть часа находят на нижней полке шкафа с кафедральными методкомплектами.

Второй вариант характерен для профессионалов в возрасте и особенно первого сорта: потомственных преподавателей. Такой возьмется передать бумагу, например, своему завкафедрой, при этом изобразив на сво-

ем лице такую утомленность просьбой, что Николаю Андреяновичу становится стыдно.

А потомственный профи придет в свой корпус, пройдет мимо кабинета адресата — завкафедрой или даже мимо его самого, встретившись в коридоре, сядет за свой стол, внимательно перечитает бумагу трижды: сверху вниз слева направо, снизу вверх и справа налево, как читают написанное по-арабски или на иврите, наконец, по диагонали. Убедившись, что текст бумаги абсолютно никакого отношения ни к нему, ни к кому из его друзей-приятелей, даже отдаленных знакомых не имеет, что-то пробурчит и аккуратно упрячет ее в самый дальний край нижнего ящика стола.

...Профи сорта № 1 до конца будет отпираться: да передал я твою, Николай Андреянович, бумагу, передал. Только не сам, занят был, а через кого-то. Кого? — Увы, не помню.

Как додумался Николай Андреянович, это въевшаяся в гены память о тридцатых-пятидесятых годах. Именно тогда вошли в служебный обиход присказки: всякая бумага должна отлежаться, лучше перебдеть, чем... (дальше неприлично) и так далее.

Чудны дела твои, господи! Все же преподаватели, независимо от их профпринадлежности, твои коллеги по несчастью обучать отупленных школой и *ЕГЭ* студиозусов за зарплату дворника. А вот что из себя представляют нынешние небожители университетов — административные труженики?

♦ Как ни странно, но с административной спецификой Николай Андреянович познакомился еще на момент оформления на вузовскую работу. Рассчитывая, что на это оформление уйдет, как и везде, максимум неделя, он в начале двадцатых чисел августа, подгадав к дате увольнения с «Меткости», завизировал заявление о приеме у Вадима Фомича и отдал в приемную ректора. К первому сентября «пришла» в первый отдел университета из «Меткости» и форма допуска к спецработам, без

которой в «пентагон» не пускают. И тотчас ему выдали пропуск, правда, почему-то временный. Но Николая Андреяновича это особо не заинтересовало: неверное, так здесь принято, решил он. Начал читать лекции и вести практические занятия со студентами. Несколько огорчило, что зарплату ему за прошедший сентябрь не начислили. Что же, бывает. Тем более, что в начале ноября-месяца он получил в кассе деньги сразу за сентябрь-октябрь и последние десять дней летнего августа.

Но все же поинтересовался у Марины Евгеньевны, которая все и обо всех знает. Она куда-то позвонила, сама рассмеялась. Оказывается, официально его на работу оформили только к концу октября-месяца (!?). А все дело в том, что насмерть поругались по какой-то мелочной, чисто бабской причине две ничтожнейшие сотрудницы: одна из плановой службы, другая — из учебно-методической. По стечению обстоятельств одна из них должна была передать другой для визирования и подписи у своего начальника приказ о зачислении Николая Андреяновича. И еще двух-трех десятков устраивающихся на работу в университет. А так как ни та, ни другая не имели желания пойти с бумагами к супротивнице, то они и лежали два месяца без движения.

Потом им надоело дуться друг на друга, тем более, что у них появилась общая вражда из бухгалтерии. Они помирились, объединившись супротив красивой Таньки-бухгалтерши с самыми длинными в главном корпусе ногами. В день примирения все бумаги оформили, а Николаю Андреяновичу выдали постоянный пропуск с красной диагоналевой полосой, а неделю спустя — задержанное жалованье: два с лишком доцентских оклада.

Административные труженики очень значительно отличаются от педагогических, зачастую — в противоположных категориях. То есть здесь напрямую действует закон диалектики Гегеля — Маркса о единстве и борьбе противоположностей. Даже в самых поведенческих пустяках.

Например, предстоит тому же Николаю Андреяновичу отдать из рук в руки невидной по должности служащей учебно-методического управления — «умушке» служебную записку от кафедры: стандартную, рядовую, почти что ничего на значащую. Но «умушка», на всякий случай заведя руки за спину, возьмет ее не прежде, чем подробно расспросит подателя: о чем бумага, кем и когда написана и подписана, поставлена ли дата? Конечно, велика вероятность, что «умушка» ее потеряет, но в присутствии Николая Андреяновича она с неестественной серьезностью дырявит служебку дыроколом и подшивает в папку «*Входящие разовые № 2 бис*». Потом еще раз с подозрительностью в голосе осведомляется у подателя, как человека для нее нового, о его имени-отчестве, звании, сухо кивает на его «до свидания».

Иное дело препод: и профессионал, и не очень. Вот издал доцент-патриот Язвишин на свои кровные в ста экземплярах книжку-брошюру с язвительным же названием «*Антиэнгельс, или превращение офисника в обезьяну*» и раздает ее знакомым преподам. А наблюдательный Николай Андреянович подмечает: все одариваемые, не выражая никаких эмоций, даже не благодаря дежурно, с каким-то хватательным рефлексом быстро, почти вырывая из рук Геннадия Сергеевича, берут ее и, не взглянув даже на название, упрятывают в папку или дипломат. А придя к себе в кабинет или преподавательскую, небрежно ставят вдохновенный труд Язвишина не верхний ряд стеллажа, книжного шкафа или настенной полки. И более к книжке никогда не прикасаются. Вообще преподаватели, тем более из женщин, никогда и ничего не читают, исключая литературу по специальности. Да и ту перестают брать в руки, защитив диссертацию.

Но это все мелочи, почти бытовые. А кладезь знаний о сложной, многоходовой структуре администрации университета Николай Андреянович получил не прежде, чем проработал первый свой учебный год. Истина в таких делах постигается только опытом.

Когда после японского фукусимского цунами и начала войны Антанты за ливийскую нефть отечественное телевидение ударилось в оккультизм с Вангой, Кашпировским и другими провидцами, полковнику Хмурову начали сниться странные видения. Так, приснилось, что, следуя новой телемоде, министерство образования ввело во всех вузах штатную должность прорицательницы. Получив соответствующее предписание, ректор Тулуповского университета рассмеялся, но... против лома нет приема, поэтому передал бумагу для исполнения в отдел кадров. Там, долго не думая, назначили на эту вакансию восьмидесятилетнюю вахтершу одного из студенческих общежитий Коробкину, благо та уже давно заговаривалась. Также не мудрствуя лукаво, провели эту дол-

жность по кафедре философии. Правда, хотели — по некоему созвучию — «свалить» ее на теологию, но заведующий этой кафедры отец Кропоткин пригрозил предать отдел кадров анафеме.

Выделили Коробкиной крохотный кабинетик — бывший архив бывшего же парткома. Раз в декаду к ней приходила Света из отдела университетского пиара. И Коробкина нагоравала на микрофон пророчества на ближайшие десять дней:

— ...И еще, милая, слушай меня, старую. На кахведре, где на прокурорских и аблакатов научают, два доцента до мордобоя сцепятся из-за аспирантки Натахи, но забеременеет она ат ихнего же прохвессора. А на ракетном факультете полковник Хмуров опять выпишет липовую командировку в Москву к своей тамошней б...и. У проректора же...

— Выше завкафедрами, баба Наталья, предсказывать не велено!

Постепенно осваиваясь с новым для него окружением, он про себя выстраивал и иерархию руководства. Почти все должности здесь являлись конкретными: ректор, проректоры по направлениям, начальники специализированных служб: отделов, секторов, групп и так далее. Но его ухо начало выделять и некоторые знаковые фамилии, которые обычно произносились с неподдельным уважением и без указания должности.

С наибольшим пиететом, порой — у женщин — с придыханием произносилась таинственная фамилия Стихерев. До поры до времени Николай Андреянович как-то не интересовался юрисдикцией этого самого Стихерева, не касаясь ее никаком боком. Полагал его кем-то в ранге проректора по общим вопросам. Однако ректор со своими «*про*» обитали на втором этаже главного корпуса, а таблички со знаковой фамилией там не значилось.

Более того, как изобретатель со стажем, взялся он и на кафедре за любимую забаву. Вадим Фомич горячо одобрил, про себя подумав: «Слава богу, одной докукой меньше! Будет кому план кафедры по заявкам на патенты, никому сейчас не нужные, выполнять — к тому же по своей охоте!» Разыскивая на верхнем этаже главного корпуса патентную службу (по наводке завкафедрой: «...Поднимешься на пятый, там и найдешь»), наш изобретатель по непривычке зашел в какой-то пустынный, с виду необитаемый конец коридора, где среди наглухо закрытых дверей в пустые, видимо резервные комнаты, обнаружил дверь с простецкой табличкой на полоске ватмана: «*А. В. Стихерев*». И более ничего: ни должности, ни степеней-званий.

Даже всезнающая в этом подлунном мире Марина Евгеньевна на праздный вопрос нового сотрудника о имени-отчестве таинственного обитателя пятого этажа главного корпуса чуть задумалась и не совсем уверенно произнесла: Артур Вениаминович, кажется.

Вадим же Фомич на сходный вопрос нового со-

трудника о статусе Стихерева даже поразился таким интересом:

— А зачем это тебе, Николай Андреянович?

— Да так, просто часто его фамилию произносят. Вы-то, наверное, по работе с ним сталкиваетесь?

— Куда там! Кто я — простой завкафедрой... даже пусть и знаменитой кафедры, а кто Стихерев? И тебе сталкиваться не придется, так что меньше знаешь, крепче спишь.

Но всякий интерес к дальнейшему расследованию у Николая Андреяновича отбил краткий ответ коллеги Яцышена: «Серый кардинал».

...И еще случайно подслушанный разговор. Шел Николай Андреянович по второму этажу главного корпуса — шел на одну из кафедр факультета вычислительной техники и управления, что еще пока не выселили из корпуса. А напротив двери в ректорскую приемную двое незнакомцев вели многозначительную, несколько нервическую беседу. Вспотевший, только что выбежавший из приемной солидный профессор (в очках и с по́ртфелем) с жаром восторга скороговоркой хвастался собеседнику, явно из высоких административных чинов, спокойному и сосредоточенному:

— Вот, Пал Игнатьич, за три всего дня собрал нужные подписи на отчет. Сейчас вот и ректорскую получил, три часа в очереди в приемной пропарился. Остались совсем пустяки — одна подпись, нет, даже не подпись, а согласительная виза Стихерева.

— Хм-м, не радуйтесь особо, Владимир Иосифович. Смело кладите на визу Стихерева неделю, а то и полторы: еще набегаетесь!

После этого на произнесенную фамилию человека без обозначения должности Николай Андреянович реагировал так же, как, например, на упоминание всуе женщинами в их беседах-посиделках имени Вседержителя.

♦ Что там небожитель Стихерев, тут бы с зарвавшимися в последнее время бабами-администраторшами

разобраться! Николай Андреянович уже знал о блестящей фронтовой операции, проведенной с помощью режимника Бабенко по нейтрализации «умушников». Но не успели отбояриться от них, как уже в первый год работы нового доцента новая напасть, почище старинного *УМУ*, хотя и назойливого, но все же привычного, накатила.

Как сказал, давая «вводную» на новый учебный год, Вадим Фомич, «дальнейшее внедрение университета в Болонский процесс требует реформирования. Проще говоря — увеличения, административных служб, организующих, контролирующих и направляющих учебный и научно-исследовательский процессы».

Далее Дьяконов перешел с официального языка на нормальный, человеческий, довел до сведения коллег: в числе нескольких новообразованных отделов и секторов администрации, под размещение которых в главном корпусе освободили ряд помещений, уплотнив факультет вычислительной техники, появилась служба *менеджмента качества обучения*. Назначение ее пока не совсем ясно — «впредь до разработки типового положения о службе и комплектовании ее кадрового состава»,— подмигнув, весело снова перешел на официоз Вадим Фомич.

— А мне сегодня сон о землетрясении в Болонье приснился,— задумчиво и невпопад сообщил в наступившей тишине Полковник,— весь город провалился в тартарары. Вместе с университетом и Болонским процессом.

— Жалость-то какая,— в тон подхватил Яцышен,— может по червонцу евров стипендию на помощь пострадавшим, а?

— Шутите, шутите,— урезонил их Дьяконов,— кстати, Григорий Иванович и ты, Василий Викторович, как наиболее рьяные супротивники новейших педагогических веяний, тестовой системы в особенности, учтите: против этого менеджмента даже Бабенко бессилен. Их

начальнице, пока одной в отделе, сам ректор велел пропуск с красной полосой выдать. Так что, товарищи и коллеги, с завтрашнего же дня возьмите у Марины Евгеньевны размноженные инструкции и положения и в полном соответствии с ними начинайте приводить в порядок свои учебно-методические комплекты. Только побыстрее, с полной серьезностью. Срок — до бывших ноябрьских праздников. ... Григорий Иванович! Умоляю, не надо про ошибки в истории Смутного времени в связи с новым праздником в ноябре-месяце нам рассказывать. Это вот как-нибудь неофициально соберемся, например, накануне того же 4-го ноября...

...Всего-то два месяца прошло, еще не успел слегка обалдевший от обилия праздничных дат народ выбрать что отмечать — Единение, Революцию или оба, как в университете о новой службе уже говорили в двух различных интонациях. Со смешком, но на всякий случай оглядываясь, молодые доценты именовали новую службу «*менеджментером количества*». Кликуху явно пустил в обиход Язвишин, имея в виду преимущественный интерес новоявленных манагеров* к 100-балльной системе болонских оценок ущербных студенческих познаний.

Но вовсе без смеха, а женщины-преподавательницы и вовсе с подрагиванием коленных чашечек и с испугом в глазах, воспринимали даже потомственные профессора и доценты упреки кафедрального и факультетского начальства в пренебрежении новейшими педагогическими веяниями: «Вот попадете, уважаемый Семен Егорович, на карандаш менеджмента колич..., то есть качества, не посмотрят там на ваши звания и лауреатства!»

Самые почтенные этими вот лауреатствами и возрастом профессора, все в своей долгой научно-педагогической жизни перевидавшие, а некоторые и застав-

---

* Популярное прозвище современных офисных, торговых и прочих приказчиков-менеджеров — «буквенное» чтение американского слова *manager*.— Прим. авт.

шие в студенческо-аспирантские годы строгости начала пятидесятых — с клеймлением и оргвыводами на комсомольских собраниях, поначалу тоже вот посмеивались в своем ветеранском кругу: не таких, мол, видали-перевидали. Пошумят, пошумят, покрасуются в своих собезьяненных с Запада названиях и успокоятся эти менеджментерши: надоест им версты наматывать, ходить по корпусам на территории со средний районный городок, начнут с утра до отбойного звонка чаи с вареньем гонять в своей отдельской комнате, а в последние дни месяца, семестра и учебного года — сочинять липовые отчеты по улучшению качества обучения студентов. Правда, последние об этом и не догадываются.

Но когда эти самые матерые узнавали от кафедральных и факультетских секретарш о зарплатах этих менеджментерш, по достоверным слухам раза в четыре превышающих их профессорские «алтыны», то есть пятнадцать тысяч «чистыми», то тотчас серьезнели: да-а, за такие шальные деньги и мужик серьезно станет относиться к самой нелепой работе, а уж баба? — Землю рыть станет, но за эти тыщи круглые всем печенки выест, женщин преподавательских до истерик, а нас до инфарктов доведет!

Совсем же тоскливо стало всем полутора тысячам преподов — от ассистентов-аспирантов до кандидатов на именные барельефы цокольных корпусов сталинской постройки, когда все те же всезнающие деканские и кафедральные секретарши, навроде их Марины Евгеньевны, но уже опасливым шепотком и только доверенным лицам, стали рассказывать биографии менеджментерш, преимущественно бывших школьных училок, и какими высокими покровителями, преимущественно через приятельство с их супругами, они устроены на эти хлебные места.

♦ Сам Николай Андреянович, слава богу, с количественным менеджментером пока не сталкивался. Видно судьба его оберегала. А вот Язвишин и Полковник уже

имели честь. Николай Андреянович, слушая их рассказы — поодиночке,— наматывал на ус.

Получилось так, что к Геннадию Сергеевичу главная менеджментерша заглянула в его кабинетик — такая вот привилегия у преподавателей медико-физкультурного факультета имелась: личные небольшие кабинеты, обычно, на двоих. А Язвишин еще числился заместителем завкафедры по научной работе, потому и кабинет у него имелся личный.

Доцент-патриот, свободный в этот день от упражнений со студентами, полдня мучался над своим очередным трактатом — доказывал мудреную, им же выдуманную теорему по биофизике. К часу пополудни его осенило, доказательство теоремы ярким прожекторным лучом осветилось в голове. Боясь потерять, забыть этот абрис, Геннадий Сергеевич со стенографической скоростью списывал со своих мозгов доказательство... тут, как говорится в старинном анекдоте: вошел поручик Ржевский и все испортил. В обычно приоткрытую дверь (Язвишин не терпел замкнутого пространства, хотя и не был клаустрофобом) его кабинетика решительно вошла ретивая по виду бабенка средних лет: крутобокая, с низковатой посадкой, опять же круглолицая, в перманенте жестко-крашенных волос. Геннадий Сергеевич по перманенту невольно отметил: значит, сорок уже есть. По типажу крашеная никак на преподавательницу или администраторшу университета не походила. Значит, чья-то настырная мамаша пришла просить за своего идиота-двоечника...

— Я из менеджмента качества,— учительской скороговоркой, как звонко ссыпаемый на столешницу горох, базапелляционно заявила крутобокая,— где ваш завкафед...

Донельзя взбешенный вторжением, тотчас выветрившим из головы окончание доказательства теоремы, доцент-патриот резко развернулся на своем кресле с колесиками, уставившись на вошедшую:

— Мадам! Я по-американски не понимаю. Будьте так любезны, сделайте *традюксьон* на русский разговорный!

Менеджментерша, прошедшая в школьном бабьем царстве все круги дуроломства, никаких эмоций не проявила, отменным чутьем прожженной бабы смекнув, что на молодцеватого завкафедрой где сядешь, там и слезешь:

— Ну-у, это служба новая, занимающаяся контролем за педагогическим процессом...

— Понятно. Меня контролировать не надо. Сегодня занятий нет.

Менеджментерша и вовсе заулыбалась. Острый на язык доцент ей явно импонировал:

— Нет-нет, хотела найти завкафедрой, кабинет закрыт, вот я и зашла к вам. Так сказать, по должности.

— Вроде как на сборище у учебного проректора. А что такое сверхординарное произошло?

...Из дальнейшего, содержательного разговора выяснилось, что два доцента с их кафедры совершили проступок, граничащий с безумием: поменялись аудиториями, кстати, соседними, чтобы не перетаскивать навстречу друг другу заспиртованные препараты, не поставив об этом в известность деканат, *УМУ* и службу менеджемнта письменно за три дня.

Здесь Язвишин вспомнил окончание теоремного доказательства, махнул крутобокой рукой: мол, сами разбирайтесь и правеж вершите, а я зам по науке.

Менеджментерша ушла, но до конца дня по всему кафедральному этажу неслись вопли, крики подоспевшего начальства, безутешные рыдания доцентш. На другой день всем сотрудникам кафедры под роспись — для назидания — объявили приказ: завкафедрой, провинившимся доцентам и почему-то лаборантке Вале объявить выговор по факультету и лишить персональной, кафедральной надбавки за текущий месяц. Дело привычное, но неожиданно заартачилась Валя: «Как

это меня надбавки лишить? Но я ее отродясь по своей должности и не получала!»

♦ Первое трогательное свидание Полковника с «менеджментером количества» было обставлено иначе. И даже имело последствие и оргвыводы в коллективе.

Главная менеджментерша, как потом рассказывала Марина Евгеньевна, отслеживавшая ее движение по кафедральному полуэтажу с левым крылом здания «пентагона»... кстати, хотя здесь и сам Бабенко был бессилен, но определенные меры на факультете были приняты. По договоренности с тем же режимником, осчастливленным отдельным кабинетом, вахтерши — только в одном «пентагоне» они официально именовались стрелками, правда, без упоминания о *ВОХР*'е — узрев менеджментерш, должны посылать их к Бабенке якобы для уточнения наличия их фамилий, как новых сотрудниц университета, в списке допущенных. Пока же радушный и говорливый хохол навязывался к настороживейся церберше с кофейком-чайком и россказнями о своей прежней боевой политотдельской службе, стрельчиха-вахтерша обзванивала секретарш всех кафедр, а те оповещали своих.

...Так вот, по словам Марины Евгеньевны, проверяющая поднялась на их этаж в середине лекционного часа. Она шла по пустынному коридору, в дальнем конце которого маячила лишь Евгеньевна, останавливалась около аудиторных дверей, прислушивалась. Но в «сталинском» здании двери из двухдюймовой дубовой доски, никакой обычный человеческий голос не пропускают. Подошла она к очередной двери, прильнула ухом — и тут же отскочила, даже взбрыкнула ногами как коза от испуга. И действительно: даже отдаленная длиной коридора Марина Евгеньевна вздрогнула от гомерического смеха Полковника, пробившего дюймы мореного дуба. С побледневшим от гнева лицом главная менеджентерша решительно открыла дверь и вошла.

Дальше началась интрига. Через четверть часа про-

звучал отбойный для закончившейся пары звонок. Двери аудиторий распахнулись, коридор наполнился студентами, перемеживаемыми повеселевшими преподавателями: слава богу, одной докукой, то есть лекцией или лабораторкой, на сегодня меньше!

Вывалились и студенты, опекаемые Полковником. Последний выходящий из них четко прореагировал на голос Хмурова: «Витюшкин? А ну-ка закрой за собой дверь! Враг подслушивает, ха-ха-ха!» Поскольку началась большая полуденная перемена, то студиозусы рассеялись: кто в буфет на первом этаже, а кто и по пивку за ворота. Девицы — курить в туалеты. Двоечники — на первый же этаж в деканат понесли всякие оправдательные справки и заявления. Преподаватели, собравшиеся в своей общей «учительской», крайне заинтригованные визитом контролерши, с нетерпением ждали с докладом Евгеньевну.

Она действительно через десяток минут зашла, но только пожала плечами, сказав:

— Закрылись, голосов не слышно.

Прошло еще с четверть часа, затем и большая перемена закончилась. Расходясь по своим аудиториям и лабораториям, все с интересом, даже подмигивая друг другу, посматривали на закрытую дверь, благо в послеобеденную пару в этой аудитории занятий по расписанию не предусматривалось.

Совсем уж нехорошо посмеивались мужики, а женский препод-состав восторженно перешептывался, когда прозвенел звонок на пятиминутный перерыв-разминку, а затем и на полновесную перемену. «А может Иваныч ее того,— глупо пошутил Яцышен,— ... в смысле в окно выбросил в гневе, а сам застрелился из «макара» с глушителем?» Но Василия Викторовича никто не поддержал в остроумных догадках. Хотели уже идти докладывать Самому, но вспомнили: Дьяконов еще пару часов назад ушел в главный корпус на заседание научно-технического совета. Как быть? Что делать?

Самим войти — а вдруг там... одно из двух, но в любом случае быть замешанными?

Обратились к самому мудрому на кафедре, к Прокофьичу, но тот от всякой ответственности тем более ушел, слишком опытный в жизни. Махнул рукой: «Это по части Бабенки». Но за минуту до звонка на следующую пару таинственная дверь распахнулась, из нее вышла галантно пропущенная Полковником вперед главная менеджментерша. Мужчины вытаращили глаза, а преподавательши от изумления открыли и забыли закрыть рты, услышав громогласное:

— Так договорились Ларисочка Алексеевна? Если *появится желание продолжить*, так я весь и всегда к вашим услугам: позвоните, договоримся где удобнее встретиться, чтобы никто не помешал.

Марина Евгеньевна пошатнулась, даже невольно оперлась на руку Яцышена. Но и главная менеджментерша, несколько бледноватая, с измученными глазами, неуверенными шагами молча прошла мимо кучкующихся преподавателей, делающих вид, что они горячо обсуждают проблемы улучшения качества обучения, в сторону лестничной площадки.

Полковник же, напротив, с раскрасневшимся, ставшим почти молодым лицом, почти физически излучая энергию своего плотного, спортивно-осанистого тела, подмигнул всем сразу, тут же удивился:

— А-а что? У вас, господа-товарищи, летучий партхозактив? Или Прокофьич тараканов во всех аудиториях решил потравить веселящим газом?

С этими словами Григорий Иванович мысленно переключился на что-то свое, посвистывая мотив «Мы красные кавалеристы», направился в преподавательскую. Но там не задержался, захватил еще утром принесенный из дома пакет с чем-то объемным, явно стеклянным, оделся и ушел, бросив на прощанье:

— Счастливо оставаться, громадяне! Что-то у меня сегодня женский день. Еду в Поречье в издательство

Болонский сон № 96. Обойдя тылами завод автооборудования и оставив за левым плечом знаменитую церковь Сан-Доменико с гробницей Св. Доменико работы Николо Пизано, Добровольческая армия полковника Хмурова вышла в сектор прямого обстрела из дальнобойных орудий хозяйственных построек Болонского университета. Перед авангардом армии небольшим препятствием извивались траншеи, отбитые у неприятеля. По другую сторону траншеи толпились несколько сконфуженные поражением карабинеры и добровольцы из числа несознательного итальянского пролетариата.

Полковник Хмуров, сорвав с головы кивер, размахивая им, огласил затихшее поле боя призывом:

— Итальянцы! Граждане Болоньи! Приходите к нам на мирные переговоры и закуски. Вас обманывают капиталисты и заводчики, говоря, что мы пришли поработить вас. Не верьте им. Наша святая цель — разобраться с руководством Болонского университета и

прекратить злокозненный, так называемый Болонский процесс.

— Синьор командир,— послышался ответ с супротивной стороны,— а вы контрибуцией нас не обложите непосильной? Девушек и молодых женщин наших в дикую Сибирию не увезете?

— Да на хрен нам сдались ваши девушки-женщины? У нас и своих б... и проституток хватает.

Итальянцы дружелюбно рассмеялись и вышли на переговоры и закуски. Под рашенскую водку.

на день рождения Надежды Тихоновны. Надо уважить хозяйку: она мне всегда скидки делает на печатанье книг. Адью!

...Даже Вадим Фомич, озадаченный чем-то на совете и погруженный в свои мысли, отметил: на кафедре нечто похожее на морской штиль. Вроде корабль уверенно рассекает нужным курсом воды, но ни капитан, ни команда не уверены, чем закончится этот штиль: легким освежающим зюйд-вестом, или налетит с норд-оста восьмибалльный шторм? Но лица терять не стал, прошел в кают-компанию и занялся своими делами.

А день-то выдался уик-эндный, субботний. Можно себе только представить, как мучались в догадках, прямо-таки места не находили себе до понедельника кафедральные женщины? А мужики, особенно в предпенсионных годах, все воскресенье хмуро смотрели по телевизору чемпионат Европы, где на поле бегали сплошь одни негры и мулаты из бывших португальских колоний.

Но и в понедельник Полковник, веселый садист в душе, на косвенные и прямые вопросы отшучивался: мол, печки-лавочки, говорили о насущных вопросах менеджмента качества. То же было во вторник, в среду. Но в четверг Дьяконов собрал в кают-компании народ на плановое кафедральное собрание. Когда оно подошло к концу, задвигали стульями, Вадим Фомич сделал удерживающий жест рукой:

— Еще пяток минут. Ужин дома подождет, не остынет. Тем более, что хочу сообщить вам новость приятную для нашей кафедры. А героем, так сказать, события является уважаемый Григорий Иванович. Кстати, сообщенное мною будет новостью и для него. Я специально не сообщил предварительно нашему боевому товарищу, создав своего рода эффект рояля в кустах. Надо же положительными эмоциями разнообразить нашу устоявшуюся жизнь. Да-да, дорогой Василий Викторович,— опережающе остановил Вадим Фомич открывшего было рот для едкой филиппики Яцышена и,—

устоявшуюся, к сожалению в смысле неизменности при непрерывном росте инфляции, нашу зарплату, или жалованье, как Василий Викторович ее именует, она же оклад содержания виновника сегодняшнего дня Григория Ивановича, я тоже неявно имею в виду. Явно — не позволяет должность; хотя и не административная, но все же положение обязывает. Вот память... забыл как это по-французски: что-то там созвучное нашему «облигация» и похожее на известную, скромную фамилию Нобель. А ведь еще недавно щеголял на лекциях перед студентами! Да-а, память, конечно, с годами не улучшается... Ну так вернемся к дорогому Григорию Ивановичу.

Чтобы сразу взять быка за рога, сразу зачитаю выписку из датированного вчерашним днем приказа ректора по итогам проверок службой менеджмента колич..., извиняюсь, качества, конечно, всех факультетов университета. Этот приказ резюмирует, так сказать, первый опыт работы службы — нечто вроде отчета «ста дней», как это принято в политике у вновь избранных президентов почти всех стран. Итак... вот-вот, у меня отчеркнуто карандашом: «*...Особо следует отметить серьезный подход к практическому освоению современных педагогических технологий в рамках встраивания в Болонский процесс российской высшей школы на кафедре № 104, заведующий В. Ф. Дьяконов. Аналитический и вдумчивый подход характеризует доцента кафедры Г. И. Хмурова, творчески относящегося, в частности, в уточнению методик балльной оценки знаний обучающихся. По предложению руководства службой менеджмента качества доцент Г. И. Хмуров рекомендуется в состав планируемой общественной комиссии содействия повышению качества обучения и образования Тулуповского государственного университета*».

— Позволь, дорогой Григорий Иванович, от имени всех твоих коллег поздравить со столь замечательной

референцией в приказе ректора. Я понимаю, конечно, легкое недоумение здесь собравшихся, но в ректорских приказах шуткам места нет по определению! Впрочем, наш именинник — при желании — сам вам расскажет в рабочем порядке о своих новациях и, так сказать, творческом отношении к стобалльной системе и другим знаковым моментам уважаемого Болонского процесса.

Что еще хочу добавить? Во-первых, Григорий Иванович совершил, как человек военный по воспитанию и характеру, подвиг в мирное время, заработав нашей кафедре благословение менеджментной службы. Во-вторых, если общественная комиссия содействия будет создана, то считайте, что в структуре столь серьезной службы у нас будет свой человек.

— Как Штирлиц! — все же вставил реплику Яцышен, до того почти с испугом смотревший на ярого и воинственного антиболониста Хмурова.

— Вот-вот, своего человека. Но все это, конечно, ни тебе, Василий Викторович, ни всем вам, уважаемые коллеги, не дает никакой форы расслабления и потери бдительности. Кстати, в этом приказе, кроме Григория Ивановича, одобрительные слова сказаны только о двух известных в университете активных сторонницах болонской системы — деканшах, извиняюсь, вырвалось по привычке, факультетов международной и национальной экономики и юриспруденции малого и среднего бизнеса...

— А кого особенно обхаяли?

— Гм-м, Григорий Иванович! Вы, как выдающийся теперь педагог, как-нибудь на досуге объясните своему аспиранту, что на официальных мероприятиях, как наше собрание, и терминология должна быть под стать, без студенческих и бытовых жаргонизмов. Это к слову. Но на вопрос Эдика, нашего будущего коллеги, отвечу. Вот у меня тут тоже отчеркнуто. К сожалению для Григория Ивановича и Николая Андреяновича, речь пойдет об их общем товарище Язвишине с медико-физкультурного факультета... Так-так, вот этот абзац: «*...На-*

ряду с отмеченными положительными тенденциями, на ряде факультетов и кафедр до сих пор отмечается чисто формальное отношение к животрепещущим вопросам повышения качества обучения студентов и требовательности к преподавательскому составу университета, о чем неустанно нам напоминает руководство Федерального агентства по образованию и лично» — гм-м, товарищи, здесь явно перебор, Брежнева, наверное, вспомнили; вот, по существу: ...— Например, из рук вон плохо поставлено дело на кафедре теоретической медицины медико-физкультурного факультета. Заместитель заведующего кафедрой Язвишин Г. С. во время планово-контрольной проверки руководством службы менеджмента качества не только покрывал грубейшие нарушения организации учебного процесса своими сотрудниками, но, явно идя на поводу левооппозиционной пропаганды, вместо признания своих ошибок и исправления их начал демагогически рассуждать о пристрастии руководства университета к иностранной терминологии».

— Вот так-то, говоря диалектически, единство и борьба противоположностей,— задумчиво расфилософствовался Вадим Фомич, давая знать, что официальная часть собрания завершена,— были два товарища, хотя и не танкисты, оба ненавистники всех этих педагогических нововведений, пришла к ним поочередно девица-красавица разудалая и развела их, выражаясь современным языком, по разные стороны баррикады: одного героем дня вылепила, а второго в отсутствии политкорректности и толерантности обличила. А ведь это сейчас самый страшный грех! Все, товарищи, по домам, к супругам обоего пола, к щам и борщам суточным!

Поскольку на этот раз Полковник не торопился на чей-то день рождения, то Николай Андреянович вызвался проводить его, заодно прогуляться по прекрасной вечерней, раннезимней погоде:

— Хорошо, конечно, Григорий Иванович, рядом с

работой жить: обедать дома, не тренируя понапрасну желудок, опять же на транспорт и на излишний износ обуви тратиться не надо... Одни достоинства. Но и недостаток все же имеется: как-то нет причины подышать свежим воздухом. Правда, парк еще ближе университета, туда по выходным хожу всегда, но после работы, особенно зимой, в темное время.

В какой-то момент подумал он и Яцышена за компанию позвать, намекнув Полковнику, но мыслишку эту отогнал: пойдут-то как раз мимо «Хантов-мансей», а тут магическое число — трое! Завтра же у него первая пара, начало в семь-сорок пять...

— Пошли,— охотно согласился Хмуров,— тем более пришло время удовлетворить законное любопытство коллег по службе.

Провожаемые укоризненным взглядом Василия Викторовича, неправильно понявшим их парный уход, доценты спустились по лестнице, чем-то напоминающей изображенную на картине пролетарского художника Осмеркина «Красная гвардия в Зимнем дворце», что в молодости Николай Андреянович лицезрел в Русском музее, будучи в Ленинграде в командировке. И Полковника лестница навела на ностальгические мысли:

— Да, умели при батьке усатом — это я не о Лукашенко, хотя и тот молодец — строить! Одно удовольствие спускаться-подниматься. Взять вот главный корпус: там тоже лестница просторная, площадки ее под мрамор вымощены, но — не то! Строили корпус еще по традиции солидно, но уже кукурузный дух Никиты чувствуется: вместо мореного дуба — сосна сучковатая; и вообще — все углы и углы; никаких округлостей-скруглений.

Угол, Андреяныч, хорошо в геометрии, а вот в местах проживания и работы в ракетной технике должны преобладать скругления. Как и в семейной жизни тоже: супруга должна радовать взгляд приятной округлостью, а не выглядеть угловатой стиральной доской, как наши

студентки младших курсов; дальше-то они умнеют или замуж выходят. И отношения семейные тоже острых углов не терпят. Впрочем, прямых и тупых тоже.

♦ А теперь к делу. Когда эта дамочка заявилась, я как раз рассказывал студиозусам анекдот о вреде торопливости. Без мата, конечно, там в группе девочки. Хотя я как-то шел со службы и нагнал двух из них, так они таким семиэтажным изъяснялись! Главное, не ругались, а именно на матерном языке беседовали о косметике какой-то шведской фирмы.

Ну, ладно, господь с ними. Так вот, анекдот я рассказывал к тому, что только что закончил выставлять им эти гребанные баллы — промежуточную аттестацию. Ну, сам знаешь, поскольку с этого семестра при *УМУ* организовали сектор автоматизации учета балльных оценок, а они протянули с новыми бланками ведомостей до конца ноября — типография наша переезжала в другое место,— то до полного идиотизма дошло: промежуточную аттестацию проводить менее чем за месяц до зачетной сессии!

— Так мне, Григорий Иванович, вообще еще этих ведомостей не выдавали!

— Ничего, на днях Мариша осчастливит и тебя. Продолжаю. Надеюсь, все же слышал: в этих «автоматизированных» ведомостях баллы надо вписывать обязательно гелиевой черной ручкой по контуру-абрису точечному, как индекс на почтовых конвертах.

— Да, слышал. И что — специальный сектор создали для этого?

— Вроде как. Ведь видов ведомостей много. Они еще и бланки всякие станут сочинять. Вадим Фомич на прошлой неделе аж в ярость пришел: дважды пытался через канцелярии официальные письмо в Минвуз отправить, и оба раза *моя* Света обратно приносила, мол, и первый, и второй варианты бланка университета уже устарели. Только с третьей попытки в канцелярии письмо взяли — на новейшем бланке, где в «шапке»

рядом с эмблемой универа проставили что-то похожее на нынешний знак качества. Это явно с подачи менеджментеров...

Так вот, она и помянутая только что входит и первым делом в автоматизированную ведомость зыркает. А почему это вы, господин Хмуров, приняв промежуточный зачет, сумму баллов проставляете карандашиком напротив фамилии, а не вписываете сразу ручкой стилизованным шрифтом в присутствии студента, как положено? Вы серьезно нарушаете одно из положений менеджмента качества.

— И ты, Григорий Иванович, послал ее куда следует?

— Отнюдь. Военный даме не грубит. Он ее учит жить. Я отпустил оглоедов, благо звонок прозвенел, или склянки пробили, как вы с Фомичем говорите, предложил даме стул, сделал комплимент ее свежему перманенту в том смысле, что очень хорошо, когда видная молодая женщина следит за своей прической, а не ходит с нерасчесанными патлами, как все остальные. Затем начальную тему беседы разбил на две части, предварительно представившись и осведомившись об имени-отчестве женщины, ее звании и должности. То есть сделал акцент на ее обращении «господин Хмуров», а потом сообщил свое мнение по части заполнения ведомости.

По первому пункту: мой дед Матвей Федорович, самокатчик* из Петросовета вместе с балтийскими братишками самолично одевал господ в деревянные бушлаты. А нынешним новоявленным господам, что из воровских малин и барыг выбились в князи, он не холуй. Пусть они друг друга величают. А вы, уважаемая Лариса Алексеевна, именуйте меня, доцента Хмурова, товарищем тем же, а если подружимся, то и вовсе Григо-

* Так в первой четверти XX века в русской, потом и в Красной, а также в Белой армиях назывались военные мотоциклисты.

рием Ивановичем. А рассоримся, не дай бог, так обезличенно в третьем лице обращайтесь.

Она было вспыхнула, но, вспомнив о перманенте, передумала и приятно порозовела. Как говаривал поручик Ржевский: гусар не размышляет, нащупывая слабину противника!

Затем перешел к ответу на заданный вопрос, но уже сообразил: дамочка перешла в другое качество, вспомнила себя женщиной, то есть реагирует не на смысл слов, а на их обилие, экспрессию и мужественную окраску. Я же нес всякую чушь. Тут и она стала фразы вставлять: есть контакт! — как говорят летчики и ракетчики. Метода Ржевского не подводит никогда: через четверть часа сама рассказала про слабосильного мужа; все от страха: взяточничает по мелочи в своем департаменте, где клерком служит, и боится до умопомрачения. А я ей жизненные примеры, как мужика расшевелить, потом к пристойным анекдотам перешел. Затем ее понесло на всякие житейские откровенности, сложность нынешней работы. Словом, за два часа дамочка выболталась до бледности. Это у них все равно как два часа под серьезным мужиком полежать!

Николай Андреянович ухмылялся, даже не заметил как они прошли мимо «Хантов-мансей».

— ...Вот хочу, дорогой коллега, напрямую Фомичу заявить: я, может, аванс мужской чести дал женщине понапрасну, на ближайшую пятилетку; может, и вовсе семилетку, сделал кафедру образцовой по менеджменту, даже опережающую экономический и юридический факультеты, хотя бы там и верховодили матерые бабы с педагогическим уклоном! Так что, уважаемый Вадим Фомич, при ежемесячных раскладах-раскидках кафедральных надбавок ты меня, голубь военно-морской, уравняй хотя бы с «холодной» профессурой, с тем же Шерстобитовым.

Как сам-то мыслишь: заслужил?

Доцент-патриот Язвишин с медико-физкультурного факультета проводит коллоквиум по медицинской этике, не снимая тулупного армяка, в самой холодной триста пятой аудитории, которую зимой иначе как карцером или ШИЗО не называют.

— Если пациент предлагает врачу в государственной больнице деньги за лечение, что вы должны делать?

— Брать,— дружным хором отвечает аудитория.

Геннадий Сергеевич болезненно морщится, но здесь раздается робкий девичий голос:

— Не брать.

Язвишин расцветает своим добрым лицом Мефистофеля из «Фауста»:

— Почему, голубушка!

— Я хотела сказать, что не брать сразу, а пересчитать и попросить в два раза больше, ой!

Ойкнула же испуганно оттого, что препод исказил лицо злобной гримасой и грохнул кулаком по столу. Коллоквиум и далее продолжается в таком же экспрессивном стиле.

...На перемене Язвишин с удовольствием рассказывает коллегам в преподавательской о коллоквиуме:

— ...Это лишний раз доказывает правоту марксистской идеологии о примате духовного над материальным!

Чуть подумал и добавил:

— Если материальное, конечно, не столь мало, чтобы забывать о душе.

— Вне всякого сомнения, дорогой Григорий Иванович! Только Вадима Фомича голубем морским именовать нельзя. Голубь — не морская птичка, вообще сомнительная в части самоназвания в свете современной терминологии... Вот буревестником — замечательно звучит.

— Это ты мне хорошо подсказал. Опять же буревестник с революцией ассоциируется.

Напротив драмтеатра они распрощались. Хмуров двинулся дальше, в низ проспекта, а Николай Андреянович неспешно стал взбираться вкрутую здесь горку центральной улицы города, размышляя о тонкостях университетской жизни. Да, в «Меткости», а допрежь того в *ЦКБ* агрегатостроения, все было проще, понятнее: сделал — молодец! Начальник первую цифру в прикиде квартальной премии на единицу увеличит, а то и вовсе нуль справа припишет. Не сделал — вообще напротив твоей фамилии в премиальном списке цифры вычеркнет, потом чуть подумает и, разделив эту сумму на три равные части, приплюсует своему заму, ударнику труда ведущему конструктору Вероятнову, чисто случайно его полудальнему родственнику, и одной симпатичной сотруднице. Незамужней, но с восьмилетней дочкой. Бабушка дочки живет неподалеку в отдельной квартире и охотно забирает внучку на сколько хочешь часов, а то и дней.

Усмехнулся Николай Андреянович слабости человеческой, но мудро осуждать никого не торопился.

От фривольных тем, навеянных игривым рассказом Полковника, перешел к высшим материям: о причинах нынешнего административного восторга, как он определил это качество вузовских управленцев, вспомнив одноименный рассказ любимого своего писателя Николая Семеновича Лескова. Но тут же поправился: почему только в вузах административный восторг? Он сейчас везде и повсюду. Даже в «Меткости», все еще старающейся, если не изобретать, то хотя бы до ума доводить

разработки советских времен, после «ухода» Гусакова новый начальник, присланный из Москвы, доктор экономических наук, создал что-то навроде университетского менеджментера качества, набрал «за воротами» два десятка каких-то нагловатых мальчиков, что в застегнутых пиджаках и при галстуках ходят по отделам и лабораториям, что-то секундометрируют, пристают к тру́дящимся малооплачиваемым инженерам с глупыми вопросами. Правда, инженерам терять нечего, все одно в «Меткость» на такую зарплату никто сейчас не пойдет; когда рядом начальника нет, то и матерком припустят.

...И пришел на траверзе «Хантов-мансей», вторично в этот вечер остающихся за бортом, к мысли: количество начальствующих и контролирующих обратно пропорционально корню квадратному из объема реально выполняемых работ. А почему именно квадратному корню? — Потому что без корня этого число начальников и работающих имело бы тенденцию к сравниванию, что даже в наше время есть абсурд!

Часть вторая.

ПОЛКОВНИК НА ВОДАХ И СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН

Еще в полях белеет снег,—
А воды уж весной шумят,
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят —
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет;
Мы молодой Весны гонцы,
Она нас выслала вперед».

Ф.И.Тютчев «Весенние воды»

ДЕЛО О БАРСЕТКЕ И НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АДМИРАЛ

◆ «Весна идет, весна идет...» — мурлыкал себе под нос Николай Андреянович. А услужливая, когда не надо, память тут же выдала: как рассказывала в восьмом классе на уроке литературы Вера Ивановна, знаменитое это стихотворение молодого Тютчева, еще не камергера двора его величества, на дипломатической службе в Мюнхене, было впервые опубликовано в третьем томе пушкинского «Современника» в цикле «Стихотворения, присланные из Германии». «Надо же,— усмехнулся он,— правильно сосед-психиатр както в рюмочной целую лекцию прочитал с таким выводом: память наша подсознательная — полная аналогия твоей, к примеру, квартирной кладовке. Роешься ты в ней, ищешь, например, молоток — гвоздь вбить, а он как сквозь землю, то есть межэтажное перекрытие,

провалился. Зато под руку такие вещи попадаются, что и вспомнишь с превеликим трудом: откуда?»

Вот и психиатр! Вот профессия какая проницательная! И действительно, не далее как вчера искал в кладовке, но только не молоток, а плоскогубцы: взялся отремонтировать подержанный, еще хрущевских времен приобретения венский стул. Но сколько ни рылся... А кот вспрыгнул на среднюю полку кладовочного стеллажа на свободный пятачок и сочувственно смотрел чуть сверху на хозяина, поводя усатой мордой, всем видом давая понять: объясни что нужно, а я мигом сыщу — здесь-то я хозяин!

Николай Андреянович с досадой пристойно выматерился, вспомнив: после последнего пользования положил плоскогубцы в ящик кухонного стола, хотя им там не место. Собрался выйти из кладовки, но здесь кот мягко дотронулся лапкой до его плеча и вроде как глазами показал на какую-то, висевшую на стене напротив, ветхую брезентовую сумку, с которой молодой инженер Николай ездил весело отбывать положенные колхозные «месячники». По ностальгической памяти и не выбрасывал сумку. В нее, поместительную, чем-то набитую совершенно ненужным лет двадцать никто не заглядывал. Но сейчас, донельзя пораженный совершенно осмысленным действием кота, он, чуть поколебавшись и посмеявшись в душе над собой, снял сумку с гвоздя, поставил на пол и за ручки-ремни раскрыл.

Наполнена она была какими-то обрезками кожзаменителя, давно вышедшими из женской моды парафиновыми термобигудями. Уже собираясь со вздохом закрыть сумку и водрузить на прежний гвоздь, он все же для очистки совести отгреб бигуди в узелке из старого чулка и... увидел водочную бутылку! Но не просто бутылку, а знаменитую «раиску» времен горбачевской антиалкогольной истерии.

И память, которая доселе не могла подсказать, куда делись плоскогубцы, что он сам положил в кухонный

стол не более недели назад, тут же с мельчайшими подробностями и колоритом, вплоть до ощущения ядреного декабрьского мороза двадцать с гаком лет назад, выложила эпизод давно минувших дней.

Вот в том и прелесть житейской ностальгии, что в воспоминаниях все неприятное стушевывается, а радостное, напротив, высвечивается в лучах мощнейшего прожектора. Навроде того, что так поначалу пугал, а потом восхищал шестилетнего Николку в далеком северном детстве на кольском маяке острова Седловатый...

Как на экране, в реальном времени, но только с выброшенными монотонными кадрами, прокрутился в голове Николая Андреяновича, стоящего растерянно в кладовке, держащего в руке «раиску» с нетронутой закрывашкой-«бескозыркой», что давно исчезли из обихода в стране победившей демократии, но наполненная не на положенные для пепси-емкости 0,33 литра, а наполовину. И кот заинтересованно смотрел со своей полки, морщил умную усатую мордочку: может, тоже поражался увиденному, особенно нехватке огненной жидкости. Точно об этом, потому что сразу успокоился после мысли вслух своего хозяина: «Н-да, была бы постаринному с сургучной головкой, так не усохла бы; за двадцать-то с лишком лет через микрозазор «бескозырки» почти весь спирт, оттесняя воду, и испарился».

Далее Николай Андреянович в сопровождении кота прошел на кухню, сорвал с бутылки закрышку, понюхал, наклонив ее, попробовал жидкость языком, поморщился и вылил в раковину. Пустую посудину бросил в мусорное ведро. А пока он проделывал эти несложные изыскания, фильм воспоминаний и провертелся в голове.

...В морозный декабрьский вечер не один десяток мужчин, вышедших из проходных «Меткости» и севших в свои — по нужному маршруту — служебные автобусы, не задремали до приезда домой, а сошли на не очень дальней от «леса» Лентяевке, отшагали группками по знакомству с полкилометра и подрулили к сто-

пятидесятому специализированному магазину «Водка». Как раз накануне в городе свершилась раздача талонов, а днем в «Меткости» разнесся слух: к окончанию рабочего дня в 150-й обещались привезти водку, причем не в поллитровках, а в «раисках»!

Нынешние поколения, не знающие что такое талонная водка конца восьмидесятых годов, а главное — не ведающие о гуманизме советской власти, даже близко не поймут: почему водка в пепси-емкости вызывала такой восторг. А рассуждают нынешние так: ну и идиоты были эти совки: им по талону вместо пол-литровки всучивают 0,33-литровку, а они радуются!

Бедные вы, бедные, нынешние, с ясельных лет привыкшие, что у власти в отношении народа сейчас одни пакости. Да в том-то и был весь кайф, что даже издеваясь над 300-миллионным населением сухогорбачевщиной, советская власть придерживалась гуманного принципа: лучше чуть больше человеку дать, нежели что-то недодать. Короче говоря, если в магазин завозили в «раисках» (по имени супруги автора борьбы за трезвость), то на один пол-литровый талон выдавали по две «раиски»!

...Полтора часа в винной очереди, в компании коллег-приятелей, на бодром морозце тогда за время не считалось. В компании Николая Андреяновича все оказались с двумя талонами «на семью» совершеннолетних, то есть каждый получил по четыре фигуристых бутылочки. Как то заведено, по одной выпили для сугреву, зайдя за соседний с одноэтажным магазинчиком домбарак, из которых почти и состояла Лентяевка. Охранявшие порядок в очереди милиционеры делали вид непонимания: зачем это все отоварившиеся не в сторону ближней остановки транспорта, а за неказистый дом, за которым вообще нет дороги, а только тропинка в березовую рощу, упирающуюся в Гнилой ручей без мостков.

Да-а, в годину народного бедствия даже знаменитые своим лихоимством и свирепостью еще с девятнадцатого века, о чем особо отмечали русские писатели-классики,

тулуповские милицейские-полицейские сочувствовали трудовому люду.

Уже поднимаясь дома на свой этаж, Николай Андреянович вынул из пакета одну бутылку и заначил ее во внутренний карман своей зимней меховой куртки. Жене же, слабо разбирающейся в водочных емкостях и, тем более, по женской недоверчивости сомневающейся в гуманности любой власти, даже советской, вручил «на хозяйство» пакет с двумя остатними. «Вот хорошо-то,— обрадовалась супруга,— дорог овощ к сезону, то есть завтра Петька-водопроводчик придет смеситель в ванной заменить — ему одну. Ты-то ведь ничего руками не умеешь делать! А за вторую наш школьный столяр обещал мне в кабинете полки сгородить для учебных материалов».

Чувствуя вину, Николай Андреянович даже не прореагировал на упрек супруги. Ведь сколько раз объяснял: он руками умеет делать все, ибо обучен отцом в заполярном детстве. Но вплоть до женитьбы семья родительская на Севере и здесь, в Тулуповске, проживала исключительно в домах на одну семью, где водопроводы не предусмотрены. Поэтому и навыка нет.

Пока жена разогревала ужин на кухне, он изъял заначенную емкость из куртки и сунул в ящик своего письменного стола. В последующие дни еще несколько раз перепрятывал понадежнее. До того доперепрятывался, что в конце концов следы и потерял. Бывает такое — и именно у очень пунктуальных и дисциплинированных людей. И вот спустя двадцать с лишним лет и отыскался след Тарасов!

Усмехнулся мудро Николай Андреянович, домурлыкал про весну, которая идет, а сам уже подошел к корпусу. Вот такой короткий путь: всего-то пару строф песенки вспомнил, да историю с заначенной «раиской».

◆ В преподавательской в одиночестве сидел за своим столом и перелистывал какую-то книгу в суперобложке Полковник: сегодня только у него и Николая

Андреяновича имели несчастье быть первые пары началом в семь сорок пять — тяжелое наследие советской власти. Еще в бытность Николая, тогда без Андреяновича, студентом горисполком провел, говоря нынешним языком, мониторинг перевозки пассажиров в часы пик: утром и после окончания рабочего дня; тогда все работали или учились, или в сады-ясли были определены. Впрочем, и мальцы к этому как к работе относились. А *НИИ* систем управления на громоздких *ЭВМ* тогдашнего времени рассчитал оптимальное начало-окончание рабочего дня всех учреждений, заводов, фабрик и детсадов, исходя из общей транспортной ситуации. Ряд маршрутов изменили, город прикупил новые троллейбусы завода города Энгельса-на-Волге, чешские трамваи и венгерские «икарусы». По расчету главному институту города выпало начинать трудодень в семь сорок пять. Преподаватели же пединститута, начало рабочего дня для которого было отнесено к половине девятого, свысока смотрели на технарей.

Прошло сорок лет. В стране поменялась общественно-экономическая формация, вместо генсека явился президент; фабрики, заводы, НИИ и КБ в Тулуповске либо ликвидировались, либо пришли в полное ничтожество. Помещения детсадов, этакие уютненькие двухэтажные домики с огороженной приусадебной территорией, облюбовали подозрительные банки. Общественный транспорт уступил дороги лихим автолайнам, самим выбирающим себе маршруты, а к началу второй пятилетки нового века, когда страну завалили дешевым импортным автоширпотребом, то общественный транспорт и вовсе не нужен стал. А бывший рабочий народ целыми днями слонялся по городу, непонятно чем занимаясь.

...То есть теперь никто и никак не был привязан по времени к сохранившимся троллейбусным и трамвайным маршрутам, но никто в университете не собирался отменять знаменитые «семь — сорок пять». Во-первых, это касалось только преподавателей и студентов, мнение

Болонский сон № 112. В короткую передышку между боями за макаронную фабрику и завод сельхозмашин, полковник Хмуров, прислонив шпагу к уцелевшему в бою маленькому деревцу, раскрыл блокнот-планшет с трехцветными картами Болоньи и ее окрестностей, но задумался, лег на спину, рассматривая безоблачное небо над Северной Италией.

...Деревце, шпага и книга, хотя бы и атлас карт,— как это все символично, даже применительно к университетской жизни. Чудом уцелевшее деревце — то малочисленное юношество, что искренне жаждет приобретения знаний, символом которых является раскрытая книга. А шпага? — Это все те препятствия на пути такого юноши: профессора, от низкого жалованья неаккуратно, с отвращением бормо-

чущие свои докуки-лекции; вузовская администрация, видящая в студентах не людей, но только источник внебюджетного финансирования университета; полное отсутствие перспектив применения полученных знаний после окончания обучения. Но главный меч, карающий невинных в жизни юношей — это зараза Болонского процесса с его ущербным бакалавриатом, никому не нужной магистратурой, балльным крохоборством...

— Вперед, ребята,— вскочил на ноги Хмуров,— на университет!

которых никого не интересовало, а вся многочисленная теперь администрация, как и раньше малочисленная, приходила-приезжала на службу к восьми-тридцати. Во-вторых, как поговаривали не то что за глаза, а в открытую: Генрих Семенович, живший на проспекте, для здоровья и оптимизма ходил на службу пешком. За десятилетия настолько привык к режиму и времени утреннего терренкура, да и солидный возраст не тянул к переменам устоявшихся мелочей жизни, что сама мысль о переносе начала трудодня в университете в голову ему не приходила. Зная это, даже самые отчаянно-показные реформаторы из администрации университета с какими-либо предложениями к ректору не совались.

— Привет, Григорий Иванович,— приветствовал Полковника Николай Андреянович дежурной шуткой,— с вечера здесь находитесь? Решили новый рóман Пелевина или исторические анекдоты Дэна Брауна почитать?

— Таковых-с не держим. Знакомый по общей научной тематике из Ленинграда, или как там он сейчас в очередной раз именуется, прислал. Новая монография академика Вахмистрова о его же новой теории параллельных миров. Получил вчера по университетской почте, Вера Тимофеевна принесла, а домой остерегся нести. Сам понимаешь — дождь весь день накрапывал, а я их пакетов полиэтиленовых не терплю. Занимательнейшая, доложу тебе, теория у этого Вахмистрова! Он раз в два-три года все новее и новее выдает. Продуктивно мужик, хотя и полный академик, работает. Но все равно «нобеля» не получит. Фамилия не та.

— Антисемитствуете, товарищ Полковник?

— Никак нет, я интернационалист по военному воспитанию и убеждению. С Юль-Юльичем не раз водку пил. Просто факт констатирую. А теоретическое обоснование — обратись к своему приятелю Язвишину. Он тебе как два пальца об асфальт растолкует. Да и сам ты мужик с жизненным опытом, все понимаешь. А ученого учить, то есть доцента,— только портить! Кстати, за-

служенный двухмесячный отпуск на носу. Ты как его обычно проводишь?

— Да системы здесь нет. В советское время иногда в Крым ездил, на Оке в Велегоже поблизости. Пляж там замечательный.

— Нет, не приходилось бывать. За меня ведь Минобороны обо всем думало, об отдыхе тоже. Ну, это ты в советское время, а сейчас?

— В парк гулять хожу, благо напротив живу. Как говорится, все удобства вместе: налево от дома пойдешь — до работы считанные минуты ходьбы, направо — еще меньше до парка. Дважды ездил тоже почти на Оку, но в другую сторону — в санаторий Кривулинский, там...

— Отставить! Вот это мне и нужно знать. И как можно подробнее. Ладно, сейчас труба нас позовет по аудиториям. Поговорим за бутылочкой-другой пивка на воле в большую перемену.

◆ Николай Андреянович не пил пива с окончания советской власти. Не потому что зарок, как Фидель Кастро, дал, а по той причине, что в пивоваренном деле при переходе его, как и всего хозяйства в стране, в частные руки полностью возобладала прибыль любой ценой. В полном соответствии с известным тезисом Карла Маркса: за десять пр́оцентов прибыли капиталист и мать родную продаст. Тем более, что тулуповский пивзавод, вернее мощный пивкомбинат,— детище предпоследней советской пятилетки, за бесценок в городскую казну и намного существеннее, в твердой валюте, в чиновничий общак купила скандинавская фирма. А у них на Западе фабрикация доходного эрзаца еще со времен фюрера хорошо поставлена. Короче говоря, двадцать лет назад по всей стране со скупленных скандинавскими, средневерхненемецкими, гонконгскими и прочими фирмами пивзаводов вместо натурального, за двадцать две копейки полулитровая кружка, набирающего положенную ему крепость в 3,2 градуса (выше бактерии естественного бро-

жения дохнут) за два месяца «жигулевского», а по весне темного «мартовского», все полки палаток и винных отделов магазинов вмиг наполнились обилием разноформатных бутылок, банок и полторашек с пестроцветьем названий и крепостью от трех до пятнадцати градусов.

Как делается это пойло, от первого лица объяснил Николаю Андреяновичу его сосед, который не психиатр, а дипломированный технолог пищевых производств (кстати, его уволили с пивкомбината новые скандинавские хозяева, вернее их малочерноземные приказчики, за сущий пустяк: отмечал день рождения супруги и подзадержался на тройку дней с выходом на работу): «Тьфу, сволочь капиталистическая!» — После чего временно не работающий и уже второй месяц отдыхающий дипломированный в Московском пищевом институте технолог открыл соседу все тайны современного пивоварения:

— ...А делается, Андреяныч, все элементарно просто. Вместо шестидесяти дней ускоренный процесс укладывается в неполную неделю. Только ты никому со ссылкой на меня не рассказывай. Я там подписку, как допущенный ко всем технологическим процессам, давал о неразглашении. Посерьезней, чем у вас в «лесу». Ваши тайны военные уже все, кто хотел, в мире прикупил через московских ловкачей, а коммерческие тайны — это у-у-у! Строгий секрет, заграница им поможет. Давай еще по стопке — и я тебе, Коль, все эти тайны выложу: чтоб им, западным прихвостням, утонуть в этой их бурде!

Из тайн экс-технолога Николай Андреянович узнал: почему это новодемократическое пиво, во-первых, пить невозможно человеку, помнящему вкус советского «жигулевского»; во-вторых, независимо от места изготовления и названия, а также цены, все оно на один вкус, в отличии от «жигулевского» — отвратный. Проще понять, почему его все же гектолитрами пьет молодежь: реклама, а современнее молодые люди живут по принципу тусовки, то есть безусловного подражания любому

стереотипу, задаваемому телеящиком, но главное — они советскую власть в пьющем возрасте не застали, им не с чем сравнивать.

Итак, скороспело, с использованием различных интенсификаторов процессов, как понял Николай Андреянович из высокоученой речи экс-технолога, например, биохимических, ультразвуковых и прочих, за несколько дней готовится эрзац-солод. Затем в него добавляют пищевой спирт — отсюда любая крепость, превышающая предельные 3,2 градуса для естественного пива — и всякую гадость, обеспечивающую почти вечное хранение: консервант, вкусовую эссенцию усилитель вкуса — чисто химические порошки растворяют. Всю эту бурду разливают по фигурным бутылкам с одновременным газированием из баллонов с углекислотой. Чтобы это пойло пенилось при разливании по стаканам, в него также добавляют какой-то, импортный, конечно, порошок, состав которого не положено было знать даже главному технологу. Бутылки и их этикетки брались любые — из тех, что накануне завезли. Главное, чтобы процентное содержание спирта соответствовало указанному на этикетке.

Вот поэтому Николай Андреянович, почти осязаемо помнящий двадцатилетней давности вкус и аромат «жигулевского», новодел не пил вообще.

Полковник тоже не пил. Вообще не пил со второго курса военно-артиллерийского училища. Тактику у них преподавал матерый и молодцеватый, хотя и под пятьдесят, полковник Скородумов, призванный на действительную на третий день после 9 мая 1945-го года, а после укороченной учебки был отправлен на Дальний Восток. За боевое участие в тамошней войне получил медали «За боевые заслуги» и «За победу над Японией». И хотя первая из них у красноармейцев считалась аналогом царского Георгия третьей и четвертой степеней, но все же Скородумов гордился более всего большим и красивым монгольским орденом, который ему

вручил сам маршал Чойбалсан, прибывший с дружеским визитом в советскую часть и сразу заприметивший почти двухметрового рядового, естественно, правофлангового всей дивизии. Сам Скородумов охотно сообщал об этом курсантам: «...Медалью «За боевые заслуги» в войну награждены пять миллионов бойцов. «За победу над Японией» имеют почти два миллиона. Я же — единственный кавалер монгольского ордена среди рядового состава Красной армии. Правда, после ордена мне дали на погоны две лычки, а после второго сентября* отправили в военное училище».

Очень мне этот диковинный орден в жизни помогал. В училище сразу комсоргом курса поставили, хотя это должность младшего офицера. Дальше также, как только увидят на парадном кителе его. После у меня много других наград прибавилось: и наших, и не наших — пришлось повоевать в Анголе, на Синае, еще кое-где, о чем вам пока знать не положено. Но все равно прежде всего внимание обращали на награду монгольского маршала. Вот так-то, товарищи юнкера!»

Свой предмет, равно как и все воинские искусства, Скородумов знал в высшей степени превосходно. Но так же был он замечательным анекдотчиком, любил, отвлекаясь от надоевшей ему тактики, поговорить с курсантами на житейские темы, причем в плане нравоучительном. Так он однажды, увлекшись, вместо тактики встречного боя в пересеченной местности, все время лекции посвятил животрепещущему для будущих офицеров вопросу: что пить, как и с кем пить. Особо же он предостерег своих воспитанников от чрезмерного употребления пива, что ведет к угнетению половой активности и вообще может закончиться импотенцией. «...А что это такое, товарищи юнкера, для офицера? — Жена налево загуляет, запои, только уже спиртово-

* Япония капитулировала перед союзными державами 2 сентября 1945 года.— Прим. авт.

водочные, начнутся, и все закончится выстрелом из табельного. Хорошо если еще в себя, а не в разгульную супружницу или ее хахеля. А вот водочка — та, в умеренном, конечно, объеме, не более полулитра за вечер-ночь, только способствует полному раскрытию данного природой потенциала».

Курсант второго курса Гриша Хмуров как раз в это время завел серьезный и головокружительный роман с первой красавицей — студенткой местного пединстиута. Длинноногая и волоокая блондинка имела яростный темперамент и каждые полчаса совместного пребывания в постели зазывно-выжидательно смотрела на крепкого курсанта. В контексте этого любовного действия слова Скородумова о вреде пива настолько запали в голову Гриши Хмурова, что и до сих пор выпасть не смогли.

...Так что фраза Полковника о бутылочке-другой пивка на воле в большую перемену имели значение маскировочного эвфемизма — на случай, если кто вольно или невольно услышит. А в действительности это означало, действительно, на получасовой с лишком перемене, выйти из корпуса, спустившись на грешную мостовую тротуара по правой лестнице, также вправо завернуть за угол «пентагона», тут же перейти боковую улочку, впадавшую в проспект, и войти в недавно открывшийся магазинчик под вывеской «Дары солнечного юга», где продавали вино и коньяк в розлив. Оба доцента предпочитали — по сходству вкусов — почти не поддельную массандровскую мадеру: но не более двух стаканов на брата. Все же педагоги, им еще в корпус возвращаться!

◆ Мадеру, как вино крепкое, даже в офицерском кругу принято пить дринками, то есть стакан на два приема. А между дринками, закусываемыми дольками общей шоколадки,— десятиминутная беседа. После первого полустакана — в один глоток, что по-флотски и по-артиллерийски одинаково — Полковник без обиняков предложил коллеге этим летом «прогуляться в местный санаторий Кривулинский — за компанию,

чтобы с кем было словом перекинуться». Николай Андреянович, которому надоело-таки проводить отпуск гуляючи по парку рядом с домом, тотчас и охотно согласился. Одновременно, воодушевившись, собрался было предложить и общего знакомца-друга Язвишина, затока тамошних мест и нравов, с собой взять, но тут же осекся. И Полковник, поняв несказанное собеседником, грустно кивнул: да, мол, не повезло мужику!

...Как порой, вспомнив о чем-то грустном, говорил в дружеском кругу, то есть в тех же «Хантах-мансях», Геннадий Сергеевич, в их роду по мужской линии если и случаются несчастья, то совершенно неожиданные и вовсе не по их вине. «Вот взять моего батю при его жизни». И далее Язвишин рассказывал знаменитую историю о своем отце, несостоявшемся адмирале Северного флота. Николай Андреянович, в юности соседствовавший с семейством будущего доцента-патриота на тихой улочке частого сектора в Косолучье, металлургической окраине Тулуповска, хорошо знал суть события. Более того, оба семейства, прикупив дома в Косолучье, прибыли сюда, но, конечно, не одновременно и не зная друг о друге, из мурманского Заполярья, из владений Северного флота, только с разных баз: семья Николая Андреяновича из Полярного, а Геннадия Сергеевича из Североморска. И знаменито-огорчительную эту историю студент Николай слышал тогда непосредственно от Язвишина-старшего, выпивавшего с его отцом в летней беседке садово-огородного участка их дома.

Язвишин-старший, последовательно служил на Тихоокеанском, Балтийском и Северном флотах.* На последний он прибыл в Североморск одновременно с производством в кавторанги — и «второй персоной» на

* Известная присказка у военных моряков 70—80-х гг.: Как расшифровываются принятые сокращенные названия флотов: СФ, ТФ, ЧФ и БФ? — А так: СФ — современный флот; ТФ — тоже флот; ЧФ — чи флот, чи не флот (учитывая его базирование в Крыму); БФ — бывший флот...— Прим. авт.

«Октябрьскую революцию», которую в разное время причисляли то к линкорам, то к тяжелым крейсерам. Однако его скоро заметили и в Североморске: на год раньше срока выслуги получил на погоны третью звезду и был переведен на берег замначштаба самого большого флота в стране, делящего первое-второе место в мире с американским на Тихом океане.

А через два года снова судьба-фортуна вспомнила о капитане Язвишине: сам герой Отечественной войны в Арктике адмирал Головко позвонил ему «сверху», сообщил, что командира бригады надводных кораблей забирают из Североморска в Москву, а на освободившееся место рекомендуют Язвишина. Так что пускай принимает, как исполняющий обязанности, бригаду и покупает в военторге адмиральские погоны. Как только приказ «отлежится» — адмиралов дают самые верхи — перейдет из *И.О.* в полноправные командиры.

— ...Я, Андреян, в тот же вечер, выйдя из штаба,— рассказывал в садовой беседке Язвишин-старший бывшему тож североморцу Андреяну Матвеевичу между первой и второй бутылкой по случаю Дня Военно-Морского Флота,— зашел в военторг гарнизонный и купил за одиннадцать рублей парадные, с золоченым шитьем погоны контр-адмирала, а еще днем сгонял свободного штабного матроса-шофера в Мурманск* за ящи-

* В это время Хрущев уже успел сделать первый «сюрприз»; в частности, во всей зоне базирования Северного флота был введен полный (даже без пива) «сухой» закон. Поэтому спиртное, да и то контрабандой, можно было привезти морем (в Полярный) или сушей (в Североморск, Росту, Ваенгу и Сафоново) только из Мурманска, причем на *КПП* военных любого ранга обыскивали, водку изымали и на глазах выливали. Гражданские обладали правом экстерриториальности. Чуть позднее описываемых событий в двухстах метрах от *КПП*, где-то посредине шоссе Североморск — Мурманск, отделявшем «сухую» и «мокрую» зоны Кольского полуострова, что называется в чистом поле, открыли магазинчик с водочным отделом. Естественно, южнее *КПП* — в мурманскую сторону.— Прим. авт.

Вызвал завкафедрой ракетостроения, лауреат Госпремии СССР, профессор Дьяконов к себе в кабинет доцента Николая Андреяновича, отработавшего первый учебный год по переходу в университет из НПО «Меткость»:

— Закуривай, Николай Андреянович, не стесняйся, отдохни. Я вот спросить хотел о количестве твоих публикаций в этом году, готовлю обычный в нашей практике отчет по научно-педагогической работе.

— Да-а, Вадим Фомич, кругом считая, одиннадцать статей и два обзора у меня за этот год, то есть учебный, опубликовано.

— Это хорошо, конечно, но есть у нас в этих делах тонкость.

— В каком реальном понимании, Вадим Фомич?

— Вот, к примеру, у вас, в «Меткости», если что публикуется в секретных журналах,

то значит уже в железе сделано или делается. Согласен? А мы, как и все университетские, сейчас базы для внедрения наших разработок лишены. Все базы, как говорится, затарены бананами. Поэтому по инерции и для отчетности публикуем всякие теоретические вольнодумства. И в зависимости от степени фантастичности прожектов все печатные сочинения в стране подразделяются на две категории: академические и лженаучные. Вот, опять же к примеру, у Хмурова все его многочисленные труды — стопроцентная лженаука. А у партайгеноссе Шерстобитова, нашего «холодного» профессора, наоборот — сплошная академка. Так как у тебя?

— Да вроде по привычке все получается академическим...

— Жаль, Николай Андреянович, жаль. Во-первых, нехорошо из коллектива выделяться; во-вторых, лженауку хоть читают, а академические сочинения на полках библиотек пылятся.

ком коньяка — чтобы было чем угостить сослуживцев, когда приказ перешлют в Североморск. Водила был старослужащим годком* и запросто миновал *КПП*: дескать, везет секретные документы в штаб и не имеет права останавливаться для проверки. Патрульные мореманы, хорошо зная нашу штабную машину, только ухмыльнулись и пропустили.

Одну бутылку пятизвездочного все же захватил с собой, а семейству по пути домой купил самый большой торт и кило «Чио-Чио-сан». Супруга уважает.

Потянулись дни, а потом недели ожидания. Звонил в Москву знакомым главштабистам. Те поздравляли, говорили, что приказ движется по положенным инстанциям, все кому следует подписывают без вопросов. Еще не больше месяца ждать. Я, впрочем, не скучал в ожидании: много хлопот с приемом бригады, флагманскую каюту себе на «Октябрьской Революции», наконец-то утвержденной в ранге линкора, оборудовал. Домой едва не к полуночи приходил, но все одно доставал из ящика письменного стола погоны и пяток минут любовался. Но на китель свой не примерял — наихудшая примета!

Может из-за занятости, бывая в штабах Североморска и Полярного, как-то не обращал внимания на некоторую озабоченность на лицах высших наших флотоводцев, с некоторого времени появившуюся. Особенно у командиров по надводной части. А вот подводники — из четвертой полярнинской дизельной бригады, с только что обосновавшихся на 4-ой точке и в Гранитном атомных, те наоборот, весельем светились. Не до того мне было.

Но очень стало до того, когда гром грянул: общеармейское и флотское сокращение ста тысяч офицеров и уничтожение Хрущем крупнотоннажного надводного флота. А я так вовсе в мышеловку попал: адмиральство мое тотчас в генштабе зарубили, бригаду растащили по

* Эквивалент «земляку» в сухопутных войсках.— Прим. авт.

каким-то ущербным соединениям. Мою же «Октябрьскую Революцию» отправили в Лиепаю на консервацию. Потом и вовсе на металлолом, а меня, как оставшегося без корабельной должности, выкинули на гражданку с символической пенсией. Так и оказался в Тулуповске, откуда школьником с родителями уехал, все накопленные деньги на дом потратил. В облвоенкомате теперь вольнонаемным штаны протираю. Думаю главным механиком на гармонную фабрику податься; хочется более-менее серьезным делом заняться.

Я вот, Андреян, сюда на три года раньше тебя прибыл, то есть октябрь шестьдесят четвертого, кода Кукурузника скинули, здесь встретил. На радостях три дня праздновал, красный флаг над воротами в дом вывесил. Участковый Михалыч прибыл: зачем, мол, не в табельный день? А я отвечаю, что приветствую назначение генсеком товарища Леонида Ильича. Михалыч от меня за полночь с песнями ушел, а наутро опохмелиться заскочил. Вот такие-то дела, Андреян. Ты вот по собственному капризу полгода не дослужил до военной пенсии, а я был бы рад и посейчас щеголять в адмиральском звании, но видно рылом не вышел. Теперь на гражданскую пенсию зарабатываю. Отчиняй вторую!

◆ Когда одногодкам Николаю Андреяновичу и Геннадию Сергеевичу, тогда еще без отчеств, сдружившихся на тихой окраинной улочке, пришло время поступать в вузы, то первый, не раздумывая особо, пошел в местный институт учиться ракеты проектировать, а у сына несостоявшегося адмирала взыграли отцовские гены: начинать взрослую жизнь если не на Тихом океане, то где-то в ту сторону поближе. И поехал в Томск, где проживала семья родной тетки по отцу, поступил на физико-технический факультет тамошнего университета — первого в Сибири, открытого императором Александром III Миротворцем. Виделись они в родных пенатах раз в год на летних каникулах.

Ко времени окончания обучения ракетчика Николая

и физика-термодинамщика — оба учились по шесть лет на своих военно-технических специальностях — у Язвишина-отца созрел план родовой мести: если сам не стал адмиралом надводного флота, то пусть сын попробует выбиться в таковые во флоте подводном, атомном, перспективном. Тем более, что старт обеспечен: Генка прошел в университете имевшуюся там военно-морскую кафедру и получил звание лейтенанта-подводника с атомной специальностью; а в Североморске дослуживал последний год давний друг Язвишина-старшего в чине «черного» полковника, но зато в должности заместителя командующего флота по автотракторной части. Не очень завидная должность, где-то замыкающая, вроде как шестая среди всех заместителей, но замкомандующего — он и есть замкомандующего!

Генка охотно согласился: ведь гены! Хотя, трезво рассуждая, понимал: без военно-морского училища подводного плавания, что в Ленинграде, даже при блате, за всю жизнь даже до кап-два не дослужишься. Тем более, что сыграло другое: у Генки в юные его годы имелась идея-фикс: купить машину. Отец умело сыграл на этом: «...Так, Гена, у инженера начинающего зарплата сто — сто десять рублей, а у совсем зеленого лейтенанта на атомной подлодке — семьсот в море и четыреста на берегу. При полном казенной довольстве. Если водку сверх меры не пить, а там ее и взять негде, за два года на «волгу» соберется.

...Замкомандующего, полковник-тракторист, оказался на высоте; произошло невероятное: лейтенант Язвишин стал первым и последним «двухгодичником», то есть почти штатским человеком на атомной подводной лодке Северного флота. Как потом пояснил Язвишину-старшему ушедший в отставку полковник-тракторист, приехавший в Тулуповск навестить боевого друга, сыграл он на психологии.

Дело в том, что в те времена в экипажах атомных подлодок наличествовала должность инженера-физика.

Таковыми служили по договору, а правильнее — по распределению, выпускники соответствующих, то есть ядерно-энергетических, специальностей из МИФИ*, а также — что важно в данной истории — из Томского университета. Даже форма у них на корабле была не военная, а так сказать, полувоенная — как у Александра Федоровича Керенского — без погон. «Понимаешь, Сергей Георгич,— воодушевленно рассказывал отставной заместитель командующего флотом,— когда я давал рекомендацию в управлении кадрами, то прибегал к скороговорке, но ключевые слова «Томский университет», «инженер-физик», «отец командовал в Североморске надводной бригадой с флагманским линкором» выговаривал четко и громко.

Кадровый начальник дал добро, а Генку оформлял уже обычный майор-кадровик: ему дан приказ — и баста! А то, что идет новобранец на подлодку не гражданским инженером-физиком после института, а в строевые офицеры, не учась в военно-морском училище,— на это майору наплевать. За него начальник, чтобы думать, имеется.

Геннадий успешно отслужил два года, накопил на машину, по приезду в Тулуповск купил светло-бежевые «жигули» последней модели. Кстати, когда подал рапóрт об отставке, то все флотские начальники вдруг заинтересовались: как двухгодичник штатский попал на атомную подлодку? Наказать никого не удалось: автотракторист уже получал повышенную пенсию, проживая в Ленинграде, главного кадровика перевели на Тихоокеанский флот — как говорится, хрен возьмешь с тарелки деньги у попа! Не дотянешься. Даже исполнителя-майора успели списать за хроническое пьянство. Попробовали было штабисты навалиться на командира подлодки: куда, мол, изволили смотреть, штатскую швабру на корабль беря? — Но капитан первого ранга,

* Московский инженерно-физический институт.— Прим. авт.

осетин Гаглоев выразился неуставно, благо уже три года являлся Героем Советского Союза: а мне все по..., кого пришлют, тот и служит. А не будет служить — спишу на берег. Этот же служил исправно. И мне глубоко плевать, где он учился. Главное, явился на борт с офицерской книжкой.

◆ Решив, что с него приключений хватит, по возвращении в Тулуповск Геннадий остепенился, пару лет проработал в НИИ оборонного профиля (а других в городе не водилось) в центре города.

Жизнь он повел размеренную. Даже любил в легком подпитии сравнивать себя с писателем Гончаровым, автором «Обломова»: тот раз сходил в плаванье на фрегате «Паллада», правда, трехгодичное и кругосветное, а потом к морю уже и близко не подходил, вел себя спокойно, как его герой Обломов. Правда, работал главным цензором империи и сочинял романы. Но не слишком торопко: свой «Обрыв» писал почти двадцать лет...

Расстояние от окраинного Косолучья его не смущало: для чего же тогда бежевый «жигуленок»? Чуть позже и сам сообразил, что из большого числа подобных организаций, равномерно распределенных по Тулуповску, выбрал не ближнее, а средне-дальнее, чтобы была возможность каждодневно красоваться в престижной машине. Работа попалась по специальности, но смущала до обидного малая зарплата. Когда он раз в месяц сдавал свой комсомольский билет отдельскому комсоргу для проставления суммы взноса и подписи, то к этому комсоргу сбегались любопытствующие со всего учреждения — от невинных в жизни лаборанток до матерых начальников отделов и даже отделений. Комсорг охотно, даже гордясь своим комсомольством, демонстрировал им странички билета за годы службы в подводном флоте. Некоторые от восторга, но чаще от зависти, хватались за виски. Лауреат двух Государственных премий, начальник конструкторского отдела Крестьянкин шел по коридору, полушепотом бормоча:

«Семьсот в море, четыреста на берегу... Это надо же? С ума сойти!»

Другой момент: два года службы, из них две автономки — по полгода в замкнутом пространстве под слоем воды в несколько сот метров,— изменили его прежде усидчивый характер: больше всего ему претило теперь по часам-минутам утром проходить мимо вахтерши с револьвером в кирзовой кобуре, а вечером мимо нее же, или сменщицы, выходить на волю. Наконец, он и женился в это же время, а супруга тотчас забеременела: то ли дурочка попалась, но скорее поспешила закрепиться за видным собой Геннадием с красивой машиной и частным домом в черте города. Правда, у него имелась замужняя сестра, что в том же доме проживала.

Но здесь тряхнул стариной Язвишин-старший, получивший кстати место главного инженера — но не гармонной фабрики, а крупного автохозяйства, где — до чего же тесен этот мир? — директором оказался бывший подчиненный знаменитого комфлота по тракторам. Этим он убил двух, нет — трех зайцев: зарплата приличная, Генке машину чинить, а кроме того именно в этом хозяйстве пользовали свои персоналки все видные люди города.

Итак, накануне очередного 23-го февраля в полной парадной форме каперанга с боевыми орденами и полутора десятками медалей глава растущего семейства, захватив несколько бутылок престижного 10-звездочного Греми» — для мужчин и стопку коробок любимого тулуповскими дамами-начальницами «Птичьего молока», на персональной автохозяйской машине отправился с визитами-поздравлениями по четко продуманному маршруту. Все визиты пролегали по учреждениям, так или иначе склонным к раздаче квартир. Упирал он на свое звание, награды, перенаселенность своего дома и на сына, ученого-физика, за службу в атомном подводном флоте имеющего кой-какие льготы, высоко ценимый у военных моряков знак «За дальний поход» и две меда-

ли. Правда, юбилейные, но он последнее не озвучивал. В заключение приглашал с починкой персональных и личных машин обращаться прямо к нему.

Через положенное природой время Геннадий стал — в требуемой законом последовательности — счастливым отцом и ответственным квартиросъемщиком двухкомнатной «хрущевки» улучшенной планировки в новом доме — не очень далеко от родительского, в том же Косолучье.

С решением квартирного вопроса Язвишин-младший уже сам определился и с более престижной и денежной работой: перешел ассистентом на кафедру физики технического института, ударными темпами через два года защитил в хорошо знакомом ему Томске диссертацию кандидата физматнаук, стал получать за триста целковых и еще сотню-полторы заколпачивал на хоздоговорах. Советское время! Супруга уже совсем собралась закончить предохраняться на предмет второго ребенка, но тут начались реформы внука автора «Мальчиша-плохиша».

...Кое-как волчьи годы пережил, а когда их институт переиначили в университет классического типа и открыли медико-физкультурный факультет, то Геннадий — уже Сергеевич — перешел на его кафедру теоретической медицины, преподавать будущим целителям биофизику и биохимию. Имея превосходное образование по физике, математике и химии, из чего и состоит специальность гидродинамик, полученное в *настоящем*, еще бывшем императорским, университете, Язвишин за единый семестр самостоятельно овладел и этими науками.

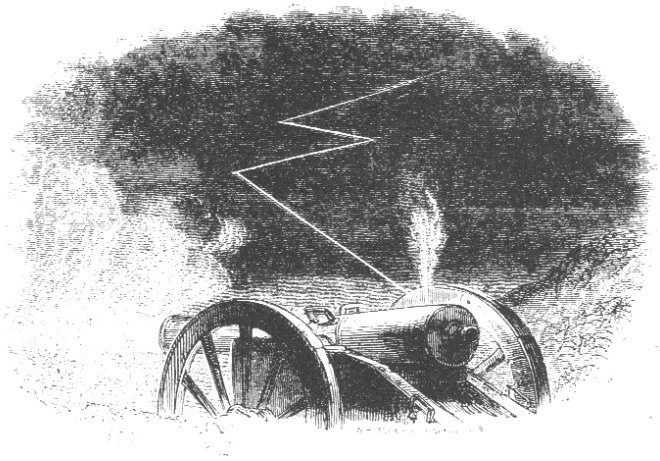
Главное — он нащупал своего рода «экологическую нишу» в этих дисциплинах и наконец-то исполнил свою мечту: заняться настоящей, не для диссертаций и окладов, научной работой. Да еще и супруга, бросив уже никому не нужное инженерство, ловко устроилась с помощью подруги — жены провинциального «новорусского» — клерком в банк. Даже не простой «офисной креветкой», а старшей над пятью другими, ибо универсаль-

ный в науках ее супруг за два месяца преподал ей, сам читая учебники, курс финэка. Самое оптимистичное — банк являлся филиалом столичного и занимался в провинциальной тиши отмыванием серого и иных цветов нала. Так что существованию и деятельности его в ближайшее десятилетие ничто не угрожало. А может и вечно; в наше веселое время все невозможное возможно.

Чтобы не потерять мужское достоинство, Язвишин, опять же по старым связям в Томске, активно включился в популярную в новое время игру в «гранты на науку» и, таким образом, примерно удвоил в среднем свою доцентскую зарплату. Жизнь вошла в более или менее спокойное русло, так что Геннадий Сергеевич мог себе позволить, начиная со второй половины «волчьих девяностых», летом три недели подряд проводить в местном санатории с правами курорта Кривулинском — почти что на Оке, ехать два часа на автобусе всего. И номер отдельный по деньгам, хотя и сиротски обставленный, но отдельный с лоджией. В первой половине дня он гулял по замечательному сосновому лесу, ходил на Оку полюбоваться видами. После обеда пару часов спал, а потом до полуночи, с двухчасовым променадом на время танцев, хотя и не танцевал никогда, писал очередной том своей научной эпопеи. С некоторых времен — соревнуясь с Полковником — новообретенным коллегой и приятелем.

◆ Вплотную занявшись биологическими науками, тем более теми их разделами, которые относятся к самым сокровенным тайнам человеческого мышления, Язвишин... стал верить приметам. Это бывший атомный подводник, кавалер знака «За дальний поход» и двух медалей? Даже если они и юбилейные. И сын почти что адмирала?

Но — нет, в суеверие университетский физик и бывший подводник не впал. Просто он чисто научным путем пришел к выводу о великой, интуитивной мудрости народных преданий и поверий. Этим он чрезвычай-

Болонский сон № 121. «Пушки к бою едут задом»,— бормотал полковник Хмуров, отдавая приказ поменять позиции 2-го гренадерского батальона Добровольческой армии. По мнению комбата — доцента Яцышена, по совместительству гвардейца лейб-штандарта Хмурова, на другой позиции угол сектора обстрела Болонского университета на две сажени выше. Как опытный артиллерист, Хмуров довольно хмыкнул: действительно, с такой позиции пушки будут бить накатом — со слегка опущенными стволами, что увеличивает убойную силу снарядов.

«Надо будет представить Василия Викторовича к внеочередному званию и Заслуженному работнику высшей школы»,— сделал себе зарубку в памяти Григорий Иванович... Но здесь и огорчился: «Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа! Сейчас министерства и всякие другие инстанции так усложнили процесс получения почетных и заслуженных званий для

вузовских профессоров и доцентов, что получить их посложнее, чем стать генералом. Отчего такие строгости, учитывая, что эти звания — единственное, чем раньше морально поддерживали нищих вузовских преподавателей? Вывод напрашивается один, но железобетонный: очевидно, не имея других статей экономии госсредств, все эти министерства и ведомства взяли коллективное капобязательство: экономить на наградных значках. Чем меньшее число профессоров и доцентов их получит, тем больше навар! Придется компенсировать Яцышену этот недостижимый значок званием почетного профессора Болонского университета, включив этот пункт отдельной строкой в условия контрибуции».

но заинтриговал сослуживцев, в особенности женский персонал. Более всего их интересовали магические свойства тринадцатого числа, черного кота и сна под пятницу с сюжетом о возврате к пятибалльной системе оценок. Геннадий Сергеевич загадочно улыбался, но научную суть обещал открыть только после издания своей фундаментальной монографии.

Как раз в прошлом году он и собирался дописать заключительные главы за три недели очередного пребывания в Кривулинском.

Поскольку он начал туда регулярно ездить еще в девяностых годах века прошлого, то считался в Кривулинском своим, учитывая, что в отдаленном от областного центра и даже в двадцати верстах от промышленного своего райцентра санатории персонал не меняется, а клиентура в каникулярные месяцы июля и августа, наполовину столичная, на вторую — из Тулуповска, его области и соседних губерний — по преимуществу из вузовских, школьных и иных преподавателей. Главное — вот сила человеческого консерватизма, что принято называть привычкой! — состав отдыхающих и умеренно лечащихся сложился годами, а то и десятилетиями, и каждый строго выдерживает временные сроки. Так Язвишин привык проводить в Кривулинском последнюю декаду июля — первую августа. Как человек аналитического склада ума, он так обосновал этот срок: «Отпуск — два месяца: июль и август. Если отдыхать почти на Оке первый из них, то потом за август ощущение приятно проведенного времени до первого сентября улетучится: как будто и не уезжал из жаркого и пыльного города. А если пребывать в санатории в августе — то, во-первых, целый месяц пребывать в ничегонеделанье в ожидании; во-вторых, получается эффект «с корабля на бал» — половину сентября нужно будет входить в трудовую тягомотину. А вот посредине, где-то с двадцатого июля по десятое-двенадцатое августа — самое милое дело: и томиться в ожидании недолго, да заодно и поотвыкнешь от тупых

рож студиозусов и цинковых физиономий коллег-преподов, и вторая половина августа пролетит незаметно, от активного отдыха словно на тормозах к началу учгода спускаешься».

Не один доцент-патриот умный в житейских делах (в научных умных намного меньше); так же, очевидно, рассуждают и остальные коллеги по профессии из Тулуповска и Москвы с их окрестностями. Словом — уже второй десяток дет Геннадий Сергеевич приезжал на три, а то и чуть поболее, недели в Кривулинский санаторий как на третий, запасной аэродром летчик приземляется, что всю жизнь летает челноком между аэропортами с названиями «*Дом*» и «*Работа*». А запасной — так же один и тот же, привычный для лихого летуна.

Все шло по накатанной дорожке: утро отъезда — автолайн на другую сторону города, автовокзал впритык к южной стене главного корпуса университета — два с небольшим часа в туристическом «икарусе», подкатывающем к воротам санатория — поселение в излюбленный третий корпус в уже заангажированный для него зав. лабораторным отделением, которому он помогал с биологической диссертацией, номер на втором этаже с видом на внутреннюю инфраструктуру санатория — душ с дороги и на обед в столовую, перед входом в которую он пожмет до двух десятков рук тоже только что приехавших постояльцев и шутливо полуобнимет столько же постоялиц спелого бальзаковского возраста.

...Никаких тебе примет, неожиданностей и неприятностей.— Избегая особенно последних, Язвишин дальше хиханек-хаханек и полуприличных анекдотов отношений с бальзаковками не заводил: хлопотно, надо ухаживанье изображать, на танцы эти придурошные, как привязанный, ходить, а главное — не будет времени ни вечером, ни, тем более, ночью сочинять отведенные на лето очередные главы нового трактата. То есть его понимание об активном отдыхе разительно расходилось с таковым у сочно-спелых дам, приезжавших, в

числе прочего, разнообразить приевшиеся ласки супругов. И не только даже своих. Поэтому жена отпускала Язвишина в санаторий с легким сердцем, хорошо изучив его специфический характер.

Но в прошлом году неожиданности начались еще до обоснования в зарезервированном номере санатория. За день до означенного в купленной на трудовые путевке вечером домой Язвишину позвонил давний-предавний коллега по работе в НИИ, где он проработал первые два года «на гражданке». За многие, прошедшие с тех давних лет годы они не раззнакомились полностью, во всяком случае, случайно встречаясь на улице или в тех же «Хантах-мансях» и «Сайгоне» (НИИ, еще не совсем сдохнувший, как раз размещался на их траверзе), бывшие коллеги не отделывались дежурным: «Как оно твое ничего?»

На этот же раз Витек звонил по наущению своей жены; та протежировала племянницу, поступавшую в этом году на медико-физкультурный, и просила узнать: нельзя ли как-то стимулировать надежность поступления?

Геннадий Сергеевич, за время своей работы на престижном факультете попривыкший к подобным звонкам знакомых и давно забытых коллег, дежурно пояснил. Дескать, с этими *ЕГЭ* система отбора и зачисления теперь чисто формальная и зашифрованная, а раз нет прежних, нормальных экзаменов, то и повлиять никак нельзя. Если, конечно, абитуриент не имел счастье родиться от высокопоставленной в части денег или власти папаши-мамаши. Но и здесь все решается на уровне самых высших руководителей университета.

Витек не разочаровался ответом: сам не дурак, племянница ему по фигу, просто позвонил, чтобы жена не надоедала. А раз так, то они еще с пяток минут поговорили на общие темы. Узнав, что медицинский доцент послезавтра отбывает на отдых в Кривулинский санаторий, бывший коллега и вовсе обрадовался: «...Так мы с

однокашником, ты его не знаешь, собрались на его «тойоте» как раз на днях съездить в соседнюю область проведать третьего нашего другана по студенчеству. Давно зовет. А дорога туда как раз мимо твоего Кривулинского лупанария*. Так что подкинем тебя прямо к воротам обители скромного губернского греха. Заодно дашь — от первого лица — характеристику вашим медицинским преподам; племяшка, конечно, почти готовая проститутка, как все они к окончанию школы (Здесь Язвишин явственно услышал в трубке голос жены Витька: «Ничего она не проститутка! Вика — девушка воспитанная и умная!»)... вот-вот и говорю: но не тупая, баллов у нее много, наверное поступит. Так как?

Геннадий Сергеевич, не любивший отступлений от вошедшего в привычку, в первый момент в душе поморщился, но, с другой стороны, в местной природе установилась большая жара, так что в «тойоте» с кондиционером все же лучше, чем в автобусе, в котором при тридцати за бортом почему-то так и тянет бензином и прогорклой резиной. И другой момент: как отказаться? Ведь Витек сразу решит: настоящим преподом Генка стал, заранее дает понять, чтобы с племянницей в случае чего к нему не приставали...

Согласился, хотя предстояло еще одно неудобство: хочешь-не-хочешь, но завтра надо с Витьком заглянуть в «Ханты-манси», так этикет велит. А он очень не любил смешивать котлеты с мухами, как выразился как-то второй президент России, то есть, уезжая в санаторий, настраивался на вдумчивую работу и пейзажные прогулки — никаких пьянок, идиотских этих «шашлычков» за забором заведения, вообще полная трезвость в теле и в уме. Но что поделаешь, надо так надо. А завтра нужно ограничиться бутылкой на двоих. Чтобы к утру отъезда все рассеялось.

---

* В Древнем Риме публичные дома со всеми видами «услуг» — для рабов, поощренных хозяевами.— Прим. авт.

◆ Не получилось. Давно с Витьком не виделись, да он такой заводной, что и непьющего — по известной причине — бывшего американского президента Джорджа Буша-младшего споил бы. Что, кстати, не удалось даже гостеприимному тамаде Мише Саакашвили сделать во время инспекторской поездки Буша в Грузию.

Когда в восемь утра в растворенную по случаю жары балконную дверь четвертого этажа проник веселый призыв Витька спускаться к поданной карете, то супруга с некоторым сомнением посмотрела на помятое лицо Язвишина и сухо благословила на отдых.

Пожав вяло руку бывшему коллеге и познакомившись с водителем «тойоты» Егором, доцент устроился на заднем сиденье. Оставив водилу в одиночестве, там же присоседился и Витек. Едва машина вырулила со двора, как без лишних слов соблазнитель жестом фокусника извлек из своей наплечной — с ремнем — дорожной сумки бутылку водки хорошей очистки, пару пластиковых стаканчиков и сверток с бутербродами. Молчаливый и слабоэмоциональный Егор, не оборачиваясь, свободной от руля рукой подал назад полторашку: «Запивайте, алкаши. Домашний квас — из морозильника, еще льдинки плавают».

После отвальной досадливое тиканье в висках мигом исчезло, доценту стало легко и свободно. Тем более — выехали из города, за окнами плавно полились подзабытые зеленые пейзажи, речки под мостами, давно заброшенные, непаханые много лет поля, заросшие дикими травами и чертополохом, с частыми песчаными конусами около кротовых нор. Полное умиротворение!

— Хорошо мы вчера в «Хантах» погуляли, а? Давненько не слышал в твоем исполнении «Прощайте, скалистые горы»!

— А что,— поперхнулся закусочным бутербродом Геннадий Сергеевич,— я и песни пел?

— Обязательно. Сначала соло, а потом мы подружились с каким-то бывшим мореманом, но только с

Балтфлота, и все вместе исполняли. На три голоса не получилось, консерваториев не кончали, но и на нестройный унисон вся публика аплодировала.

— Вот черт,— совсем перепугался доцент,— а-а... других каких происшествий не было?

— Да успокойся. Вашего преподского брата там и не наблюдалось. Подумаешь, слегка сцепились вы с балтийцем, это когда ты ему *БФ* расшифровал «бывшим флотом». Но — помирились. С песнями и вышли. Ладно, давай по второй за твой отпуск и нашу поездку!

Разгонная* и вовсе перенесла Геннадия Сергеевича из суровой реальности в бесшабашную вольницу: эх, птица-тройка! Куда мчишься ты, тройка? — А про то ямщик, то есть водитель Егор, знает... В то же время еще трезвая часть доцентского мозга хладнокровно наблюдала за веселящейся. Язвишин даже иронично хмыкнул, наблюдая над соревнованием раздвоившейся головы, мигом вспомнил школьный учебник, где рассказывалось об опыте Павлова, тогда еще не академика и лауреата, а студента-старшекурсника. Решил он, от роду не пьющий (это в Рязани-то, на родине академика, имелись от роду не пьющие?), эксперимент над своим организмом провести. Купил в питейной лавке полбутылки рому — это по-нынешнему близко к емкости ностальгической «раиски» — и дома начал его вводить маленькими стопками в этот самый организм. Одновременно трезвой частью головы (как у Язвишина) велел руке записывать свои ощущения... Проснулся он под утро, спал сидя на стуле, уложив умную голову на скрещенные руки. Из записи смог прочитать только первую: «Выпил первую стопку...» Дальше совершенно неразборчиво.

---

* Отвальная, разгонная, ямщицкая, пристяжная, доброкопытная (чтобы конь не расковался), дюжинная (проехали первые 12 верст пути), царева (откупорили вторую) и так далее — принятые у путешествующих названия — со времен почтовых ям.— Прим. авт.

...Словом, когда они подъехали, чуть свернув вправо от трассы, к воротам Кривулинского санатория, то все было решено. Пока Егор с Витьком, подогнавшие машину в тенек у санаторного бетонного забора, вдоль которого с наружной и внутренней стороны высились матерые тополя, прислонившись к капоту, задумчиво обозревали окрестности, Язвишин, торопясь и озабоченно здороваясь со знакомцами из отдыхающих и персонала, оформлялся в административном корпусе на трехнедельный постой. По времени это заняло не более четверти часа, поскольку номер на втором этаже третьего корпуса с нужным видом с лоджии, как всегда, был заказан через лабораторного биолога. Заполнив нужные бумаги у регистраторши, поднялся на второй этаж и заплатил огорчительную для него сумму. Попутно отметил еще одну свою оплошность: вчерашнее веселье в «Хантах-мансях» настолько выбило его из обычной дисциплинированности, что вчера он забыл вынуть из барсетки только что полученные по отдельной ведомости в университетской кассе двадцать пять тысяч «сверхурочных», то есть выплату по гранту, над опытом по которому трудился всю весну. Вместе с «пятеркой», что он обычно брал на карманные расходы, совершенно ни к чему в барсетке оказались вовсе здесь не нужные тридцать тысяч. Охраняй их теперь! — Вокруг деревеньки и село с вороватыми подростками, что днюют и ночуют на территории санатория в поисках чего плохо лежит...

Получив направление, пошел в ближний третий корпус, получил у дежурной медсестры, хорошей знакомой, ключ, снес в номер дорожную сумку, предупредил встречную хозяйку корпуса, что на сутки уезжает с приятелями, и, размахивая барсеткой, скоренько пошагал на выход из санатория.

К барсетке он еще не успел привыкнуть, ранее никогда их не имел и относился к ним с юмором, называя сумкой-нищенкой. Но поскольку где-то нужно было рас-

полагать все необходимо носимое: пропуск-удостоверение, домашние и рабочие ключи, мобильник, деньги, сигареты со спичками, а для поездок в санаторий еще и паспорт с необходимыми двумя страховыми бумагами, названий которых он не мог в точности запомнить,— то в летнее время поверх рубахи или футболки одевал вьетнамской фабрикации безрукавку с десятком карманов на молниях, называемую народом бронежилетом. Однако это лето задалось аномально (а что сейчас не аномально в этой жизни?) жарким, за тридцать градусов. Спина в футболке под спинкой бронежилета вмиг промокла.

А тут пошел на центральный рынок прикупить для санаторного отдыха, как там принято, светлые легкие брюки и турецкую рубашку с коротким рукавом, увидел барсетку (как раз по спине под бронежилетом потекла струйка пота) — и купил, не торгуясь. Брюки и рубашку тоже приобрел. Довольный выходил из толковища рынка, помахивая пакетом с покупками, а чтобы попривыкнуть к «нищенке», то и приторочил ее, еще пустую, на левое плечо — на ремне.

Уже за воротами торжища к нему примоталась цыганка. Но не зря Геннадий Сергеевич некоторое время школьных лет прожил в косолученском пригороде с его грубоватым народом. Там же научился от цыганок отбояриваться: скажешь им цыганским матом: «Сота кекемел»! — И они поймут, что привязываться бесполезно, только время трудовое терять. Вот и сейчас он произнес эти волшебные слова. Цыганка замолчала со своими уговорами погадать, но потом все же крикнула в спину уходящего грубияна: «Нэ будэт тэбэ счастья, нэ покрасуешься своэй сумочкой! Тьфу!»

◆ Впрочем, заведшийся Витек недолго созерцал приокские пейзажи в ожидании вновь обретенного приятеля-курортника, опершись на капот «тойоты». После душного до спазмов, забитого в своих улицах дешевым импортным автодерьмом города здешний воздух, духмяный, словно хорошо приготовленный купаж цветочно-

го чая, хотелось пить и пить, пить и пить... Здесь, оставив Егора охранять свой частный транспорт, Витек сорвался с места и безошибочно рысцой помчался в сторону местного универмага, что прилепился почти к самому входу в медицинское учреждение.

Словом, когда взволнованный необычным началом отдыха на природе Язвишин вернулся к «тойоте», то Егор, завидевший третьего, деловито садился за руль, а Витек уже откупоривал на заднем сидении «цареву» белоголовку. Посредине сиденья на газете уже ожидала своего часа здесь же купленная закуска: теплый еще батон хорошей выпечки, круг краковской колбасы, также аппетитной на вид (потом оказалось и на вкус), уже порезанный Витьком сыр и жестянка с маслинами.

Егор заинтересованно обернулся.

— Ты пока авто не заводи,— предварил его Витек,— сейчас я тебе пару бутербродов сварганю, поешь, а мы пока с Генкой снова оскоромимся, а то на ходу трясло, водка мимо рта льется! А вот и Геннаша — скоро обернулся! Садись, водка стынет!

Выпив по сотке и закусив, а Егор просто поев, вновь выехали на шоссе, через десять минут переехали по удивительно низкому, что в половодье явно заливает, неширокую в этих местах Оку на крутой калужский берег, почти что по серпантину въехали в старинный городок, давно уже захилевший, но когда-то бывший серьезной крепостью на границе Московского и Тверского княжеств, а чуть позже — Московского государства и Литвы.

С «царевой» Геннадия и Витька повело на второй круг веселья. А когда они, как истовые «шестидесятники», то есть на зубок помнящие дилогию одесских классиков об Остапе Бендере, словно тот в Арбатове, оказались на маленькой площади, в которую втекали все три улицы городка, то захохотали, придя в полный восторг, и попросили Егора на пару минут притормозить.

— Смотри-смотри! Бендер вот-вот появится!

Витьку вторил Язвишин:

— Слушайте, ведь как по-писаному: три дома выходят на косую площадь...

Но и без санаторного курортника, уже и раньше не раз приезжавшего на рейсовом автобусе из Кривулинского полюбоваться живой иллюстрацией к «Стульям», все видели: на фасаде одного дома красовалась вывеска бюро похоронных услуг «*В добрый путь*». Другой — присутственное место, бывший исполком с нынешним труднозапоминаемым названием. В его двери как раз входил дедок-проситель, бережно держа в руках даже не трех-, а пятилитровую банку явно с медом. Внук деревенского потомственного пчеловода Егор даже уточнил: кипрейный по цвету и сезону мед; этим летом иван-чай бурно цвел. Завершал композицию центра города бывший советский дом бытовых услуг, от которого сейчас осталась парикмахерская и, судя по вывеске, какое-то многозначительное *ООО* «Древсегмент». Геннадий Сергеевич связал его деятельность с лесопилкой, имевшейся в городке, чуть ниже под горку. Действительно, с указанной им стороны иногда доносился взвизг циркулярки. А для завершения картины поверх крыши переименованного исполкома виднелся купол действующей, судя по свежей ультрамариновой в золоченых звездах окраске, церквушки.

— Ладно,— с шоферской суровостью проворчал Егор,— поехали.

— Трогай, пан Козлевич! — Витек совершенно разошелся в веселье, увидев на кривенькой улочке, по которой машина выруливала на шоссе, чисто по-деревенски оформленные магазинчики с растворенными в жару дверями с завешанными марлевой простыней проемами.

— А в лавчонке этой,— растроганно вспомнил свое деревенское детство Егор,— стоит бочка с круто посоленной селедкой, а в витрине многолетняя ссохшаяся «краковская», которая никому не нужна, и горки слипшихся конфет-подушечек...

Заведующий кафедрой Дьяконов зашел в неурочный час в преподавательскую. Полковник Хмуров сидел за своим столом и вырисовывал на большом листе ватманской бумаги какие-то фантастические картинки, явно иллюстрации к очередному тому своих фундаментальных сочинений. Николай Андреянович и еще пара доцентов со смехом комментировали новую инструкцию «менеджментера количества» по уточненному подсчету баллов студенческих оценок. «Холодный» профессор Шерстобитов и доцент Яцышен, подперев кулачками подбородки, задумчиво смотрели на послеобеденное солнце.

Дьяконов поморщился, но тут отыскал глазами нужную ему фигуру и подозвал к себе Эдьку, аспиранта Хмурова:

— Слушай, Эдик, ты ведь представляешь наш факультет в совете молодых ученых и специалистов?

— Так точно, Вадим Фомич! Нужно кого-нибудь протолкнуть в призеры студенческой олимпиады?

Дьяконов вторично поморщился от такого амикошонства не по чину, но сдержался:

— Нет, Эдик. На следующей неделе к нам приезжает высокая комиссия из минобраза — проверять наш университет в части толерантности и политкорректности.

— Не вруби..., извините, не совсем понимаю свою роль.

— А роль простая. Проведи работу со всеми старостами групп факультета, а те, в свою очередь, пусть доведут до всех студентов, что негр сейчас у нас именуется афрорашеном, пидор — геем, доллар — общечеловеческой ценностью, а торгаш — не спекулянт, но предприниматель среднего класса.

— Вряд ли,— встрял Витек,— бочка с селедкой, конечно, стоит. Как без нее обойтись? Колбаса же обычная, вареная из сои, а вместо подушечек сникерсомарсы.

— Дурак, всю песню испортил! — Но Егор тут же повеселел: «тойота» миновала последний, захудалый домишко и вырулила на отличное шоссе, хотя бы даже и совсем без встречных и поперечных машин.

— Все, ребята, тулуповское воеводство закончилось. Мы уже в другой области.

...Даже далекий от шоферских дел Язвишин знал: в этой соседней области, не имеющей крупной промышленности, а землю, не занятую обширными сосновыми лесами, и вовсе песчаную, на которой хорошо росла лишь излюбленная Полковником рассыпчатая картошка, тем не менее замечательные дороги. И вообще, в отличии от Тулуповска и его губернии, все отлично безо всяких дотаций. Самое удивительное — моложавый губернатор не скрывает своей коммунистической принадлежности, но правит уже при четвертом, считая от Горби-демократизатора, президенте. И не собирается уходить в отставку.

Поскольку сразу за крохотным городком начались сплошные партизанские леса, на западе плавно переходящие в брянские, смотреть по сторонам не на что — кроме впередсмотрящего Егора,— то на заднем сиденье продолжили разливать из царевой...

— Опупеете до приезда. Совсем с ничего осталось ведь,— заметил водитель.

— Как это «с ничего»? Вот смотри, еще больше полбутылки,— заартачился Витек.

Егор только цыкнул зубом: что с пьяного возьмешь? Он как вшивый, что только о бане и думает.

И действительно, царевой оставалось еще верст на тридцать-сорок неторопливой беседы, как сосновый лес-сплошняк как-то вмиг расступился вправо-влево, и машина въехала в небольшой, но уже пятиэтажный, по-

стройки конца шестидесятых — начала семидесятых, городок, со всех сторон окруженный лесом. Такие специализированные городки в ближней провинции в те годы разом строили вместе с заводом военного назначения. На такой вот завод авиационно-приборного характера и попал по распределению Славик — однокашник Витька с Егором. Был он не тулуповский, родом из тамбовского села, а тут им с женой, тоже однокашницей, сходу дали квартиру.

Егор лет пять назад здесь уже бывал, поэтому скоренько подрулил к нужному дому и подъезду.

— Можешь с нами подняться, а хочешь — покури на свежем воздухе,— обратился Витек к Язвишину,— мы все равно на пяток минут: поздороваемся с Галкой, заберем еще теплые пирожки и еще кой-что из закуски; *НЗ* у нас свой, под охраной Егора. А потом поедем немного назад по шоссе, свернем вправо, там Славку на обочине подберем — у них там домик в выморочной деревушке с огородом, а потом еще несколько километров в сторону монастыря. Там у Славки почти приличная дачка в двух уровнях. Не его, а бывшего инженерного на заводе сослуживца. Тот с семейством уже десять лет как на заработках в чужих краях, а Славка за сторожа временно-постоянного хозяина.

Действительно, Геннадий Сергеевич только успел выкурить сигарету, правда, со смаком, неторопливо, удивляясь сонному безлюдству городка. Правда, тут же сообразил: привык в Тулуповске, где народом набиты улицы в будни и выходные. Оно и понятно: регулярных занятий уже нет, все перебиваются мелочной торговлишкой, в офисах офисничают, половина города вообще непонятно чем живет... Вот и шляются день-деньской по улицам. А здесь завод-кормилец еще дышит: по необходимости, надо запчасти поставлять к истребителям, проданным в Малайзию и другие места. Бартером за пальмовое масло, например, столь возмущающее Полковника. Сегодня же будний день, вот все и на заводе

трудятся, жены обеды готовят, а вышедшие на пенсию мужики, прихватив пивка, с утра ушли на недалекую речку рыбалить.

Из подъезда вышли Витек с Егором, сопровождаемые Галиной, которой и представили третьего путешественника.

— Так до завтра, Галка,— сказал Витек, укладывая на сиденье рядом с водительским пакеты с пирожками и еще чем-то аппетитно пахнущим,— ровно в это же время доставим благоверного с ягодами и что там у вас еще на двух фазендах произрастает? Пока!

◆ Дальнейшие события в Кривулинском санатории своей скорбью почти стерли предшествующие сутки, как сейчас модно говорить, абсолютной свободы наших путешественников. Выехав из лесного заводского городка, Егор на правах водилы, уже бывавшего в здешних палестинах, уверенно запетлял по отличным дорогам, проложенным по лесным просекам, но совершенно пустынным (только ржавая «копейка» с дедом за баранкой встретилась да двое деревенских ребятишек на великах). На отростке дороги, но уже похуже, давно не латанной и упирающейся в проселок на близкую вымирающую деревню на обочине их ждал Славик с тюком: упакованными в старую телогрейку, перевязанную бечевками, ягодами. Красная смородина, как он кратко пояснил, обнимаясь с однокашниками и с вежливостью предпенсионного инженера знакомясь с Язвишиным.

Загрузившись однокашником и тюком смородины (то-то от Галкиных пирожков даже через упаковку пакета так завлекающее пахло этим вареньем!), развернулись, еще немного покрутились по лесным дорогам, въехали на несколько обезлесенную горку,— и Витек с Геннадием Сергеевичем, новички в этих местах, ахнули от восторга: внизу, словно под ногами, куда спускалась дорога, с трех сторон окаймленная веселым под солнцем лесом корабельных сосен, а с четвертой, дальней, ровно изогнутой, отсвечивающей все от того же светила ре-

кой, как на добротной, навроде кисти Васнецова, иллюстрации к сказке о царе Салтане, или о ком другом из эксплуататоров масс, раскинулся, сверкая отсвечивающим в глаза золотом десятка с лишком куполов, целый монастырский город, отделенный от леса, реки и всего грешного мира высоченной белокаменной стеной.

— Ничего себе? Притормози-ка, Егорушка,— восхитился Витек,— ни-че-го! Бывал в Загорске, ныне Сергиевом Посаде, и в Киеве в Печерской лавре, так те поскромнее. А тут, в лесной глухомани? Не зря Лев Толстой вроде как сюда собирался «от семьи и от детей» уйти... Ладно, строили-то при царях, церковь государственная была. Но сразу видно, что капремонт и всякая лепнина-позолота совсем свежие. У попов доходы, что-ли, пошли немереные? Что-то не замечаю поднятия религиозности в народе-богоносце. Все больше к «зелени» тянутся, любыми способами, к потребительству на западный образец. Ты, Сергеич, как мыслишь, общаясь, так сказать, постоянно с высоколобой профессурой и надеждой новой нашей капотчизны — этими дуроломами, что в университетах от армии косят?

Сам того не подозревая, Витек затронул больную тему Язвишиа. И пока, временно потеряв в лесу монастырь из виду, машина спускалась с горки, и когда выбежала из того же леса прямо на площадку перед монастырскими воротами и, отвернув влево по проселку с триста метров до бесплатно арендуемой Славиком-инженером двухэтажной дачки с огородом и садиком, и когда, сполоснувшись с дороги под краном (дачка с водопроводом), и когда, усевшись в беседке, выпили по первой... Словом до наступления темноты, с перерывом лишь на купанье в той замечательной, тихой речке, что огибала монастырские степи, Геннадий Сергеевич хорошим преподавательским голосом, хотя и не любил лекции студентам читать, развивал свою новейшую теорию о враждебных России агентах влияния из *ЦРУ* и Моссада, британской *МИ-6* тож, что проводят линию на

огосударствление православной церкви, ее щедрое финансирование, приравнивания церковной верхушки к самым высшим гражданским чиновникам и так далее с тем, чтобы по религиозной линии столкнуть русское и мусульманское населения страны.

А для отвода глаз впаривают властям и всяким дурачкам из низовых либералов и демократов, что все это делается для отвращения народных масс от пережитков коммунизма, воспитания уважения к новым реалиям... впрочем, все это говорится нарочито невнятно, ибо религия-то христианская, особенно православная, как раз и должна наставлять свою паству супротив этих западнических «общечеловеческих ценностей», то есть власти доллара, половых извращенцев, полнейшего неравенства классов господ и обнищавших масс...

Впрочем, после купанья слушали разошедшегося доцента вполуха. Наконец и тот замолчал, вместе с остальными залюбовавшись закатом за речкой, явно предвещавшим завтрашний день еще лучшим, чем сегодняшний. Так все и случилось — для Геннадия Сергеевича с точностью до наоборот.

...За полчаса до начала санаторного обеденного табльдота машина веселых путешественников вновь подкатила к воротам Кривулинского санатория. Прощание не растягивали, ибо с утра на дачке, затем на городской квартире и в машине на обратном пути хорошо выпили-закусили и поговорили на долгих росстанях. Толик с Витьком, огибая справа курортный забор, поехали затариться в заранее захваченные из дома емкости знаменитой минводой из источника, а далее — до хаты. Доцент же, посвистывая, помахивая сумкой-пакетом со свежими Галиными пирожками с двумя сортами смородины и двумя же поллитровыми банками с вареньем — к вечернему чаю на *своей* лоджии с видом на внутренний двор санатория,— зашел в номер, аккуратно и скоро распаковал вчерашнюю сумку развесил все в шкафчике, разложил в тумбочке, варенье и пи-

рожки до времени определил в холодильник. Сполоснувшись под душем, оделся по-курортному и, не переставая посвистывать и здороваться с давними знакомцами, взял курс на столовую.

Еще вчера, на перебежке от регистратуры до корпуса, забронировал через давнего знакомца, моложавого московского профессора, место за столиком: два-на-два тоже со знаемыми тридцатилетними тулуповскими дамами. Только принялись за салатик и краткие отчеты о прошедшем вне Кривулинского трудовом годе, как профессор огорчил Язвишина:

— А вы еще, Геннадий Сергеевич, наверное, не знаете? Здесь местные новости редки, но, как правило, печальны. Словом, врач Полесова, наша с вами знакомая, зимой внезапно умерла. А ведь ей еще и семидесяти не было.

Язвишин поперхнулся ставшим невкусным салатиком, затем без аппетита съел прежде любимые им санаторные блюда: суп с фрикадельками и даже всего раздругой за смену случающийся фаршированный красный перец. И дамы, несмотря на молодость и свои прекрасные формы, соседство интересных собой профессора и доцента, вяло пообедали.

Геннадий Сергеевич и раньше по устоявшемуся режиму в первый санаторный день после обеда и до самого ужина крепко спал в своем номере. Как биолог, хотя и переученный, он просто и ясно объяснял это самому себе и другим: организм, попав резко из пробензиненного города в переполненную кислородом атмосферу Кривулинского с его двумя реками, одной из них Окой, и сосновыми лесами, этим самым избыточным кислородом в некотором смысле пресыщается-отравляется, поэтому требуется в первые дни здешнего пребывания сон до двенадцати и более часов в сутки. Ибо во время сна человек находится в состоянии близком к анабиозу, то есть легкие работают вполсилы и лишку дармового кислорода не вдыхают. При этом объяснении

Болонский сон № 129. «Офицер без промаха стреляет, куда нужно попадет»,— распевал грубым своим басом полковник Хмуров свой, артиллерийский вариант «Солдатушек, браво ребятушек», ободряя отступающих своих бойцов, неожиданно получивших сильный отпор противника в районе церкви Сан-Петронио на траверсе комбикормового завода. Глядя на отстреливающегося до последнего патрона Полковника, бойцы устыдились, вновь ринулись в атаку и вышибли за пределы комбикормового завода болонских добровольцев с правового факультета.

У себя на родине бог миловал Хмурова общаться с представителями юстиции. Но, порой проходя по своим делам мимо корпуса юридического факультета, невольно прислушивался к разговорам тамошних студентов. Ребята в основном серьезно обсуждали: куда идти работать после окончания университета — в адвокатуру или в милицию? Вполне здраво рассуж-

дали, явно не по юным годам; у адвокатов, конечно, доход большой и, главное, легальный, но надо много головой работать, выискивая лазейки для оправдания убийц и знатных воров. А голова — она не лошадиная, ее беречь надо. А вот в милиции доход тоже не меньший, зато утруждать себя работой не нужно. Но можно случайно попасть в число стрелочников в месячник борьбы с коррупцией...

Девицы же больше хихикали и заигрывали с моложавыми доцентами, которые со снисходительной задумчивостью выпендривались: дескать, я рутинные лекции по римскому праву читать не люблю, а специализируюсь по смертной казни. Девицы восторгались.

курортные дамы восхищались умом ученого доцента, думая о своем, девичьем, а мужикам сразу хотелось почему-то выпить. И на это у Язвишина имелось свое объяснение... Но об этом долго рассказывать.

...А на этот раз еще и сказалось бурное путешествие с Витьком и Егором. Словом, сон-анабиоз так крепко ухватил бывшего героического подводника, ныне капитана-лейтенанта запаса, что он даже на ужин прибыл с серьезным опозданием. Соседские дамы, обиженные таким явным их манкированием, сухо поприветствовали его, уже вставая из-за стола и нарочито громко обсуждая предстоящие танцы. Профессор же, задумчиво ковырявший вилкой дежурный вечерний омлет, сразу перешел к назревшему делу:

— Не порти аппетит, Сергеич, пошли в шашлычную за ворота, помянем Надежду Феодосьевну. Или, как всегда, зарок — не пить на отдыхе?

— А-а-а... уже сутки как с приятелями развязываю. Пошли.

◆ С Надеждой Феодосьевной Язвишина свела санаторная разнарядка еще в первый его приезд в Кривулинский. На дворе стояли волчьи девяностые, но в госучреждениях, том же университете, еще до конца не изжились остатки тоталитаризма, то есть даже молодому чином Геннадию Сергеевичу перепадали почти бесплатные профсоюзные путевки в санаторий. Правда, очень скоро этот беспорядок пресекли.

...Но когда он в первый раз ехал на кривулинском автобусе, сосед-пенсионер, опытный курортник-профессионал, запугал его. Дескать, мало что отдыхать едешь и лечить-то нечего. Все одно, раз путевка льготная, значит лечение там прописано. Вот и будешь раз в три дня являться к белохалатникам, отвечать на вопросы о самочувствии, а перед этим в самое пляжное время дня по часу-полтора в очередях томиться на прием. А каждый вечер у двери твоего номера целый ряд бутылочек для анализов медсестра будет выставлять. И следует

спозаранку проснуться, наполнить эти флаконы, язви их мать, да еще и снести в санитарную кладовку на первом этаже.

Но и это еще не все. Если своей врачихе не понравишься, чем ей не угодишь, так она мужика непременно отправит на анализ простатита, или чего там около по мочевой части, к Айвазяну; тому хотя под восемьдесят, но садистский свой анализ так делает, что небо с овчинку кажется! А потом по старости ума все анализы по фамилиям перепутает — врачиха повторно гонит. Сам все узнаешь, милок!

С трепетом зашел наш доцент в двадцать второй кабинет лечебного корпуса, куда ему выписала направление медсестра: «Вот, больной, физиотерапевт Полесова по графику закрепления за корпусами будет вашим лечащим врачом».

Однако веселая и в характер полноватая, на шестом десятке Надежда Феодосьевна, к тому же узнав о родственной профессии пациента, сразу успокоила: никаких лечений и анализов, раз не лечиться, а отдыхать приехали. Будем здороваться при встречах, а в конце срока пребывания зайдете отметиться.

Уже на правах знакомцев поговорили немного о современных веяниях в физиотерапии и биофизике. Вкратце улыбчивая врачиха о себе рассказала: двадцать лет после мединститута проработала в знаменитом санатории для почечников в Туркмении, где жара всегда сорок и выше, влажность воздуха почти нулевая. Вот у бедолаг почки и отдыхают от своей хворости — вся жидкость из организма потом выходит. Это Геннадий Сергеевич хорошо знал от соседа-инженера еще по отцовскому дому: тот в советское время каждый год туда ездил. На дармовщину, понятно. И путевка в этот санаторий давалась аж на сорок суток! Чтобы почки как следует отдохнули...

И к климату, сама южанка, Надежда Феодосьевна тамошнему привыкла, вышла замуж за русского же

врача, двоих детей родила. Но тут туркмен-баши объявил бывшую *ТуркССР* независимым ханством. Начали русских теснить. Пришлось их семье уехать: хорошо в Москве, в курортно-санаторном управлении ей и мужу сходу предложили работу по специальности и с приличной квартирой в Кривулинске.

На том они и расстались. Еще два года Язвишин ездил по дармовым путевкам, добывая их правдами и неправдами. И уже сам шел для приписки в двадцать второй кабинет. И потом, уже когда путевки покупал за кровные, не платя отдельно за лечение, все одно заходил по приезду поздороваться с приятной врачихой. А теперь зайти не к кому...

Заезд в санаторий в этот день оказался большим, так что в шашлычной Хасыма — беседке на свежем воздухе прямо напротив входа в санаторий — было многолюдно и обильно на знакомцев. За одним из столиков потеснились, усадив профессора с доцентом. Не они одни поминали добрым словом Надежду Феодосьевну.

Вот здесь-то, на старые дрожжи путешествия в соседнюю область со сплошными сосновыми лесами, да в большой компании давних курортных знакомцев доцента и понесло во всю ивановскую. Сам Хасым, веселый и услужливый азербайджанец, два года назад по дешевке выкупивший бывшую районовскую столовку и превративший ее в два магазина и шашлычную, куда даже из соседнего промышленного города начальство и знатные торговцы заезжали в уикэнд, обслуживал их столик. Коньяк он рекомендовал как «настоящий, неподдельный, гаспада-таварищи, дядя мой его прямо из Кизляра привозит». А к шашлыку, заговорщицки подмигнув масляными глазами, принес какой-то особый соус и тарелку с искусно подобранными кавказскими травами: «Ат всего сэрдца, дарагие прафессора!»

Профессор, как столичный житель, но привыкший к воровскому и жульническому окружению реальной жизни, даже выпивши, реально оценивал ситуацию и даже

подтолкнул легонько локтем провинциального коллегу, который расплачивался с Хасымом, вынув из барсетки перетянутую резинкой пачку кредиток с видом города Ярославля. Сам же он свою долю за коньяк и шашлык (по второму заказу) вынул в виде «пятихатки», сложенной в два раза и заранее помещенной в «часовой» кармашек-пистон своих джинсов.

...Подтолкнул осторожно и кивком, даже просто движением бровей, указал на местных парней, что сидели за угловым, ближе к мангалу, столиком, шашлыков не ели, не заказывали, пили самое дешевое пиво и часто-часто бросали короткие взгляды на разгулявшихся курортников. Пацаны же помоложе стояли вне веранды, но также посматривая через ее решетчатую стенку-изгородь на публику.

Геннадий Сергеевич и сам прекрасно знал: народ здесь, особенно бездельничающая круглый год молодежь и малая пацанва, вороватый, но... душа мимолетного атомного подводника требовала легкого кутежа на вольном выпасе. И еще любимой с Севера песни «Прощайте, скалистые горы», которую и спел в унисон тож с бывшим моряком, правда, надводником, отдыхавшим от пыльной городской жизни за соседним столиком.

Новое знакомство по флотскому этикету требовало продолжения банкета. Профессор, у которого уже завязалось женское знакомство, ушел на танцы в санаторий, еще раз шепнув доценту-моряку об осторожности... Словом, покинул наш герой заведение Хасыма в очень веселом расположении души и тела, уже в активно наступающих сумерках, весь в звуках несущейся с танцплощадки санатория плясовой музыки. И он взял курс на это толковище, войдя в ворота медучреждения с легкостью эсминца, дающего на хорошем ходу под тридцать кабельтовых.

Пройдя по входной в санаторий асфальтовой дорожке с полсотню метров, Геннадий Сергеевич миновал слева пятиэтажку для сотрудников; справа же к дорож-

ке вплотную примыкала одна из многих на территории парковых аллей. Из-за угла пятиэтажки во всей своей красоте показался великолепный июльский закат — за сосновым бором и невидимой отсюда Окой. Уже коснувшееся горизонта солнце, чуть подрагивая в вечерней дымке, готовилось на ночлег в синей пригоризонтной же полосе, обещая Геннадию Сергеевичу и всей без малого тысяче отдыхающих в Кривулинском, и даже местному вороватому населению (до кучи так всем!) прекрасный завтрашний день.

А потяжелевшие ноги услужливо понесли доцента на пенек обочь дороги и парковой аллеи: чуток посидеть, полюбоваться закатом и, набравшись сил, двинуться на близкую уже танцплощадку. Действительно, Хасым не обманул: коньяк оказался настоящим; не зря же в старой, с детства памятной песенке поется про действие этого напитка, правда, армянского: «И коньяк армянский, сладкий или... голова у нас в порядке, ноги не идут!»

Пенек оказался уютным, пилили старое дерево окружкой, так что вроде кресла с плавно вогнутым сиденьем получилось. Опять же сработал механизм отравления организма кислородом. Доцент приятно задремал, легонько раскачиваясь на пне. Сквозь нахлынувшую дремоту в тишине стихшей на минуту танцевальной музыки ему вроде как почудился за спиной осторожный, слегка свистящий звук: так «уходила» от своего владельца злосчастная барсетка, небрежно положенная им в траву около пенька, и ухваченная за ремешок кем-то из вороватых парней, отслеживавших загулявшего курортника от самого заведения Хасыма.

◆ В итоге вместо вожделенного отдыха несчастный доцент, жертва курортного расслабления, целый месяц в душном и пробензиненном городе восстанавливал все украденные с барсеткой документы: от университетского удостоверения до паспорта и хлопотных медико-страховых бумаг. Не говоря уже о невосстановимых почти тридцати дензнаках с видами города Ярославля, мо-

бильнике, наборе квартирных и рабочих ключей и прочей мелочи.

Хорошо московский профессор, прибывший в Кривулинский на машине, наутро отвез его домой. Он же, хорошо знающий современную жизнь, отсоветовал ехать в райцентр — в милицию: «Здесь народ простой; возьмут тебя, Сергеич, как беспаспортного за цугундер в обезьянник еще посадят. И придется тебя супруге с выкупом отсюда вытребовать. Поэтому — только домой. Перед женой повинись и заяву об ограблении по факсу хозяину санатория. И в городе мигом в паспортную службу тоже с заявой о потере. Только о потере! Про ограбление там не заикайся — сразу в ментовку пошлют, намаешься».

Так Язвишин и поступил, припомнив реалии жизни. Во-первых, директора и главврача Кривулинского, уже несколько лет как приватизировавшего бывшую всесоюзную здравницу, ничего кроме денег и рыбалки не интересовало. Во-вторых, какая бы власть в стране ни наблюдалась — княжеская, царская, советская, или нынешняя без политназвания — но один стереотип ни на йоту не менялся: если тебя пьяного ограбили, то это вроде как и не преступление. Осталось только в уголовное уложение ввести соответствующую разрешительную статью: дескать, ограбление пьяного, или выпившего с содержанием спирта в крови свыше двадцати промилле, преступлением не считается, а если и подлежит осуждению, то только моральному — причем осуждению пострадавшего...

Самое интересное, что Геннадий Сергеевич, знаток теоретической юриспруденции, охотно пояснял за рюмкой-другой в «Сайгоне» или в «Хантах-мансях» коллегам правоту такого утверждения: «...А дело в следующем. Нахождение человека в пьяном, даже не пьяном, ну-у, как мы сейчас, в выпившем виде вне своего дома при советской власти и при нынешней как квалифицируется? — Правильно, нахождение в виде, порочащем

честь и достоинство советского (ныне — российского) гражданина. Так в судебно-милицейских инструкциях значится. То есть, в определенном смысле пьяный — уже есть человек, совершающий преступление. И когда его, бедолагу, грабят, то получается, что одно преступление совершается в пространстве-времени одновременно с другим преступлением. Согласно же одной из трех основных формул римского права, во время совершения преступления закон не действует. На том и аминь: логически не опровержимо, что преступник, грабящий преступника же, уже вроде как и не преступник. Менты, конечно, никакого такого римского права не ведают, но нутром это чуют.

Правда, оговаривался — после третьей — энциклопедически образованный доцент, хотя и считается, что в России со времен царя Петра, который первый был, в юстиции действует римское право, но это не совсем верно. Еще от законов Мономаха у нас в отечестве угнездился византийский вариант этого права, где права состязающихся в тяжбе сторон уравнены. Отсюда, кстати говоря, и родная наша пословица: «Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло».

Словом по телефону главврач — хозяин Кривулинского — назвал Язвишина подонком за его утверждение, что тот был ограблен на территории *его санатория*. Хорошо хоть супруга доцента, хотя и с большим трудом, походив на прием к депутату, сумела возвратить с санаторной бухгалтерии деньги за неиспользованную путевку. Но три дня вычли.

И только выправив новый паспорт, Язвишин вспомнил: столь неудачная поездка в Кривулинский санаторий была для него *тринадцатая* по счету.

...Николай Андреянович и Полковник допили мадеру — по последнему дринку, уже порешив: этим летом они компанейски едут в Кривулинский. Время возьмут «язвишенское», то есть во второй половине июля — начале августа.

— Но только время от Геннадия Сергеевича возьмем,— хохотнул Полковник,— а не его, так сказать, аморальное поведение. Хлопот потом слишком много. Я ведь тогда по слезной просьбе жены Сергеича на ноги всех знакомых фээсбэшных отставников поднял, чтобы обзвонили банки города и области — на случай, если под украденный паспорт кредитоваться кто захочет!

— Но нас же сейчас двое будет,— почему-то возразил Николай Андреянович,— отмашемся в случае чего, а?

КАК ПОТОПАЕШЬ, ТАК И ПОЛОПАЕШЬ

◆ Вроде как почти полный учебный год, который в университете заменяет астрономический, календарный, финансовый и прочие года, Николай Андреянович проработал «преподом», но удивляться и к окончанию весны — началу лета еще не переставал. На его реплики матерые, привыкшие ко всему, профессора и доценты кафедры снисходительно резюмировали:

— Это, брат Андреяныч, оттого, что не отвык еще сопоставлять прежнюю, гражданскую жизнь, хотя бы даже если и работал в военно-промышленном комплексе, с теперешней, ныне и вовсе приравненной к боевым условиям. Ничего-ничего, пару лет еще прослужишь у нас, так и желание удивляться пройдет. Как будто и родился здесь же доцентом... если только к этому времени докторскую не защитишь и в профессора не выйдешь. Чего мы тебе от чистого сердца и души желаем!

Так что еще два года Николаю Адреяновичу все удивляться и удивляться, естественно, в сравнении с «гражданкой». Но здесь не просто сравнение — до этого он сам дошел, без подсказки «профи». Все дело в том, что сравнивают и удивляются, по-преимуществу, те, кому за сорок — сорок пять, то есть сами учившиеся еще в советских вузах. И Николай Андреянович тож.

Завкафедрой Дьяконов вызвал к себе в кабинет кафедральную секретаршу Марину Евгеньевну:

— Марина! Кто набирает на компьютере тексты фантастических книг Хмурова?

— Да это все знают: Света-лаборантка. За умеренную плату. Так ведь зарплаты у нас, у технического персонала...

— Я не об этом. У меня у самого зарплата такая, что впору самому к Хмурову подрядиться, раз его полковничья пенсия позволяет оплачивать наемный труд. Я о другом. Ты — мое доверенное лицо, поэтому просьба: шепни Свете на ушко, дескать, имеешь среднее обра-

зование, то есть грамоте знаешь. Когда набираешь сочинения нашего Полковника потихоньку, не ставя того в известность, кое-где редактируй его фантазии.

— Уточните, Вадим Фомич.

— Вот я зачитаю тебе фразу из его новоизданной книги: «...Проведенные мною фундаментальные исследования показали, что Гриша! Бегу в издательство, не разбудив тебя. Завтрак на столе, целую тебя столько раз, сколько мы сегодня ночью с тобой...» Это как понимать?

— Да это его московская Стеллочка, небось, утром, за неимением чистой бумаги написала на его рукописи, а редакторша в издательстве Стеллочки решила, что это авторская вставка.

— Значит, наша Света здесь ни при чем?

— Попробовала бы! Эдька-аспирант бы ей показал!

— Нд-а, трудно с вами, с женщинами...

Вот взять, например, учебный год в целом. Сторонние люди, или новички в вузе навроде Николая Андреяновича, вспоминая свое советское студенчество, думают и говорят так. Конечно, тяжеловато профессорам-доцентам в семестры: осенний с сентября по декабрь и весенний — с февраля по май включительно. Но ведь это время, занятое лекциями, практическими занятиями с не всегда успешными и внимательными студентами, научной и методической работой, составляет в сумме за год лишь восемь месяцев, то есть две трети года. А остающиеся четыре месяца — почти что сплошной отдых!

Во-первых, законный двухмесячный отпуск в самое прекрасное летнее время июля-августа вынь да положь. Во-вторых, сюда можно смело плюсовать время сессий — январь и июнь. Это ведь не с утра до вечера драть глотку на лекциях, отчитываться перед всякими административными службами, а раз в три-четыре дня, может и реже, являться в свой корпус, за пару-тройку часов снисходительно принимать от вдруг ставших тихими и почтительными экзамен, а потом идти домой к сгоношенному супругой аппетитному обеду. Поскольку же у профессиональных преподавателей годам к сорока нарабатывается комплекс садизма, то и умеренно можно поиздеваться над студентами, мелко мстя за все накопившееся во время семестровых занятий. Например, хамам и горлопанам из троечников, устроившихся на всякие общественно-комсомольские должности в вузе (речь о советском времени), а ныне сынкам состоятельных торговцев и средних чиновников. Или первым красавицам курса или факультета, упорно не понимавшим во время семестра определенные намеки иных женолюбивых до́центов в самом спелом мужском возрасте: от тридцати до сорока пяти лет. Впрочем, дело это щекотливое, порой и прямо опасное, под силу только очень видным собою преподам или начальству среднего и выше среднего ранга. На университетском жаргоне это именуется как «любитель домашних заданий». Поэтому

более серьезные и осторожные предпочитают коварным красоткам-студенткам умных и не менее привлекательных аспиранток. Все равно и при любом раскладе диссертации за них приходится сочинять...

Так оно и было во времена студенчества Николая Андреяновича. Включая, правда, редкие, мезальянсы лихих доцентов со студентками, когда практика «домашних заданий» получала громкую и скандальную огласку.

Поэтому в первый свой, осенний семестр, он даже с некоторым нетерпением ожидал приближение Нового года — и как всеми любимого праздника, и как де-факто начала месячного отдыха — сессии. Даже как-то проговорился на этот счет в присутствии нескольких коллег в преподавательской. Коллеги же при этих словах приуныли, Яцышен посмотрел на приятеля с сожалением, а Полковник, добровольно взявший на себя роль наставника нового коллеги в мутноватых водах непривычной тому вузовской жизни, заметил:

— Не говори, Андреяныч, гоп, пока не перепрыгнул. Отдых всем нам надо еще заслужить. Как говаривал мой дед, Матвей Федорович, революционный самокатчик Петросовета, удостоенный Почетной грамоты за подписью Иудушки Троцкого, как потопаешь, так и полопаешь! Или забыл свое прошлогоднее председательство *ГЭК'ом* у нас? Так что мотай на ус, дорогой товарищ до́цент.

◆ Здесь-то Николай Андреянович задумался. Он не только прекрасно помнил историю с председательством, но до сих пор с некоторым содроганием чуть не каждодневно ее так или иначе вспоминал. Более того, из-за нее он некоторое время колебался с переходом в университет, раз там могут случаться такие казусы, при некоторой анекдотичности очень даже влияющие на личную нервную систему.

Начало было хорошим. По существующим едва ли не со времен императорских технических институтов порядкам председателем комиссии по защите выпускни-

ками дипломным работ назначается не штатный сотрудник вуза, но специалист по данному, конкретному профилю своей ракетной кафедры. Дьяконов последние десять лет приглашал председателем *ГЭК'а* своего давнего друга-приятеля Фомченко — начальника отдела из *НПО* «Меткость», известного в рамках отрасли специалиста по ракетным движкам, лауреата Госпремии и орденоносца. Но в прошлом году с ним случился казус. Дело в следующем. До разделения *СССР* на самостийные улусы, начиная с прихода по распределению в «Меткость» молодым специалистом, Фомченко почти четверть века тесно сотрудничал по совместной тематике с днепропетровским Институтом промышленной механики, который, в свою очередь, занимался разработками для знаменитого завода «Южмаш».

В год набиралось до двух-трех месяцев командирования Фомченко в Днепропетровск. И тамошние ракетчики-двигателисты не вылезали из «Меткости». Даже женился Фомченко по выходу из возраста молодого специалиста на днепрпетровской дивчине, впрочем, чистокровной русачке родом из Курска, но попавшей в недалекий бывший Екатеринослав по распределению.

...И первые годы после самостийности бывшие коллеги из «Меткости» и «Проммеханики» перезванивались, переписывались друг с другом по техническим вопросам. Потом все заглохло, тем более, что у «Проммеханики» поменяли профиль и даже само название — что-то связанное с дальними перспективами перевода транспортных сетей Незалежной на движение методом магнитной левитации.

Но в прошлом давний приятель из Днепропетровска письмом по электронке попросил Фомченку проконсультировать по старой дружбе — в части специфики реактивной тяги в сильном магнитном поле; вспомнил, что когда-то его тулуповский коллега занимался этим вопросом: не то что по работе, а для себя, когда был порыв по молодости защитить кандидатскую. И днеп-

ропетровец давно отошел вместе со своим институтом от военных дел, а теперь рисовал-рассчитывал всякие проекты реактивных паровозов, мчащихся, не касаясь рельсов, в создаваемом ими магнитном поле.

Фомченко, радея помочь бывшему другу и коллеге, отыскал в домашней кладовке запыленную «диссертационную тетрадь», отсканировал несколько нужных рукописных страниц и, ничтоже сумняшеся, по той же электронке из дома, конечно (внук увлекался Интернетом), отправил в Днепропетровск.

...То ли у ребят в управе Кленового переулка месячник бдительности в это время случился, а скорее кто-то из молодых капитанов решил поменять четыре маленьких звездочки на одну, но побольше — кто знает? Словом, попробовали дело раскрутить и даже по «Меткости» пронесся слух, что Фомченко — украинский шпион. Но вмешался сам Гусаков, позвонил в Кленовый генералу и все уладил. Но Сергей Никитич не на шутку обиделся, вспомнил — только что разменял восьмой десяток — и уволился. Занялся дачным делами, а зимой не вылезал из городского шахматного клуба.

Кстати, как сообщил по «мылу» мечтатель-хохол, чистокровный русский, фантазирующий на тему реактивно-магнитных паровозов, снующих от Киева до Гуляйполя, и им местная, днепропетровская дефензива интересовалась, но в смысле положительном: дескать, молодец, от москалей бесплатную информацию заполучил!

Пенсионер, однако, по статусу не может председательствовать *ГЭК'ом*. Вадим Фомич позвонил двум-трем хорошо знакомым спецам из «Меткости», но те отказались: мол, заняты. Дьяконов правильно понял подтекст: несколько дней придется сидеть и слушать дипломные благоглупости за самую мизерную оплату. Известно, что в университетах любят экономить на спичках... то есть канцелярских скрепках. Немного поколебавшись — ведь не начальник? — Вадим Фомич пригласил Николая Андреяновича, тем паче уже с кан-

дидатским дипломом. «Давай, Андреяныч, выручи — попредседательствуй. А там и вовсе может надумаешь к нам перейти».

◆ Первый день защиты дипломов ему понравился. Поставленные в ряд столы для членов комиссии, покрытые длинной зеленой скатертью из добротного сукна. На скатерти равномерно расставлены истекающие потом — из холодильника — фигурные бутылки с минералкой, иноземной «пепси» и отечественным квасом. Стаканчики, правда, в духе времени, пластмассовые, но Николаю Андреяновичу, как главному, хорошо зная его патриотизм и военно-морское воспитание в тех же широтах Арктики, где два года служил обокраденный в Кривулинском Язвишин, поставили, конечно, квас высшего сорта и тонкий стеклянный стакан в эмпээсовском* мельхиоровом подстаканнике.

И обхождение приятно щекотало душу: все преподаватели на «вы» и по имени-отчеству; сам Вадим Фомич, тщательно маскируя улыбку, придерживая под локоток, усаживает на заглавное место:

— Вы, дорогой Николай Андреянович, на эти три дня самый главный на кафедре, так сказать, бог и царь. А мы тут с краешку потеснимся, с вашего разрешения кой-какие вопросы будем задавать.

И сам Дьяконов с «холодным» профессором Шерстобитовым уселись одесную от председателя за зеленосуконный столовый ряд. А ошуюю расположились еще два члена комиссии: отставной полковник Хмуров и бывший коллега Николая Андреяновича по «Меткости», доцент Яцышен. А Григорий Иванович шепнул командиру: «Сегодня для старта зубрилки-отличницы пойдут; завтра — нормальные, соображающие ребята, а на послезавтра — обозники, что с тройки на двойку все шесть лет перебивались».

---

* От *МПС* — Министерство путей сообщения, то есть железнодорожный транспорт, где подают чай в подстаканниках.— Прим. авт.

Сидевшая за отельным столом со стопкой переплетенных дипломных работ секретарь комиссии Марина Евгеньевна строгим голосом объявила первую дипломницу, бойко простучавшую каблучками к развешанным плакатам с нарисованными ракетными причиндалами.

Не менее бойко она протараторила свой доклад, четко уложившись в рекомендованные Вадимом Фомичом «восемь-десять минут, желательно, не более». Уже сообразив сам, что отличницам серьезные вопросы задавать не комильфо, Николай Андреянович на правах председателя первым спросил о чем-то малозначащем, а пока члены комиссии продолжили по накатанной, он с интересом изучал сыпавшую, как горох, выверенные ответы дипломницу. Привыкши видеть студенток в изобилии в районе своего дома, примыкавшего к университетскому городку, Николай Андреянович отметил определенное отличие между просто студенткой и дипломницей на защите. Сходство было в одном, но в основном: все они были красивыми, с отменными фигурами: длинные прямые ножки с приятными округлыми коленками, бедра, выше бедер и талии почти модельные. Вполне половозрелые груди. Личико и волосы — продукты умеренно дорогой химии и косметики. То есть выработанный рекламой стандарт. Правда, стандарт красивый. Как и одежда. Но именно в ней, сохраняя общий стиль и фасон, дипломница и отличается от просто фланирующей по улице студентки: никаких голых животов и пупков, хотя едва не по микронам рассчитанная высота пояса юбки и длина блузки прямотаки сообщали, что наклонись прелестница по любому румбу — для морского воспитанника Николая Андреяновича, или по любой из тысячных* — для отставного артиллериста-ракетчика Полковника своим изящным торсом, хотя бы на пять-десять градусов, и волнующе-

* Принятая в артиллерии угловая мера, где 360° круга заменены на 1000 угловых единиц.— Прим. авт.

Болонский сон № 142. Наконец-то Добровольческая армия, захватив сектор размером в третью часть города, вышла к стенам старейшего в Европе университета. За время изнурительных предыдущих боев университетские добровольцы вкупе с охраной и карабинерами успели укрепить древние стены и экскаваторами вырыли опоясывающий ров, залитый водой из Рено.

Следуя рыцарским традициям Полковник вызвал на поединок ректора болонцев. Как Ослябя Челубея. И вот сошлись в бою лед и пламень: хладнокровный артиллерист и отчаянный рубака Хмуров и холерический макаронник Джульетто Павезе — доктор юриспруденции, а в молодости чемпион Северной Италии по фехтованию. Полковник рубился лихо, по-гусарски, а достойный ему противник все норовил выиграть битву по очкам. В отведенный им рефери академический учебный час, то есть сорок пять минут, бойцы не уложились и разъехались — каждый к своему войску. Боевая ни-

чья. Вот так бы наши футболисты с «Интером» или «Скуадрой Адзуррой» играли!

Приняв поздравления, Хмуров отужинал с водкой в компании своего лейб-штандарта, доцентов Язвишина, Николая Андреяновича, Яцышена и подпоручика Эдьки-аспиранта. Прилег на прохладную раскладушку отдохнуть, но отдыха не получилось: Эдька включил свой походный приемничек на последние московские новости. Там же, во-первых, сообщили, что с декабря последующего года зарплата преподавателям вузов увеличивается аж на три процента. Вторая новость из мира искусства: высшей в стране государственной премии удостоен художник за коллаж, изображающий Дворцовый мост в Ленинграде в виде фаллоса. Прервав отдых, взбешенный Полковник объявил атаку.

соблазнительно приоткроется атласная, загорелая полуторасантиметровая полоска талии, но именно в той ее части, где она круто переходит в изгиб бедер, угадываемую верхушку ягодиц или во всхолмие аккуратно выточенного природой-скульптором животика, при взгляде на который даже у заслуженного профессора-лауреата как-то вожделенно синеет нос...

Господи! И где они этому учатся? Это же искусство тончайшего расчета, которым — в другом антураже и деталях — инженер-ракетчик овладевает только после десяти-пятнадцати лет творческо-практической работы.

Второй момент отличия: дипломница не в мини по верхнюю треть бедра, как на улице или на обычных университетских упражнениях, но в юбке выше коленок всего лишь на допущенные целомудрием два вершка*, зато сложная система полунамекающих разрезов, вытачек, прилеганий-расклешиваний открывают незримо все что от талии до коленок получше всякой сверхмини. И, наконец, груди не подпружинены, как то повелось с прошлого года, спецбюстгальтером и не полуобнажены сверху почти до сосков, но всего лишь в проеме расстегнутой сверху на две пуговицы блузки обозначены любопытствующему взгляду ложбинкой и упругой крутизной нарастающих и уходящих вправо и влево грудок. И без того синие профессорские носы становятся уже фиолетового колера.

◆ Николай Андреянович с непривычки столь близкого — по расстоянию и времени — общения с современными студентками, а отчасти и своего статуса калифа на час, так увлекся аналитическим анализом и сравнением былого и нынешнего, что и не заметил, как уже третья по счету дипломница вышла на авансцену к третьей же перемене плакатов с изображением ракетных цацек и поясняющих их графиков и формул, аккуратно выписанных из учебников газодинамики и теплотехники.

---

* То есть порядка 9—10 сантиметров.— Прим. авт.

А отвлек его голос Дьяконова, с легким, маскируемым недовольствием прервавшим очередную красотку в выдержанном макияже и туалете:

— Надя! Пожалуйста, оставь свои благодарности до окончания защиты... а еще лучше до своей будущей, так сказать, работы по специальности. Хм-м!

Здесь и Николай Андреянович отвлекся от натурного анализа, переключившись на звуковой. И сформулировал для себя: что ему показалось, доселе неосознанно, в словесной части докладов и ответов дипломниц. Нет, даже не своеобразная фонетика речи, скорее — что-то похожее на акцент. К этому он уже давно привык, слыша разговоры девочек и девушек (но не ребят!) на улице, во дворе его дома, по радио и телевизору, особенно когда речь там не актерская, а живая. То есть все девицы, начиная со среднеклассного и где-то лет до двадцати пяти — двадцати шести, причем по всей стране — от пока нашего Калининграда до успешно замеляемого китайцами Приморья,— говорят как-то не так, не совсем с русским прононсом. Очень похоже на речь грамотно изучивших наш язык иностранцев, точнее — американцев. Во-первых, создается впечатление, что во рту у них перехватывается горячая картофелина; во-вторых, говорят очень бойко, почти скороговоркой, но вовсе безэмоционально, зато, опять же не по-русски, в конце произнесенной на едином дыхании фразы делается вопросительно-восклицательное ударение.

Откуда все это в них? От кого пошло-приехало? Это для Николая Андреяновича оставалось загадкой. Явно, что приобреталось это в середине школьных лет. Но и супруга, учительница, не могла объяснить. Только что-то обмолвилась от практикуемых с середины девяностых годов в школьном обучении занятиях-тренингах по скорочтению. И еще об увлечении нынешней подростковой молодежью американо-английским языком, слушании иноязычной этой речи во всяких компьютерных играх и прочей шелухе. Но ведь парни-то намного

больше времени у компов проводят — и ничего, по-русски говорят?

Но почему девицы разговаривают с акцентом? — Нет-нет, он сам неправ, это вовсе не американский акцент, а-а... Мигом вспомнилось заполярное детство, где коренного населения, кроме малочисленного народца лопарей* финского племени, нет, а есть только военные, в основном, морские, и гражданские рабочие, инженеры — обслуживающие инфраструктуру Северного флота. Военных туда завозят по призыву и в порядке служебных назначений, а гражданских — по найму «за длинным рублем».

Вот эти-то наемные в основном из малохлебородных, главное — северных мест, то есть привычных к здешней жизни: из архангельских и вологодских мест. И говорят они, особенно кто постарше, точно также как нынешние наши девицы: типичный вологодско-архангельский говор: с четким произношением «*о*», очень бойко до непонятности, с логическим ударением — на последнем слове фразы. Так и архангелогородка, мать Николая Андреяновича, говорила, окая, а отец его, Андреян Матвеевич, калужский уроженец, не переучил ее на «нормальный язык», как он выражался. Только так матери и не удалось научиться говорить вместо «*о*» раскатистое «*а*»...

Похоже и нижегородцы говорят, тот же Максим Горький скорее нарочито на «*о*» напирал: мы, мол, мужики волжские, вячкие... Но откуда у современных, в том числе тулуповских, девиц северный говор? — Родившихся от родителей с чисто московским, раскатистым «*а-а-а*» и выросших среди местных хрущовок-пятиэтажек и латаемого по весне асфальта. Многое чего мог объяснить сам Николай Андреянович, Язвишин и

* Официальное название: саами, коренное население Кольского полуострова, оленеводы, практически ассимилировались русскими еще с новгородских времен.— Прим. авт.

Полковник, но в этом деле, даже крепко посидевши в «Хантах-мансях» или в «Сайгоне», ни к какому разумному выводу прийти не смогли. Только Геннадий Сергеевич с наблюдательностью переученного (из атомных подводников) биолога отметил: акцент этот новорусский годам к двадцати пяти у бывших девиц исчезает, особенно при активной половой жизни, а главное — при первых родах.

...Нет, не псевдоархангельский говорок озадачил сейчас Николая Андреяновича, но вот эта стандартная преамбула уже у третьей защищающейся дипломницы, на что так нервно, хотя внешне и замаскировано, отреагировал сам Вадим Фомич, хотя бы даже если его должность и требовала столь модных нынче толерантности-гендерности в отношениях со студентами. О чем, кстати, труженики «менеджментера количества» не уставали напоминать преподавателям, которых они, к своей досаде, так и не смогли уличить-запротоколировать в прегрешениях на учебно-воспитательном фронте борьбы за... Впрочем, здесь сам Николай Андреянович зарапортовался.

А преамбула эта, содержавшая обычный набор необязательных благодарностей и пожеланий всех мыслимых благ, заученно вылетевшая изо рта красотки с дежурной, макияжной улыбкой, напоминала Николаю Андреяновичу тех приставучих девиц, что на улицах пристают к людям: «А вот наша фирма проводит акцию...». Откуда вот это-то у студенток? Николай Андреянович повернул голову налево, вопросительно посмотрел на Полковника. Но тот, соскучившись слушать девичий лепет, раскрыл свою (очередную, еще не всю исписанную) тетрадь в клетку и формата *А4*, что-то в ней чиркал.

Но недоуменный взгляд предкомиссии уловил Яцышен. Василий Викторович за согбенной спиной Полковника наклонился и шепотом, впрочем, не очень-то и маскируемым, доложил:

— Эти долбежки закончили какие-то годичные кур-

сы рекламы, сняли вскладчину у родственницы одной из них квартирку на окраине Москвы и уже через неделю отбывают на заработки в какой-то торгово-посреднической компашке. Что же, раз в проститутки по воспитанию, а теперь и по возрасту, не вышли...

Но в общем первый день Николаю Андреновичу понравился. Когда последняя дипломница получила свою пятерку, комиссионеры, разминая ноги, поднялись из-за составного стола, Хмуров на правах старшины пояснил председателю:

— У нас, Андреяныч, такой порядок заведен: если защиты раскладываются на четыре дня, а больше и не бывает, то с устатку закусываем на второй и последний дни. Пакеты дипломники приносят и втихомолку сдают лаборантке Свете или моему аспиранту Эдику. Дьяконов дает ключ от своей кают-компании, но сам, как человек осторожный, уходит домой. А если в три дня укладываемся, как сейчас, то отмечаем это дело одноразово, то есть послезавтра.

◆ Второй день тоже понравился Николаю Андреяновичу, но в другом плане, так сказать, в профессиональном. Защищались крепкие умом ребята, не совсем случайно пришедшие учиться вовсе не престижному сейчас делу: ракетную технику разрабатывать. Совсем потеплело на душе, когда в общем списке из шести дипломников обнаружил три знакомые по своей работе фамилии. И Полковник без вопросов подтвердил: да, это не обычное совпадение, даром что фамилии простецкие и распространенные, а как есть дети, а один и вовсе внук, известных и хорошо знаемых Николаем Андреяновичем конструкторов и начальников средней руки с «Меткости».

— «Ешчэ Польска не згинела!» — почему-то начальными словами старопольского гимна одобрил подбор дипломников Яцышен. Впрочем, увлекающийся многим Василий Викторович любил щегольнуть порой необычным словцом.

— И у нас еще не все сгнило,— перевел на русский Яцышен,— раз дети по стопам своих дедов-отцов в оружейное дело еще идут.

Но невольную радость председателя несколько приглушил Полковник, почему-то с утра хмурый — в полном соответствии своей фамилии. Тоже много чего знающий, он продолжил польский гимн в интерпретации некогда шедших на Варшаву бойцов Первой конной.

— Да-да, конечно. Не сгинела, но дала уже душок!

Но и он к окончанию добротно и четко поставленного доклада первого из дипломников, сына начальника отдела испытания оружия в естественных условиях Козырева, оттаял от утренней хмурости (коллеги уже догадались: опять ко вчерашнему ужину полковничиха не то лук, не то постное масло, купила...). И все члены комиссии оживились, а Николай Андреянович, на правах председателя, задал первым и сразу три вопроса по делу. С военной подковыркой минут пять-шесть пытал раскрасневшегося Козырева-младшего и Полковник, апеллируя, в основном, к фронтовым условиям театра военных действий. Вадим Фомич, спустив с лица вчерашнюю усталую снисходительность, настолько увлекся, даже заставив парня сместиться влево от плакатов к грифельной доске и начертать пару расчетных формул для тяги движка, что Марина Евгеньева на правах официального секретаря напомнила: рабочий день имеет свои границы, а впереди еще пять защит...

Эти пятеро не подвели. Словом, к концу заседания Николай Андреянович почти что ощутил себя присутствующим в оной «Меткости» на техсовете своего отделения, только чудесным образом поменявшись местами с начальником Осиновым. И Дьяконов, прощаясь до завтра с коллегами, долго жал руку председателю комиссии, благодаря за активное участие и неформальные, практически выверенные вопросы. Опять же приятное впечатление несколько снизил Григорий Иванович, которого по причине хорошей погоды взялся проводить пару кварта-

лов, до пересечения проспекта с улицей Первого Мая, Николай Андреянович. С армейской прямотой, но и с сожалением педагога тот размышлял вслух:

— Жалко ребят. Двадцать лет назад их бы еще с преддипломной практики уже бы «раскупили» по отделам «Меткости», а официальные бумаги на распределение, завизированные в главке миноборонпрома и минвуза, за месяц до защиты лежали в отделе кадров института. Тогда не «универа». А сейчас? Ну-у, допустим двое-трое пойдут и в «Меткость» в отцовы отделы и отделения. Не то что блат, но хотя бы на более-менее денежные темы пристроят. Без денег сейчас молодым никуда, даже не женишься. Да и не бездельничать они там будут, а вкалывать за интерес. Такие вот хотя бы на промилле разбавят тамошних старослужащих, что уже разменяли, или готовятся к тому, восьмой десяток. Да чего я тебе-то говорю? Тебе, Андреяныч, здесь и карты в руки!

— А остальные? Тоже ведь ребята с головой недурной...

— Они и не пропадут потому. Чего-чего, а работе с вычислительной техникой, даже программированию на хорошем инженерном уровне, их Яцышен отменно подготовил. В фирмочках, что деньги из воздуха куют, их охотно возьмут. К тому же нынешний наш президент большой любитель всяких этих интернетовских дел. Поэтому все чиновные конторы в стране, равняясь на него, засуетились, всюду, где надо и не надо, требуют сайты срочно создавать, всякие там электронные выборы. Так что и туда ребятам дорожка открывается — в техническую обслугу чиновничеству. Тем более — и зарплаты там не профессорско-доцентские, не рядовые инженерные.

...Мне порой, как это ни странно, даже жалко чиновничью братию становится. Ведь им, хочешь-не-хочешь, по роду службы надо постоянно и верноподданнически нос по ветру, на Спасскую башню, так сказать, равнение

держать. То в лаун-теннис, кряхтя и брюхо поджимая, учиться играть, а потом и вовсе разорительным и опасным горнолыжным спортом заниматься. Теперь вот на клавиатуре компа надо уметь цифирки-буковки нажимать. Это хотя б для общего развития полезно.

Ну, Андреяныч, я дальше и под горку маршевым-строевым, а ты курсом через левое плечо и — к ужину домой! Завтра же потерпи, не срывайся: там такой паноптикум собрался! Их бы еще с первого-второго курса отчислить, да так и специальность прикрыть могут за недобор-недовыпуск. Полные идиоты, хамы и сволочи!

— А как попали-то на серьезную кафедру?

— Как-как, обычно. У нас конкурса при поступлении почти что и нет, вот и приходится брать всякую шелупонь, что в другие места по своим ничтожным баллам не проходят. Выгонять, как сказал, нельзя по отчетности. Да к тому же в основном сынки и дочери торгашеские. Получат свой диплом троечный — и в лавку к папаше. А самая сволочь из завтрашних некто Чекмазов. Как говорится, был бы не в мундире, так морду б набил. Впрочем, мой Эдька-аспирант раза два к ней прикладывался. По своей инициативе.

Зато завтра выпьем, заиграем обиду. Держи краба, моряк! Хотя и сухопутный.

◆ Чекмазова Марина Евгеньевна, само собой, поставила последним в списке. Еще перед началом заседания она же — Николай Андреянович слышал краем уха, но значения не придал — что-то растолковывала шефу, дескать, в дипломной работе «этого прохиндея Чекмазова» Эдик забыл заменить одно слово в названии диплома после его корректировки на кафедральном обсуждении. А в протоколе она его заменила. Вадим Фомич отмахнулся, ибо в это же время со вниманием читал из утренней почты, занесенной на факультет курьершей Верой Тимофеевной, замысловатую бумагу из ректората. «Мудрено писано»,— пугачевскими словами из «капитанской дочки» комментировал чтение.

Марине же Евгеньевне невнимательно ответил в том смысле, что в протоколе же верно! А пояснительную записку дипломной работы Прокофьич вместе с кучей других навеки похоронит в самом пыльном и темном углу своей каптерки. На том и аминь. Многоопытная Марина Евгеньевна малоодобрительно пожала плечами, села за свой стол и объявила первого защищающегося.

Но Николай Андреянович недоуменно поднял правую бровь: при чем здесь аспирант Хмурова Эдик? Может ослышался? Попросил растолковать Полковника, как «хозяина» выдающегося кафедрального аспиранта. Тот заухмылялся:

— Когда Эдька этому Чекмазову за всякие подлянки дважды рожу без свидетелей почистил, да еще сообщил, что у него двоюродный брательник в *ОМОН'е* служит, тот гаденыш очень зауважал моего бравого парня. А когда пришла пора защищаться, то без обиняков предложил Эдику сделать ему дипломную работу, хорошо это дело забашляв. Эдька содрал с него прилично, хватило на самый модный у них ноутбук и неделю гульбы со своей девицей. Но тот хмырь не обеднял; у него папаша имеет два «ночника», естественно, с водочной торговлей, а мамаша в пригородной ментовке в паспортном столе сидит. Дело тоже хлебное по нынешним временам. Ну-а — и все! Дело обычное.

...Чекмазов, из себя не видный, хлыщеватый, явно с крашенными «под солому» прямыми волосами, держал себя столь хамски и не ответил даже четвертьтолком ни на один вопрос, поленившись даже прочитать раздругой пояснительную записку, толково написанную Эдиком, что тройка, которую все же пришлось бы ему поставить, чтобы не портить кафедральной отчетности, противоречила всем правилам арифметики. Но Чекмаз так обнаглел под конец, что на замечание Вадима Фомича о слабом соответствии доклада и ответов защищающегося статусу положительной оценки схамил: «А куда вы денетесь? Самим же дороже обойдется!»

Этого стерпеть комиссия не смогла, поэтому, когда из комнаты удалили всех студентов и вообще не членов комиссии и пустили по ряду разграфленную бумагу с фамилиями дипломников, то напротив Чекмазова все дружно проставили двойки. О чем Николай Андреянович и сообщил вновь вызванным в комнату героям дня. Получивших заветный «тройбан» он скупо поздравил, пожелав «не без пользы для себя и отечества использовать полученные, хм-м-м, знания». А по-прежнему хамски кривившему тонкие, злые губы Чекмазову порекомендовал повторно, через положенный срок времени, выйти на защиту диплома.

...За скромной закуской-выпивкой, несколько омраченной случившимся инцидентом, приглашенный к дастархану ветеран кафедры Прокофьич не преминул заметить, что двоек у них не случалось с советских времен. Да и в оные только две случилось: одна на его памяти, другая в далеких преданиях. Но в обоих тех давних делах двоечники перезащитились и вышли в люди, сначала по комсомольской линии, сейчас по банковской.

◆ С каким-то ощущением неуютности вышел Николай Андреянович из корпуса, хотя бы вроде и выпил пару стопок на «обмывке». Все чертов Чекмазов испортил! Может поэтому он охотно согласился на предложение вышедших одновременно с ним Полковника и Яцышена «заиграть обиду», то есть продолжить в «Хантах-мансях». А там их как будто поджидали доцент-патриот Геннадий Сергеевич Язвишин с незнакомым им плотным мужчиной средних лет. «Знакомьтесь, доцент Егоркин с нашего факультета, с кафедры спортивно-физкультурной педагогики»,— представил Геннадий Сергеевич своим приятелям незнакомца.

...Словом, при такой разношерстной компании домой Николай Андреянович явился затемно. Проходя двором соседнего дома, притормозил у беседки детского городка — прикурить сигарету. И на пару-тройку минут остался на месте, услышав интересный разговор

К доценту Яцышену приехал погостить из родного районного города отец, пенсионер по инженерному труду Виктор Парфенович. В первый вечер, как водится, поужинали с водкой. Пришел повидаться с дедом и сын Василия Викторовича, после окончания университета женившийся очень удачно: на миловидной жене и ее двухкомнатной квартире. Жена с правнуком прийти не смогли: дитятя температурил по ранней осени. «Ладно,— сказал Виктор Парфенович внуку,— зови меня на послезавтра в гости»... А потом, собственно, и выпили: Яцышен-доцент с сыном — побольше, бодрый в свои семьдесят шесть лет Парфеныч — на стопку меньше, а жена Яцышена и вовсе символически. Разговорились, благо у всех трех поколений тема общая: все учились в одном и том же институте-университете. Вот Виктор Парфенович после второй вдохновился:

«Завтра к вечеру, благо недалеко, схожу погулять вдоль корпусов учебных, вспомню молодость».— «А почему именно вечером?» — Это внук поинтересовался. «Так я же на вечернем учился на инженера-технолога. Женился рано, вот Ваську надо было подымать. Так что днем токарем-расточником на Оружейном трудился. Вот, помню, к шести вечера, уже стемнело осенью. Около нашего второго корпуса столпотворение: заочники, вечерники толпой к двери, а навстречу им дневные студенты напирают. В «пентагоне» напротив все окна освещены едва не до полуночи: студенты свои секретные курсовые пишут-рисуют...»

Переглянулись доцент с сыном, поняли друг друга и всю неделю ужинали с водкой, чтобы не отпускать деда из дома, чтобы не огорчался он, видя корпуса университета уже в пять вечера, засветло закрытыми на замок, со сплошь темными глазницами окон.

пьющих в беседке пиво молодых ребят, судя по относительно правильной русской речи — студентов. Их увещевал стоявший обочь избушки на курьих ножках очень даже пожилой дедок с орденскими колодками на пиджаке (Девятое Мая только что минуло), державший на поводке выведенную на прогулку маленькую беспородную собачку.

Видно ветеран поучал молодежь достаточное время, все напирая, конечно, на пристрастие современной молодежи к пиву:

— ...А еще мне, ребята, очень не нравится, что патриотизму у вас нет. Вот каждый вечер по телевизору про этих, как их... скинхедеров говорят. Так ведь это настоящие фашисты! Правда, у нас в Тулуповске я их не видел, но ведь по телевизору-то не будут зазря говорить? Каково мне это слышать, если я с этими фашистами на фронте воевал!

Здесь Николай Андреянович в свете уличного фонаря повнимательнее рассмотрел лицо ветерана, узнал по лицу и собачке деда Рогачева из соседнего дома, с сыном которого он был шапочно знаком по работе в НПО «Меткость». И уже от сына знал: Рогачева-старшего призвали в армию совсем незадолго до окончания войны, которое он встретил «краснопогонником» далеко от фронта. Орденские же колодки — это медали за долгую трудовую деятельность на Тулуповском машзаводе, где работал цеховым мастером. Работал хорошо и грамотно.

— ...Так вы, отец, не с теми воевали,— дождавшись вежливо паузы, произнес кто-то невидимый из беседки,— чем американцев и англичан, мировых выжиг, от Гитлера спасать, нужно было с немцами объединиться и идти прямо до Гудзона. И сейчас мы бы жили и в ус не дули, пили бы пиво «Самуэль Адамс»*!

---

* Брендовое американское пиво; производится и реализуется только на территории США.— Прим. авт.

Глуховатый от сорокалетней работы в кузнечно-прессовом цеху машзавода пенсионер ничего не понял, обреченно махнул рукой и повел собачку домой — третий раз за вечер внимательно смотреть по телевизору последние известия, а потом битву нравящегося ему Млечина с подозрительным Прохановым. Николай же Андреянович, подивившись политграмотности студентов, явно не из «пентагона», тоже взял курс на свой подъезд. И все же засыпал он с каким-то нехорошим чувством: прохиндей Чекмазов из головы не выходил.

То же самое беспокоило и Полковника, оттого, видно, и сон, даже два сна, привиделся донельзя странный, главное, без всякого намека на Болонский процесс.

Попервоначалу приснилось: вызвал его сам ректор. Поднимаясь на второй, административный этаж главного корпуса, Хмуров не столько дивился вызовом к столь важной персоне, чего раньше никогда не было, сколько заранее огорчался: придется часа два ждать в приемной своей очереди, а для его деятельной натуры два часа — это доказанная теорема в его капитальном пятитомном труде!

К его удивлению, несмотря на солидное число ожидающих приема, в том числе одного из проректоров и пяти заведующих кафедрами, секретарша, почему-то взволнованная, жестом показала Григорию Ивановичу на тамбурную ректорскую дверь. Еще более поразило Хмурова, что вся очередь при его появлении в приемной почтительно встала со стульев.

Совершенно пораженный происходящим, Полковник вошел в кабинет ректора и обомлел уже окончательно: хозяин кабинета держал под уздцы белого боевого коня в позолоченной сбруе. Конь кротко ржал и легонько бил копытом правой передней ноги в ректорский ковер.

— Дорогой вы наш Григорий Иванович,— радостно начал заготовленную речь ректор,— ваша неустанная, активная борьба с Болонским процессом и его змеиным порождением — 100-балльной системой оце-

нок и службой «менеджментера количества», как вы метко сыронизировали эту службу*, не осталась без внимания в самых высоких инстанциях. Особенно она восхитила главное учебное управление Минобороны, хотя бы число военных вузов в стране и сокращается неуклонно. Именно они выразили желание поощрить вас, чем придать новый импульс вашей борьбе с Болонским исчадием!

Не скрою, хотя и неприлично самого себя выставлять, я сам подсказал *ГУУ МО*: в какой форме реализовать это поощрение. Все вышло случайно. Читал на сон грядущий роман, действие которого происходит в *СССР* в двадцатые-тридцатые годы. С удивлением узнал, что в то время выходящий в отставку или запас командир из конницы и артиллерии имел право взять в полное свое владение боевого коня. Почему и артиллерия? — Потому что тогда она имела конную тягу, а командир передвигался верхом на боевом коне. И все артиллеристы носили шашку: чтобы орудие во встречном бою от супостатов отбивать.

Относительно же отставки с конем все регулировалось специальным указом за подписью наркомвоенмора Фрунзе, позже подтвержденным наркомобороны Ворошиловым. Узнав это, я дал задание своему помощнику скачать через Интернет всю информацию по этому поводу. Каково же было мое удивление и радость, когда из официальных бумаг стало известно: такие указы, действительно, имели место быть, но — здесь самое занимательное — их забыли отменить и в *СССР*, и в *РФ*! А по армейским порядкам — неотмененный указ действует бессрочно! Сразу вспомнил: вы, Григорий Иванович ведь по артиллерийскому ведомству в запас вышли, да? На всякий случай справился в военкомате.

---

* Интересно, что идеология служб менеджмента качества и его контроль по всей стране исходят из университета г. Йошкар-Ола (бывш. Царевококшайск) и филиала какого-то вуза из г. Шахты Ростовской области, бывш. рабочего поселка.— Прим. авт.

...Дальше дело техники: созвонился с *ГУУ МО*, те в восторге полном. Правда, поначалу наш гражданский министр обороны заупрямился, но все же дал добро. Так что, дорогой Григорий Иванович, вот вам конь, вот и уздечка. Будете на работу гарцевать на белом коне. Как маршал Жуков на параде Победы! Я уже дал распоряжение у входа в первый учебный корпус устроить коновязь. И дать вам конюха на ставке старшего преподавателя.

Не успел Хмуров, слабо понимающий в коневодстве, сообразить, как ему свести коня по ступенькам со второго этажа и где его содержать в своем многоквартирном доме, как проснулся. Во рту пересохло после «Хантов-мансей». Встал с постели и пошел на кухню, выпил пол-литра домашнего квасу. Долго ворочался, засыпая вдругорядь. Супруга ворчала: пить надо меньше, хотя бы ты и полковник!

Поворочался, поворочался и заснул. Сон как и явь: тоже подчинен законам логики. Это, кстати говоря, одно из положений пятитомной монографии века Полковника. Именно поэтому во втором сне явилось упущенное в первом. Ибо в том давнем, доселе не отмененном, приказе Фрунзе — Ворошилова отставной командир имел право не только на коня «под седло», но и на личную шашку. И как это ректор о ней забыл? Что ж, сами с усами и не лыком шиты. Конечно, в Минобороны теперь обращаться бесполезно: как пить дать, после истории с конем они мигом дезавуировали приказ-указ Фрунзе — Ворошилова. Чтобы другим не повадно было!

Но где достать шашку, чтобы в полной артиллерийской экипировке утром подгарцевать к своему учебному корпусу? А где их достают наши городские, «асфальтовые» казаки, что иногда этакими ряжеными группкой идут из центрального парка, хорошо посидев в тамошней рюмочной. И вот в ближайшее воскресенье он отправился в парк, ближе к вечеру и — о, удача — прямо ему навстречу пара подгулявших казачков: в гимна-

стерках, шароварах с генеральскими лампасами, в рыжих мохнатых папахах, тяжелых яловых, флотских сапожищах. При пустых ножнах — все же шашки им властями не велено по городу носить.

Представился, польстил, указав на полезность и нужность Тулуповского отдела Всевеликого войска Донского, затем перешел к делу. Узнав, что солидному полковнику запаса (документ представил) шашка требуется не для кровной мести или какого другого смертоубийства, но для комплектации парадно-выездной формы, казачки мигом дали адрес *ЧПБОЮЛ**, где по официальной лицензии продают некриминальное холодное оружие.

В понедельник Полковник, отчитав утреннюю лекцию, пошел (во сне, конечно) в недалекое отсюда *ЧПБОЮЛ* купца третьей гильдии Чивелева. Самого хозяина не было, поэтому хозяйствовал в лавке верткий приказчик с бэджиком на кармане: «Менеджер торгового зала Геннадий». Оценивая состоятельность клиента, приказчик зачастил по возрастающей: «Имеются златоустовские ординарные шашки по восьми тысяч рублей, ручной ковки разных мастеров с клеймом — от двадцати тысяч, коллекционные с гравировкой ножен — от ста...» — «Послушай, парень, я не коллекционер. Мне этот прибор нужен как принадлежность формы для конного выезда».— «А-а,— несколько приуныл приказчик, имевший бонусы с продаж,— тогда вам, почтенный, повезло: только что получили с таможни партию морских кортиков и шашек китайской фабрикации. Стоит шашка тысячу двести, и сбруя к ней — сто пятьдесят. Похожа на настоящую, но сталь, сами понимаете, марки «*КП*»**... Так заворачивать?» — «Пожалуй»,— согла-

* Частное предприятие без образования юридического лиц.— Прим авт.

** Сталь низшего сорта, для ширпотребовских поделок.— Прим. авт.

сился Полковник, доставая кошелек. Как и все китайское, шашка эта и ножны к ней на взгляд смотрелись наряднее коллекционных и клейменных.

Продавец уже обертывал шашку в почтовую бандерольную бумагу, когда Хмуров, скорее для разговора, поинтересовался: почему шашки с таможни? Тот охотно разъяснил: видите, дескать, на темляке тисненую эмблему с Меркурием? А это эмблема российской таможенной службы. Сейчас ведь каждая служба, кто во что горазд, старается всякими цацками свои мундиры разукрасить. Вот по слухам как-то таможенный генералитет в Москве, хорошо отмечая свой профпраздник, размечтался: а не ввести ли в нашу форму одежды, например, кортик или шашку? Но на другой день стрезву и сами посмеялись, обратив все в шутку. И забыли.

Но слух о нововведении уже просочился за стены здания таможенного управления. Его тотчас уловили чуткие уши китайских промышленных агентов, что рыщут по всему миру, выискивая возможные заказы и опережая конкурентов. Последовал звонок на Чжанчжоусский скобяной завод. Там не поняли: шашки или кортики нужны для российской таможни? Люди они простые, поэтому уже через месяц к таможенному посту на левом берегу Амура китайцы подогнали две фуры: одна с кортиками, другая с саблями. Те и другие с эмблемой Меркурия.

Наши таможенники — парни еще проще. От души рассмеялись и все цацки конфисковали как попытку ввоза на территорию страны незаконного оружия. Пригрозили купцам статьей о терроризме и отправили пустые фуры восвояси в Поднебесную. А конфискат честно поделили для реализации под видом сувенирных изделий между внутренними таможнями страны.*

---

* Самое занимательное — этот сон не взбудораженная фантазия Хмурова, но, скорее всего, быль. Сам видел у знакомого городского казака китайскую шашку с Меркурием.— Прим. авт.

◆ Пока Николай Андреянович интересовался вечерней жизнью соседнего двора, а Полковник резвился в своих снах (супруга на восемь лет моложе, на другой день уже улыбалась: Полковник под утро ублажил ее. Даже дважды), прохиндей Чекмазов со своими родственниками не дремал. Едва в понедельник утром Николай Андреянович вошел в свой отдел в «Меткости», как его позвали к городскому телефону: звонил взволнованный Вадим Фомич: срочно прибыть на кафедру. Аврал! Сказав своему начальнику, что требуют в университет по делам *ГЭК'а*, очень озадаченный Николай Андреянович успел-таки на дежурный автобус, через сорок минут предстал перед завкафедрой. А тот его огорошил: звонил родственник Чекмазова, адвокат, сказал, что готовит иск в суд. Основание — предубежденность комиссии в отношении студента-дипломника Чекмазова и нарушение документации в делах экзаменационной комиссии: разночтения в наименовании дипломного проекта Чекмазова в пояснительной записке и в протоколе. Иск же он, адвокат, готовит на председателя комиссии в размере пятидесяти тысяч рублей за моральный ущерб. Но можно не доводить дело до суда, если комиссия не ранее чем сегодня-завтра устроит перезаседание... словом, вам понятна ситуация, уважаемый Вадим Фомич?

«Я взял тайм-аут на часок,— продолжал Дьяконов,— пока ты добирался, а сам позвонил уже своему соседу-адвокату. Уяснив сущность дела, а главное, узнав фамилию защитника Чекмазова, тот без обиняков посоветовал: дело гиблое, соглашайся на его условия. Так что, дорогой Николай Андреянович, против лома нет приема. Ты уж извиняй, что мы тебя в эту пакостную историю втравили, но сегодня на двенадцать назначаем повторное заседание. Греша перед совестью, поставим сукину сыну тройбан».

...Повторное заседание свели до четверти часа, поставив криво ухмыляющемуся Чекмазову «удовлетворительно».

Когда еще через четверть часа Николай Андреянович, раздумав на сегодня больше «в лес» не ездить, пошел домой обедать, на входе в подземный переход разминулся с Чекмазовым, который уже смотался в сторону технологического корпуса и зачем-то возвращался в «пентагон». «Однако, ты любезный резвый чересчур. Тебе палец в рот не клади — откусишь по локоток»,— не удержался Николай Андреянович.— «Если надо, то и всего проглочу. На том и стоим»,— с веселой наглостью парировал тот, нахально подмигнул и пошагал дальше, тотчас же забыв о встреченном председателе комиссии, о двойной защите... и вообще об университете.

...Единственно отомстил Николай Андреянович Чекмазову мелкой пакостью. Подписывая через неделю в отделе кадров университета как председатель комиссии, дипломы, он нарочито расписался в дипломе Чекмазова не выше ректора, как положено, а ниже — за ректора. Еще через неделю ему позвонили из отдела кадров: вы, Николай Андреянович, по ошибке не там у Чекмазова расписались. Это уже сам ректор заметил. Пришлось диплом заново готовить. Вы уж, пожалуйста, зайдите, распишитесь. На что Николай Андреянович радостно ответил — и что по совпадению соответствовало действительности: сегодня допоздна на работе, завтра сутра уезжает в командировку в Ковров на неделю, а потом «без пересадки» в отпуск, в санаторий. Последнее было святой ложью.

В итоге Чекмазов получил диплом через полтора месяца. Как дошли до кафедры слухи через аспиранта Эдика, из-за этой задержки прохиндей Чекмазов «пролетел» мимо блатной должности в комитете по образованию областной администрации. Чем все на кафедре и удовлетворись. Заиграли обиду. «Бог не Тришка»,— резюмировал старина Прокофьич.

Да, не так-то просто даются преподам их двухмесячные отпуска. Как потопаешь, так и полопаешь.

ПРИЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, ПРИЯТНЫЕ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ ПОПУТЧИКИ

◆ Потопали, потопали — пришло время лопать, то есть отдыхать. Следуя совету многоопытного курортника Язвишина, Николай Андреянович с Полковником уселись в автобус на Кривулинский санаторий аккурат двадцатого июля. Как люди по-военному дисциплинированные, встретились они у автовокзала за четверть часа до отхода автобуса. В группе будущих коллег-отдыхающих Николай Андреянович из знакомых лиц узрел только двух, но и то лично с ним никогда не общавшихся: инженера предпенсионного возраста из «Меткости» и бальзаковского возраста, скорее симпатичную, чем красивую, явно незамужнюю или разведенную, продавщицу из ночного магазина «Трианон-24», что во дворе его дома.

Зато свой человек в университете, с учетом пятнадцати лет службы на ныне упраздненной военной кафедре, Хмуров обменялся рукопожатиями с двумя мужчинами явно вузовской принадлежности, одного Николай Андреянович вроде мельком видел в главном корпусе, и еще с тремя, включая очень даже ничего даму, выглядевшую на тридцать пять — сорок лет, обменялся полупоклонами. И даму Николай Андреянович где-то и когда-то мельком видел. Или кажется? Обильный макияж, однообразная, хотя и модная, одежда турецкого и китайского производства, распущенные волосы не то что делают близнецами одну и ту же возрастную группу, но порой сорокапятилетнюю издали примешь за студентку. И наоборот.

— Ну-у, Андреяныч, теперь охотно верю Геннадию Сергеевичу, что в Кривулинском не один десяток более или менее знакомых встретишь. Как будто из универа и не выходил! Тьфу! Слышишь от студиозусов постоянно их птичий язык и сам на той же мове начинаешь размолвляться...

Хотя на билетах и были проставлены номера сидений, Полковник, а за ним и Николай Андреянович, прошли на задний сплошной диван-ряд.

— Здесь тесниться не надо, будем, скорее всего, одни барствовать. Потом у меня привычка артиллериста: иметь верхний обзор поля боя. Вот автобус тронется, я тебе кой-что любопытное расскажу про некоторых персонажей, с которыми я на посадке здоровкался.

Вошла вокзальная контролерша, проверила скоренько билеты, выходя махнула рукой водителю: трогай, мол. Тронулся туристский «Икарус» уже точно пенсионного возраста, явно сработанный еще в бывшей Венгерской Народной Республике. Вырулил, обогнув автовокзал и полквартала домов, на проспект, а с него и вовсе выехал из Тулуповска по калужской дороге. Миновав безлесное подгородье, автобус далее ровно пошел по трассе, окаймленной деревьями безымянного (для путешествующих) лесничества. Хмуров вынул из дорожного саквояжа плоскую бутылочку, протянул Николаю Андреяновичу:

— Беседа под коньячок — путь короче.

Сам сделал пару глотков, но посуду в саквояж больше не убирал.

— Вот видишь, Андреяныч, мужика наших лет — по правому ряду, третья пара сидений, у окошка?

— Да, ты с ним кивками обменялся на автобусной площадке. Он из нашего универа... то есть, университета?

— Нет, из педа. Воротников его фамилия. С математического факультета. Я с ним как-то случайно познакомился, но более наши пути не пересекались, через ихнего доцента с кафедры *ОБЖ** — отставника, мы из одного училища. Правда, на три курса старше. Еще у Воротникова лет двадцать назад мать его, Капитолина

---

* «Основы безопасности жизнедеятельности» — дисциплина в педагогических вузах.— Прим. Авт.

Болонский сон № 157. В третьем по счету штурме университета Полковник с адъютантом Эдькой-аспирантом, увлекшись атакой, оторвались от остальной своей конницы и едва не попали в плен к неприятелю. После боя в походном шатре-штабе Полковник чистил кивер весь избитый, напевая «Варшавянку»: «...В бой роковой мы вступили с врагами...». Эдька же, сидя чуток поодаль на полковом барабане, отбивал бруском иззубренную в схватке саблю и тоже что-то частил в стиле рэп про скорую победу и три дня на разграбление университета.

— А знаешь, Эдуард Батькович, может быть к лучшему было, если бы нас с тобой взяли в плен?

Эдька поперхнулся соленым итальянским корнишонным огурцом-недомерком, которым он закусывал фронтовые сто грамм и многозначительно посмотрел на свежий шрам на виске командира — от удара саблей по касательной.

— Ха-ха-ха! Это пустяки, царапина. Я рассуждаю так. Вот взяли нас в почетный плен. На хрен мы им нужны? Только тратиться на

положенные нам, как почетным, ресторанные обеды-ужины с коньяком. Итальяшки же — народ торговый, поэтому скоро предложили бы Кремлю обменять нас на нашего же министра образования. Наши с радостью соглашаются и нас разменивают, как Пауэрса и Абеля, где-нибудь на мосту через Неман. Мы с тобой возвращаемся в свой Тулуповск, а министра, как выдающегося реформатора, ставят ректором Болонского университета. Через полгода он полностью разваливает учебный процесс, и его по именному указу Сильвио Берлускони ссылают в бессрочную каторгу в Каррару рубить мрамор для нового дворца непотопляемого премьера. Во всем мире отныне название Болонского университета и сам термин «Болонский процесс» упоминают со смехом или с матом. Все — мир освобожден от чумы!

— Григорий Иванович, вы бы все-таки сходили на перевязку к санинструктору Марине Евгеньевне,— вставил слово Эдька.

Иосифовна, в нашем политехе в учебно-методическом отделе работала. Тулуповск в части интеллигентской среды город маленький, здесь, хоть и шапочно, но каждый первый знает второго через третьего... Давай еще по глоточку.

◆ Сверхнаитием, как давно уже оценил Николай Андреянович это специфическое качество вузовских преподавателей, математический профессор Воротников на расстоянии почти в длину немалого автобуса почувствовал, что говорят о нем. Он повернул свою головку тыковкой с покатым лбом, с остатками былой курчавой шевелюры (со слов Полковника) и ласково кивнул нашим собеседникам: говорите, мол, говорите; разговор не дело, воздух мелко сотрясется и успокоится.

Хмуров также весело подмигнул Воротникову и продолжил:

— ...Уже тридцать с лишком лет в пединституте, то бишь теперь университете, в приватной беседе при упоминании имени Воротникова непременно со смехом произносится: «А-а, это который знает, где соломку подложить!»

— Он что — упал и повредился? То-то, я внимание обратил, он все сам себе улыбается, какой-то чудаковатый.

— Да нет, он от рождения такой, как говорят, потом математик, а они все такие, высокие мысли, окружающих не замечают и так далее. Вот самая распространенная фотография, или рисунок, Эйнштейна: с высунутым языком. Ньютон, когда его избрали в английский парламент, отсиживал там свои часы молча, о чем-то все думал и усмехался своим мыслям. Я тебе как-нибудь книжку принесу, называется «Математики шутят». Обхохочешься!

А Воротников наш, коренной тулуповский, после школы поступил на физфак *МГУ*. Помнишь, что значило в советское время поступить на физфак *МГУ*,

МФТИ и *МИФИ*? Все равно что сейчас срубить первый «лимон зеленых». Правда, у него школьная золотая медаль имелась. На втором курсе втрескался в самую красавицу их группы. Она же по молодости вертела хвостом во все стороны, присматривалась. Но поскольку тоже тулуповская, то ближе к концу второго курса стала Воротнику — его еще школьное погоняло — оказывать знаки внимания. Тут у него соперник наметился: здоровенный сибиряк Петруха. Воротник же «свою» Ирку едва не к фонарным столбам ревновал. А раз в лаборатории — помнишь, что физфак в высотке эмгэушной — на двадцать втором этаже, когда препод вышел перекурить, Петруха, явно с похмелюги, облапил Ирку и что-то зашептал ей на ушко.

Вот тут-то Воротник зарделся, потом побелел от ярости, схватил со стола-верстака молоток и саданул по Петрухиной голове. Тот молча рухнул на пол. Как потом и вскоре выяснилось: упал не от удара, который, во-первых, пришелся скользящим; во-вторых, экономя на парикмахерских услугах, отрастил такие патлы, что и удар кувалдой сдемпфируют. Упал же от неожиданности на общем фоне полупохмельного состояния. Даже гематомы на его башке не случилось, только небольшая шишка, на другой день исчезнувшая.

Воротник же, бледность ярости которого тотчас перешла в синеву страха — человека убил! — ни секунды не раздумывая, подбежал к раскрытому по поводу жаркого начала экзаменационного июля окну и выпрыгнул в него с криком: «Прощай, любимая!» Девицы страшно заорали, завизжали. На крик прибежал проводивший занятия доцент и пожилой лаборант. На вопрос о чем крики и стенания вся группа, потеряв дар речи, в том числе и живо вскочивший с пола Петруха, тыкали руками в сторону окна. Доцент подошел, посмотрел вниз вверх, направо-налево, пожал плечами. Здесь ла-

борант позвал его к телефону. Все притихли, только доцент односложно отвечал в трубку: «да», «нет-нет», «не знаю».

...Но в прямом смысле у двух-трех студенток, в том числе у Ирки, подкосились ноги, когда в лабораторию вошел такой же пожилой лаборант в синем халате из лаборатории этажом ниже, прямо под ними. За руку он ввел в дверь... Воротника (?!). Тот корчил немые гримаски и все смахивал правой рукой какую-то грязную пыль с пиджака. «Ваш?» — «Наш-наш»,— закричала вся группа. «Тогда возьмите его покрепче за руки, чтобы вдругорядь не сдесантировал, и отведите в поликлинику к невропатологу».

Староста группы, что-то вспомнив, бросился к давешнему окну и, высунув голову, посмотрел вниз: прямо на уровне подоконников окон нижележащего, двадцать первого этажа во всю длину фасада была натянута капитально закрепленная на вмурованных в стену кронштейнах метровой ширины металлическая сетка. Тут уже все вспомнили: такие ограждающие сетки предусмотрены — через несколько этажей — и в других местах учебной высотки. Все же в прежние времена все делали с большим умом, с заботой о людях, тем более о студентах, не всегда соображающих что делают. Поэтому в эмгэушной высотке сетки предусматривались, а во всех студенческих общежитиях, по всей стране на кухнях ставили только электрические плиты, хотя бы все дома вокруг питались газом.

...По инициативе Петрухи они с Воротником пошли на мировую при условии, что парашютист поставит ему литровку «пятизвездочного», но уже через полчаса вся высотка знала о происшествии. Дело усугубилось тем, что лаборатория двадцать второго этажа проходила по кафедре электродинамики, заведующим которой по совместительству являлся тогдашний ректор, знаменитый

академик Логунов*. Ну-у, Андреяныч, Логунова ты наверное хотя бы по портретам в книгах знаешь: седая бородища лопатой, с другим не перепутаешь.

Логунов, человек старой закалки, настоящий ученый-интеллигент, может и замял бы, коль скоро все анекдотом почти закончилось, но ведь есть партком, профком, рьяные комсомолисты! Словом, в Кащенку Воротника отправлять не стали, а порекомендовали в тот же день написать заявление «по семейным обстоятельствам» о переводе на физфак Тулуповского пединститута имени А. В. Луначарского.

Само собой понятно, что еще до визита Воротника в пединститут ректор уже знал обо всем. Отказать переведенному из главного вуза страны он, естественно, не мог и не имел никаких оснований. Однако вместо физического определил Воротника на матфакт. А парторгу и комсоргу института пояснил просто: «На физфаке всяких железок полно, молотки также имеются — я узнавал у декана. На математическом же только бумага, пишущие ручки и логарифмические линейки используются. Береженого Бог берет!» Парторг при упоминании Всевышнего деликатно отвернулся.

— Ха-ха-ха! — Это Николай Андреянович от души рассмеялся. Профессор Воротников еще раз обернулся и ласково посмотрел на веселящихся доцентов.

---

* Выдающийся физик-теоретик Анатолий Алексеевич Логунов, Герой социалистического труда, ректор *МГУ* (1977—1992), в предисловии к своей книге по общей теории гравитации пишет, что он — единственный, кто с карандашом в руках прочитал 4-х томное собрание сочинений Эйнштейна. После чего дал исчерпывающий анализ прежней теории относительности и создал новую. Для справки: Эйнштейн 10 раз баллотировался «на Нобеля» — безуспешно. Только на 11-й раз ее получил при условии, что в нобелевской заявке он ни разу не упомянет о какой-либо «относительности». Как-то в масс-медиа и даже в научном сообществе не популяризируется, что «Нобеля» Эйнштейн получил за форму второго закона фотоэффекта — его квантовой природы, то есть старой его, совместной с женой-сербиянкой, работой.— Прим. авт.

— Знаешь, Григорий Иваныч, аналогичный случай — это я о концовке истории с Воротником — случился на заре моей инженерной работы в *ЦКБ* агрегатостроения; это еще до перехода в «Меткость». Трудился в лаборатории радиоэлектронного отдела, где всякую начинку для управляемых летающих штучек варганят, мужичок. Под сорок лет, с приятными, ласковыми манерами, неженатый — с мамой жил,— непьющий, некурящий. Словом, положительный во всех отношениях. Сам говорил мало, но зато — благодарный слушатель.

Потом вдруг исчез. И мигом по конторе слух: дескать, начал заговариваться: паяет схему, а сам тихо так: «Паяльник мой хороший; паяй, папе денежку зарабатывай!» Через пару-тройку месяцев появился: лицо лоснится, сам поперек себя шире, еще ласковее улыбается. А растолстел — это мне сосед-психиатр рассказывал: их там в дурке гормонами накачивают, что-то навроде преднизолона, если не путаю.

Только он уселся за свой монтажный столик и включил в сеть паяльник, как завлаба вытребовали к начальнику *ЦКБ* вместе с излеченным. Шеф же лаборатории вскоре вернулся, но один. И кратко пояснил: «Постникова перевели в патентный отдел». Чуть помолчал, в рассеянности побарабанил пальцами по столешнице и, не обращаясь вроде ни к кому, тихо добавил: «У нас тут железок всяких много, паяльники опять же...»

◆ — А вот ту красивую дамочку, ты еще на посадке внимание обратил, когда я с ней раскланивался, ей где-то половина четвертого десятка — самый сок!.. Вот которая в левом ряду, в середине автобуса сидит.— Видишь? Она у нас на юридическом факультете кафедрой заведует, хотя у нее всего лишь педовское историческое образование. Но ей и это ни к чему, сама москвичка, здесь по блату какому-то солидному, раз в месяц приезжает с народом пообщаться преподавательским, зарплату получить и в кафедральных бумагах расписаться. В Москве же и некоторых других городах

имеет несколько магазинчиков. В столице же выправила сначала кандидатский, потом докторский дипломы.

— Зачем же ей при такой внешности и доходах вообще в Тулуповск мотаться, хотя бы и два часа езды на «мерсе»?

— Значит надо. У деловых московских людей все на десять-двадцать лет вперед рассчитано. Да-а, еще во время сессий приезжает экзамены в свою зачетку ставить.

— Не понял, Иваныч. Какая зачетка у доктора наук, профессора?

— А я и сам поначалу не поверил, но мой знакомый с юрфка, тоже из отставников Семен Самойлович, военным дознавателем трудился, доверительно рассказал. Элеонорочка эта, даром что в самом женском цвету красотка, стала брезговать торговлишкой, пришло время в приличном обществе вращаться! Словом, решила — деньги и связи в Москве имеются — открыть очередной, наверное, тысяча первый, как в восточных сказках, по счету юридический частный университет со многими филиалами в ближней провинции. Вот поэтому ей нужна докторская степень и кафедра — для видимости прохождения всех положенных карьерных степеней. Но здесь вышла неувязка: для докторства и получения госрегистрации частной этой лавочки требуется еще и базовое юридическое образование. Вот она сама у себя и, так сказать, учится. В сессию приезжает, а ее подчиненные ей зачеты и экзамены ставят. И с других кафедр тоже. Вот сейчас успешно закончила третий курс, едет отдыхать в Кривулинский. Скромна как монахиня: не на Канары, а в провинциальный полусанаторий-полукурорт!

— Но как же, Иваныч, она все это обставила? Ведь от людей ничего не скроешь, а как высшее начальство на такую сверхоткровенную профанацию смотрит?

— Правильный вопрос, но только для времени лет двадцать тому назад. Все у нее схвачено, все повязаны,

каждый понимает: сегодня я тебе, завтра ты мне... Наша же юстиция давно живет не по закону, а по понятиям. Высшее образование сейчас — такой же бизнес, как торговля, политика, наука... Даже понятия военный бизнес, церковный бизнес — все на слуху. Кто же по глупости вякнет про Элеонорочку — так себе намного дороже станет. А красивая штучка, даром что слегка восточных кровей. Кстати, не замужем, занятость делами не позволили пока спутника найти. Я бы приударил за ней в Кривулинском, но у меня уже, как говорил, предмет намечен, для того собственно и еду вместо приличного военного санатория в Сочи или в Подмосковье. Давай уж ты приволокнись за ней, а?

...В отличие от Воротника, красотка Элеонорочка не проинтуичила разговор о ее персоне. Что-то чиркала в блокноте с роскошным кожаным бюваром. Наверное, географически расставляла филиалы будущего *своего* юридического университета.

Еще Полковник, отмечая скромность Элеоноры, заметил: даже в студенчестве своем липовом не хочет выделяться. Другая бы козырнула, на платную учебу пошла, а наша скромница себя на бюджетное место зачислила!

— О-хо-хо! Ты, Андреяныч, сегодня во сколько очи отомкнул?

— Часов в семь, а что, герр оберст?

— Да так. Я вот, несмотря на вчерашний мальчишник с нашими проводами, с рассветом проснулся. Пить захотел — я еще дома на сон грядущий селедочки с дуру-аппетиту поел. А потом вот из этой плоской посудинки глоток сделал и на балкон слегка одетый вышел и...

— Это как слегка одетый на балконе? Как в анекдоте: в одном презервативе, Иваныч?

— Хм-м, знаю, хороший анекдот. Думаю, в Кривулинском до этих приборов дело дойдет. Но — это, хотя и тавтология, дело будет для дела. Для которого и еду. Нет, вышел в пижамных штанах и тапках. И в

усах, которые по старому воинскому уставу полагались принадлежностью мундира.— По желанию носителя его, конечно.

Так это к чему я? А-а, да, как-то давно не приходилось лицезреть восход солнца. Вся эта текучка, лекции, студенты опять же... Даже моя пятитомная монография на минуту показалась детской игрой! — Это когда солнце выпрыгнуло на полкорпуса над линией горизонта, небо в восточной стороне прямо на глазах из темно-синего перекрасилось в этакое розово-голубое. Меня бабушка в таком вот розовом детстве почти целый год водила в музыкальную школу. На большее и бабушки, и, главное, меня не хватило. Но кое-что почерпнул из музграмоты. Вот и сегодня, стоя на балконе и любуясь восходом солнца, прямо-таки явственно услышал «Рассвет на Москва-реке», что из «Картинок с выставки» Мусоргского. Великая музыка, за душу берет!

Поучился я тогда год в музыкалке, но немного в эту мою душу запало. Мусоргский с его «Рассветом» в том числе. Но вот когда в школе научали нас классической русской литературе, то так получалось, что в те времена «могучих кучек», «передвижников» и всяких там «зеленых ламп» и «арзамасов» все люди вольнотворческих профессий — художники, писатели, композиторы и так далее, вплоть до присяжных поверенных — имели сдвинутый на ночь распорядок рабочего дня. Как у Иосифа Виссарионовича в послевоенные годы. То есть все эти люди высокого искусства целый световой день раскачиваются, по три-четыре часа обедают в ресторациях, вечером в пролетках едут в оперу, а то и к цыганам (в 1900-е годы к румынам) в «Яр», опосля возвращаются домой и начинают творить до глубокой ночи. Под утро засыпают, и только к следующему полудню служанка им кофе в постель подает. А шалунам и себя к кофе.

Так когда же при таком сдвинутом режиме трудодня Мусоргский мог много раз рассматривать рассвет?

Николай Андреянович с младших классов школы был рьяным бессистемным читателем книг. С годами эта страсть не угасла, а поскольку всю русскую и переводную художественную литературу он давно прочитал, то теперь, имея при доцентской службе много свободного времени, любил вечерком полежать на диване, перечитывая русскую классику, ибо современные книжки в дешево-глянцевых переплетах полагал за баловство и литературное хулиганство.

Перечитал как-то на сон грядущий печальную повесть об инвалидном капитане Копейкине, отложил книгу, задумался. А чем наша современная жизнь, университетская тем более, отличается в части мытарств, схожих с бедственным обиванием «высоких» порогов и па-

радных подъездов капитаном Копейкиным? — Да, пожалуй, и ничем, исключая замену антуража: вместо матерного хамства и тырчков в шею — холодные, официальные отказы, а принять соглашаются, да и то не всегда, только участковые надзиратели и младшие помощники городских депутатов — по табельным дням и без всяких последствий для просителей: выслушал и забыл.

И сама высшая школа. Понимаемая в совокупности всех университетов России, как тот же капитан Копейкин: робко просит на кусок хлеба хотя бы с маргарином, но дают с маслом... только фигу! Коллеги его, которым за шестьдесят, смеются со слезами в голосе: обычная, не льготная, пенсия уже превысила доцентскую зарплату и вплотную приблизилась к профессорскому жалованью...

Ночью Николаю Андреяновичу, не хуже чем полковнику Хмурову, приснилось, что декабрьскую зарплату им выдали списанными из университетской библиотеки томами классиков марксизма-ленинизма.

Именно многажды, иначе такую музыку не прочувствуешь, не сочинишь! Но оставил эти вопросы в себе. В училище и академии нас тогда хорошо к культуре общей приучали. Все музеи Москвы и Ленинграда прошагал. А как увидел знаменитый портрет, кажется, кисти Репина, Мусоргского на кресле и в халате, шлафроке по-тогдашнему, так все в голове на место встало. Как человек по-солидному пьющий, просыпался композитор рано, с рассветом: водицы испить или чего покрепче. Более уже не заснешь, вот и любовался рассветом над Москвой-рекой. Хорошо было видно, ведь Мухтар Аблязов, что сейчас в Лондоне отсиживается, украв годовой бюджет Казахского ханства, еще не успел сгородить семидесятиэтажные уродины «Москвы-сити», что половине города закрыли вид на восход светила... Так что народная мудрость «пьян да умен — два угодия в нем», здесь — это я о Мусоргском, конечно,— совершенно справедлива. Только с вполне допустимой заменой ума на талант, что, впрочем, одно и то же.

— Что это тебя, Григорий Иванович, на высокое потянуло?

— Так ведь, Николай Андреянович, отдыхать, так сказать, телом и душой едем. А они, более всего душа, в отдыхе от суетных дел культуры, высокого штиля требуют!

◆ — Да, Андреяныч, еще вкратце о двух персонажах, что в этом автобусе наблюдаются. Я, правда, с ними не раскланялся, лично не знаком, но их знаю в лицо, наслышан.

Вон, видишь, на переднем сидении, прямо за кабинкой водителя, седовласая дама? Небось помнишь последнего, он же владелец, директор ныне обанкроченного Тулуповского ликеро-водочного завода? Его знаменитая аббревиатура *ТЛВЗ* даже в местный фольклор вошла. Как это... вспомнил:

ТЛВЗ, ТЛВЗ — Как мне понять аббревиатуру...

ТЛВЗ, ТЛВЗ — Несешь ты в массы горькую культуру.

— Еще бы не помнить: и директора и особенно завод. Директор, хохол щирый, все в губернаторы рвался, перед каждыми выборами все дома, заборы и столбы своими портретами заклеивал. А завод... сам знаешь: почти напротив моего дома — через проспект. Печальное зрелище, когда иду в вечернее время, особенно зимой, домой по тротуару проспекта: ни одного светящегося окна, только уличные фонари слегка высвечивают угрюмый фасад. Да-а... А дама седовласая при чем здесь?

— А при том, что это его вдова безутешная, хворать вот начала, лечиться едет. Директор же — тоже, наверное, слышал — неумеренно жадным оказался, как стал владельцем завода. Натура такая: все мало! Жадность и подвела. Связался с подмосковной водочной мафией, что паленую водку из турецкого и польского технического спирта гонит, польстился на большие деньги, вот и попал к ним в финансовые сети. И завод процветающий обанкротил насовсем, и сам вслед за заводом того...

Но вот чего ты, Андреяныч, может, и не знаешь, так о ликеро-водочной кафедре в нашем университете, что готовились открыть под этого директора в середине девяностых. Тот не только жадюгой оказался, но и, как всякий хохол, охочим для всяких цацек: титулов и званий. Дал он тогда, как от себя оторвал, какую-то сумму на поддержание нищенствующего вуза... может и лично кому дал. Во всяком случае мигом ему степень кандидата по экономике выправили и приказ издали о сотворении кафедры для него с мудреным названием — что-то о пищесырьевой обработке. Народ ее сразу прозвал ликерно-водочной. Но тут новоиспеченный завкафедрой пал смертью храбрых, а кафедру как-то втихомолку то ли дезавуировали, то ли объединили с другой. Словом, потерялась она.

Вот и другой персонаж, что за Воротником через два ряда в нашу сторону сидит: дедок... да какой дедок, всего лет на пять-семь постарше нас с тобой. Вишь, с соседкой, что наоборот, лет на двадцать его моложе, мосты

наводит, лыжи вострит! Он через дом от меня на нашей улице проживает, а наши дворовые бабки все обо всех в радиусе полкилометра знают и разносят. Но речь не о нем, а о двух его племянниках, двух брательниках, что при нашем универе. Вернее, один, что постарше, сейчас остался, другой же в *объ... бизнес* недавно подался.

Говоря общефилософски, жизнь в вузе в общем-то спокойно течет. Более всего наш брат опасается каких-либо кардинальных перемен, а самой такой раскардинальной, даже местно-глобальной, является смена ректора. Не зря в советское время ректорствовали чуть ли не по четверти века — на радость и спокойствие всем сотрудникам: от профессоров с почти мировой известностью до технического персонала.

Вот за год с небольшим до твоего прихода в университет это-то и случилось: Генрих Семенович передал бразды правления своему преемнику. Каким бы уважением он ни пользовался в Минвузе, сколько бы раз ему, в порядке исключения и авторитета, ни продлевали срок ректорства сверх установленного, но всему приходит свой срок. Хотя Генрих Семенович, получивший отменную закалку своего организма в годы геологической молодости, и под самые восемь десятков необычайно крепок, подвижен, с отменной памятью. Мог бы еще десятка полтора рулить громоздким кораблем-университетом с двадцатью тысячами студентов, двумя тысячами сотрудников и студенческим городком в половину среднего городского же района. Словом, это воинский корпус, две дивизии, почти половина кадровой армии! Самое главное, что более чем за два десятка лет ректорствования Генрих Семенович досконально изучил все тонкости многосложной архитектуры вуза: человеческой и, так сказать, вещественно-материальной.

Но — пришло время, Генрих Семенович покинул ректорский кабинет, но прочно остался в своем родном кабинете созданной им некогда кафедры, одной из ведущих в стране по своему профилю.

Как стало сейчас во всей стране нормой — с ее динамичностью, модернизацией, знаменитыми тремя «*и*», то есть институты — инвестиции — инновации — новым ректором, при самой полной поддержке нового же, моложавого тулуповского губернатора, стал энергично-спортивный (до этого заведовал физкультурной кафедрой) профессор, первый юбилей которого, то есть пятидесятилетие, ожидается только при грядущем переизбрании на второй срок.

Опять же даже не столько смена ректора взбудораживает двухтысячный коллектив сотрудников (студентам на все это глубоко плевать), привыкших к относительному покою и ровному течению вузовской жизни. Здесь другое; ибо по уставу всех университетов и крайне редких оставшихся без переименования институтов при перемене ректора в отставку подают все прежние проректоры и руководители важнейших административных служб. А это уже не шутка, не формальность! Как говорится, до ректорского кабинета далеко, а конкретный начальник, проректор или завотделом, есть твоя служебная судьба, карьера или тихое прозябание до пенсиона...

В нашем же университете ситуация осложнилась тем, что новый ректор в силу своей относительной молодости не успел пройти все положенные, «обкаточные» ступени карьеры: декан или начальник отдела, заместитель проректора, собственно проректор по направлению, первый проректор. Очевидно, в силу этого, не привыкнув семижды семь раз отмерить, прежде чем принять решение, новый ректор поначалу выдвинул на высокие должности своих ровесников или даже лет на десять помоложе, вроде как понимающих динамичный ритм современной жизни. Вузовской в том числе. Хорошо, вовремя спохватился и уже через полгода почти половину молодых «выдвиженцев», да и не очень молодых, но не прошедших все огни, воды и медные трубы университетской административной жизни, от высоких дол-

жностей отстранил. «Второй призыв» этим опытом уже обладал в той или иной степени, обстановка в вузе начала стабилизироваться.

Так вот к чему я веду. Как раз в «первый призыв» оба племянника вот того весельчака, что окучивает сорокалетнюю, молочно-восковой спелости красотку, крашенную под естественную блондинку, попали. Оба в середине четвертого десятка, между старшим и младшим где-то пару лет разницы, почти погодки. Оба шустряки новой формации. Доселе старший дослужился до средневысокой факультетской должности, а младший, склонный к торговле, чем-то по университетскому снабжению ведал. Знаю, что Генрих Семенович, уважающий на диссертационных банкетах закусывать свои умеренные одну-две стопки малюсенькой, слегка подкопченной селедочкой с узловского рыбкомбината, всегда хвалил: сначала селедочку, а затем, сделав небольшую паузу, младшего брательника-снабженца.

Оба брата, планируя свои карьеры, но в правление страной Бориса Николаевича, приохотились играть в лаун-теннис, партийно-государственную спортзабаву. В этот же теннис, но еще со студенческих лет, увлеченно играл и будущий наш новый ректор. Там, на университетском корте, во время разминок перед игрой, особенно, после ее окончания, во время перерывов в сетах, или как там у них это называется, он и обратил внимание на двух энергичных молодых людей, вполне здраво, толково рассуждающих о модернизации современного высшего образования (старший) и укреплении материальной базы университета (младший).

...А тут из Минобраза, из околоправительственных *СМИ* так и валят валом: смело двигать молодых и динамичных в управленцы! Именно в этом возрождение Великой России со всеми инновациями, инвестициями, модернизациями и прочими толерантностями.

Словом, получили оба после, как сейчас принято говорить, инаугурации нового ректора высокие посты;

старший — по учебно-административной части, младший — по хозяйственно-снабженческой. Но вскоре ректор пожалел о своей поспешности. Хотя и чистокровные русаки, брательники тотчас взяли себе за пример веселых ребят абрамовичей и дерипасок; мухтаров аблязовых тож. Не прошло и трех месяцев, как брательники стали подкатывать к университетским корпусам на новеньких «мерсах» самой последней модели, да еще с блатнющими, вызывающими номерами. По мнению все знающего в современной жизни моего аспиранта Эдика такие номера гаишники оценивают в двенадцать тысяч «деревянных».

Дошло до полной непристойности. Ректор тогда ездил еще в своей прежней, недорогой корейской машине, этаком усеченном кабриолете, в каких разъезжают совершенно ничтожные банковские «офис-креветки». И вот к огражденной шлагбаумом площадке перед парадным входом (только для начальства — с магнитными ключами!) в главный корпус подъезжает старший брательник и горделиво ставит его впереди «кореянки» ректора! И секретарш братцы завели себе с самыми длинными в универе ногами.

...Еще через три месяца брательнков враз снимают с должностей. Старшему в утешение дают второстепенную кафедру на малопрестижном факультете, а младший, махнув рукой, уходит и вовсе в частную торговлю, прикопив стартовый капитал за полгода службы в университете.

Разумеется, уволили их не за вызывающие «мерсы». Просто старший, едва вступив в должность, тотчас продал полсотни бюджетных мест на прежнем своем факультете платежеспособным бездельникам из расчета: вы мне предоплатой до конца срока «учебы» половину официальной стоимости платного обучения, а я вас на бюджет. Младшенький же активно начал использовать принятую сейчас систему тендеров по закупке материалов и оборудования для университета. Собственно эта система в стра-

не для того и придумана. В идеале тендер — закупка по конкурсу по наиболее дешевой цене; на практике — по наиболее высокой цене с наименьшим «откатом». Но это частности, дошедшие до широких масс. А были гешефты у брательников покруче. Понятно, сор из избы выносить не стали. Опять же как сейчас принято.

Так что, Андреяныч, наше путешествие проходит с приятными во всех отношениях попутчиками. Ого, у нас еще почти сорок минут подлетного времени. Я все болтаю и болтаю, а ты молчишь. Расскажи и ты что-нибудь занимательное, а?

— Расскажу... про помойку.

— Какую помойку? — Полковник даже слегка подавился глотком неподдельного кизлярского коньяка,— тут мы все о культуре, искусстве, о Мусоргском, а ты о помойке. Вроде и опохмелились чуток; чего это тебя в негатив, приятель, потянуло?

— Почему в негатив? Как раз наоборот. Видишь ли, Иваныч, пришел я к выводу, что современные наши городские помойки и есть культурные центры общения людей...

— А ну ладно, про помойку, так про помойку. Давай, трави, как у вас на флоте говорят.

КОЛЛОКВИУМ НА ПОМОЙКЕ

◆ Перейдя на преподавательскую службу в университет, Николай Андреянович на сто восемьдесят градусов поменял утренний и вечерний маршруты: на работу и с работы. Если доселе, выйдя из подъезда, он сворачивал четко влево и торопился на недалеко стоящий служебный автобус, что через весь немалый город вез его с коллегами в «лес», то есть в загородное НПО «Меткость», то теперь он с первого сентября до конца июля, исключая выходные и праздники, брал курс направо. Усмехался сам себе: был ты, Андреяныч, ходоком налево, а стал — направо!

Далее, закурив утреннюю сигарету, по внутриквартальному тротуару проходил мимо палисадника соседнего дома и еще одного, который глухим углом сращивался с перпендикулярным к нему таким же пятиэтажным домом, пронумерованным уже по другой улице. На угловом стыке в трехкомнатной квартире первого этажа располагался *ЖЭК* их квартала. Пренебрегая протоптанной тропинкой кратчайшего пути, четко, с поворотом *на-а-лево*, огибал внутренний угол сросшихся, как сиамские близнецы, пятиэтажек, затем по тротуару же, между торцом «перпендикулярного» дома и скороспелой избушкой ночника «Трианон — 24» выходил на «перпендикулярную» же улицу, через дом впадавшую в проспект, а через пару минут ходьбы нырял в переход через проспект и выходил прямо на свой первый учебный корпус «пентагон». Вся ходьба, даже в октябрьский проливной дождь или в раннефевральскую вьюгу-метель, занимала менее десяти минут. «Половина подлетного времени американских крылатых ракет и «томагавков» из Европы до Москвы»,— как сказал бы коллега полковник Хмуров, приучивший всю их ракетостроительную кафедру к образному военному мышлению.

...Огибая внутренний домовой угол, Николай Андреянович боковым зрением фиксировал помойку, располагавшуюся напротив угла с *ЖЭК*-овской конторой, на расстоянии метров сорока на небольшом пустыре. Как матерый инженер, Николай Андреянович уточнял для себя: помойка расположена в сорока метрах, плюс-минус пять, от вершины внутреннего домового угла четко на биссектрисе этого угла. Естественно, условно проведенной. Далее, миновав помойку, биссектриса упиралась за пустырем в ограду детского сада. Поскольку детсад имел специализацию по части заикающихся детишек, то он один из немногих в их районе уцелел в динамичные девяностые годы, когда здания этих богоугодных заведений почему-то облюбовали но-

восозидаемые полукриминальные банки с уставным капиталом в стоимость детской же коляски...

А миновав с опаской — от ребячьего гомона — садик, биссектриса упиралась во вторую помойку их двухпомоечного квартала... Но этот санитарно-коммунальный объект как раз был хорошо знаком нашему новоиспеченному доценту: географически она являлась ближайшей к его дому, туда он по вечерам и ходил с мусорным ведром — его забота по разнарядке домашних дел.

Обе помойки, равно как и другие в городе Тулуповске, были братьями... то есть сестрами-близнецами и предметом гордости руководителя соответствующей коммунально-хозяйственной службы Тулуповска и бессменного городского депутата Прокопайко Дмитрия Федоровича. Еще на излете бывшей родной советской власти, ныне тоталитаризма, он склонил горисполком к унификации помоечного хозяйства. На одном из метизных заводов, которыми изобиловал промышленный тогда город, по централизованному заказу были изготовлены мусорные контейнеры, по размеру и, главное, по абрису формы, очень схожие с английскими громоздкими танками времен Империалистической войны. Только без пулеметной башни сверху и без колес и гусениц снизу. Такой танк воочию Николай Андреянович некогда видел на родине своей матери, в Архангельске, будучи там в командировке. Так сказать, памятник-напоминание об интервенции Антанты в Гражданскую войну. Сходство дополнялось и тем, что посудины эти были сварены из полудюймовых, почти что броневых листов. По всей видимости, в тогдашнем, военно-промышленном Тулуповске, другим железом брезговали.

...Николай Андреянович усмехнулся: вечно живая Антанта! Только сегодняшним утром услышал из кухонного репродуктора: вновь французский Саркази подписал с «двуспальным английским левою» договор об усилении военного сотрудничества.

Другим же, не видевшим староанглийского танка, контейнеры казались похожими на *БМП*. Кому что кажется.

Начав трудиться в университете, вынося мусор в родную и дважды за день проходя мимо ранее малознакомой ему *ЖЭК*-овской помойки-танка, Николай Андреянович, несмотря на их близнецовую похожесть, невольно отметил и существенное различие.

Родная помойка ютилась на юру, зажатая торцами двух пятиэтажек. Пожалуй что знаменита была она в квартале тем, что постоянная зловонная лужа около нее не высыхала даже в самые знойные июни-июли; даже в только что минувшее лето, когда американцы испытывали на Аляске станцию *HAARP* глобального управления погодой и устроили для европейской России двухмесячную сорокаградусную баню, лужа позеленела, но не сдалась. Зимой эта лужа, к ее сожалению, замерзала, но коварно превращалась в каток. То есть в любое время года клиент помойки, опасливо обходя лужу или ледяной каток, заходил к бронированному монстру с тыла, откуда и выметывал содержимое ведра через высоту двухметровой стальной стенки.

А вот *ЖЭК*-овская совершенно другое дело: расположена просторно, на пустыре, никаких луж, главное — вокруг ее всегда многолюдно. Но откуда солидный такой пустырь, причем явно часть его занял детсад, построенный уже в обжитом пятиэтажном квартале — пустырь посреди плотно застроенного места?

Докуку эту сняла супруга, поселившаяся здесь еще школьницей, когда пятиэтажки еще только начали возводить (Николай Андреянович уже под тридцать лет жил примаком) заместо сносимого частного сектора: «Так ведь там раньше зеленка находилась»! И здесь Николаю Андреяновичу все стало яснее ясного.

◆ Мигом он вспомнил давний свой приезд в Тулуповск после окончания школы в Заполярье. Вышло время северного житья-бытья, и вся их большая семья

Болонский сон № 169. «Полковник наш рожден был хватом: слуга отцу, отец солдатам»,— скандировала в восемнадцатом по счету штурме Болонского университета лейб-гвардия Добровольческой армии. Сам Хмуров возглавил атаку на брустверы марокканских наемников университета. Даже в пылу боя аналитический ум Полковника не переставал работать. На этот раз он мучительно искал разгадку парадокса, отмеченного им еще в тулуповскую преподавательскую бытность — из анализа наблюдений знакомых преподавателей тех факультетов, на которых обучалось много

студентов из нищих, то есть не имевших месторождений нефти и газа, мусульманских ханств и султанатов. Как ни странно, именно эти студенты, в отличие от наших оболтусов — не по уму, конечно, а по лени и отвращению ко всему укладу нынешней жизни,— с азартом воспринимают балльную систему обучения. Постоянно приматываются к преподавателям относительно точной цифры выставленных ему баллов на самом ничтожном промежуточном зачете. А между собой, порой даже забывая о вечернем намазе, в своей общаге до хрипоты и легких драк обвиняют друг друга в незаконном получении 78 баллов, тогда как у него целых 79! И, не дай аллах, если сойдутся шиит и суннит!

...И в пылу боя с марокканцами дошел-таки до отгадки: чем больше склонна религия или нация к торговле, тем понятнее их представителям цифровая система оценки знаний; они, как и бараны, выражаются в цифрах.

собиралась по ранней осени сюда переезжать: дядька Лазарь Федорович, муж сестры Николкиного отца, за умеренную плату заканчивал строительство-расширение своего дома в Косолучье, рабочей окраине Тулуповска — под семейство Андреяна. Захотелось Лазарю на старости лет пожить обок с родичами. Да и северные деньги Андреяна нелишними были при их с женой пенсиях и сыном, сорокалетним инвалидом-надомником.

А вот Николку отправили к дядьке на постой раньше, сразу после выпускных экзаменов в школе: осмотреться, готовится к экзаменам в Тулуповский политехнический институт и далее их сдавать.

И весь июль с августом все дни, исключая экзаменационные, где он без напряга получал отличные оценки, проходили по четкому графику: с утра до обеда подготовка к экзаменам, затем пару-тройку часов Николка осваивал строительные специальности — помогал дядьке и двум наемным рабочим достраивать новую половину дома и отливать из шлакобетона два хозяйственных сарая на условно поделенных на два семейства приусадебных сотках. Затем, до ужина снова учебники и пособия для поступающих в вузы.

С наступлением вечера — не светового, но по времени — дядька звал Николку из отведенной ему небольшой «своей» комнатки смотреть футбол: почти весь июль-месяц по телевизору транслировали матчи знаменитого чемпионата мира о футболу, где наша команда впервые заняла полупризовое четвертое место, а героический Лев Иванович Яшин вратарил в матчах такого ранга в последний раз.

Часов в одиннадцать, когда летнее солнце уже зашло за горизонт, но и оттуда еще слегка продолжало освещать косолученские дома и улицы, Николка выходил подышать перед сном праведника, пройтись вдоль короткой своей улицы с одним рядом домов, схожих с дядькиным; вместо второго ряда порастал молодой, некультивированный еще парк.

В этих прогулках скоро познакомился с соседскими ребятами. Тем более, что они от родителей, а те от Лазаря и тетки, уже знали все о Николке и скоро приезжающем его семействе. А с Вовкой Семченко, жившим в крайнем доме их однорядной улицы, и вовсе сорешился, благо тот тоже в этом году окончил школу, интересы у них общими оказались. Правда, Вовка имел в запасе еще полтора доармейских года, собирался устроиться лаборантом на металлургический завод, окормлявший косолученский поселок и ждать на следующее лето направления в юридический институт в Саратове, которое обещал «устроить» милицейский майор из косолученского отделения, которому отец Вовки срубил бревенчатую дачу.

«Вовка — парень бойкий, но не хулиганистый, себе на уме, даром что родители его из выселенных после войны западных хохлов,— как-то завел разговор Лазарь, приметив в свете заходящего солнца беседующих у ворот дома племянника и соседского парня,— вот послезавтра чемпионат заканчивается, Беккенбауэр немецкую команду в чемпионы все же выведет, а ты с утра до ночи над учебниками не корпи, и так уже готов к экзаменам. Давай-ка после ужина гуляй с тем же Вовкой. Тебе здесь жить теперь, надо нравы и порядка здешние освоить. У вас там на Севере все другое было. И голова к экзаменам свежей должна себя чувствовать. Главное — не переучись!»

А Николка вспомнил наставления отца при отъезде в Тулуповск: дескать, Лазарь не такой простой, каким старается казаться. В жизни многоопытен, все испытал: взлеты и падения оземь. Двадцать лет по хозяйственной части в органах служил, в войну до высокого чина в *НКВД* дослужился, а потом на чем-то попался, опять же по хозяйственной части: лагерь, высылка на поселение в Тулуповск, работа горновым на домне... При Сталине все одинаково, независимо от чина, перед законом были равны. Поэтому ты к его словам прислу-

шивайся. Прибаутки мимо ушей пропускай, а по делу — наматывай на ус.

...«Что ж,— решил Николка,— буду здешние нравы осваивать под руководством Вовки».

◆ И начал Николка-абитуриент выходить из дядькиного дома на однорядную свою улицу еще засветло, все же после ужина прорешав по паре задачек из пособия для поступающих — по математике, физике и химии, тогда обязательной при поступлении во все технические вузы: хотя уже страной «рулил» молодцеватый Ильич Второй, но хрущевский скорректированный девиз «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация и *химизация* всей страны» еще действовал по накатанной.

...Доходил до Вовкиного дома, стучал в окошко. Затем до темноты, сидя на лавочке у ворот, либо же неспешно прогуливаясь по молодому парку, они мечтательно рассуждали о будущей учебе в институте, о жизненных планах. Николка рассказывал о флотском Севере, а Вовка ненавязчиво поучал новичка в части местных порядков: общегородских и автономных косолученских поселковых. После жаркого дня налетал приятый предночной ветерок, шумел в десятке метров молодой парк, со стороны открытой танцверанды Дома Культуры металлургов доносилась ритмическая музыка твиста, только-только по всей стране сменившего возрожденный было чарльстон... Свежайший воздух городской окраины, ласковый ветерок, далекая веселая музыка настраивала сдружившихся ребят на мечтательную романтику. Юность, благодать!

«Хорошо бы на танцы в *ДК* сходить, но здесь принято со своей чувихой там появляться,— как-то заметил Вовка,— а моя школьная подруга сейчас в Москве, в Текстильный институт поступает, модельершей не терпится стать. А у тебя еще такой не образовалось. Ничего, поступишь в институт, сразу из своих студенток найдешь. Или вон в четвертом нашем доме у от-

ставного майора, что недавно прибыл со службы в Венгрии, три дочери, все симпатичные, даже красивые. Средняя как раз под тебя. Но сейчас ей не до танцев — зубрит к экзаменам, не хуже тебя, в наш пединститут. Сегодня уже поздно, а завтра давай засветло двинем на нашу зеленку, пять минут ходьбы, за Севастопольской улицей, в волейбольчик разомнемся».

Николка согласно кивнул, но расспрашивать — что такое зеленка? — не стал. Дескать, еще совсем дикарем сочтут, с Северного полюса прибывшим в цивильный город!

...На Томку же, среднюю дочь «майоровской», как их по-деревенски называла вся улица по чину главы дома, семьи он и сам глаз положил, даже пару раз поговорил об их абитуриентских заботах. Она же собиралась на филологический факультет и даже дала почитать вошедший в том году в моду роман «Консуэло»: «На штамп внимания не обращай»,— хихикнула она,— не успела перед отъездом в библиотеку сдать!»

Действительно, на первой и шестнадцатой страницах зачитанной книги стоял библиотечный штамп: в/ч такая-то, город Секешфехервар.

А о зеленке спросил у дядьки Лазаря. Из его обстоятельного рассказа с историко-культурными экскурсами (полковники НКВД, даже хозяйственники, много чего в жизни знали), а потом и личного знакомства с зеленкой, Николка составил самое полное представление об этом предмете.

◆ Получалось так, что где-то сразу после военного лихолетья, при восстановлении разрушенного и строительстве новых домов, как многоэтажных, так и частно-поселковых на окраинах городов, архитектурные управления в генеральных и местных планах застройки обязательно предусматривали, следуя директиве партии и правительства, в каждом квартале место под своеобразную культурно-политпросветительную и физкультурно-оздоровительную площадку.

Такая же располагалась и в их квартале частной застройки, примыкая к соседней улице Севастопольской. Размером с половину футбольного поля, обсаженная по периметру уже подросшими деревьями, отделявшими ее от домов и приусадебных участков улиц Севастопольской и Горновой. За эти деревья и травяной покров и прозвали эти площадки зеленками. По крайней мере так они именовались в просторечье в Тулуповске.

Две трети зеленки занимала физкультурная часть: в середине ее небольшое поле для дворового футбола — с сетчатыми воротами. С одного края — волейбольная площадка, но сетку на ночь и на осень-зиму убирали. С другого — баскетбольная с простенькими щитами и корзиной, поднятыми на вкопанных в землю столбах. Остальную территорию зеленки занимала агитплощадка: с десяток рядов длинных досчатых скамеек на коротких пеньках-столбиках. Перед ними сколоченная из горбылей, но оструганных с фасада и покрашенных охрой, сцена-подиум. С правого края сцены — трибуна, сколоченная уже из досок, впрочем, простых, нешпунтованных. Полупериметром подиум и скамейки охватывают прибитые к двухметровой высоты столбам фанерные щиты с централизованно нарисованными плакатами: пункты морального кодекса строителя коммунизма, портреты Маркса — Энгельса (вместе), Ленина, свежей краской — Леонида Ильича и почему-то Отто Вильгельмовича Куусинена, бывшего коминтерновца и генерального секретаря компартии Финляндии в советской эмиграции. Где он и остался членом *ЦК*.

Самое занимательное: Томка майоровская, которую они с Вовкой как-то уговорили отвлечься от зубрежки и сходить на зеленку — послушать выступление молодых поэтов из литобъединения при *ДК* металлургов, заметила: у них в военном городке в Секешфехерваре на агитплощадке были те же самые портреты вождей, только вместо Брежнева, понятно, Хрущев, а заместо кодекса — воинская присяга. Но Куусинен тоже с

финской суровостью смотрел на бойцов Южной группы советских войск.

Еще на диагональных углах зеленки располагались водоразборные колонки — для жителей Севастопольской и Горновой: частный сектор не имел водопроводной сети. Газ подвели, когда Николка заканчивал институт.

◆ В компании с Вовкой, пару раз за то абитуриентское лето и с зазванной ими Томкой, Николка познакомился с вечерней жизнью зеленки. Но уже учась в институте, с прибывшей в Тулуповск семьей, он лицезрел ее и утром, и днем. Дело в том, что его домашней обязанностью стало назначенное матерью водоснабжение. То есть он выкатывал за веревку из ворот колесную тачку, на площадке которой закреплен сорокалитровый молочный бидон, и тащил ее за собой к ближайшей колонке. Ближайшая располагалась через два дома улицы и далее через главную дорогу Косолучья. Почему-то колонку устроили на той стороне дороги, где стояли пятиэтажные дома со своей водой. Поскольку во всем Косолучье по поселковой простоте светофоров не имелось, то приходилось дважды — туда и обратно — выжидать паузу между бешено мчащимися в сторону металлозавода и обратно тяжелогруженными грузовиками. Это надоело, Николка переориентировался на колонку в углу зеленки. Путь туда в два раза длиннее, зато по утрамбованным земляным тротуарам: те же два дома до верхушки их улицы, затем влево до верхушки же соседней, параллельной ихней Севастопольской — и вдоль нее до колонки. А от нее вся площадка как на ладони. Пока бидон наполняется, глаза фиксируют все там происходящее.

Это ведь самое модное от восхода и до захода солнца место большого квартала с семью улицами шлакобетонных — дармовой стройматериал с металлозавода — частных домов, домиков и даже домищ — в основном у выселенных с Западной Украины хохлов. Как пояснял дядька Лазарь — это мирные люди, а выселя-

ли их оттуда чтобы лишить бандеровцев людского резерва. И, конечно, заполнить нехватку работяг в городах центральной России.

С конца апреля, когда земля подсохнет от сошедшего снега, до второй декады октября, особенно если тот выдастся без особых дождей едва веселое солнце выпрыгнет из-за самого окраинного, такого же частнособственнического сорок восьмого квартала и высветит вышки далеких отсюда домен, градирен и труб металлургического завода, почти что комбината, на зеленке появляются бабы из соседних с ней домов. Почти все население квартала из деревенских: наших и хохлацких. Сейчас им не надо доить коров, разве что некоторые задают хлебова свиньям, которых воспитывают в шлакобетонных же хлевушках. Но переучиться они не могут, а потому встают спозаранку, идут к обеим колонкам за водой, снимают высохшие за ночь простыни и прочую мануфактуру, сматывают бельевые веревки, с позднего вечера растянутые между плакатными столбами.

Перерыв людей на завтрак и уход на работу используют коты, также расходящиеся по домам после ночных бдений на лавках и трибуне зеленки. Они торопятся; во-первых, к своим завтракам в дома поспеть; во-вторых, успеть разминуться с собаками, которых хозяева выпускают на зеленку порезвиться за верную ночную службу во дворах. Вослед за псами за ворота выходят опять же бабы. Они зорко посматривают поочередно на два дома: один на Севастопольской, в котором проживает их участковый Пал Никитич, другой на Горновой, где уже опохмеляется самогоновкой Трофим — штатный дворник и вообще ответственный за все на зеленке.

Только-только Трофим закусит огурцом и замaтерится, направляясь с метлой к выходу из дома, либо заскрипит калитка со стороны владения Пал Никитича, как хозяйки начинают выкликать своих собак и загонять во дворы. Иначе участковый громко начнет гро-

зить протоколом и штрафом. Впрочем, больше для острастки и поддержания авторитета власти: его овчарка Верный тоже иногда утром выпускается на зеленку, где на правах своего размера и значимости хозяина руководит всеми окрестными псами «дворовой» породы.

А увидев разъяренного Трофима с размахренной метлой, собачки, поджав хвосты, и сами в панике разбегаются по домам. Тот же орет во всю ивановскую, пробуждая самых сонь двух-трех улиц квартала: «Мать вашу перемать! Опять зас... всю зеленку! Доберусь я до вас, шелудивых!» — И далее в той же лексике и тональности.

На площадке остается один Верный. Со строгим выражением морды лица он наблюдает, как Трофим выметает между лавками семечковую шелуху и обертки от конфет. Затем участковый пес, подняв морду, принюхивается по линии рассветного ветерка, степенно заходит за сцену, выносит оттуда в зубах бутылку «ноль-семь» из-под самого дешевого портвешка, кладет ее под ноги негласного подчиненного своего хозяина. Ориентируется он на сходство запахов от Трофима и бутылки... Затем направляется к угловому дереву площадки и приносит водочную тару. «Ну, собачка, ну, молодец! — восхищается Трофим,— вот и на пивко мне собрал. Иди домой, умница, тебя, наверное, Катерина Ивановна заждалась с завтраком. Да-а, жаль, что ты водовку и самогоновку не потребляешь!»

◆ Проводив мужиков на работу, дождавшись пока озлобленный с утра Трофим выметет вчерашний мусор с агитплощадки и уйдет в ближний «трестовский» магазин обменивать бутылки на пиво, бабы выходят на зеленку, кучкуясь группками по ее периметру, судачат.

Наискосок через зеленку идет Пал Никитич с потертой кожаной папкой подмышкой, приветствуя соседок прикладыванием ладони к милицейской фуражке. Бабы уже знают: идет в двенадцатый дом по Горновой, куда позавчера вернулся с двухгодичной отсидки Витька

Беседуют в приватной обстановке — встретились на юбилейных именинах у общего дальнего, но радушного родственника — матерый «холодный» профессор Шерстобитов с кафедры ракетостроения, бывший последний парторг университета, и молодой, щеголеватый доктор политических наук Перебежкин. Из того же университета, с кафедры политологии, разумеется.

— Ну и... на какую, позвольте поинтересоваться, тему ваша докторская диссертация была сочинена?

— Все смеетесь, Владимир Васильевич! Не можете забыть свое совковое парторгство? А тема моя актуально звучит: единство партии и народа как залог и базис процветания среднего класса.

При столь памятных словах «партии и народа» Шерстобитов вздрогнул:

— Это какой, вдругорядь позвольте поинтересоваться, партии? Их сейчас много, а вы именуете в единственном числе.

— Понятно какой: правящей на текущий момент, то есть на момент защиты диссертации.

— Мд-а-а. А если, к примеру, по согласованию, конечно, с руководством высшим, другую партию назначат правящей? — Перезачтут вам эту диссертацию?

— Да хоть десять раз пусть переиначивают! Диплом он и есть диплом при всех режимах. Я вот, между нами, родственниками, говоря, за основу своей докторской взял диссертацию своего завкафедрой на схожую тему: «Единство нашей партии и народа как залог и основа процветания рабочего класса». Только терминологию поменял и ссылки на Маркса — Энгельса — Ленина заменил цитатами из Троцкого, Кашпировского и Грабового.

Манохин, по дури молодой ввязавшийся в свадебную драку на улице Бункерной. Кого-то там слегка порезали, а пьяный и мало что соображающий Витька зачем-то подобрал скинутый финку-нож, с которым его и взял подъехавший наряд.

Идет Пал Никитич по долгу службы и по человечности принять покаянную исповедь злосчастного Витьки, отпустить навешанный на него чужой грех, ободрить и наставить на путь истинный. Опосля и всему кварталу объявить: исправленному, мол, надо верить! Сам Пал Никитич худощав, по-военному подтянут, с добрыми пшеничными усами. Первого послевоенного армейского призыва, прослужил со сверхсрочной восемь лет в погранвойсках — вернулся с щенком овчарки, папашей нынешнего Верного, в звании ротного старшины при пограничной же медали с зеленого цвета колодкой.

Уже в военкомате, где он вставал на учет, ему дали направление в райотдел косолученского рабочего поселка-пригорода, а там, обрадовавшись, мигом определили участковым в его родной, еще только на треть застроенный квартал. Через полгода упали две звездочки на погоны, а через десять лет добавилась еще одна. Теперь старлеем до пенсии.

...Часам к одиннадцати зеленка заполнена людьми и детским гомоном: молодые мамаши, двигая коляски с сосунками, попарно разгуливают по спортивной площадке. Октябрята и младшие пионеры вьюнами вьются и этакими чертенятами скачут вокруг сцены и лавок агитплощадки. Но вот со стороны Горновой на зеленку, прямо к сцене, въезжает старенький грузовик поселкового коммунхоза. Пристойно матерясь, ведь дети и бабы тотчас вокруг скучковались, спрыгнувшие с кузова работяги под руководством вышедшего из водительской кабины техника разгружают грузовик: свежеотесанные столбы, лопаты, ящики картонные с чем-то бьющимся осторожно с кузова снимают. Бабы довольно улыбаются, а младшие пионеры в восторге заходятся в криках:

наконец-то дошла коммунхозовская очередь до их квартала: теперь зимой, когда футбольное поле зеленки расчищают от снега и всем кагалом заливают каток, уже не будут вечером, в темноте, только в отсветах, из окошек домов, носы об лед расшибать!

А между тем работяги выкапывают аршинной глубины ямы по обе стороны сцены и впритык к ней, а затем по углам зеленки на ее Севастопольской окраине. В ямы устанавливают осмоленными концами, обернутыми рубероидом столбы с уже установленными поверху их простенькими фонарями — жестяными конусами с лампочкой внутри. За это время грузовичок уже обернулся, привез щебенку для грунтовки ям, кирпичный лом для их же засыпки и бадью с цементным раствором. На другой день тот же грузовичок привозит электрохозяйство; уже другие рабочие, про которых сочинен обидный стишок-загадка «с когтями, но не птица, летит и матерится», залезают на новоиспеченные столбы, тянут «воздушки» от них к ближайшим фонарным столбам на Севастопольской и Горновой. В середине дня на старенькой же райкомовской «Победе» приезжает партийный инструктор и велит рабочим укрепить на растяжке между столбами со сторон сцены сразу — один над другим — два кумачовых полотна. На одном золотыми буквами значатся бессмертные слова основоположника: «Искусство принадлежит народу». Прочитав же содержание второго, бабы постарше суеверно, но незаметно осеняют себя крестным знаменем: «Политическая грамотность народа — залог скорого построения коммунизма». И подпись: «О. В. Куусинен». Шепчутся между собой, опасливо оглядываясь на довольно потирающего трудовые руки инструктора: да, мол, бабы, наверное этот Куськинен будет следующим партийным главным секретарем. Дай, конечно, Бог здоровья и многих лет Леониду Ильичу...

И снова грузовичок обернулся, а под двойным руководством инструктора и техника на правом, если

смотреть с лавок на сцену, столбе укрепили тарельчатый громкоговоритель, соединив тож «воздушкой» его с тем же ближайшим фонарным столбом на Горновой. Пониже электрических протянуты и провода радиовещания. От громкоговорителя по столбу вниз протянули провод к включателю-выключателю, помещенному в жестяную коробку с крышкой на простеньком навесном замочке. Инструктор торжественно вручил ключ от замочка Трофиму, разъяснив: включать радио с девяти утра до двух дня, а вечером с семи до одиннадцати.

«А если война начнется, например, в шесть вечера? Как оповещать?» — съехидничал кто-то молодой из толпы зевак. Инструктор, на сей раз прибывший со своим помощником, не поддаваясь на провокацию, тихо сказал ему: «Впиши-ка, Егоров, в план *наших* мероприятий до конца года две дополнительные политбеседы в этом куркульском квартале».

◆ Но это экстраординарные три дня, когда нормальная жизнь зеленки прервана такими важными событиями. В размеренной же обыденности к часу дня мамаши с колясочными младенцами и малышами, последние с угрозой легкой порки, расходятся по домам обедать. Уходят и хозяйки, все мучимые догадками о какой-то тайной роли Отто Вильгельмовича Куусинена в Кремле. Правда, на днях студент пединститута Серега Варфоломеев из седьмого дома на Севастопольской, услышав бабьи толки, рассмеялся: «Если Куусинен еще жив, о чем мне неизвестно, то ему должно быть лет восемьдесят. Тут какое-то недоразумение у райкомовцев вышло».

...То ли Серегины слова через баб достигли нужных ушей, то ли еще что, но вскоре растяжку с изречением Отто Вильгельмовича сняли, а его портрет заменили (тоже волевым) лицом Михаила Андреевича Суслова — главного идеолога партии и ответственного за движение культуры в массы. Это бабам Серега пояснил, чтобы и здесь голову не ломали.

После обеда пионеры с октябрятами убегают в

ближний — через главную косолученскую дорогу и мимо поселковой больницы — «трестовский» кинозал на детский, десятикопеечный сеанс. А зеленку плотно обкладывают комсомольцы: старшие школьники, что уже брезгуют пионерлагерями, студентки (студенты же летом в стройотрядах) и отоспавшаяся после ночной смены у домен рабочая молодежь. Ребята гоняют-бросают мячи на всех трех спортплощадках зеленки: кому что нравится. Умные студентки, что в очках, и старшие школьницы, живописно в своих цветастых юбках-платьях рассевшиеся по скамейкам, читают свежие номера «Юности» и взятые в библиотеке *ДК* металлургов переводные французские романы Франсуазы Саган и стихи Евтушенки с Вознесенским.

Вздремнув после обеда с рюмкой-другой самогоновки или казенной, выходят на променад и взрослые мужики. Сначала это работяги, что идут в ночную доменную смену, ближе к вечеру их сменяют пришедшие со смены дневной и поужинавшие. Тоже с рюмками. В доменном цеху иначе не потянешь. И те, и другие забивают козла в домино на высадку и под малый интерес навроде пива. Длинный досчатый стол на две четверки игроков и лавки при нем на врытых в землю столбиках принайтованы в самом правом углу зеленки со стороны Горновой. Два матерых клена, посаженных еще неким довоенным мичуринцем и не тронутых при планировке микрорайона, создают доминошникам освежающую тень. В документации на зеленку стол значится как «уголок шахматно-шашечных игр с соответствующим им инвентарем». Впрочем, иногда здесь действительно играют в шахматы, но обычно в шашки. В шахматы же обычно сражаются политически грамотный Серега Варфоломеев и учитель на пенсии Григорий Кузьмич с Индустриальной улицы, что сразу за Горновой и Доменной. Доминошники ворчат, но, потеснившись, уступают им краешек стола, уважая староиндийскую забаву...

К этому времени возвращается из кино ребятня,

мамаши с грудничками вновь выходят на прогулку, бабы, сготовив ужин, тоже кучкуются по периметру зеленки, ожидая мужиков с дневной смены.

Но это все в обычные дни, то есть не в выходное воскресенье (суббота тогда еще не стала нерабочей) и не в среду — всесоюзный партийный день. Еще имел место быть всесоюзный же рыбный день — четверг, но он относился только к общепиту.

В воскресенье и в среду, тем более в табельные дни праздников, особенно Дня металлургов, обычное расписание деятельности зеленки меняется. Наименьшие изменения в среду: между полуднем и двумя часами дня приходит в сопровождении давешнего Егорова из райкома лектор из общества «Знание», вернее, его областного отделения вчерашний еще выпускник истфака пединститута. Засматриваясь на коленки читающих Евтушенку девиц, четверть часа что-то путано рассказывает подтягивающимся на агитплощадку бабам и пенсионерам об особенностях взаимоотношения Никарагуа с Гондурасом и миротворческой роли здесь *ЦК КПСС* и лично дорогого товарища Леонида Ильича Брежнева. Затем он представляет уже профессионального лектора от «Знания», который хорошо поставленным голосом в течение часа — и еще полчаса ответов на вопросы заинтересовавшихся пенсионеров — занимательно рассказывает об успехах советской космонавтики и, конечно, о личном вкладе дорого товарища...

В воскресенье, если день «летный», то есть не дождливый, приезжает целая агитбригада. Сначала кто-либо из поселкового совета отчитывается перед трудящимися квартала о планах местного благоустройства и скором подведении в их квартал газа. Затем на сцену выходит баянист-виртуоз от тулуповской филармонии. Ему аплодируют. Затем под аккомпанемент уже своего баяниста поют и пляшут три-четыре девицы в холстинковых сарафанах и кокошниках — из музыкально-танцевальной студии *ДК* металлургов.

По табельным праздникам, а в День металлурга — храмовый праздник квартала и всего Косолучья с прилегающими селами и деревнями — и с накрытием столов, выносимых на зеленку из окрестных ее домов, веселье с полудня до темноты.— У Трофима-дворника с шести утра; ради такого дня он похмеляется не домашним напитком, но дорогостоящей, за три-двенадцать, очищенной «Экстрой» или, как он произносит, «пашеничной». В такие дни на сцене не редкость увидеть и четверть (больше на сцене не поместится) Тулуповского народного хора профсоюзов. Остальные три «четвертинки» поют на зеленках других кварталов; словом, каждой сестрице по серьгам. А ближе к вечеру и вовсе девки, бабы-молодухи, отпущенные мужьями, отмечающими праздник по домам, и холостые парни-доменщики танцуют под музыку присланного из филармонии *ВИА* «*МИР*» («Мелодии и ритмы»), только что образованного и проходящего обкатку на низовке.

Танцуют нередко и в будние вечера. Трофима просят вырубить громкоговоритель на столбу, а Серега Варфоломеев приносит диковинный японский магнитофон «Панасоник». После танцев молодежь разбивается по интересам и парам, рассредоточивается по всей зеленке, разговоры разговаривают, семечки хрумкают, хихикают. И так до полуночи. До полуночи же и забивают козла доминошники, особенно из пенсионеров с их бессонницей. Хулиганства на зеленке нет; если кто-то в компании и выпьет, то лишь «ноль-семь» портвейна ординарного на троих-четверых.

А Пал Никитич, одетый в партикулярное, азартно кричит старшинским басом в доминошном углу: «Р-рыба! А это, тебе, Михеич, на погоны!» Но в то же время порой бросает зоркий взгляд на пространство освещенной фонарями зеленки.

◆ ...Вспомнил Николай Андреянович ту давнюю косолученскую зеленку, мечтательно заулыбался, но тут же и загрустил. Уже лет двадцать, проживая в центре

Болонский сон № 182. Еще в боях за макаронную фабрику полковник Хмуров с подачи майора-доцента Язвишина впервые в мировой военной истории применил тактику, которую Эдька-аспирант тотчас окрестил «живой тачанкой». Название прижилось, а суть нововведения состояла в следующем. От трех до пяти коней в свободной связке, навроде как ездовые собаки у северных народов, врывались с хрипом и боевым ржанием прямо в боевой порядок противника, а бойцы живой тачанки, искусные в джигитовке, в основном, из тулуповского медико-физкультурного факультета, открывали огонь по всем четырем сторонам света: вперед по бегу коней, сзади, с боков и даже из-под конского брюха. Итальянских добровольцев из университетских, карабинеров и марокканских наемников живая тачанка приводила в ужас. Даже прозвали ее «русской тройкой-смертью».

Сам Хмуров подвел такую естественную философию под свое нововведение, рассуждая в тесном кругу своих лейб-гвардейцев.

— Понимаете, синьоры доценты-добровольцы, сама идея живой тачанки пришла мне в голову по аналогии с нашей вузовской жизнью. Ведь так и мы мчимся в единой связке на общего врага: бескультурье и невежество. Брыкающиеся друг с другом кони, ненавистные — чтобы там ни говорили любители этих полезных животных — коням всадники на них — все это есть олицетворение архисложных взаимоотношений между работниками университета. Допустим, преподаватели и администрация суть враждующие классы, но ведь им друг без друга не жить. Так сказать, действие Гегеля — Маркса закона единства и борьбы противоположностей. Вот и мчимся в общей связке, кусая друг друга и нещадно пришпоривая. А то что стрельбу ведем во все стороны и даже из конского подбрюшья — так это наша же вузовская круговая оборона. Ведь у нас враги по всем пространственным измерениям: министерские комиссии — проверки без конца, сумасшедшие студенты и их родители, вечно алчущие губернские и городские власти... Да мало ли что и чего еще?

Давайте, ребята, выпьем!

города, не был он в родном квартале. А недавно встретил бывшего соседа по однорядной улице, тезку Николая, ныне работающего в издательстве, что рядом с университетским городком. Поговорили. Как, мол, зеленка? Увы, отвечает бывший сосед, нет теперь такой. Еще в середине девяностых косолученский авторитет Федька Ржаный, ныне предприниматель и депутат чего-то с гражданским именем Федор Андреевич Ржанов, отчуждил зеленку от коммунхоза, обнес по периметру трехметровым кирпичным забором, а за забором поставил трехэтажный особняк, рядом гаражи на три машины, а на остальной территории разбил сад с аллеями, фонтаном и летним открытым бассейном. Плакала наша зеленка.

Еще Николай Андреянович, набираясь по жизни опыта, приметил: каждая зеленка города имела свой характер, который, что удивительно, и сейчас в общем-то сохранился у народа, проживающего окрест бывших зеленок. Даже если бы молодые поколения и вовсе такого слова уже не знают! Это как в генетической памяти человека; так и здесь своя, общественная, социальная генетика. Так ему пояснили много чего знающие коллеги по кафедре полковник Хмуров и доцент Язвишин с медико-физкультурного факультета.

Вот к примеру, та давняя зеленка его юности — косолученская то бишь. Ее характер — спокойный, неконфликтный. Это оттого, что основной процент жителей квартала — в первом-втором поколениях выходцы из деревень или выселенные с Западной Украины — тож деревенские. Да еще в городе культурки поднабрались, а дети их и вовсе городскими стали, к культуре и знаниям в ритме жизни страны тогдашней тянулись. Отсюда и такой вот характер.

Но вот зеленка, что за главным корпусом университета, рядом с медико-физкультурным факультетом и студенческим стадионом, ныне которой и след простыл, вся застроена многоэтажками,— совершенно иная была:

вороватая, хулиганистая, почти что разбойничий притон, этакая «малина» без крыши. А отчего? — Оттого, что тамошний квартал, возникший после войны, был застроен военнопленными немцами двухэтажными бараками и столько же этажными домами с коммунальными квартирами. Заселяли их по вербовке из разных мест для работы на резиновом, химическом и цементном заводах, на промышленных стройках. Многие перебрались сюда из ближней — за Южной железной дорогой — Китаевки — места совершенно оголтелого, как и все эти пригородные, точнее, прижелезнодорожные, Китаевки, образованные в начале прошлого века, после сооружения Транссибирской магистрали, наехавшими из Манчжурии китайцами.

...Китайцев еще в тридцатых годах повывезли на историческую родину, а скорее всего послали лес в Сибири заготавливать, но дух шанхайских триад переняли во всей полноте уже отечественные насельники Китаевок.

От зеленки осталась лишь помойка, учрежденная на том месте, и небольшой пустырь между помойкой и университетской котельной, но туда и сейчас опасно сунуться в вечернее время: убить не убьют, но ограбят точно. У помойки наркоши в открытую колются, кражи в окрестных домах — обычное явление; стальные двери не спасают — замочные языки болгаркой срезают. А ведь уже третье поколение подрастает после ликвидации той зеленки! — Вот тебе и социальная генпамять.

...Зеленку же в квартале его нынешнего дома, от которой остался небольшой пустырь за помойкой, что напротив *ЖЭК*'а, не то что Николай Андреянович, но и супруга его, живущая здесь с детских лет, не помнит. Ибо ликвидировали ее лет сорок назад, когда сносили в квартале частные дома и ставили пятиэтажки. А что касается сохранения характера, то здесь самая прямая, человеческая генетика, ибо все прежние частнособственники домов переселились в пятиэтажки-хрущовки, не желая покидать свой квартал в престижном месте города.

Каков же это характер? Заставшая здешнюю зеленку восьмидесятилетняя баба Клава на вопрос Николая Андреяновича пояснила в том смысле, что нрав их, еще частнособственного на дома квартала был спокойным, не хулиганистым, тихо-запьянцовским у мужиков. Все потому, что до войны этот район, ныне престижный университетский и торгово-деловой центр города, опять же рядком *МТС* — областная милиция, тюрьма и стадион,— до войны полагался далекой окраиной, полудеревенской (это как и косолученский квартал). А в ноябре-декабре сорок первого из окошек домов видели жители и танки Гудериана...

И действительно, выглянет сейчас Николай Андреянович из окна своего дома — полюбопытствовать погодой с утра — а во дворе, на лавке детского городка, уже сидят опохмелившиеся разведенным спиртом «от Зинки» местные мужики: Володька-инженер, Женька-слесарь, Петруха — безработный (по своему желанию) с двадцатилетним стажем. Мирно беседуют про акциз казенки, неизменно высокое качество Зинкиного спирта. Тишь, благолепие. Годам к пятидесяти все пьющие мужики квартала выправляют себе инвалидную — ведь алкоголизм — это болезнь, да? — пенсию. И продолжают тот же порядок жизни.

◆ Опять же про *ЖЭК*'овскую помойку: культурно-досуговую и политпросветовскую наследницу, правопреемницу здешней зеленки. Вот торопится доцент Николай Андреянович позднемайским солнечным утром на коллоквиум... Тпр-р-у, здесь поясним. Уже привыкнув — после окончания инженерной — к преподавательской работе, Николай Андреянович даже не задумывался о смысле новых для бывшего оборонщика самоназваний: конференция, конгресс, семинар... Несколько поначалу смущало слово «симпозиум». Но коллега, доцент экс-полковник, Хмуров весело разъяснил его этимологию: «Понимаешь, Андреяныч, это слово взято из более длинного определения, которое в Древнем Риме читалось

и произносилось как «дружеское возлежание на коврах вокруг пиршественного стола с возлиянием разбавленного водой вина и обсуждением военно-политической и культурной жизни в Вечном городе». Они, черти древнеримские, вино разбавленным пили, самогоном брезговали. Вот почему и проворонили свою империю!»

Теперь Николай Андреянович сообразил: почему командируемые на симпозиум в Москве кафедральные коллеги подмигивают: «Едем, Адреяныч, на *винпозиум*. Давай и ты с нами, а?» А вот насчет коллоквиума даже полковник Хмуров и Язвишин рекомендуют ему обратиться к словарю иностранных слов. Да недосуг; дома словаря нет, а в библиотеку в главном корпусе специально идти не хочется.

...Итак, торопится Николай Андреянович к восьми утра на коллоквиум, проходит мимо *ЖЭК*'овской помойки, правопреемницы культурно-воспитательной и общественно-просветительной зеленки — торопится, но и примечает: уже самое оживленное место в квартале. Даже в такую относительную рань.

Опять же требуется пояснение градостроительного характера. Никто из окрестных долгожителей, даже знакомый Николаю Андеяновичу матерый архитектор из института «Гражданпроект», что поблизости, не смогли ему объяснить: почему в их квартале и в двух соседних все теплотрассы к домам выведены наружу и тянутся вдоль тротуаров на столбиках-опорах на высоте, если не обычного стула, то уж точно седалищ у стоек баров, заменивших в годы великих реформ предприятия общепита — тяжелого наследия тоталитаризма.

Может, в спешке великого строительства шестидесятых годов, забыв об инфраструктуре, сначала городили пятиэтажки на бутовых фундаментах, даже не забивая в землю бетонные сваи, а потом, схватившись за голову, тянули отопление поверху? Кто знает... Но, учитывая, что наземные эти трубы пришлось теплоизолировать, обернув трехдюймовым слоем технической ваты, а повер-

ху рубероидом, незадачливые проектировщики-градостроители и вовсе сделали царский подарок жителям квартала: почти в сумме полкилометра мест для сидения и болтания ногами, причем сидения мягкого и с подогревом. Даже застарелый геморрой можно лечить.

Особенно в восторге пребывало уже четыре-пять поколений школьников и без счету уличных, то есть по статусу муниципальных, котов. Но именно из-за школьников и котов коммунхозу приходится каждые два-три года заново обматывать часть труб техноватой и рубероидом. Школьники с удовольствием, сидя на теплотрассе, вспарывают перочинными ножичками рубероид и вытягивают вату Она им совершенно не нужна, но ведь надо же чем-то руки шкодливые занять? А коты с наступлением морозов, как зверьки теплолюбивые, своими остро заточенными когтями рассекают рубероидную обертку, отгибают ее, вырывают ямку в вате почти до самой стенки огнедышащей трубы, сворачиваются в ней клубком, закрывают морду распушенным хвостом и — даже в редкостный нынче тридцатиградусный мороз кайфуют в полное свое удовольствие. Снятся им в тепле растрачиваемых гигакалорий великие бои в мартовские иды (это по древнеримскому, юлианскому календарю) и совсем уж невероятное: как коммунальный бог Тулуповска и бессменный гласный гордумы Прокопайко Дмитрий Федорович провел при единодушной поддержке депутатов от власти, Зюганова и Жириновского статью расхода на муниципальных Васек и Мурок: каждому усатому другу человечества отпускать в год по три пуда печенки, двадцать банок китекета, от пуза пшенной каши, а для проживания в теплых подвалах пробить им туда отдельные норы-ходы. Одно огорчает: коты обязуются вылавливать за квартал сто мышей и крыс. Пусть им спится и мечтается!

...Это все к слову, а Николай Андреянович все торопится на коллоквиум и зорко фиксирует помойку и ее окрестности.

◆ Около *ЖЭК*'овской помойки наружные трубы теплотрассы не просто огибают помоечую асфальтированную площадку, но еще и дают несколько заниженных к земле отводов в окрестные дома. Так что здесь мягкие и теплые седалища на любой рост и вкус: «барные» для школьников, высотой с обычный стул — серьезным людям и дамам, а самые приземленные, высотой с детскую табуретку для детской мелюзги и мусульман, привыкших на исторической родине рассиживать на коврах или атласных подушечках.

Вот и сейчас, в восемь утра, когда спала первая волна суеты около помойки — выгул комнатных собачек, справляющих нужду и заинтересованно принюхивающихся к острым запахам из контейнера,— здесь пересменок. На трубах сидят «оранжисты» (не путать с военно-политической партией в средневековой Франции), то есть облаченные в оранжевые жилеты с надписью на спине «*МУП Тулуповска*».

На «мусульманской» трубе, что одесную помойки, скрестив ноги, устроился узбекский гастарбайтер Олег — имя русифицировано, ибо настоящее сложно для произношения. Молодой, со средним образованием, уже третий весенне-летний сезон приезжает. Получает в день восемьсот рублей; у него в Ферганской долине семья с тремя малыми детьми, достраивает по зимам поместительный дом. Поначалу, когда доброхотные бабки начинали его жалеть: мол, отделились от нас, с голоду у себя пухнете, к нам вот за пропитанием ездите от семьи и от детей, Олег улыбался и объяснял: нет, у нас жизнь не хуже вашей, а еда и вовсе лучше, натуральнее, но если в баи, милиционеры или оптовые торговцы урюком не выбился, то чтобы дом двухэтажный построить из кирпича и машину купить, надо два-три сезона в России метлой помахать. Ваши-то ленятся работать!

На средневысотной трубе, но уже ошуюю помойки, пригорюнились два местных, тоже молодых, дворника — из пьющих, поэтому дальше летних месяцев на работе не

задерживающихся. Опохмелиться бы — но не на что. От скуки жизни курят «приму», завидуют мусульманскому трезвеннику Олегу, нехотя поддерживают с ним беседу на общеполитические темы, жалеют свергнутого Лужкова, у которого дворники едва не черной икрой и семгой водку «абсолют» из Швеции закусывали... Добрым словом, правда, непонятно за что, поминают и почившего прошедшей осенью Черномырдина.

Олег весел и счастлив. Вчера, выметая мусор из-под наклонной стенки помоечного контейнера, вымел и «пятихатку»,— а это уже два дармовых листа шифера на ферганский дом! По тамошним ценам.

...Но запамятовал Олег слова пророка в суре «Преграды» священного Корана, слишком возгордился находкой. И сразу за радостью две неприятности. Сначала запьянцовский дворник Петруха ошибочно назвал его киргизцем — наименованием враждебного племени. Начал было объяснять Петрухе его оплошность, но тут же вторую обиду схлопотал: выносящий мусор пенсионер-сталинист Томазов из *ЖЭК*'овского дома, услышав перепалку, хмуро заметил: «Все вы, басурманы, из Золотой Орды! Осипа Виссарионовича на вас нет! Вишь что вздумали: отделиться и своими ханствами жить, а к нам на заработки ездить».

И совсем в грязь втоптала Нина Семеновна, инженер *ЖЭК*'а. Она только что закончила раздачу нарядов на день слесарям и прочим ремонтникам, что нестройной толпой в восемь человек маялись поодаль, у дверей коммунальной конторы. Увидев рассевшихся окрест помойки дворников, рассвирепела (мужик ее явился домой в шесть утра, явно от Ирки-любовницы): «Вы какого хрена (в оригинале другое слово) тут торчите? Ладно, эти пропойцы, а ты, Олег, хотя пить и не научился, а обленился, глядя вокруг, дальше некуда. Первый год только и работал на совесть! Уволю к едреной (в оригинале — другое) матери, поедешь в свой Чуркистан не солоно хлебавши. Метлы в руки и по своим дворам ма-арш!».

...Но Николай Андреянович уже заходил за угол «Трианона-24-го» и дальнейшего развертывания сценария второй стражи у помойки не видел, не слышал.

◆ Провел Николай Андреянович со студентами таинственный коллоквиум и еще лекцию на тему проектирования хвостового ракетного оперения прочитал. Заглянул в преподавательскую, нарвался на шефа. А тот ему новость, не огорчительную, но и не совсем приятную: «Во! А я тебя-то, Андреяныч, и ищу. Со следующего учебного года Тарасов уходит в докторантуру, оголяет, стервец, курс взрывателей ракетных. Спец по ним еще Полковник, но отказался, дескать, ему пятый том своей монографии века дописывать. А мы тебе персональную надбавку в пару тысяч выбьем... К сожалению, в рублях. Так что готовь к первому сентября конспект лекций».

Не привыкши откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, огорошенный Николай Андреянович спустился этажом ниже, зашел в спецбиблиотеку, взял на дом книгу по взрывателям — с грифом «Для служебного пользования». Уже дома рассмотрел вытертую, но на свет читаемую надпись какого-то студиозуса под словом «служебного»: «унитазного».

...А увидев на стеллаже справочной литературы словарь иностранных слов, наконец-то выявил смысл слова коллоквиум — учебное занятие в форме свободной беседы преподавателя со студентами с попутной оценкой уровня и прочности их знаний. «Надо же,— удивился Николай Андреянович,— как у тещи, что в свое время защитила педагогическую диссертацию по прочности знаний. Сейчас же эти оболтусы прочно помнят только одно: текущий курс доллара-евро, да еще, пожалуй, кто из девок их курса честная давалка, а кто не мытьем так катаньем стремится с женитьбой захомутать...»

Втиснув не очень толстую книжку в свою папку, отправился на домашний обед с винегретом, борщом и жареной треской. Вспомнив о треске, усмехнулся: сегодня

же четверг, бывший советский рыбный день! Интересное совпадение, ибо супруга, переимчивая, как и весь женский пол, давно отвыкла от совка — как распоясавшиеся теледебатчики сейчас именуют советскую эпоху.

Полдень. На улице ни души, как в какой-нибудь Испании — сиеста. Только непрерывные колонны импортных легковушек туда-сюда, явно сами не зная куда и зачем, по проспекту и даже по переулкам движутся. Да так плотно! — Бампер каждой последующей чуть не впритык в задок впереди идущей. Это как в скорострельных грязевских пушках из НПО «Меткость»: острие вылетающего из ствола снаряда упирается в донце предыдущего.

Но вот обогнул наш доцент трианоновский ночник, обогнул внутренний угол перпендикулярно сращенных безымянного и *ЖЭК*'овского домов — и вот тебе на окружающем безлюдье толковище у помойки!

Прямо на траверсе ее Николая Андреяновича поприветствовал проживающий в *ЖЭК*'овском доме, потому давно ему знакомый проректор университета Карпухин. Он, видимо, куда-то собирался ехать — новенький его «мерседес», которыми все уважаемые в вузе люди обзавелись как-то одновременно пару лет назад, сдав прежние отечественные «лохомарки» в утиль, стоял на тротуаре напротив подъезда, из которого деловито и выходил Карпухин.

— Привет, Андреяныч! На обед направляешься?

— Вроде того, Евгений Николаевич. А вы (до перехода в университет «ты»), небось, по делам увязки, согласования и конкретного охвата?

— Ха-ха! И я навроде того. В администрацию, в комитет по науке и образованию на совещание по инновациям и... как их? — По инвестициям в науку. Ректор за себя послал.

— О-о, Евгений Николаевич, у вас новый номер? И не простой: три пятерки и три «о».

— Друг подарил из *ГАИ*. А что? — заметно зато.

— В наше динамичное лучше такой номер иметь, чтобы только зубрежкой можно запомнить.

— Ты думаешь?

В таком же наклонении необязательная беседа длилась еще пару-тройку минут, пока веселый проректор протирал тряпочкой ветровое стекло. Махнув рукой соседу, Карпухин сел в «мерс» и порулил на выезд из квартала. Николай же Андреянович задумался над очевидной вещью, но ранее четко не сформулированной. Действительно, в наше время каждый дарит что-либо из атрибутов своей профессии: гаишник — «блатной» номер, часто издающий свои научные труды полковник Хмуров — очередной увесистый том, чиновник из администрации — почетную грамоту по своему департаменту, браток братку — пробивающий бронежилет солидно-тяжелый «ТТ»... И так по возрастающей — до олигархеров, лауреатов журнала «Форбс», что дарят крейсерские яхты и футбольные клубы. Вместе с командой бразильянцев.

◆ Разговаривая с проректором и размышляя об иерархии подарков, Николай Андреянович не упускал из виду шумящую помойку. Третья, начиная с утра, перемена декораций. Из утренней сцены на своей низенькой трубе сидит только иностранный дворник Олег. Небрежно подмел свой двор, про себя матерясь по-русски, а теперь с восторгом смотрит «телевизор» — сидящих по другую сторону контейнера на средневысоких трубах двадцатипятилетних честных содержанок Нельку и Наташку. Первая проживает в *ЖЭК*'овском доме в своей однушке, а Наташке ее «спонсор» снимает двухкомнатную в перпендикулярном доме.

Содержатели — крепкие сорокалетние торговцы средней руки. Нелька и Наташка честно отработали сегодняшнюю ночь — визиты «спонсоров» совпали случайно,— до полудня отоспались, созвонились и вышли подышать свежим воздухом: на народ посмотреть, себя показать. Беззлобно дразнят Олега: закинули то-

В самой скандальной, то есть и самой читаемой, городской газете «Толóка» напечатали пасквиль от имени «группы обиженных студентов» на полковника Хмурова, ныне доцента кафедры ракетостроения. Отставной полковник обвинялся во всех мыслимых грехах: непомерные взятки, хамство и пьянство в рабочее время, совращение студентов, аспирантов и молодых лаборантов обоего пола... Вскипел Хмуров и гневно пошагал в редакцию, благо она в десяти минутах ходьбы от военно-технического корпуса университета.

Принял его заведующий отделом образования и культуры, господин в либеральной бородке, осведомился о цели визита. Выражаясь мысленно матом, но словесно переводя на подцензурный язык, Полковник предъявил претензии к газете.

— Так ведь сейчас свобода печати; вот и пишут все — кто во что горазд. А нам для поддержания сертифицированного тиража скандальная хроника архинужна,— честно признался либерал.

— Я тебе, гнида, в морду сейчас дам! — не выдержал Хмуров.

— Меня, уважаемый, нельзя в морду.

— Это почему? — Полковник искренне удивился.

— Потому, что я трансвестит, то есть, приравнен в правах к женскому полу, а женщин приличные люди по лицу не бьют, если, конечно, они не профессионалки садо-мазо и...

Сплюнул Полковник, проклял всю редакцию сорокаэтажным артиллерийским матом, дома безобразно напился и грубо обругал добрую свою супругу, с интересом смотревшую телешоу о пользе изменения пола.

ченые, в меру загоревшие ножку за ножку, так что коротенькие и без того юбочки разве что боковины ягодиц прикрывают. Тулово у обеих почти символически прикрыты маечками на бретельках, заканчиваются чуть повыше пупков. Груди — у Нельки побольше, у Наташки поменьше — подпружинены снизу по новой моде специальными бюстгальтерами и обнажены наполовину. Волосы — у Нельки прямые, у Наташки чуть вьющиеся — игриво обтекают обнаженные плечи. Содержатели скуповаты, даже платят не из кармана, а по ведомости в своих *ООО*, где они оформлены офис-менеджерами. Что поделаешь, подруга, вздыхая, говорят порой друг дружке: перестарки! Самые спросовые годы провели по требованию совковых родителей в универе. Теперь и специальностей своих уже не помнят.

Покачивая закинутыми ножками в лаковых туфельках с двенадцатисантиметровыми каблуками, прелестницы, то и дело поднося к ярко-алым губам длинные тонкие сигаретки, раззадоривают от нечего делать гастарбайтера:

— Олежек! Ты все жене верность свою хранишь, да? А мы разве хуже ее, а? Пошли с нами, кофейку попьем, подурачимся.

Понимает Олег — шутки все это, но — приятно ему, большую часть года перебивающемуся без женской ласки. Куда ему до таких длинноногих, с высшим образованием!

Потомственная дворничиха в отставке баба Алла, весь световой день кружащаяся вокруг помойки, стыдит девок:

— Бесстыдницы! Шли бы как все люди торговать на рынок, а то все хахалей ублажаете да парня в краску вводите. Скоро время пройдет, хахали к молодым перекинутся, останетесь сами-одни. А так бы торговали, замуж вышли...

— Да что ты, баба Алла! Разве женихов свободных на всех хватит, ха-ха-ха!

Здесь Алла своими зоркими восьмидесятилетними глазами заприметила, как роющиеся в контейнере ихнего квартала бомжи — двое мужиков и баба — что-то нашли, из-за чего слегка разодрались, и заторопилась в их сторону: утихомирить и полюбопытствовать находкой. Нелька же с подругой шаловливо послали Олегу воздушные поцелуи, тотчас забыли о нем и бабе Алле, закурили по новой сигаретке и завели серьезный разговор: попросить у более состоятельного Наташкиного кобеля поставить интернет, а по нему отыскать себе женихов из Австралии или Новой Зеландии: пора, подруга, пора бежать из этой Рашки, пока, как правильно Аллка говорит, груди не обвисли и попки не отяжелели. А то кобели скоро нас затрахают!

◆ Рядом с Олегом, но на более высоких трубах сидят два пенсионера. Оба из отставных инженеров. Один — сталинист, читает газету «Завтра». Другой какую-то либеральную, вроде как «Комсомольская правда в Тулуповске». Зачитывают друг другу интересные места по части внешней и внутренней политики. Иногда соглашаются, но бывает и слегка переругиваются. А с «девичьей» стороны на «барную» трубу забрался ярко-рыжий, с тигровыми полосами Зинкин кот Баюн, устроился поудобнее, сузив в щелочку от яркого солнечного света глаза, свесил передние лапы и пушистый хвост с трубы, отдыхает от дневного сна в квартире, слушает содержанток, набирается ума-разума в человеческих делах.

За помойкой, со стороны пустыря, на неизвестно зачем и кем привезенной бетонной балке, с постеленным для мягкости траченным молью ватным одеялом из контейнера, сидят рядком пятеро давешних *ЖЭК*'овских слесарей. У них законный обеденный перерыв: закусывают Зинкину разливуху ливерной колбасой из «Трианона-24» с горбушками черняшки. На закуску «билет в Большой театр» им презентовала добрая по характеру Наташка.

А влево от помойки на толстой магистральной трубе, как вороны вперемежку с пестрыми сороками, расселись отучившиеся на сегодня школьники и школьницы не старше восьмого класса. Школа их через улицу от квартала. До недавнего времени улица носила имя основоположника исторического материализма Фейербаха. Теперь же комиссия по историческому наследию при департаменте культуры переименовала ее в Спасовознесенскую. У пожилого народа все в головах перепуталось; не мудрствуя лукаво, стали улицу называть Фейербаха Вознесенского. Школьники же для прочного усвоения полученных сегодня знаний курят, пьют пепси-колу, а кто и пиво, матерятся. Школьницы же во все глаза наблюдают за Нелькой и Наташкой, профессия которых им хорошо известна — в одном квартале живут. Учатся впрок их манерам. Пригодится.

Напротив помойки, на тротуаре небольшая кучка взрослых женщин из *ЖЭК*'овского и соседних домов: по объявлению на подъездных дверях ждут приезда самого Прокопайко Дмитрия Федоровича: по вопросу устроения на запомоечном пустыре детского городка — выборы в гордуму на носу!

...Уже Николай Андреянович с возбужденным борщом аппетитом хрустит поджаренной с корочкой — как ему нравится — треской, а к заспавшемуся Баюну вспрыгнула на высокую трубу его верная подруга, муниципальная кошка Ряба, прилегла рядком. Проживает она в подвале «перпендикулярного» дома. Очень уважает Баюна. Потому чаще всего котятки такой же тигровой расцветки, с пушистыми хвостами получаются.

Баюн живет богато, стоит на квартире второго этажа дома за помойкой, обочь пустыря у Зинки — самого уважаемого в квартале у пьющих жителей человека. В каком-то смысле ее ставят рангом выше самого благодетеля квартала Прокопайко Дмитрия Федоровича. Еще в совковые времена она окормляла окрестный народ качественным самогоном, в горбачевское лихолетье

из томатной бражки, ввиду отсутствия в продаже дрожжей, гнала.

После объявления свободы предпринимательства пошла «под крышу» братков-спиртоношей. Те ей раз в неделю привозят несколько многолитровых пластмассовых бутылей со спиртом. Она их оплачивает, разбавляет — все по технологии! — кипяченой водой, разливает в мелкую тару и продает на дому. Раньше, в лихие девяностые, братки в физкультурных костюмах и кроссовках подвозили спиртягу на затерханном «козле» с открытым кузовом. Теперь же на фирменном микроавтобусе с надписью «Ключевая вода с доставкой в офис и на дом». А сами доставщики в выглаженных ярко-зеленых комбинезонах, под которыми рубашки с галстуками. На головах зеленые же бейсболки. По фене не ботают, разговаривают вежливо. Культура!

◆ Прошлым летом зазвал Баюн подружку к себе в гости. Дверь в Зинкину квартиру летом всегда полуоткрыта: постоянно вода для разбавления спирта кипятится, пар стоит, проветриваться надо. Робея, вошла Ряба в хоромы, а Баюн смело, по-хозяйски ведет ее на кухню и кивает мордой на плошку со своей дневной пайкой: обданная кипятком печенка, перемешанная с китекетом и кашей. Ешь, мол, я сыт. Ух и наелась Ряба до отвала барской еды! Потом присели оба на входе в большую комнату, а там за обеденным столом Зинка угощает двух милиционеров,— Ряба хорошо их по мундирам от других людей отличает.

Слова человеческой речи Рябе не ведомы, но хорошо она понимает ее по интонации. Зинка же соловьем разливается: «А вы, Ринат Шарифович и Виктор Палыч, семужкой-то не брезгуйте. И сальца-то, сальца под водочку. Сама сальце солила, для себя. И водочку для таких уважаемых людей держу специальную, на ключевой воде спирт разбавляю. Мне ее мужики дворовые за пол-литру с Серебрянского ключа приносят. А спиртик у меня со Стародворского спиртзавода, па-

шеничный! И напрасно говорят людишки, что травятся моей водочкой. Дескать, двое в прошлом годе отравились. Клевета это, навет. Как было Косте-типографщику не примереть, если он в запой впал и по два литра в сутки потреблял? А второй, имени даже не знаю, действительно, отравился, но не моей, а Тамарки-стервы, что за проспектом торговлю держит, «максимку» водой водопроводной разбавляет, а чтобы мути не было видно, так кофием закрашивает. И чего он, бедолага, к нам-то приперся? Где купил, там и пей!

А я вам в дорожку пару полторашек на ключевой воде — вот в пакет ложу. Не побрезгуйте».

...Баюн не только богатый, но и заботливый. Вспоминает Рябa. В позапрошлом году, как окотилась она не в срок, в самом конце октября. Мороз раньше времени тоже ударил, а с отоплением авария, уже неделю чинят, что-то серьезное. Жильцы-то от электрического тепла греются, в шубах дома ходят, а Рябе с котятами куда из промерзшего подвала деваться? Главное — бабуси из семнадцатой и двадцать второй квартир, что приносят ей еду и ставят на вентиляционное окошко, либо, если в свои кладовки за картошкой или чем иным в подвал заходят, то и прямо в уголку, где Рябa на старом стеганном одеяльце проживает, ставят блюдца, видно, старые, замерзли-захворали. Не приходят.

Рябa голоднущая, да перед окотом сильно простудилась: воду пила, что из трубы капает на пол и тут же замерзает. Так полуледяную пила и простудилась. Окотилась, а с места стронуться, чтобы мышку-другую поймать, не может: голодная, трясется вся от холода и своей простуды. Молоко не идет, котятки писком заливаются. Ну, думает Рябa, смерть ей и котятам пришла. Карачун.

...И уж совсем было собралась Рябa глазки закрыть, как — шасть в вентиляционное окно Баюн! Подошел, лизнул ее, котят и быстро-быстро назад. Все, даже он ее покинул. Но нет, через полчаса разбудил ее,

предсмертно задремавшую, Баюн, а прямо перед ее мордочкой лежит половина вареной курицы, еще теплая.

Никогда столько Ряба за один присест не ела! Все съела, даже косточки мягкие сгрызла. И пить перестала хотеть: в свежесваренной курице соку много. Озноб сразу прошел, молоко так и рвется из сосков, котята пьют и все напиться с голодухи не могут. Потом отвалились. Свернулась Ряба клубочком, закрыв деток своим боком, а сверху и хвостом, заснула, счастливая. К ночи уже встала, поймала и съела двух мышей. А утром проснулась: котята ее сосут, по трубам вода с бульканьем течет, от них тепло на подвал нисходит, а лужица под протекающей трубой уже не замерзает. Только кошка напилась вволю, как обе бабуси с едой и причитаниями явились — жива, мол, наша красавица!

Хорошие котятки, всего-то четверо, тогда у нее получились — все как один в Баюна. И, слава кошачьему богу, кошечка только одна, трое — коты. Когда подросли, удачно кошечку пристроили на службу в логопедический детсад, рядом с домом. Там при кухне как раз освободилась должность мышелова, котов на эту ставку не берут — те от обильной еды ленятся мышей ловить. Двух котов по квартирам разобрали в их квартале, а третьего взяли в парикмахерскую в соседнем.

...Мечтает Ряба, лежа на трубе обок Баюна: хорошо бы Зинка разрешила ей с котом в хоромах-то своих квартировать. Она бы хоть каждые два месяца по семь-восемь котят в окот давала. А Зинка их по одному впридачу к бутылке разливухи присовокупляла. Пьяницы — народ добрый. А в квартирах у них пусто, неприкаянно, все от них уходят. Тут же котик веселый, играется, за своим хвостом охотится. И у пьяницы, глядя на него, веселее на душе. Может, и снизит он свою суточную норму с литра до четвертинки.

От таких добрых чувств и мечтаний присела Ряба «копилкой», принялась вылизывать дремлющего Баюна.

Болонский сон № 273. Штурм Болонского университета показал как героизм воинов армии полковника Хмурова, так и стойкость обороняющихся. Не раз Григорий Иванович повторял своему лейб-штандарту: «При всем уважении к Стендалю, не могу в полной мере принять его определение итальянцев как только певцов и предателей!»

...В штурме медицинского факультета особо отличился подпоручик Эдька-аспирант, он же походный адъютант полковника Хмурова. Единолично разметав целую учебную подгруппу интернов по кафедре психиатрии, он вдруг с ужасом подумал: что же это я делаю? Ведь медицинские специальности — единственные,

которые не смог полностью подчинить своему тлетворному влиянию монстр Болонского процесса! — В части неуместности трехуровневой системы образования, например. Действительно, даже Григорию Ивановичу в его фантастических снах не привидится, что медфакультеты готовят не полноформатных врачей, а ублюдочных бакалавров-недомерков! Вот в этом и разгадка. Отцы Болонского процесса, как это ни странно, тоже люди, а значит могут и заболеть. И что? — Они пойдут под скальпель хирурга-бакалавра? Вот так-то, своя рубашка ближе к телу...

◆ Идет Николай Андреянович после обеда и солдатских полчаса дремоты на диване обрат в универ. На помойке народа прибавилось: еще пара пенсионеров с газетами расселись по трубам, мамаши-колясочницы подошли, начали задирать Нельку с Наташкой. Из зависти, понятно. Те же, девки добрые, в свару не ввязываются, поднялись, одернули свои коротенькие юбочки, подмигнули Олегу-иностранцу и отправились к Наташке кофеи гонять. А к кофеям — непочатая бутылка миндального ликера, коробка хороших бабаевских конфет и две стограммовые баночки икры — красной и черной; все вчера принес более богатый и чуть меньше жадный Наташкин содержатель. Сам же он на ночь любви и еще два раза ночью «в перерыв» пьет только водку «диамант» и закусывает приготовленным Наташкой мясом.— Вырезкой, хорошо прожаренной с луком.

Сделав небольшой крюк влево, подружки покупают в трианоновском ночнике свежих кунцевских булочек к икре и мороженое к кофе с ликером.

Поскольку же у обеих ночь сегодня непосетительная, содержатели в семьях отдыхают, детишек воспитывают, то под ликер и икру заболтаются они до темноты, Нелька останется у Наташки, улягутся они рядышком на просторном «сексодроме» и уснут сном праведниц. Не подумайте, что извращенки они! Просто как сестры-близнецы давно стали, вдвоем им теплее и душевнее в этом жестоком, расчетливом мире.

...А Николай Андреянович отчитает свою послеполуденную лекцию, побеседует с полковником Хмуровым и доцентом Яцышеным, потом кафедральное заседание: верстка планов и учебных нагрузок на следующий учебный год. А раз рыбный день сегодня, то к вечеру заглянут усеченным коллективом, то есть с Полковником и парой других доцентов, в соседнюю с корпусом простонародную кафешку — выпить по паре-тройке стопок недорогой водки под рыбное ассорти. Полковник, накануне сформулировавший и блестяще доказавший глав-

ную теорему пятого тома своей монографии, разошелся, выкинул на стол пятисотку: гуляем, братва!

...Словом, возвращается Николай Андреянович домой в неурочный час, уже в темноте, правда, супруге позвонил и предупредил, как только Хмуров козырнул своей «пятихаткой».

Мимо помойки он старается проскользнуть в тени деревьев — от фонарного на столбах света,— окаймляющих тротуар: чтобы не услышать от оккупировавших все трубы теплотрассы студентов несколько насмешливое: «Добрый вечер, Николай Андреянович!» Ибо через дорогу — со стороны ночника и «перпендикулярного» дома — целая шеренга пяти- и девятиэтажных университетских общежитий, а ближайшее — их факультета. Идти им больше некуда: все культурные мероприятия в городе дорого стоят, а у общежитских только и хватает на самое дешевое пиво. Место удобное: есть где присесть, ночник в минуте ходьбы...

Это предпоследняя декорация. А последняя — когда к полуночи возвращаются из казино и других культурно-досуговых мест мелкооптовые торгаши. Они ставят свои «лендроверы» впритык бамперами ко всем четырем стенкам помоечного контейнера. Николай Андреянович этого поначалу не понимал, но разъяснил сосед-проректор: «Во-первых, фонарь над помойкой всю ночь горит. Во-вторых, по весенне-летнему времени ребята с пивом до рассвета окрест колобродят, то есть колесное ворье здесь не разгуляется. А в-третьих, угнать упертую бампером в помойку машину, тем более они впритык друг к другу стоят, дело, как по другому поводу говорил Владимир Ильич (проректор — бывший при совке доцент кафедры истории КПСС), архисложное. Вот так-то. Голь, даже торговая, на выдумки хитра!»

...Пришел Николай Андреянович домой. Супруга еще не спит, с увлечением смотрит по телевизору топшову «Русский Голливуд». Вышел он в раскрытое на ночь по причине необычно жаркой поздней весны бал-

конное окно. В домах квартала все окна темные, но с синеватым проблесками от экранов телевизоров; вся страна смотрит и не нарадуется: теперь и Голливуд у нас имеется! Во дворе дома — ни души, только со стороны помойки веселые крики и даже песни в унисон.

Да-а, думает уже засыпающий на ходу Николай Андреянович: русский Голливуд, в доме напротив таблица *ООО* «Русский банан». *Культура. Помойка.*

ПОЛКОВНИК ХМУРОВ ИДЕТ ВА-БАНК

— Да-а, Андреяныч, душевно ты про зеленку рассказал — и сразу тепло почище коньячного по жилам пошло. Не хуже тебя с первыми своими девушками тож знакомился на своей, квартальной зеленке, будучи старшеклассником и курсантом-первогодком. А дядька мой Осип рассказывал, давно еще, что и жену себе нашел в начале пятидесятых годов на зеленочных посиделках. Со смехом вспоминал, какие плакаты тогда украшали это досуговое место. Особенно запомнился один такой. На голубом фоне изображен джентльмен в форсистой шляпе, костюме при галстуке, чем-то смахивающий на киношного иностранного шпиона. И демонстративно курил папиросу — не сигарету! Сигарет тогда еще у нас не было, исключая бесфильтровую «Тройку» с золотым ободком и табаком изумительным! Такого сейчас и в столичном фирменном табачном магазине не найдешь. А по низу плаката текст-агитка: «*На папиросы «Ява» я не сетую. Сам курю и вам советую*!» Ха-ха! Вот бы такими плакатами увесить дома Тулуповска? Это в самый-то разгар показушной антиникотиновой кампании!

— Григор-Иваныч, сейчас автобус свернет с местной трассы и через три минуты подкатит к воротам нашего санатория-курорта. Давай-ка к выходу подвинемся — и бегом в регистратуру, чтобы опередить всех и в очереди к регистраторшам не толпиться. А ты так и не

рассказал о, так сказать, деловой части пребывания в Кривулинском богоугодном заведении.

— Ладно, заселимся в нумера — доложу.

Коллеги-педагоги действительно опередили малоопытных в курортном деле Кривулинска пассажиров автобуса и первыми ворвались в регистратуру, парой зашли в нужную комнату и уселись к столикам двух регистраторш. Те быстренько просмотрели их путевки, санкарты и паспорта, легко согласились с тем, что их путевки по стоимости соответствуют номерам-одиночкам в третьем корпусе («Как раз два номера сегодня с утра освободились, даже на одном этаже. Повезло вам, молодые люди!»).

Получив направления к дежурной медсестре корпуса и отрывные талоны в столовую, Николай Андреянович и Григорий Иванович поднялись, но здесь Хмуров вынул из кармана модного в этом сезоне легкого летнего пиджака из светло-коричневой холстинки шоколадку, ловко ввернул ее своей регистраторше, поблагодарил за отличное обслуживание и вроде как необязательно поинтересовался:

— А не подскажете, милейшая Вера Николаевна (прочитал на бэджике, что на кофточке регистраторши лежал почти горизонтально на правой груди, подпертой снизу вошедшим недавно в моду эротическим бюстгальтером), Стелла Аркадьевна Горелик из Москвы еще не заезжала?

Николай Андреянович с легким недоумением кинул взгляд на Полковника, а пышногрудая Вера Николаевна, по роду своей службы, видевшая всех и вся насквозь, кокетливо улыбнулась, одобрительно посмотрела на статного и подтянутого мужчину, застывшего по стойке «смирно»:

— А как же, вчера и прибыла московским автобусом. Он приходит поздно вечером, так что москвичи регистрируются наутро. Час назад и ваша знакомая приходила. Симпатичная такая, сорок два года, заму-

жем. Отдыхать и лечиться приехала. И вам приятного отдыха, Григорий Иванович!

◆ Николай Андреянович, большой любитель военно-морского порядка, скоренько разложил-развесил свои пожитки: в ящики стола, в тумбочку, в платяной, встроенный шкаф, затем принял с дороги душ, переоделся в курортную одежду, заварил чай: кипятильник и чайник 0,7 литра он всегда брал с собой, уезжая из дома более чем на один день. Взял в руки мобильник — поторопить Хмурова, но тот уже вошел в номер. В левой руке он держал опять же плоскую бутылочку, но на этот раз «немировскую» на меду и с перчиковым стручком.

— Ага, чай уже заварен. До обеда еще полтора часа, так что давай пропишемся.

Николай Андреянович достал из холодильника только что уложенные туда домашние бутерброды с салями и красной рыбкой.

— А что это ты, Григорий Иванович (на отдыхе они отошли от принятого в вузах обращения на «вы» — даже среди закадычных друзей; чтобы студентов дисциплинировать),— тяготеешь к плоским бутылкам?

— Они места меньше занимают, чем круглые. Я же не люблю возиться с разбухшими сумищами. Пусть их женщины наперевес таскают, набив всяким барахлом. Ну, давай по первой за благополучный приезд. Опять же лихо у нас с корпусом получилось. А замечательная грудь у *моей* регистраторши: под четвертый номер дотягивает. Откуда у тебя стопки?

— От опыта курортного отдыха. Здесь на каждый номер положен только граненый стакан. Причем один. Видно, здешнее начальство подозревает своих постояльцев в глухом, одиночном алкоголизме. Рааз-ливай! Для чая я тоже свой стакан в подстаканнике привез, а ты, Григорий Иванович, не побрезгуй граненым.

Закусив перцово-медовую бутербродом с рыбкой, Григорий Иванович сразу перешел к вводной:

— Теперь о деловой части моего приезда сюда. Ты

знаешь, конечно, я уже закачиваю последнюю книгу своего фундаментального пятитомника по прогнозу эволюции Земли и человека. Печатать за свои кровно-трудовые тиражом в сто экземпляров, а потом раздать их коллегам и друзьям-приятелям, которые, даже не раскрыв их, поставят навечно на самые верхние полки своих книжных шкафов — нет, увольте. Вышел из того возраста. Вот я и поставил перед собой сверхзадачу: печатать только в Москве, в научном издательстве «с именем», бесплатно, и чтобы это издательство имело свою сеть распространении по России и по системе «Книга — почтой» через свой интернет-магазин.

Отсюда и все мои зимне-весенние поездки этого года в Москву — под любым предлогом командирования. Но во всех научных издательствах один совет: платите, забирайте отпечатанный тираж — и адью!

— А если у университетского начальства, у ректора попросить денег, приведя соответствующее обоснование: фундаментальный, мол, труд, престиж университета и так далее.

— Кто же мне даст? Это значит оставить верхнее начальство без комплектов зимних шин для их «мерсов»! Опять же вопрос с распространением не решается. А в Тулуповске мои книги никому не нужны. Разве что ты полистаешь, да Гена Язвишин от корки до корки все пять томов проштудирует.

Так вот, в одну из поездок, в очередном издательстве, беседуя со старшим редактором, обратил внимание: явно мой собеседник неопохмелен. Без обиняков достал из дипломата бутылку кизлярского коньяка, бутербродов. Тот вмиг ожил, запер на замок дверь в свой кабинетик. Выпили, разговорились. В благодарность редактор и дал мне наводку.

Дескать, ты, Григорий Иванович, заканчивай ходить, ноги трепать по издательствам навроде нашего. Везде только деньги, деньги и еще раз *мани*. А тебе, как приличному человеку, подскажу как издать свои

книги бесплатно и с распространением по сети издательства. Обрисую ситуацию.

Знаешь, наверное, рядом с метро «Калужская» — от выхода-входа станции и вплоть до горизонта в советское время понастроили впритык друг к другу чертову уйму всяких научных институтов и конструкторских бюро. У нас в Москве на этот счет шутковали: эти НИИ-КБ и даром науке и промышленности не нужны, но ведь надо же хоть для видимости занять чем-то выпускников вузов — естественно, которые со столичной пропиской.

Сейчас все они перепрофилированы под торговые центры и лавки, всякие *ООО* и *ОАО*, где мальчики-манагеры* и девочки — «офисные креветки» сидят за компами и технически помогают своим хозяевам-бандитам делать деньги из воздуха. Из считанных сохранившихся «контор» сейчас несколько особое положение занимает сравнительно небольшой, занимающий всего один девятиэтажный, одноподъездный корпус без всякой инфраструктуры...

Я, Андреяныч, названия института тебе пока не говорю не из какой-либо опаски, а чтобы самому до времени не сглазить. Как всякий военный, грешен суевериями.

Так вот, институт этот по ведомству Российской академии наук, или, как принято говорить: РАН-овский. Но дело, конечно, не в академической принадлежности. Сама РАН со своими институтами живет на сущие копейки, которые минфин каждый год урезает.

А вся интрига в том, что институт этот, кстати, по своему профилю в некоторой степени близкий к вашим, Николай Андреянович, научным увлечениям, возглавляет восьмидесятилетний академик, истинный подвижник

---

* Принятое ироническое наименование менеджеров (то есть приказчиков) — английское слово *manager* читается как пишется.— Прим. авт.

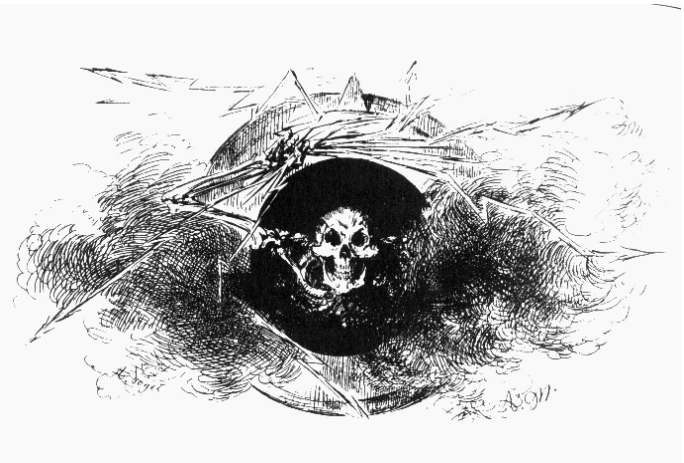
науки, на сессиях РАН громко заявляющий с трибуны: «Пусть несчастной нашей страной правят демократы, коммунисты, анархисты, фашисты и даже педерасты, но пока я — директор, институт будет жить!»

И действительно, до сих пор живет и не бедствует. Долгое время помогал деньгами Лужков. Даже такие люди порой благодарны. В советское время академик каким-то боком очень помог Юрию Михайловичу утвердиться на видной должности руководителя *ЦКБ* автоматики в химической промышленности с десятью солидными филиалами по всей стране.

А к моменту, когда «мэра в кепке» с позором выгнали, у везучего академика появился новый источник финансирования. Подросший внук, обучившийся премудростям капитализма в Гарвардской высшей школе бизнеса, взял стремительный карьерный разбег и получил должность начальника департамента или отдела, не знаю, как там у них именуется, в минфине. И именно того департамента, который распоряжается финансированием науки и РАН в частности.

Конечно, усвоив американские нравы, внучек плевать хотел на деда-академика, да еще неодобрительно отзывающегося о педерастах, каковым внук заделался в Гарварде. Но у него имелся пунктик. Конечно, внук уже успел наворовать-навзяточничать достаточно для решения жилищного вопроса: имел квартиру в триста квадратных метров в элитном доме, нехилый коттедж на подступах к Рублевке... Но — как истинный нумизмат спит и видит, что в его коллекции появился динарий Александра Македонского с ошибкой в написании имени великого завоевателя, что имеется в мире только в одном экземпляре, так и внучек желал иметь еще и квартиру в сталинской высотке. Вынь да положь!

Самое главное — дед-академик как раз проживал в четырехкомнатной квартире высотки у метро «Баррикадная» (кажется, уже по другому называется — в духе времени перемен), причем два окна его угловой квар-

«Сон разума рождает чудовищ» — так рисовал свои картины Франсиско Гойя. Но Гойе далеко до нашего полковника Хмурова, сны которого расцвечены странной помесью его артиллерийского прошлого и доцентского настоящего. Причем не просто доцентского, но нацеленного на создание новой фундаментальной науки о далеком будущем Земли.

...Этот симбиоз и имел в виду его преданный оруженосец, аспирант Хмурова Эдька, когда к дню рождения шефа решил изготовить ему личную эмблему. Будучи человеком разносторонним («Талантливый человек во всем талантлив»,— как обычно говорят женщины своему любовнику после бурной ночи...), Эдька нарисовал эмблему — череп в пушечном стволе — и за ремонт компьютера уговорил художника-графика Артура с кафедры дизайна перенести эмблему на овальную серебряную пластинку-значок.

...В день рождения Хмуров принимал скромные поздравления коллег около своего стола в преподавательской: каждой даме вручал шоко-

ладку, а мужчинам наливал стопку коньяка. Эдьке же, растроганный эмблемой, предложил вослед первой и вторую. Тем более, что аспирант присовокупил к серебряному значку и плоскую бутылочку «кизлярского» — чтобы обмыть награду.

Все в эмблеме понравилось Полковнику: и жерло шестидюймовки как символ его артиллерийского воспитания, и череп — символ мудрости и вечности жизни на Земле. Только намек на паука в руке скелета смущал.

— А паук в руке, Григорий Иванович,— рассеял сомнения Эдька,— это олицетворение Болонского процесса, плетущего свои злокозненные сети, который именно вам предстоит нивелировать, выражаясь по-артиллерийски.

тиры как раз смотрят на здание правительства на Краснопресненской, где внук финансами ворочает по научному ведомству!

Академик это знал и без китайских церемоний и всякой дипломатии предложил гарвардскому внуку конкордат: я пишу завещание на квартиру тебе, оставляя с носом всех своих детей, в том числе твою мать, шестерых внуков, твоих кузенов и прочая, прочая. А ты взамен будешь финансировать — причем без взяток от меня и без откатов — мой институт отдельной строкой и по нехилому классу. Одно условие: если тебя, нетрадиционная ты харя, в ближайшие пять лет за взятки и мошенничество выгонят с должности, то завещание автоматически аннулируется. К радости твоих дядьев и двоюродных братцев. Вот комедия-то будет? — Переругаются, морды друг другу набьют. Академик злорадно захихикал.

Внук прикинул так и этак: в конце-концов деньги-то казенные на институт пойдут, не кровные. А если подтянуть пояс и пять лет взятки-отказы брать чуть поумереннее, то в нынешнем накале словесной борьбы с коррупцией пять лет удержаться на должности — плевое дело. Словом, поехали дедушка с любимым внучком к нотариусу.

◆ — Я, Андреяныч, заинтересовался такой преамбулой и вынул из диплома резервную бутылку. Редактор кивком головы одобрил контрдемарш к главному. Имея щедрое финансирование от внука, академик открыл при институте научное издательство: давно он мечтал солидно издать собрание своих сочинений в двадцати томах, включая мемуары и личную переписку. Закупил в Германии новейшее оборудование для оперативной печати и издания книг в добротных твердых переплетах. Разогнал прежний хилый редакционно-издательский отдел со старухами, нанял профессиональных редакторов и рабочих-печатников. Умные люди подсказали: для распространения и продажи книг по всей стране и за рубежом нужно открыть при издательстве

собственный итернет-магазин и заключить договора с ведущими сетями книжных магазинов навроде «Библиосферы». Что и было сделано.

Работа закипела. Параллельно со своими трудами и мемуарами академик начал издавать книги своих коллег-академиков со старой дружбой, других ученых авторов — все примерно по тематике института.

Директором издательства, вопреки желанию академика, внучек «толкнул» своего безработного бойфренда, бездельника и пьяницу, появлявшегося в институте только в табельные дни — на выдачу зарплаты. Поэтому издательство в свои руки взяла бывшая секретарша директора института Стелла Аркадьевна Горелик, поставленная поначалу на чисто техническую должность главного редактора. Следует учесть, что восьмидесятилетний академик, выйдя на «мужскую пенсию», все же продолжал питать нежную приязнь к бывшей секретарше; когда Стеллочка, как ее все звали в глаза и за глаза в институте, заходила без доклада к шефу по делам издательства, тот расцветал лицом и долго оглаживал сухонькими ручками ее прелестные округлости. Иногда, после предпраздничных банкетов, расшалившись, и вовсе предлагал французский интим, за который подписывал чаровнице повышенную премию. В итоге решать, кого и в какой очередности издавать, стала Стеллочка. Даже сам академик с невольной робостью просил ее: «Дорогая моя, а нельзя ли в следующем квартале издать небольшую книжку моего друга с детства, вице-президента РАСХН* Формозова? Ты уж расстарайся, Стеллочка, выручи меня!»

И далее запьяневший редактор прямым текстом мне: найди, мол, подход к Стеллочке, и дело в шляпе! А подход один, учитывая, что ты, Григорий Иванович, мужик видный и крепкий, а Стеллочке сорок два, вторая чувственная молодость женщины. У мужа ее, стар-

* Российская академия сельскохозяйственных наук.— Прим. авт.

ше десятью годами, профессора, рабочий инструмент стабильно «на полшестого» смотрит. Но она разборчива, тут с подходцем нужно.

Распрощались мы с редактором дружески, а в следующий приезд в столицу взял я курс на этот институт, отыскал кабинетик Стеллочки, представился профессором, вручил три розы и коробку лучших конфет от Коркунова, начал закидывать удочку насчет издания пятитомника. Вижу — меня она по-женски оценила, но, как и говорил редактор, дама разборчивая и сразу решений не принимает. Работа ваша, Григорий Иванович, конечно, фундаментальная, интересная, но с ней должны ознакомиться члены Научного совета института — и прочие благоглупости говорит. Думай, говорю себе, думай, полковник, ищи подход! А тут Стеллочка встала — под видом заварки кофейку под коркуновские конфеты свою прелестную фигурку продемонстрировать. Вижу: под шерстяным джемпером (дело зимнее) явно талия обернута пуховым шарфом, как это делают женщины, когда простуживают поясницу. И за кофейком ненавязчиво перевел разговор на холодную зиму, простуды, что молодой и красивой женщине надо беречь себя. Расчувствовалась: мол, от такой погоды и сидячей работы что-то стало часто в поясницу вступать. К врачам идти бесполезно...

Тут я радостно (все, нашел подход! Молодец, полковник!) ей про Кривулинский курорт-санаторий, все с твоих слов, начал лепить: чудо-грязь, замечательные врачи, опять же почти рядом с Москвой, не нужно ехать во всякие Минводы, да и опасно там сейчас — накануне как раз там кавказские бойцы что-то взорвали. Смотрю — всерьез заинтересовалась, хотя, конечно, все правильно поняла, как умная женщина. Записала название санатория в рабочий блокнотик. Я же — опять с твоих слов — ей про третий, элитный корпус и про лучшее время отдыха-лечения: конец июля — начало августа. И это она в блокнотик занесла.

Распростились очень даже довольные друг другом. Обещал через пару недель привезти распечатки текста первых двух томов монографии «для Научного совета». Когда приехал к ней вдругорядь, Стеллочка, чуть потупившись, сообщила, что уже заказала через свой профком путевку в Кривулинский санаторий на рекомендованное время и в элитный третий корпус.

В третий приезд пригласил в ресторанчик средней руки, посидели, поговорили. Проводил ее до дома, ручку лобызнул на прощание. Потом несколько раз перезванивались. Словом, клюнула.

◆ — Давай, Андреяныч, по второй — и пора нам на обед.

Опытный Николай Андреянович, выходя из номера, захватил граненый казенный стакан, положив его в пакетик.

— Это зачем? — Полковник ухмыльнулся.

— А как же, из чего будем пить перед обедом здешнюю знаменитую минеральную воду?

В питьевой галерее, что располагалась на полпути между их корпусом и столовой, было многолюдно. Компаньоны выпили по стакану, причем Хмуров зорко, по-артилерийски оглядывал стоявших порознь, парами и группами по интересу курортников. Затем двинулись дальше. Внешне приземистое, не страдающее архитектурными излишествами здание столовой внутри обернулось двумя огромными залами с высокими потолками с вентиляторами, окнами высотой в два человеческих роста с летними тюлевыми шторами.

— Ого! Да здесь одновременно если не полк, но батальон можно усадить. Ты почему в левый зал сразу идешь?

— А там конторка диетсестры, что вносит в рескрипт вновь прибывающих и распределяет по залам и столикам согласно затребованной диеты. Мы с тобой без лечения, так что — общий стол.

— Погодь, погодь, Андреяныч. Не торопись. Сна-

чала пройдемся по проходам, может кого знакомых встретим, ха-ха!

Николай Андреянович пожал плечами, зашагал вслед за компаньоном по проходам между рядами столов. Знакомых по университету и вообще по Тулуповску оказалось достаточно: с кем за руку здоровались, кому кивали. Дежурный вопрос здесь: «Когда приехали?»

Пройдя последний проход, Хмуров заметил, что в этом зале слишком шумно, надо, мол, осмотреть другой. Но на самом входе в правый зал Григорий Иванович, окинув обедающих орлиным оком, вдруг выпятил гвардейскую грудь и иноходью устремился к четвертому от двери столу в центральном проходе. Николай Андреянович — вослед. Полковник же с налету лобызнул ручку сидевшей за столом моложавой женщины (рядом с ней только старушка учительского вида, а два других стула свободные), изображая душевное волнение, гусарским рокотом произнес:

— Стелла Аркадьевна! Какими судьбами? Все же решились: не на Канары, не в Турцию с Египтом в этом году, а в нашу деревенскую глушь! Рад, очень рад видеть вас.

Затем Хмуров представил друг другу Стеллу и Николая Андреяновича, именуя последнего коллегой-профессором, «лауреатом многих премий за созданные им боевые ракеты». Познакомились и с соседней старушкой, действительно оказавшейся пенсионной учительницей из Рязани.

— Вы уже разместились здесь, в столовой, а то подсаживайтесь к нам,— проворковала Стелла,— думаю, Анастасия Павловна будет не против (старушка расплылась в доброжелательной улыбке) — как раз два места эти сегодня освободились: пара из вашего Тулуповска утром позавтракала и распрощалась, срок путевок их вышел.

— Вот что, Николай Андреянович, ты давай к диетсестре, а я буду места охранять, вступать в переговоры, если их уже успели на кого-нибудь списать.

У конторки диетсестры на тот момент никого не было. Николай Андреянович попросил «прописать» его с коллегой за шестьдесят седьмой стол в правом зале.

Медицинская регистраторша посмотрела на разлинованный лист большого формата с крестиками-ноликами, убедилась что есть за этим столом два свободных места, надписала цифру «*67пр*» и время начала завтрака, обеда, ужина на обложках санаторных книжек наших путешественников, но предупредила:

— Вы, я вижу, без лечения, а этот стол под хондрозно-ревматическую диету: в основном, овощи, мяса мало, почти все несоленое.

— А у нас с коллегой как раз все эти хондрозы,— весело ответил Николай Андреянович,— а соленым мы только водку закусываем!

Диетсестра поощрительно улыбнулась. Еще с дверипроема в зал Николай Андреянович услышал рокочущий голос Хмурова, развлекающего дам пристойными одесскими анекдотами:

— ...Бабушка отвечает: «Карл Маркс — это был такой экономист».— Внук Изя говорит: «Это как наша тетя Циля?» — «Нет, Изя, тетя Циля — старший экономист».

Обед прошел весело. Полковник разливался соловьем, совершенно очаровав Стеллу и старушку. А Николай Андреянович, рассмотрев предмет интереса коллеги, подумал даже с легкой завистью: «Н-да-а, у Иваныча губа не дура, приятное с полезным будет три недели совмещать! Однако, судя по скрытому, клокочущему темпераменту Стеллочки, высыпаться он явно не будет».

Потенциальная подружка Хмурова имела средний женский рост, но была замечательно сложена — из тех, кто в сорок с небольшим лет сохраняет почти девичью фигуру. Симпатичное личико с необходимым минимумом макияжа, натуральные, неокрашенные волосы брюнетки, слегка вьющиеся от природы. Особенно восхитила Николая Андреяновича (и Полковника тоже, как он ему еще

раньше говорил, рассказывая о зимних поездках в Москву) прическа прелестницы. На фоне надолго вошедших в моду распущенных косм у 99 % женщин в возрасте от детсадовского до позднепенсионного, нормальная прическа сейчас редка, а в силу этой редкости сама по себе привлекает внимание мужиков. Но Стелла имела именно возбуждающую стрижку, чем-то напоминающую популярный — в годы его молодости «гаврош» — ото лба, далее переходящий в крупные, взбитые воланы на темечке, а на затылке — подвитые вовнутрь, открывающие восхитительную шею, называемую лебединой.

Вся эта роскошь оттенялась контрастным с волосами светло-зеленым платьицем на бретельках. Естественно, соразмерное декольте — и куда от моды денешься? — Все тот же, вошедший в обиход бюстгальтер, подпружинивающий груди снизу. А то, что у Стеллы последние — между вторым и третьим номерами — чуть-чуть, но превышали соразмерность с ее ростом, так это как раз и есть та изюминка в женщине, что заставляет мужиков с посиневшими от возбуждения носами, не отрываясь, жадно обладать, хотя бы и глазами, такую прелестницу.

Сдружившаяся троица — Стелла посредине — неторопко дошла до своего корпуса. У двери обладательница всех женских достоинств пригласила спутников подняться к ней в номер и попить на послеобеденный десерт настоящего, не магазинных «сушеных березовых листьев», индийского коллекционного чаю, что привез накануне из Индии ее шеф-академик, летавший в дружественную страну на научный симпозиум. Полковник с радостью согласился, дескать, давно он не пивал настоящего чая, и подмигнул из-за спины Стеллы коллеге — баста, клюет!

Николай же Андреянович с сожалением отказался, мол, у него привычка, отравившись здесь избытком кислорода в деревенском воздухе, в день приезда после обеда два-три часа спать.

...Он действительно проснулся только к ужину, в половине седьмого вечера. В столовой Хмуров уже называл соседку по столу Стеллочкой, а она его Григорием, но пару раз и просто Гришей. На курортах, пояснила она, знакомые зовут друг друга по именам. Так принято.

Когда грянули танцы на веранде в парке, Николай Андреянович потянулся туда, опять же поспав полтора часа. Сам он пляски не любил, но прохаживался по аллеям парка, беседуя с давним знакомым московским профессором, что каждый год приезжал в это время в Кривулинский. Всякий раз, подходя к танцверанде, видел он беснующихся танцоров, среди которых Полковник и Стелла явно были лидерами.

...На следующий день, перед завтраком, Полковник зашел к приятелю бодрый и свежий, но с несколько припухшими веками: «Теперь, Андреяныч, как честный человек, я должен жениться. Хотя бы на время».

СОВЕРШЕНСТВО И АБСУРД

◆ Артиллерийский полковник в запасе Хмуров, ныне доцент кафедры ракетостроения Тулуповского государственного университета в последнее время стал ощущать определенную неадекватность окружающей его обстановки: на работе, дома, на улице. Даже на дружеских вечерних — с устатку — посиделках в забегаловке «Ханты-манси» с коллегами по кафедре, доцентами Николаем Андреяновичем и Яцышеным, с доцентом же Язвишиным с медико-физкультурного факультета. Стал он замечать то, что ранее воспринимал как некую индивидуальную особенность то ли своего зрения, а может и образности мышления что ли?

Все дело в том, что как будто начал он воспринимать окружающий мир несколько *остраненно*. Самое интересное, его аспирант Эдька как-то в доверительном разговоре с шефом — поздним вечером, когда засиде-

лись они сам-двое в преподавательской кафедры, выправляя третью главу диссертации — признался примерно в том же самом:

— Понимаете, Григорий Иванович, этот чертов компьютер и суточные «сидения» в Интернете, при всей их полезности, конечно, странное дело с человеком делают: начинаешь себя ощущать вроде как одиночкой, ото всего изолированной единицей. Среди людей, событий и предметов живешь, но все это, даже в каком-то смысле отец с матерью и сестра, бабуля тож, кажутся, прости господи, некими посторонними. Порой до дикости в мыслях доходит: думаю, вот дотронусь пальцем до кого-нибудь или чего-нибудь, а палец пройдет через них. Как в пустоте с голографическими объемными фигурами. Но в то же время какая-то боязнь или неведомая сила запрещают такие эксперименты проводить.

Сейчас у меня подруга интимная, извините, Григорий Иванович, медичка со старшего курса, с нашего медико-физкультурного. Как-то поделился с ней, вроде как шутя, этими мыслями, но та перед этим шампанского с ликером нахлебалась, да и я ее, вторично извиняюсь, чувственно завел... Засмеялась только: а ты, мол, Эдик, как мысли такие придут в голову, так попей сибазончику или грандаксину. Еще действеннее — ивадалу, флуоксетину или доброго старого алпразоламу. У меня по фармакологии пятерка, то есть сто баллов, были!

Еще раз посмеялась, потом: дескать, не задумывайся, как такая хандра найдет, там мигом ко мне. Коньячок отцовский, шампунек — и в койку. Она-то сразу излечит. Родичи мои, как ресторанным бизнесом увлеклись, так без выходных и праздников в девять утра сматываются, а приезжают в два-три ночи! Так что твоя спасительница, исключая часы занятий, всегда к твоим услугам!

Хмуров ухмыльнулся непосредственности аспиранта, а поскольку виртуализация социума и индивидуального человека, полностью погрузившегося, как современная

молодежь, в интернетовский, компьютерный мир, как раз и являлась одной из основных тем его исследований и содержания уже написанных томов «книги века», как уже весь университет за глаза ухмылялся, то он кратко, но понятийно объяснил суть происходящего с собеседником. Однако под конец краткой лекции поймал себя на тревожной мысли: но ведь он-то, в отличие от Эдьки и всех современных тинейджеров, да далеко и не только их одних, к компу почти что не подходит, благо печатать и рисовать иллюстрации в машинной графике для его монографий есть кому на кафедре. За умеренную плату. А Интернет он давно объявил изобретением дьявола; принципиально не знает смысла слов из птичьего языка пользователей этой техники навроде блог, сайт, провайдеры там всякие с франчайрайзерами...

Неуютно стало полковнику Хмурову. Скомкав объяснение, распрощался с аспирантом до завтрашнего дня. Повеселевший Эдька взял курс на дом Натки-медички, а Григорий Иванович уныло пошагал вниз по проспекту. Тоже держа ориентир на свой дом. А может и не свой? Вроде как до старости еще дело не дошло. А до чего дошло?

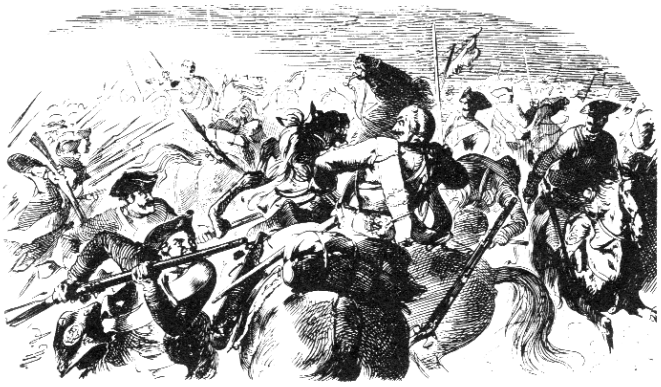
◆ В самом конце третьего века семнадцатого тысячелетия первого цикла летоисчисления* Главный управляющий центр Земли выдал директиву высшей категории важности: для корректировки генплана развития до конца первого цикла в числе многих других мероприятий провести очередной биологический эксперимент. Сущность его состояла в следующем. Да, заметим, что

---

* В будущем человечество выбрало отсчет времени по циклам, причем длительность цикла вычисляется из соотношения времени полураспада образцовых изотопов индия и тория:

$\Delta_{ц} = (In^{115})_{1/2} : (Th^{232})_{1/2} - (Th^{229})_{1/2} = (6 \cdot 10^{14}) : (1,45 \cdot 10^{10}) - 7540 = 33860$ (лет).

Начало первого цикла было отнесено (по привычному нам летоисчислению) к 0.0 31 декабря 2098 г. от Р. Х. То есть описываемые события начались в 19390-х гг. от Р. Х.— Прим. авт.

Болонский сон № 304. Самый яростный бой разгорелся при взятии корпуса философского факультета. Самому полковнику Хмурову не раз пришлось отбиваться от разъяренных добровольцев из профессоров и доцентов кафедр идеалистической философии и современной метафизики. Даже преподы с отделения диалектического материализма, на взводном знамени которых задумчиво смотрели влево Гегель и Карл Маркс с Фридрихом Энгельсом, не пожелали сдаться в плен потомкам вершителя Октябрьской революции.

Умело отмахиваясь саблей от багинетов наседавших философов, Хмуров хладнокровно рассуждал. Изумляясь храбрости и идейной твердости служителей мировоззренческой науки, Григорий Иванович мысленно сравнивал с ними философов отечественных университетов. Далеко не в пользу последних. Вот взять, к примеру, почтенного профессора Филиппа Маврикиевича, что тридцать лет советского благоустройства громогласно убеждал в первоистинности диамата и истмата.— Но как

только отгремели октябрьские бои у Дома Советов и в Останкине, так и Филипп Мавракиевич слегка смущенным голосом начал обучать недоумевающих студиозусов «переходного периода» некоей смеси идеализма — прагматизма — неопозивитизма. И все это называется «Мировой философией».

Пойдем дальше. Допустим, что решили Россию сделать православным Четвертым Римом (а Пятому не бывать!).— Например, в противовес исламскому фундаментализму. И что делает почтенный Филипп Мавракиевич? — А он мигом отращивает десятидюймовую бороду, шьет себе длинный сюртук a la ряса и начинает с кафедры-амвона вдохновенно распевать о сотворении мира по Книге Бытия из Пятикнижия Моисеева... Нет, Филипп Мавракиевич свой университет защищать от неприятеля не станет.

аналогичные проводились, в качестве контрольных, во всех предыдущих нечетных тысячелетиях цикла...

Итак, на этот раз контроль должен быть проведен по соотнесению с восемьдесят восьмым годом до начала первого цикла, то есть с 2010-м годом по доисторическому, христианскому календарю.

Соотнесение заключалось в воспроизводстве по артефактам *ДНК*, или их фрагментам, типичного *homo sapiens* в текущем году соотнесения, то есть в этот раз в 2010-м от *Р.Х.*, находившегося в возрасте физической и умственной зрелости, главное — самодостаточно мыслящего. Этот воссозданный древний человек, начиная от активации ДНК и до достижения возраста, соответствующего 2010-му году, естественно формировался в условиях правдоподобного анабиоза.

То есть, во-первых, никаких архаичных, давно изжитых репродуктивных технологий с привлечением бывших женщин — типа *ИОМ*, *ИОД*, *ЭКО с ПЭ*[*] и так далее. Плод реконструируется из ДНК в специальной биофизикохимической камере, управляемой компьютером LVII-го поколения. Для самой полной идентификации «родившегося» младенца далекому его близнецу, включая не только пол, группу крови с ее полной формулой и так далее, вплоть до «унаследованных» черт характера и внешности давних же отца, матери и всех предков до седьмого поколения, в управляющую камерой программу компьютера включены все эти характеристики. Последние же считаны с *ДНК*-артефакта.

Понятно, что такое стало возможным, когда в самом начале второго века первого тысячелетия первого цикла были кардинально пересмотрены примитивные и неадекватные представления о структуре наследственной

---

[*] Используемые ныне репродуктивные технологии; соответственно, искусственное оплодотворение спермой мужа; то же, но спермой донора; экстракорпоральное оплодотворение с переносом эмбриона («ребенок из пробирки»).— Прим. авт.

памяти *ДНК*, вошедшие в научный обиход еще в доцикловые времена — так называемая международная программа «*Геном человека*». Как стало вскоре, где-то в XXII веке старого летоисчисления, понятно, что «рассортировать» три миллиарда нуклеотидных оснований ДНК человека по условным генам — это примитивная «арифметика». А вот «высшая алгебра», что и было выполнено — это установление свыше трех триллионов электромагнитных связей: между группами-генами и отдельными нуклеотидными основаниями.

...Но это все цветочки, ягодки впереди, а именно: воссоздание максимально адекватных прототипу-близнецу внешних условий взросления копии от самого условного «рождения» до серьезного взрослого возраста в 2010-м году по старому летоисчислению. Это уже информация не генетическая, но — фенотипическая. Конечно, в тонких связях генов *ДНК* процентов двадцать-двадцать пять фенотипики отобразилась. До половины всей информации дали архивные материалы той поры в локализации выбранного объекта. Остальное — сложнейшая интерполяция архивных данных и феногенотипики методом последовательных шагов-итераций.

То есть в течение всех пятидесяти с лишним лет взросления клона, находящегося в специальной камере с круговыми объемными голографическими экранами и тренажерами для физического развития, каждые полчаса система энцефалодатчиков фиксировала все оттенки работы оперативной памяти и подсознания и подправляла, экстраполировала фантом окружающей «обстановки» в управляющей программе.

...Все это долго объяснять чисто понятийным языком, то есть без формул математики и логики, системного программирования и пр., и пр. Словом, к назначенной дате клон готов для эксперимента. Сущность же последнего: для корректировки генплана развития всей инфраструктуры Земли в вычисленные Главным управляющим центром сроки клонируются группы (но сугубо

автономно) людей-архетипов из разных эпох — от XVI века христианской эры до предыдущего тысячелетия первого цикла нового летоисчисления. Далее каждый из них, выросший в смоделированных, адекватных ему условиях-фантомах, «выпускается» в реальный теперешний мир. Ему объясняют: кто он есть, знакомят с всем и всея нынешнего облика Земли, а закрепленные на его голове и теле чипы-датчики дают на регистрирующий компьютер сигналы, отображающие всю психосоматику и мыслительную деятельность клона.

Казалось бы: кому в семнадцатом тысячелетии первого цикла нового летоисчисления важны мнения и реакции первобытного человека доисторического, христианского периода дикой цивилизации Земли? Но — нужны и очень даже важны. А почему нужны и очень даже важны? — Это знание есть прерогатива исключительно верховного разума Земли, воплощенного в структуре Главного управляющего центра. Анализирующего и синтезирующего тож.

◆ Задача поиска исходных *ДНК*-артефактов из той далекой эпохи и сложна, и проста. Проста чисто технически, особенно для времен, начиная с первой трети XXI века христианского летоисчисления, когда в наиболее развитых тогда странах начали создавать банки генетических материалов. Эти банки, вернее те из них, которые уцелели в Четвертой ядерно-психотронной войне, развязанной теми дикарями, далее были включены в более совершенные банки и сохранились до сих пор. А от XVI—XX веков христианской эры *ДНК*-артефакты также были собраны из захоронений во второй трети того же XXI доисторического века. В основном они тоже сохранились.

Сложность же заключалась именно в отыскании *ДНК*-артефактов только самодостаточно мыслящих людей, образованных и склонных к логически непротиворечивому анализу и синтезу. Бывшие дворники, торгаши, военные, чиновники здесь не годились.

В Институте реконструктивного биосинтеза, издавна ответственного за эксперименты подобного рода, в штате которого состояли пять биологически идентифицированных управленцев, две сотни виртуально идентифицированных биороботов, главный мегакомпьютер и автоматизированный поисковый комплекс, поиски *ДНК*-артефактов группы людей, живших с середины XVI века по середину века двадцать первого, были распределены — по количеству группы — между двадцатью виртуально идентифицированными биороботами (*ВИБ*). Все они подчинялись управленцу третьего ранга.

ВИБ № 78, как он значился в списке личного состава Института, то есть суперкомпьютер со сложной телекоммуникационной и механотронной инфраструктурой, занимавшей рабочий кабинет под тем же номером, получил по разнарядке Управ-три задание на поиск артефактов древнего человека, обладавшего к 2010-му году набором требуемых качеств.

Стандартные, отработанные программы поиска результатов не дали. Немногие генетические банки начала XXI христианского века оказались уничтоженными в Четвертой мировой войне. Поэтому предстояла очень кропотливая работа по захоронениям, не всегда дающая адекватный результат. Но что поделаешь? *ВИБ № 78* приступил к первому этапу: архивному поиску подходящих кандидатур 2010-го года в возрасте 50—60 лет.

Семьдесят восьмой биоробот был новейшей конструкции, по интеллекту почти приближенному к биологическому человеку, поэтому на досуге — регламентной проверке, мелком ремонте, изменении конфигурации архитектуры и так далее — Семьдесят восьмой регулярно вводил в свою базовую память всякие информационные куншткюки, в основном, тексты древних книг и рукописей из фондов различных инфохранилищ. Особенно его интересовали труды по прогнозированию будущего Земли и Вселенной — почти безумные или полубезумные теории, выдвинутые в конце XX — начале

XXI веков христианской эры. Может, зная этот пунктик Семьдесят восьмого, Управ-три и поручил ему начало двадцать первого века.

Поэтому «продвинутый» *ВИБ № 78* не стал поначалу тупо-механически перебирать архивные досье за 2010-й год, а перевел из базовой памяти в оперативную эти самые кунштюки того времени и сразу выявил козырную карту — пятитомное сочинение некоего Григория Ивановича Хмурова, русского по тогдашнему разделению по национальностям, военного в запасе, преподававшего в университете города Тулуповска — опять же по принятому в древние времена делению на государства — в стране России.

Труд этот был посвящен прогнозу — с позиций науки и суеверий того времени — перехода биосферы Земли в ноосферу, а реального мира людей биологических в виртуальный электронный мир. Как ни странно, но этот экс-полковник предугадал многое из сбывшегося уже в самом начале первого цикла нового летоисчисления.

Вот бы заполучить *ДНК*-артефакты лихого полковника? Увы, Тулуповск и его окрестности с захоронениями был снесен в том же начале первого цикла, как неперспективное поселение, а на освобожденной территории, богатой подземными водами, вырыли гигантский котлован площадью восемьдесят квадратных километров, заполнили его в течение трех лет водой из системы артезианских скважин. Получившееся хранилище восполнило нехватку пресной воды в центральной части Восточной Европы.

...И опять Семьдесят восьмому повезло: базовая память отыскала в сонмище файлов всякого мусора информацию: в одном из книжных древнехранилищ имеются книги из библиотеки бывшего Тулуповского университета. Ориентированный запрос выдал ошеломляющий результат: в описи уцелевшей части фонда этой библиотеки сохранился третий том сочинений Хмурова

с его личным экслибрисом. То есть это был авторский экземпляр; по всей видимости, завещанный полковником, наряду с другими книгами, родному университету. А может, автор и сам по ошибке вместо «чистого» экземпляра передал в дар личный.

Опыт подсказал Семьдесят восьмому, что в книгах часто можно найти такие превосходные *ДНК*-артефакты как волосы. Особенно в мудреных книгах, которые читают, задумчиво почесывая уже заметную лысину...

Затребованную книгу, бережно сохраняемую почти двадцать тысяч лет в вакуумной упаковке-консерванте, авторобот скоренько доставил в Институт, а механотронный и оптический интерфейсы Семьдесят восьмого тщательно просмотрели книгу. Волос не нашлось, ибо полковник Хмуров стригся коротко и голову при чтении не чесал. Но зато был обнаружен намного более ценный артефакт — следы слюны!

Действительно, просматривая сигнальный экземпляр третьего тома, Хмуров обнаружил грубую опечатку по вине издательства, побагровел (был несколько нетрезв — обмывал изданный труд) и, не сдержавшись, в гневе плюнул на опечатку. А поскольку кому-либо презентовать заплеванный экземпляр неприлично, то Хмуров оставил его себе как личный, проштемпелевав на форзаце свой экслибрис.

...Далее все просто. Досрочно выполнивший свою работу Семьдесят восьмой передал артефакт в отдел клонирования, дело завертелось. А через пятьдесят пять лет клон полковника Хмурова соответствовал его оригиналу 2010-го года древнего христианского летоисчисления.

◆ С каждым днем Григорий Иванович все более и более ощущал это непонятное чувство отстраненности: все вокруг вроде бы давно знакомое, свое... а в то же время и чужое. Особенно это поражало его, скажем так, в интимных делах с супругой. Жена его в начале шестого десятка не теряла, в отличие от многих глупых баб (стара, мол, дети, внуки...) темперамента и склон-

ности к ночным ласкам. На людях выглядела на сорок с небольшим, а в постели, сохранив девичью атласность кожи и тугие груди, и вовсе на матерую тридцатипятилетнюю бальзаковку тянула.

Григорий же Иванович, по происхождению из казаков-староверов, и вовсе полагал свой возраст третьей молодостью. Четвертую же в их роду относили к седьмому десятку. Но Хмуров не был бы сверхдисциплинирован на военной службе, к тому же обладающим логическим, научным мышлением, если бы естественная, биологически обусловленная страсть к своей тугогрудой, так и не надоевшей более чем за четверть века, супруге, если бы его ночное постельное трудолюбие не дополнялось холодным расчетом медицинского характера. Ибо еще в его юности, в военном училище, старый, мудрый преподаватель по артиллерийской оптике Добромыслов, уже давно в отставке, встретивший Октябрьскую революцию в Омском юнкерском корпусе, наскучавшись объяснением курсантам принципов работы бинокулярных дальномеров, рассказывал пару забористых армейских анекдотов, а затем минут десять поучал их жизненным премудростям.

«...Готовьтесь, господа-товарищи курсанты, тянуть лет двадцать лямку армейского офицера. Причем не в штабах округов в крупных городах, а по преимуществу, особенно на первых порах, до капитанских и майорских погон, в глухомани, особливо в тайге или в Заполярье. Даже на Земле Франца-Иосифа, рядом с Северным полюсом, в дивизии первого удара по натовцам. В таких местах только два удовольствия-развлечения: вечером с сослуживцами выпить — в меру, конечно — водчонки под хороший харч, а ночью окучивать свою юную супругу. Особенно на Севере, где долгая полярная ночь. И вам, и женам одно нескончаемое удовольствие.

А как в полковники выйдете, отставниками станете, найдете непыльную работенку на гражданке, так не ленитесь, также продолжайте супруг своих баловать по

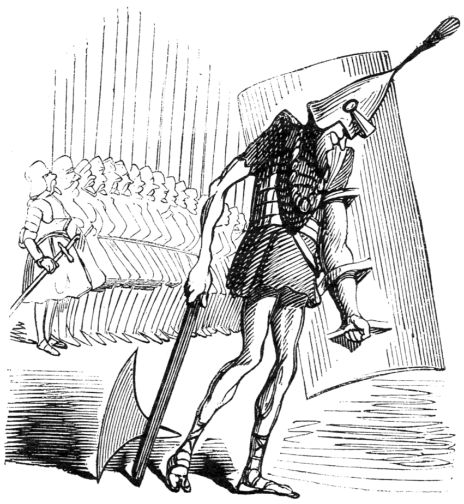
ночам. Во-первых, и они за собой будут следить, в форме женской держаться; во-вторых, вам, кобелям отставным, одна польза. Не сопьетесь, а главное — при регулярной половой жизни лет до шестидесяти-семидесяти, как совершенно справедливо утверждает медицина, никакие циститы, аденомы простаты и прочие мочеиспускательные хвори вам не угрожают. А как только водчонкой увлечетесь на вольных хлебах, перестанете женам внимание уделять, так через год-другой станете за ночь по десять раз в сортир бегать — и добегаетесь до операции и бутылочки с резиновой трубкой, принайтованной к бедру!»

Очень опасался Григорий Иванович этой самой бутылочки с резиновой трубкой, которой и самого отставного полковника Добромыслова пугали отцы-командиры еще в Омском юнкерском корпусе, а потому даже супруга порой, вроде в шутку от полученного удовольствия, а может, и по-бабски с подозрением, утром говорила ему: «И откуда, Гриня, у тебя это все берется? Не иначе, как на кафедре вашей появилась новая лаборантка, что из нынешних молоденьких стерв, и ты второпях трахаешь ее в какой-нибудь каптерке, а? Возбудишься, а ночью на мне адреналин гасишь».

Оправдываться перед глупой, хотя и житейски умной, бабой Полковник считал ниже своего достоинства: «Ага, сразу трех завел. Подавай, боевая подруга, завтрак. И про селедку к ужину не забудь!»

...Вот в этом-то интимном деле Григорий Иванович в последнее время также отметил странность. Вроде все хорошо, ноу проблем, как говорят американосы, все в обычной норме и качестве, так сказать, но вот порой такое ощущение, что будто не он по ночам супругу обнимает, а какой-то его двойник, а он вроде со стороны наблюдает интимную сцену.

Да-а, во всем внешнем можно тешить себя самообманом, причины находить, но биологическую-то природу не обманешь!

После ликвидации в Тулуповске старейшего в стране ракетно-артиллерийского военного училища ввиду невостребованности новых офицеров полковник-доцент Хмуров даже запил в зимние каникулы. У пьяных людей сны причудливы. Так и Григорию Ивановичу приснилось, что вослед за сокращением в стране военных училищ и академий минобраз решил не отставать от минобороны, благо оба министра в пиджаках, а также — в целях оптимизации высшего образования — уполовинить число государственных вузов (число частных — увеличить). К решению этой задачи министерство подошло грамотно, в духе времени. То есть все университеты страны поделили — методом случайных чисел — на конкурирующие пары. В каждой такой паре объявлялся тендер: кто выиграет, тот и уцелеет. Причем условия тендера каждая пара выбирает на стрелке ректоров самостоятельно.

В пару Тулуповскому университету по разнарядке поставили Институт банановодства из Южной России, а условием тендера избрали рукопашный бой стенка на стенку с использованием для глушения супостата затупленного холодного оружия. Уже и не стоит особо говорить, что фалангу тулуповцев возглавил полковник Хмуров.

Фаланги сошлись в чистом поле, благо в средней России их давно не пашут. Уже рефери на углах поля хотели дать сигнал к битве, как подкатил на «роллс-ройсе» местный авторитет Сипяга. Узнав о причине маскарада, он рассмеялся: «Тендер! Так вы и сделайте его по понятиям, без членовредительства. Какой же тендер без отката? Вот и сделайте откат: сдайтесь друг другу в плен всеми фалангами и подпишите маляву о мировой. А маляву отошлите своему смотрящему в Москву!»

Так бойцы и сделали. Озадаченный образовательный министр, поставленный на гоп-стоп, ничего не смог сделать и сохранил оба вуза.

◆ Отстраненность его в самых интимных делах окончательно взбудоражила Полковника. Может это от долгой совместной жизни? Ведь не секрет, что многие супруги со временем начинают стесняться друг друга в постельных делах... Хмуров не был бы ученым-естествоиспытателем, если бы не проверял все на практике. То есть он должен был — для сравнения — вступить в контакт с другой женщиной.

Надо сказать, Григорий Иванович, имея молодящуюся жену и твердые морально-нравственные убеждения, если иногда и имел интимные отношения налево, то только по сугубо деловым соображениям: все для дома, все для семьи. В основном, когда состоял на воинской службе — легкие, ни к чему не обязывающие интрижки, иногда ускоряли на полгода-год получение очередной звезды на погоны. Случались и форс-мажорные интимы; жизнь есть штука сложная и извилистая, а не прямолинейный проспект, ведущий однозначно к цели.

Кстати вспомнил давнее, пожалуй, единственно не деловое, но чувственное, увлечение молоденькой лаборанткой Ниночкой — это еще в бытность его преподавателем военной кафедры университета; впрочем, тогда еще технического Тулуповского института. Но наваждение прошло, как только добрые люди донесли супруге тогда еще майора Хмурова, а она грохнула благоверного сковородкой по башке. Чугунная сковорода с ручкой треснула к ее огорчению, а Григорий Иванович даже легкого сотрясения мозга не получил, отделался солидным шишаком. Когда страстно помирились, Хмуров все шутил: «Советский майор крепок головой, поэтому и армия наша непобедима!»

Тулуповск хотя и имеет три четверти миллиона населения, с пригородами, конечно, но жители именуют его большой деревней, где все друг друга знают. Речь идет, понято, об интеллигенции и вообще приличных людях. Остальные девяносто процентов в советское

время за станками стояли, а в новейшее — за прилавками. То есть в расчет не принимаются. Именно поэтому время от времени до Григория Ивановича доходили — безо всякого его любопытства — вести о жизненном пути Ниночки.

Последняя по времени весть гласила, что она разбежалась со своим мужем, торговым бизнесментером средней руки, оттяпав в качестве отступного нехилую квартирку в ближнем центре города и двухэтажный коттеджик в полуэлитном дачном поселке.

По приказу Полковника верный аспирант-оруженосец Эдька, имевший в числе своих подруг девицу-офисницу из билайновского сервис-центра, мигом узнал номер сотового Ниночки... Словом, через самое короткое время, продемонстрировав супруге липовую командировку в Москву по издательским делам, Григорий Иванович чокался шампанскими фужерами под икру и фирменную лазанью в ресторации «Папа Бендер» с Ниночкой, то есть уже восхитительной сорокалетней бальзаковкой Ниной Трофимовной. Умильно оба вспоминали давнее, радовались восстановлению дружбы. Вволю натанцевавшись, поехали в загородный коттедж прелестницы, где и провели в возобновленной любви и страсти двое суток.

...Увы, худшее подтвердилось. И с Ниночкой, то есть с Ниной Трофимовной, все то же самое: отстраненность и ощущение двойника на уютном и широком «сексодроме».

Вернувшись из «командировки» домой, к любящей супруге, соскучившейся и несколько огорченной вялостью мужа («По Москве набегался, устал до чертиков»), Григорий Иванович начал подумывать о визите к невропатологу. Но к какому-такому? Госпиталь гарнизонный, к которому он издавна был прикреплен, только-только ликвидировали одновременно со старейшим в стране ракетно-артиллерийским училищем, военным институтом по-нынешнему. Как говорится, в целях

модернизации и усиления обороной мощи государства. Так и не успели курсанты пощеголять в юдашкинских шинельках на синтепоне!

Идти к Вере Викторовне в университетскую поликлинику? — Но она женщина увлекающаяся, все сведет к достоинствам традиционной китайской медицины, начнет восторженно рассказывать о меридианах и коллатералях, точках акупунктуры, системах ян и инь... К кому идти? — Не в Петлевановку же или в Жиромясово?* Так мигом в университете узнают и турнут с режимного военно-технического факультета! Останется на «шести сотках» капусту выращивать... как этот римский император в отставке; как его? — Тертуллиан, кажется. А может и другой. От душевных переживаний даже прежде абсолютная память начала подводить...

Неизвестно, до чего бы додумался наш напуганный Полковник, если бы все не разрешилось еще более страшным образом.

◆ Если доселе Хмуров после лекций, практических занятий и консультаций с аспирантами, ощущая прилив аппетита, спускался по пологому проспекту, держа курс на свой дом, бодро маршируя, выгнув не потерявшие статность плечи и грудь, то сегодня, как и в предыдущие месяцы, шагал не в такт вялой отмашке правой руки (левой прижимая к корпусу рабочую папку), несколько согнувшись, с постоянно невеселыми мыслями...

...И тут *это* произошло. Весь мир вокруг исчез. «Неужели до обморока доигрался»,— только и успел подумать Хмуров, но тут же мир снова осветился, но это был другой мир. Достаточно большая, безоконная, замкнутая в кубе комната. Зоркими глазами артиллериста отметил: стены, потолок и пол представляли собой сплошные только-только погасшие экраны со слабым, исчезающим послесвечением... И вроде как он еще ша-

* Психиатрические лечебницы Тулуповска: областная и городская, соответственно.— Прим. авт.

гал по проспекту. Опустил глаза и увидел: он действительно продолжает идти по катящемуся навстречу участку пола-эскалатора. Как в спортивном тренажере. «Все, допрыгался, лихой полковник, досочинял безумных трактатов об устройстве Вселенной — в дурку-таки попал!»

Но странно — никакого волнения он не испытывал, мысли в голове не путались, но подчинялись строго-холодной логике. «Знать уже успели накачать психотропами, бензоатами всякими,— так же холодно и отстраненно подумал Полковник,— однако смирительной рубашки на мне нет, обычный рабочий костюм. Значит, не буйствовал».

По беззвучной команде (вот она, предрекаемая им в своих книгах-фантазиях о будущем, психотроника!) Григорий Иванович сделал шаг влево и сошел с эскалатора-тренажера, на место которого снизу выдвинулось сложное по конструкции, со множеством каких-то датчиков, кресло. «Может, электрический стул, а может и гинекологическое седалище»,— также холодно усмехнулся Хмуров, но, подчиняясь все той же беззвучной команде, уселся в кресло.

Тотчас экран-стена, перед которым его усадили, засветилась, показывая что-то вроде рабочего кабинета функционального типа: со множеством встроенных в стены экранов, пультов и вовсе незнакомых Хмурову технических устройств. На переднем плане, тоже в функциональном кресле, сидел некто, отдаленно похожий на человека: грушевидная — с расширением вверх — голова с глазами явно монголо-китайского разреза, крохотный носик-кнопка, тонкие бесцветные губы, прижатые маленькие уши, цвет кожи — что-то среднее между коричневым и оттенком слоновой кости. Относительно наличия или отсутствия волос на голове Хмуров не мог составить представления, ибо голова венчалась чем-то навроде академической шапочки-ермолки с какой-то овальной вытканной эмблемой.

Все что ниже подвздошья скрыто столом, а выше и под горло — явно функционального тоже назначения,— глухо задрапированно одеждой оливкового цвета. Григорий Иванович мысленно отметил: похожие куртки, но только с болтающимися сзади капюшонами, надевают игроки в «угадайку» на почти каждодневной передаче по *ЦТВ*. Передачу эту очень любила смотреть на кухне по маленькому телевизору на холодильнике его супруга, готовя обеды-ужины, а сам Хмуров этих «угадайщиков» люто ненавидел.

— Я буду обращаться к вам так, как было принято в вашей среде,— безэмоциональным, механическим голосом начал грушеголовый (Хмуров догадался: судя по отсутствию шевеления губами, визави звуковой речью, скорее всего, не обладал, а через дистанционные энцефалодатчики передавал свою мысленную речь на компьютерный переводчик и озвучиватель).

Итак, Григорий Иванович, должен вам сообщить: прошло свыше девятнадцати тысяч лет, как вы, всемирно известный ученый-футуролог, доктор технических наук по ракетостроению, почетный профессор Тулуповского университета, автор знаменитой многотомной монографии об устройстве и генезисе Вселенной и прогнозе эволюции разума на Земле, в девяностолетнем возрасте покинули свой не лучший из миров, проживая к тому же в стране, именовавшейся Россией, впавшей в величайшее за ее историю социальное и политическое небытие.

В нынешней же своей ипостаси вы — аутентичный своему прошлому естеству биологический клон, по физическому и мыслительному состоянию, психологическому портрету, соответствующий тому полковнику Хмурову, который проживал в 2010-м году древней, христианской эпохи летоисчисления...

«Так вот почему в последнее время имитации моей земной жизни я и ощущал ту странную отчужденность, некую индивидуализированную отстраненность»,— почти что с облегчением подумал клон Григория Иванови-

ча. Самое странное, что не сам факт клонирования столько его поразил, сколько он успокоился, осознав причину этой отчужденности.

— ...Да-да, Григорий Иванович, вы правильно все поняли,— прочитал его мысли грушеголовый на стене-экране,— что ж, и наша наука не является пока верхом совершенства. И мы не можем в каких-то моментах абсолютно идентично смоделировать выращивание клона. Отсюда и ваше чувство отстраненности и отчужденности, как вы это мысленно определили терминологически.

Вы, конечно, зададитесь вопросом: почему вас клонировали через девятнадцать тысяч лет и именно вас? И правильно, что зададитесь этим вопросом. Вы ведь не подопытное животное, но в своем роде уникально мыслящий *homo sapiens*. Даже в чем-то почти приближенный в части интеллекта к нам, *homo noosphere*s, то есть людям ноосферным. Заметьте, я вовсе не льщу вам, но констатирую факт. Но об этом вам подробно расскажет *ВИБ № 78*, то есть биоробот-компьютер, который нашел ваши *ДНК*-артефакты, а теперь будет курировать ваше пребывание в нашем, к сожалению, также не лучшем из бесконечности параллельных миров мультиверсума, о которых вы столь романтично и провидчески писали в четвертом томе своей фундаментальной монографии.

— А с вами, уважаемый — не знаю как вас именовать, вы не представились — мы не сможем побеседовать? Я ведь человек, с ваших позиций, архаичный, както не привык с бездушными машинами разговаривать.

— Григорий Иванович! Я потому не представился, что мы общаемся с вами в первый и последний раз. Дело в том, что биологических людей на Земле осталось всего несколько сотен ввиду ненужности, как в ваше время, миллиардных масс. Да и у вас в России, США и многих других странах к началу XXI века христианского летоисчисления уже до восьмидесяти процентов населения являлось излишним, существовало

за счет той или иной формы паразитирования на людях, работающих актуально. Формы же паразитирования: мелочная и мелкооптовая торговля, чиновничество, политический аппарат, просто откровенные бездельники. Впрочем, это вы сами хорошо знаете.

Я же, как и остальные несколько сотен биологических людей, принадлежу к управленцам, точнее мое имя-звание *Управ-три* по ранжиру реконструктивного биосинтеза.

А увидеться? — Это совершенно излишне. Во-первых, ничего нового, кроме сказанного Семьдесят восьмым, вы от меня не узнаете. Во-вторых и в основных, время биологических людей у нас расписано по часовым промилям, или, как у вас говорят, по секундам. На беседу с вами мне отведено, по вашему же времяисчислению, четыре с половиной минуты, которые через пять секунд заканчиваются. Передаю Вас в распоряжение Семьдесят восьмого. Возможно, вы адаптируетесь к новой для вас форме жизни и повторите свой прежний, девяностолетний возраст. Прощайте.

Экран выключился. «Окончен бал, погасли свечи»,— несколько обескуражено подумал в рассеянии Хмуров. То есть клон нашего лихого полковника.

◆ Уже без экранного показа Хмурова приветствовал с клонированием робот Семьдесят восьмой, предупредив, что гость из прошлого может разговаривать звуками, как в его прежней жизни было принято, а может и не шевелить губами — все одно он, Семьдесят восьмой, воспринимает информацию от уважаемого полковника через энцефалодатчики, дистанционные понятно, а сам он будет «говорить с гостем новой Земли», естественно, воздействуя непосредственно на мозг Хмурова со всеми его синапсами электромагнитным излучением, модулированным по сложной схеме переведенной на русский язык речью.

— Чтобы вы, уважаемый Григорий Иванович, не сомневались,— вещал откуда-то из застенного про-

странства робот,— я вам напомню ваши мысленные слова, после того как погас экран с Управом-три: «Мудак грушеголовый!»

— Ха-ха, верно, номер такой-то! А как, кстати говоря, на вашем птичьем языке эти слова звучат?

— Как вы уже, наверное, поняли, у нас нет звуковой речи, а записываются они в памяти как ***0110100111_1111010011***.

— Да-а, невидимый вы наш номерной, совсем вы тут одичали. Оно и понятно, если на планете всего лишь с полтысячи живых людей осталось, да и те — эти самые ***0110***... Тьфу! Давай знакомь со здешней жизнью.

Все дальнейшее в этот первый день на Земле будущего он воспринимал со сложной смесью юмора и душевной тоски.

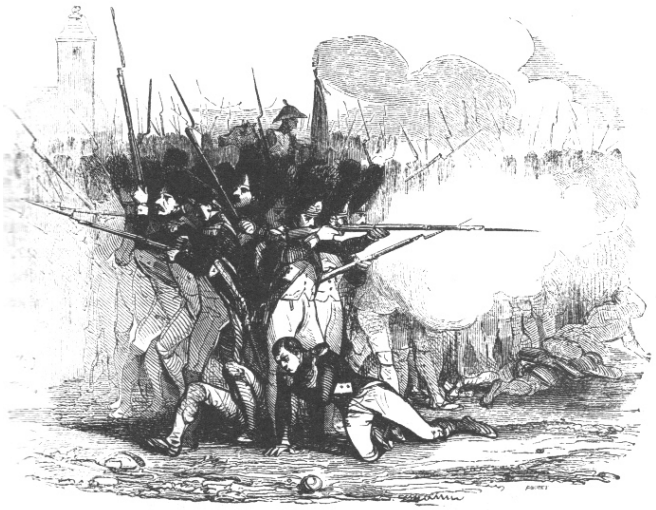
Следуя командам Семьдесят восьмого, Григорий Иванович вышел в проем бесшумно отодвинувшейся на метр стены в бесконечно длинный коридор. Остановился. К нему со спины также бесшумно подъехал механизм, чем-то напоминающий *папамобиль**, только не на колесах, а по-видимому на магнито-левитационной подвеске.

Григорий Иванович шагнул через отошедшую, как в автолайне, дверцу внутри папамобиля, уселся в кресло. Дверца закрылась, механизм бесшумно заскользил по полу коридора. А «голос» нумерованного робота пояснил:

— Сейчас мы проедем коридор двадцать четвертого этажа Института реконструктивного биосинтеза, а в торце его через открывшийся проем в стене, но уже не на магнитной подушке, а на реактивной тяге начнем ваше ознакомительное путешествие. Естественно, все ваши мысли и слова, надеюсь, не все бранные, я фиксирую для последующего отчета — цели вашего клонирования — в высшие управленческие инстанции Земли.

---

* Машина с колпаком из пуленепробиваемого стекла, внутри которого сидит на троне папа Римский.— Прим. авт.

Болонский сон № 347. Еще полковнику Хмурову не забыть тот страшный бой уже в стенах университета, когда его с лейб-гвардией Добровольческой армии отрезали смелым маневром от остальной пехоты и конницы. Храбрецы оказались зажатыми вражеским кольцом на открытой площади между физическим и теологическим факультетами. Как в свое время окружили и расстреляли под Ватерлоо старую наполеоновскую гвардию...

...Уже после чудесного спасения — на помощь вовремя подоспел полк доцента Яцышена,— вспоминая в кругу своих лейб-гвардейцев ту круговую оборону спина к спине, Григорий Иванович, закусив гречневой кашей с тушенкой стакан «генеральского чая», то есть коньяка, поделился своими обычными ассоциациями:

— Мне этот бой на выбивание товарищеских спин очень даже напомнил нашу университетскую жизнь на выживание. Все мы окружены врагами. Тем более не итальянцами, а

вроде как своими, соотечественниками. Их задача — добить наше образование и науку, оставив только подготовку юристов, бухгалтеров и содержателей публичных домов. Нас становится все меньше и меньше, но пока мы чувствуем спины друг друга, сплотившись и ощерившись нашим оружием — знаниями, мы не покинем тонущий корабль науки и образования, хотя бы даже нижние чины этого корабля, то есть современные студенты, ленивы и нелюбопытны, а также изрядно наглы и хамоваты. За нас, товарищи!

Папамобиль, переключившийся на режим *папалета*, сиганул из институтского коридора в отошедшую торцевую стенку и взял курс на приземистое здание с куполом, чем-то напоминающее строение Конгресса *США*. Меду зданиями института и лжеконгресса Григорий Иванович видел под ногами только приземистые ангары, перемеживаемые квадратами лесопосадок, в которых он с умилением обнаружил родные березы и липы. А нумерованный робот, как заправский гид, разъяснял:

— Вам повезло заново, так сказать, родиться в административном центре Земли, месте постоянной дислокации Главного управления планеты. По нашему — Главный управляющий центр Земли, а по вашему — Тайное мировое правительство. Конечно, сейчас оно никакое не тайное, но абсолютно явное.

— И где мы... то есть этот центральный город располагается? Березы вот смотрю... Липы опять же.

— Если иметь в виду привязку к географии вашего древнего времени, то это юго-запад Костромской области государства России...

— А чего же не в Вашингтоне, Нью-Йорке, в масонском Рейкьявике или на Мальте. Почтили ли бы память конспирологического Тайного мирового правительства, а?

— Все шутите, Григорий Иванович. Нью-Йорк давно под воду ушел в великое потепление пятнадцать тысяч лет назад. Вашингтон стерт с лица земли водородной бомбой в Четвертую мировую войну еще на исходе вашего, христианского летоисчисления. Исландия с ее бывшим Рейкьявиком, как мифическая Атлантида Платона, ушла под воду в результате грандиозного землетрясения. А на Мальте расположен госпитомник для рождения, отбора, воспитания (и утилизации не прошедших отбор) биологических людей — будущих мировых управленцев. Вот через пару лет наш Управтри на пенсию выйдет, нового с Мальты пришлют. То есть территория сугубо режимная и с предельно ограни-

ченным доступом. Так сказать, кузница бывшего Тайного мирового правительства, говоря вашим языком.

Среднеевропейская же территория бывшей России выбрана под «стольный град», как самая тектонически спокойная на планете, а бывшая Костромская область к тому же по астрономическим просчетам наиболее безопасная с точки зрения метеоритно-астероидной активности.

Ну, вот и подлетели к Центру мирового правительства. Ближе нельзя, собьют, то есть пройдем стороной. Смотрите — нам дано только пять секунд зависания.

Действительно, здание Центра очень напоминало Капитолий («Не зря в наше время никто не сомневался: откуда у Тайного мирового правительства ноги растут»,— подумал Хмуров). Здесь его внимание привлек огромный бронзовый барельеф на фронтоне здания — с человеческим изображением. Приглядевшись, Григорий Иванович почти с мистическим ужасом («А клоны с ума сходят?») узнал лицо на барельефе — Иудушка Троцкий с его характерной бородкой клинышком, как у Михаила Ивановича Калинина... Под барельефом расположилась мраморная плита-табло с россыпью чередующихся нулей и единиц.

— Да-да, вы не ошиблись,— не дожидаясь звукового вопроса, пояснил Семьдесят восьмой,— это барельеф Лейбы Давидовича Троцкого; троцкизм на этапе завершения перехода биосферы в ноосферу, что совпало с окончанием периода «жесткого» глобализма — управления миром сообществом двухсот семей — и переходом к всемирному, минимально-достаточному социально ориентированному государству, стал общемировой идеологией. Конечно, доработанной и адаптированной к обществу виртуальной реальности.

— М-м-м, мне в свое время даже и в кошмарном сне после попойки при присвоении очередного воинского звания не могло такое присниться. А на мраморе что цифирью начирикано?

— А это главный девиз самого Троцкого, взятый им у классика философской мысли: «*Движение — все, цель — ничто*».

Григорий Иванович демонстративно сплюнул, а папалет стартанул и понесся над лесоохранной зоной, покидая столицу мира с десятком высотных домов, лжекапитолием с барельефом Иудушки и странными приземистыми ангарами. Совсем без дорог, тротуаров и людей.

◆ К вечеру, облетев на гиперхзвуковой скорости с зависанием и экскурсионными пояснениями Семьдесят восьмого, земной шар, папалет возвратился в Институт реконструктивного биосинтеза. Снова став папамобилем, механизм отвез путешественника во времени в оборудованную для него по нравам и вкусам 2010-го года христианского исчисления квартиру на третьем этаже главного корпуса. Спальня, гостиная и кабинет для ученых занятий. Санузел и даже кухня, если постояльцу войдет в голову самому готовить. В чем он и убедился, открыв большой холодильник с тремя камерами: мясо, рыба, в том числе его любимая малосольная селедка, фрукты и прочий джентльменский набор среднестатистической интеллигентной семьи 2010-го года.

Даже телевизор в гостиной смахивал на южнокорейский тех же лет.— Никакой не встроенный или виртуальный, как принято здесь.

Но больше всего его поразили книжные шкафы в кабинете — специально только что переизданные в одном экземпляре с музейных оригиналов труды классиков и тружеников науки, творивших до 2010-го года включительно. Все по его тематике. В том числе и некоторые его книги, обнаруженные Семьдесят восьмым в древнехранилищах Земли.

— Это ваше жилье на период адаптации к новым для вас условиям и впечатлениям,— пояснил Семьдесят восьмой.— А как войдете в ритм нашей жизни, то обстановку вам сменят, осовременят так сказать.

— Да пошел ты к едрене фене,— ответил разо-

зленный увиденным за день полетов-зависаний, главное, голодный (в пути ему давали только какие-то питательные пилюли и минеральную воду) Хмуров. Готовить самому не было желания, а сухомятка из холодильника явно не устраивала.— Слушай, ты, аналог получеловека, вели пожрать дать. И с водкой, только не паленой!

— Не грубите, Григорий Иванович. Хотя я прекрасно понимаю ваше разочарование и от этого душевное возбуждение. Вы ведь при советской власти росли, учились и мужали — и читали книжки о светлом будущем для людей. С другой стороны, вы же сами в своих книгах это ноосферное будущее уже не полагали светлым...

— Рр-разговорчики! — Хмуров совсем рассвирепел,— пожрать, водки и баста!

— Слушаюсь и повинуюсь, мой полковник!

Явно *ВИБ № 78* совсем очеловечился в общении с гостем из прошлого и начал приобретать чувство юмора.

Через несколько минут автоматическая дверь в квартиру отошла в проем косяка, вкатилась и проследовала к гостиную тележка-кар, механические руки которой аккуратно, по правилам столового этикета расставили на кипенно-белую скатерть посуду с едой, разложили ложки, вилки, ножи и хрустальную стопку.

Григорий Иванович при виде харча поуспокоился, даже вполголоса процитировал-скорректировал одесских классиков: «В этот день бог послал полковнику Хмурову на обед, то есть ужин...». Усевшись перед столом, он долго и с подозрением рассматривал тисненый рубцами графинчик с водкой, как кот принюхивался к запаху напитка. Решив, что годится, наполнил по-маленковски до краев стопку, крякнул и опрокинул в рот. «М-м-м, не хуже прежней, советской экспортной «экстры». Закусил селедочкой с луком, скушал бутерброд с черной икрой («Подделка, небось? Но очень качественная»).

С гиперболически вмиг усилившимся аппетитом выхлебал большую тарелку щей с капустой брокколи, подчистую смел с другой тарелки пару котлет по-киевски с

картофелем-фри. Затем, слегка перепутав этикет последовательности блюд, кушал маринованную рыбку неизвестной ему породы и твердый сыр с тмином, похожий на грузинский. Каждое новое блюдо предварял стопкой псевдоэкстры. На десерт выдул литровый фарфоровый чайник; чай был прекрасен, напоминал советский индийский со слоником, расфасованный на рязанской чаеразвесочной фабрике. Пил с лимоном и марципанами вприкуску. «И как этот... вагоновожатый мои вкусы узнал?»

— Извлек из вашего подсознания, батенька,— съехидничал из пространства гостиной Семьдесят восьмой.

— Хвалю за службу,— по-полковничьи отчеканил упитавшийся Григорий Иванович.

◆ Уже по команде Хмурова тележка вновь приблизилась к столу, мехруки убрали посуду, заменили обеденную скатерть на цветастую, гостиную. Чуть подумав о коротании вечернего времени, он крикнул вдогонку уезжающей тележке:

— Еще чайник принеси, да не забудь куклу ватную на него надеть. Ну-у, лимон, сахару-рафинаду... Да-а, любезнейший самоход, захвати-ка графинчик водки объемом 0,33 литра*. И бутербродов с кумжей и осетриной наверти!

— Слушаюсь, господин полковник! — Семьдесят восьмой явно перепутал реалии давнего времени.

— Я тебе не господин, а товарищ! Господ наши деды-прадеды еще в семнадцатом году в деревянные бушлаты поодевали, а новые «господа» из подворотни (Хмуров имел в виду свое время) мне не господа, а хмыри и ворье!

«Ишь, чертов робот, льстить или шутковать со мной задумал». По отдаленной аналогии ему вспомнил-

---

* Здесь, очевидно, в памяти Хмурова неожиданно выскочили реалии горбачевского «полусухого» времени, когда водку разливали в емкости из-под фанты и пепси-колы, народ называл такую водку «раиской» в честь супруги генсека.— Прим. авт.

ся последний начальник упраздненного в 2010-м году Тулуповскго ракетно-артиллерийского училища, то бишь института. Его назначили начальником в полковничьем чине, но через несколько месяцев, прямо накануне 9 Мая произвели в генералы-майоры.

Памятуя, что в России генерал не звание, а счастье, выступая по областному радио в передаче, посвященной Дню Победы, настолько воодушевился новым своим чином, что, перечисляя в установленном порядке города-герои, чуть запнулся перед Ленинградом и верноподданнически отчеканил: «...город-герой Санкт-Петербург». Григорий Иванович, слушавший это выступление в преподавательской, нецензурно выругался при женщинах и пожелал новоиспеченному генералу-от-паркетных-полов остаться без должности. Что и случилось в 2010-м году.

...Пока автотележка заново сервировала стол для позднего ужина-доппайка, Григорий Иванович разобрался с телевизором, оказавшимся видеоплеером со специально для гостя подобранными фильмами и программами, разысканными Семьдесят восьмым в древнехранилищах, нашел в меню «Ивана Васильевича, меняющего профессию», по аналогии со своей ситуацией, затем выкушал еще стопку и прилег на диванчик.

Фильм он знал наизусть, поэтому на экран почти не глядел, а уши фиксировали речь и музыку, не заставляя задумываться.

В таком состоянии полудремоты голова его прокручивала впечатления прошедшего дня. Единственный позитивный момент он отметил: вся планета, исключая пустыни, покрыта лесами и степями с высокими травами. А раз людей на Земле почти не осталось, то эти леса и степи заполнены всякой живностью, существующей в своей пищевой пирамиде точно так же, как и до появления человека на планете, но прямо накануне явления миру *homo sapiens*, то есть в начале Четвертичного периода Кайнозойской эры. А как следствие такой

ситуации — самая натуральная еда для сохранившихся биологических людей.

Семьдесят восьмой объяснил, что еще в конце XXIV века по христианскому летоисчислению после Четвертой мировой войны, катастрофического извержения гипервулкана Тоба и падения в Индийский океан двухкилометрового астероида, когда промышленная инфраструктура, предусмотрительно размещенная под землей, уцелела, а население планеты уменьшилось до полумиллиарда, в Мировом правительстве долго дебатировался вопрос о выборе одного из двух способов поддержания парциального содержания газов в атмосфере, особенно процентов кислорода и углекислого газа. Первый из них предполагал взамен почти утраченной в катаклизмах флоры использовать техническую регенерацию углекислоты в кислород. Практически это не вызывало затруднений: сотни атомных и термоядерных электростанций обеспечили бы энергией и более грандиозные проекты.

Но выбран был второй вариант: оставить природу в покое, сконцентрировав людей в больших городах со своей инфраструктурой, а флора и фауна менее чем за столетие возобновит себя и отрегулирует нужный состав атмосферы. А почему выбрали? — В основном, решающую роль сыграло уже ранее принятое генеральное (тайное пока) решение Мирового правительства об окончательном, уже де-факто назревшем переходе от биологической формы жизни к виртуальной, информационной. Как следствие — планируемое на ближние полторы тысячи лет сокращение численности населения до сверхминимальных цифр, то есть высших и средних управленцев. А такое число биологических людей уже никак не может негативно повлиять на воссоздание примерно той же флоры и фауны (хотя три четверти их уже уничтожены человеком и катаклизмами), что наличествовала в Четвертичном периоде.

А кислород и парциальное содержание газов в ат-

мосфере в такой ситуации нужно уже не людям, которых почти не останется, не фауне, которая отсутствующим людям, естественно, не нужна, как и флора, но для биогеохимического равновесия Земли, как залога отпущенной ей длительности существования. Причем существования, гарантирующего наличие жизни, хотя бы и виртуально-информационной. Здесь Григорий Иванович вскипел, даже грохнул кулаком по бронестеклу папалета, забыв, что сам в своих книгах предрекал похожее:

— Так вы, сволочи, рас-стакие, фюрера перещеголяли, полмиллиарда последних людей в газовых камерах отравили!

— Успокойтесь, Григорий Иванович. Никаких газовых камер, упаси ваш виртуальный бог. Мы же социально ориентированное общество еще со времен многомиллиардного населения Земли. Переход от биологической жизни и цивилизации к нынешней, виртуальной происходил в рамках так называемого жесткого гуманизма.

Да и не мы его родоначальники; начало-то было положено именно в вашу эпоху, в конце ваших XX — начале XXI веков. Вы это воочию сами все видели: разрушение института семьи в вашей России и Западной Европе, запрет на второго ребенка в Китае, стерилизация полутора миллионов мужчин в Индии, проведенная Индирой Ганди. Наконец, явное и неявное поощрение гомосексуализма и лесбиянства во всех так называемых у вас цивилизованных странах.

Ведь никто у вас, исключая кастрацию в Индии, не кричал об антигуманизме, безнравственности и ограничении прав автономной личности? Понятно, что все эти тенденции развивало у вас тогда еще тайное мировое правительство. Так чем мы хуже, особенно учитывая, что биологический этап эволюции человека себя исчерпал... Более того, у нас все это происходило намного гуманнее, чем у вас в начале процесса расчеловеченья.

В простудный февраль занемог от респиративной хвори «холодный» профессор Владимир Васильевич Шерстобитов. Супруга поит его чаем с малиновым вареньем и, отложив вязанье шерстяных носков для внученьки, читает болящему мужу письмо от сына, тоже профессора, только «полного», уехавшего несколько лет назад со всей семьей на заработки в провинциальный немецкий университет. Пишет сорокадвухлетний сынок: «...А жизнь наша в Неметчине не такая уж сладкая. Немцы забыли, как их наш дед под Сталинградом колошматил, к русским профессорам со спесью на холеных лицах обращаются, каждое их слово по евру, губы кривят, как будто сплюнуть хотят. Как профессора, доктора наук мы им совершенно не нужны; у них своих хватает. Тем более, что по ихним законам иностранец вообще не

может получить звания профессора в Германии. А используют нас как дешевую высококвалифицированную рабочую силу. Я вот выполняю обязанности лаборанта, причем получаю в два раза меньше такого же лаборанта, но только белобрысого фольксдойча. Чего греха таить, даже эта половинная ставка «эрзац-лаборанта» в несколько раз превышает жалованье профессора в России... Но ведь обидно-то как! На жизнь нам троим хватает, даже на Ванькин колледж, но скопить ничего не удается. На улицу выйдешь — как в Стамбуле, одни турки...»

Владимир Васильевич отхлебнул чайку, чуть подумал и сказал: «Да-а, славны бубны за горами!»

— Это как же, милейший виртуалиссимо?

— А вот так. Поясню в сравнении с аналогичными процедурами в ваше время. Например, разрушение института семьи — ячейки общества — в этих самых цивилизованных странах проводилось массировано чрез сексуальную революцию с лозунгом, принадлежащим вашей славной революционерке Коллонтай: совершить половой акт — это как выпить стакан воды. В постсоветской же вашей России сюда добавилось отсутствие условий для создания семей: невозможность приобретения жилья, безработица явная или скрытая, неуверенность в завтрашнем дне и так далее. Сами все прекрасно знаете.

Индира Ганди кастрировала мужиков как поросят, за что и поплатилась.

В Китае тоже не все гладко было с ограничением рождаемости.

Успешнее дела шли у гомосеков: и *СМИ* на их стороне, и так называемая демократическая общественность в Европе и Северной Америке. Даже заставили Всемирную организацию здравоохранения изъять из своих документов-деклараций определение половых извращений, как разновидности шизофрении. Но еще было сильнó сопротивление и неприятие извращенчества основной массой народа в большинстве государств.

А у нас все произошло без сучка и без задоринки, без конфликтов и какого-либо насилия над свободной личностью. В частности, семейную идиллию мы успешно заменили виртуальным сексом; компьютерный, хотя и примитивный, вариант этого процесса вы и у себя наблюдали.

Стерилизацию обоих полов поставили на добровольную основу. Материальное благосостояние Мирового государства позволило обеспечить добровольно кастрируемому пожизненное содержание на уровне среднего класса вашей поры, а работать только по личному желанию. Почти то же самое и для не имеющих детей

пар. Никаких вычетов, как у китайцев, только поощрения! Наиболее радикальное решение было принято для извращенцев, а именно: не обошлось, конечно, без зомбирования посредством *СМИ*, так что в итоге извращенчество, то есть гомосексуализм и лесбиянство, было объявлено официально естественной половой ориентацией, а традиционный гетеросекс — животным биологическим атавизмом. В итоге вместо уцелевшего после войны и катаклизмов полумиллиарда имеем нынешние пять сотен единиц.

◆ Как понял из объяснений Семьдесят восьмого Григорий Иванович, нынешняя цивилизация, виртуальная в своей основе, озабочена тремя моментами: постоянная готовность отразить падение на Землю астероидов, космические исследования и поддержание на должном уровне энергетики. Соответственно, глубоко под землей расположены автоматизированные заводы-роботы, изготавливающие ракетные комплексы для атаки астероидов, ракеты, орбитальные и дальнолетные станции космического назначения, комплектующие для термоядерных электростанций. До недавних пор строились и атомные электростанции, но запасы урана на Земле исчерпались. Еще одна большая группа заводов изготавливала компьютерную и телекоммуникационную технику, тех же роботов.

...К полуночи, напившись водки и чая, Хмуров лежал на том же диванчике, не имея желания переходить в одинокую спальню. На экране видеоплеера шли бесконечные «Менты». Григорий Иванович даже пожалел, что информация после лета 2010-го года ему недоступна, сколько он мысленно не просил Семьдесят восьмого. «Таковы правила эксперимента»,— смиренно отвечал тот. А хотелось ему посмотреть продолжение «Ментов», снятых после первого марта 2011-го года — уже под названием «Полицаи».

Засыпая, Хмуров вдруг впал в мистический ужас: тридцать с лишком лет прозябать здесь, на безлюдной

планете! Это не жизнь. Он, вмиг протрезвевший, вскочил с диванчика, чувствуя: сейчас либо сойдет с ума, либо... жаль, пистолетов на этой планете давно нет в обиходе. Впервые в жизни бравый полковник зарыдал, вновь рухнув на диванчик. И тут его как опалило ласковым, душистым жаром:

— Проснулся, мой герой? Хи-хи, а мне что-то не спится. Давай еще поиграем.

Хмуров протирал и таращил глаза в комнате, освещенной слабым отблеском лампочки из крохотного коридора курортного номера. А к его торсу прильнула пышущая жаром желания курортная же, деловая подруга редакторша Стеллочка. «Уф-ф, так этот сон такой кошмарный приснился?»

— Гриш, ты чего такой?

— Погоди, дорогая, сейчас.

Григорий Иванович поднялся с постели, подошел к маленькому корейскому холодильнику, открыл дверцу, взял початую бутылочку, а со стола граненый казенный стакан, налил (опять же по-маленковски) до краев, в два глотка ввел коньяк в организм, шутливо зарычал. Стеллочка восторженно взвизгнула.

...Здесь целомудренный читатель, стыдливо потупив глаза, покинет на время нашего героя, а постояльцы соседних с хмуровским номеров, досадливо ворочаясь в своих одиноких, холодных постельках, не раз и не два услышат из-за стенки страстный женский стон и непонятные им слова: «Издам, милый, хоть десять томов в убыток нашей конторе издам!»

Наутро Полковник проснулся свежий и бодрый. Одобрительно посмотрел на ровно дышащую во сне Стеллочку и вполне серьезно подумал: «Все, баста. Пора заканчивать эти игры с прогнозами будущего. Надо делом заниматься. Вот с нового учебного года начну писать капитальный учебник по ракетно-артиллерийским взрывателям. Никто на кафедре за него не берется. А мне и сам бог велел теперь».

Часть третья.

ТОНУЩИЙ КОРАБЛЬ НАУКИ

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Песня о «Варяге»

КРУГОВОРОТ ВОДЫ В ПРИРОДЕ, ИЛИ СНОВА ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

◆ Николай Андреянович возвращался на рейсовом автобусе из Кривулинского санатория-курорта в одиночестве. Дело в том, что щедрый профком института Стеллочки, явно по звонку директора-академика, купил ей путевку не на три, а на четыре недели. Понятно, что Полковник позвонил своей любящей супруге, отрапортовал о красотах местности, отменном питании в столовой, солидной профессорской публике из Москвы и Тулуповска... Словом, с позволения дражайшей половины он бы докупил здесь на месте еще одну недельку. Жена благосклонно разрешила: «Надо же тебе, Гриша, отдохнуть как следует, а в городе после двухмесячной аномальной жары и посейчас дышать нечем». И так далее.

К Николаю Андреяновичу присоединился в автобусе тот самый чудик из педуниверситета, что выпрыгивал с двадцать второго этажа высотки физфака *МГУ*, долго и нудно, главное, без пауз, что-то рассказывал о своих достижениях в математической физике. Николай Андреянович, не слушая, вежливо, порой невпопад, согласно кивал головой. После замечательного отдыха не

то что про полиномы-Чебышева слушать не хотелось. Вообще претило о чем-либо думать. Вот так бы и смотрел умиротворенно в автобусное окно, за которым густые лесные массивы перемеживались с поросшими высокой травой холмами и оврагами. Иногда поодаль от дороги сверкала на солнце озерная гладь, или внезапно выбегала малая речка, но, видно, испугавшись шумных машин на дороге, делала красивый крутой разворот и опять убегала в обезлесенное межхолмье.

Попутные деревни, села и крохотные поселки городского типа, как их называли в советское время, под входящим в зенит солнцем словно обезлюдели: все спасались от жары в прохладных бревенчатых избах и кирпичных домах. Это тебе не городской, насквозь прогреваемый железобетон!

Эх, хороши нынче сельские виды стали: ни тракторов грохочущих с комбайнами, бывшие поля превратились в ромашковые луга. И народ здесь не суетится: прополол картошку в своем огороде — и в прохладную избу самогон пить; он в жару пользителен: на улице плюс сорок и самогон, если он не первач, сорок градусов. Вот все в организме и уравновешивается... Заботится нынешняя власть о сельчанах, не утомляет непосильным крестьянским трудом-докукой. Картохи для едова сельчане накопают в своем огороде, а в городские овощные лавки ее завозят из Италии и Белоруссии. Хлебосеянием же занимаются на Кубани и в Южной Сибири. Свеклу тоже перестали сеять: хохлы за газ и нефть бартером составами товарняков гонят в Россию сахар-сырец.

Сосед рассказал о полиномах Чебышева все что знал, перешел на цепи Маркова второго порядка, по которым защищал свои диссертации. И у Николая Андреяновича почему-то мысли перескочили от благодушного созерцания природы за окном автобуса к будням и праздникам только-только завершенного отдыха в Кривулинском, а конкретно — к истинному герою-любовнику этих будней и праздников Григорию Ивановичу.

◆ Уже на четвертый день душевно-телесного сближения полковника Хмурова и Стеллочки Григорий Иванович после завтрака, когда эта чаровница принимала в лечебном корпусе грязевые и «хрустальные» ванны, готовя свой изящный организм к возможным зимним хондрозам (другого свободного времени у Полковника теперь не было), зашел в номер коллеги со стандартной плоской бутылочкой. А Николай Андреянович как раз заварил чай. Конечно, не фирменный что Стелле привез из Индии ее академик-директор, но все же хорошо подобранного купажа: самолично смешанные хозяином номера черный, зеленый и желтый чаи с добавкой сушеной земляники, захваченной из дома. Открыв холодильник, скоренько сгоношил и закуску.

— Докладываю, Андреяныч, у нас в запасе час с небольшим. Затем Стеллочка придет с оздоровительных процедур, и мы пойдем на оздоровительную же процедуру через сосновый лес на Оку. Сам знаешь какое это удовольствие среди сосен, разогретых уже солнцем до смоляного запаха, да с очаровательной девушкой-женщиной, пройти туда и обратно по двадцать тысяч калибров* с семидесятивосьмимиллиметровой базой! А тут и обед уже близок и трепещет заранее перед нагулянным аппетитом...

Ладно, давай по стопке — и к делу. Времени мало. Значит, дело выгорело. Мы со Стеллочкой еще на неделю продлеваем курортную жизнь, так что в Тулуповск отсюда поедешь в гордом одиночестве. И вообще до первого сентября вряд ли меня увидишь: буду спешно готовить к сдаче в издательство первые два тома в самом начале сентября. Остальные три поодиночке до Нового года. Самое главное — не надо тратить свои

* Принятое у артиллеристов-испытателей обозначение расстояния от наблюдателя до летящего по траектории снаряда: калибр снаряда умножается на некоторое число, а полученный результат соответствует этому расстоянию; для 78-мм снаряда 20000 калибров соответствует партикулярным полутора километрам.— Прим. авт.

кровные на верстку, редактирование и корректуру — все сделают ихние спецы своего дела. Печатать мой пятитомник Стеллочка собирается тиражом в три тысячи. Можно бы и побольше, но их типографское оборудование хотя и сверхсовременное, но — оперативное: печатает быстро, но не более трех тысяч экземпляров. Стеллочка моим книгам дает зеленую улицу, даже потеснив своего академика с дополнительными шестью томами научных мемуаров! Да-а, ты готовь к изданию свое учебное пособие...

— Какой смысл без грифа минвуза издавать? Ни в какие рекомендательные программы высшей школы не войдет.

— Я дело говорю. За гриф заплатит само издательство. Конечно, не обидим и шефа; Вадим Фомич все мечтает издать, как он говорит, свою лебединую песню: монографию по ракетным микромашинам объемом почти в тысячу страниц. Почти как библия! Он человек обязательный, а за издание своей ракетной библии без излишних вопросов будет подписывать мне два раза в месяц командировки в столицу. В течение всего учебного года. И не на день туда-сюда смотаться, а на трое суток.

— Хм-м, Иваныч, я не школьник первой ступени, понимаю, что в командировках этих будешь совмещать полезное, то есть вычитывать и править, вообще следить за печатанием своих трудов, и приятное. Но вот как с последним? У Стеллы дома какой-никакой, но официальный муж, хотя у него «на половину шестого». Гостиницу за две-три тысячи за сутки снимать? — Неужели и здесь их институт будет оплачивать. И как твоя пассия будет своему «полушестичасовому» супругу объяснять двух-трехдневное отсутствие, причем регулярное?

— Ха-ха! Это же Москва, не провинциальный Тулуповск! Во-первых, у Стеллы лучшая подруга только что развелась со своим благоверным, купчиком средней руки, солидно обобрав его на росстанях. Подруга же

тотчас окрутила небольшого по званию чиновника со Смоленской площади*, которого ранее не выпускали за бугор без жены, а теперь отправили младшим советником в посольство в Канаду. Эта стремительная подружка при своих и мужниных деньгах квартиру московскую сдавать не собирается, опасается без нее остаться. Установила сигнализацию и просила Стеллочку время от времени, благо недалеко от ее института, заходить, проверить все ли в порядке. Ну, и конечно разрешила использовать по амурным делам с приличными мужчинами.

Разработали диспозицию. Я прибываю в Москву утреней экспресс-электричкой, иду в институтское издательство и до часа дня работаю с техническим редактором, корректоршей, художником-оформителем. В час дня Стеллочка вызывает к себе в кабинет свою заместительницу и объявляет: сейчас и до конца дня она уезжает по делам издательства, например, в Роспечать, в офис поставщиков бумаги, в дирекцию сетевого книжного концерна и так далее. Назавтра она сама у себя берет «отгул»: домашние докуки, визит к парикмахерше и в фитнес-клуб, еще что-то другое. А послезавтра подойдет к обеду.

Во-вторых, с «полушестичасовым» тоже хлопот не будет. У Стеллочки мама проживает в Мытищах, причем домашнего телефона у нее нет, общается с дочерью только по мобильнику, и зятя своего органически не выносит, так что ни она ему, ни он ей и в страшном сне не будут звонить. Кстати, уж даже номера мобильника тещи не знает. И вообще он увлечен своими научно-педагогическими делами и едва ли замечает отсутствие супруги. На всякий форс-мажор Стеллочка посветит маман в свои любовные шалости. Та, несомненно, одобрит и дочурку всегда прикроет. По легенде для мужа маман часто хворает, поэтому

* То есть из высотки Министерства иностранных дел.— Прим. авт.

Болонский сон № 361. Перед входом в административный корпус старейшего университета Европы Полковник дал последний и решительный бой. А Эдька-аспирант даже запел с воодушевлением «Интернационал», явно не входивший в его школьную программу. Очевидно под влиянием вдохновенных слов пролетарского гимна Григорий Иванович воспылал чувством солидарности с обороняющимися. Лениво отмахиваясь нагайкой, он урезонивал обороняющихся:

— Камрадос итальянос! Хватит проливать кровь, ведь дело сделано. Наше дело-то правое, поэтому мы победили! Но даже не вас, героические потомки Цезаря, мы победили, а освободили весь мир от заразы Болонского процесса, навязанного нам и вам силами мирового зла! Давайте, синьоры, отложим наши шпаги и ружья, накроем поляну, выпьем вашего доброго фалернского и нашей русской водовки и самогоновки, что выгнали мои умельцы из саперного

батальона. Все это — от пуза — закусим макаронами и гречневой кашей с мясом, потом споем «Санту лючию» и «Шумел камыш»! И не надо нас благодарить; это для русских солдат привычно: освобождать Европу от всяких пакостей, что периодически — за ваши же грехи, на вас насылает кто-то сверху смотрящий... Я, в свою очередь, буду хлопотать перед самим Сильвио Берлускони о представлении всех защитников Болонского университета к высшим воинским наградам. Давайте, синьоры, мириться, а то первое сентября на носу!

Стеллочка раз в две недели проводит у нее пару дней, помогает чем может.

Таким образом, Андреяныч — давай-ка еще по рюмахе, то есть по стопке,— в нашем со Стеллочкой распоряжении первые полдня, второй день полностью и затянувшееся утро третьего дня. И две ночи, конечно. А как иначе? Чувства, даже с деловой подоплекой, надо постоянно питать и поддерживать. Тем более, что у меня в перспективе есть намерение написать второй пятитомник.

...Николай Андреянович, налюбовавшись видами за окном автобуса, чутко задремал, уже даже из вежливости не кивая все не замолкающему педагогическому профессору. «Словесный понос»,— мелькнуло в голове одно из обычных определений Хмурова в таких ситуациях.

Да-а, Григорий Иванович блестяще играет выбранную им роль солидного любовника. В ярких красках августовского дня всплыла сцена его проводов, имевшая место чуть менее двух часов тому назад. На Полковника и Стеллочку, прощающихся с Николаем Андреяновичем, во все глаза с нескрываемым восхищением смотрели садящиеся в автобус отъезжающие и их провожатые.

Полковник, бронзово загоревший, сбросивший за три недели остеохондрозной диеты и любви под десять килограммов, высокий, по-военному подтянутый, широкоплечий, с отпущенной для экзотики на курортное время бородкой-щетиной «а-ля Абрамович», в ладно сидевшем на нем летнем льняном костюме с короткорукавным пиджаком, под которым клетчатая ковбойка с вольнолюбиво расстегнутым на две пуговицы воротом, очень походил на преуспевающего американского миллионера на отдыхе где-нибудь на Маврикии или Мадейре.

Тоже загоревшая, одетая в контрастное с натуральными волосами жгучей брюнетки алое платьице на бретельках, Стелла держалась за руку Полковника, нежно прижимаясь к нему бочком и бедром. Платьице волнующе обтягивало ее зовущий взгляд аккуратный животик, а чуть большие для ее фигуры и роста груди уже

не требовали подпружинивающего бюстгальтера, обходясь обычным: три недели чувственной и безрассудной любви сделали свое чудо, груди затвердели и стояли торчком, как у молодой женщины-девушки к концу медового месяца.

— Так договорились, Николай Андреянович,— сказала ему Стеллочка, уже поднимающемуся по автобусным ступенькам,— как ваш учебник будет готов в рукописи, так сразу к нам в издательство и приезжайте.

При этих словах Хмуров непроизвольно-ревниво посмотрел на Стеллочку...

Шофер автобуса дал отбойный гудок, закрыл автоматическую дверь и начал делать на первой скорости разворот на площадке перед курортными воротами. Как принято здесь и вообще в любых местах массового отдыха, провожающие, еще три недели назад не знавшие отъезжающих, с волнением и искренней грустью махали руками. Некоторые смахивали невольные слезинки.

Николай Андреянович также повернулся лицом к окну и сделал своим друзьям прощальный жест рукой. И еще он отметил: отошедшая чуть в сторону от группы провожающих молодая женщина лет тридцати, отвернулась и явно сдерживала нервическое рыдание, закрыв лицо ладонями рук. Да-а, чья-то чуть вспыхнувшая любовь оборвалась. А вот у Полковника с его черноволосой подругой и здесь еще неделя чувственной страсти, и вообще все впереди. Ибо ее «полушестичасовому» супругу уже никакая виагра, даже в дозе 10 мГ, не поможет, а Полковник, глядишь, еще на двадцатитомное собрание научных сочинений и военно-артиллерийских мемуаров замахнется...

◆ Автобус свернул на хилую тулуповскую полукольцевую, а с нее на старую калужскую и начал спускаться с длинной пологой возвышенности прямым курсом на южную окраину города, который уже являлся на прямой видимости. Еще четверть часа — и автовокзал рядом с главным корпусом университета. Водитель за-

чем-то включил приемник с трансляцией на салон. Видно решил послушать обеденные последние известия Радио России. И Николай Андреянович стал слушать.

Кратко перечислив последние сводки из Дагестана о взрывах и нападениях на милицейские посты, а затем новости об успехах борьбы с коррупцией в столицах и университетских центрах, диктор перешел к более веселым делам. Радостно объяснил, что наконец-то «страна распрощается с тяжелым советским наследием»: милицией и «лампочкой Ильича». Бравые полисмены, которых пока еще милицейский министр рекомендует гражданам называть господами полицейскими, мигом наведут в белых перчатках истинно демократический порядок от Калининграда областного до Камчатки. А ртутные светильники (китайской фабрикации) заменят лампочки накаливания, экономя миллиарды киловатт-часов электроэнергии. Здесь-то все понятно: новых *АЭС* и *ГЭС* уже двадцать лет как не сооружают, а станции советской постройки близки к выработке своих ресурсов. Авария на Саяно-Шушенской еще цветочки... И вся инфраструктура энергосетей на ладан дышит. Отсюда и экономия на лампочках с вольфрамовыми нитями накаливании.

...Видно за двадцать лет демократизации действительно бывший советский коллективный человек переродился в сугубого индивидуалиста, если каждый раз, как Николай Андреянович слышал или читал об отмене лампочек накаливания, то в мыслях его проскальзывало чисто частнособственническое: а как же его кот будет зимой греется? Дело в том, что когда долгими зимними вечерами Николай Андреянович усаживался за свой письменный стол для задумчивого писания конспектов лекций или учебных пособий, то зябнущий кот впрыгивал на стол и располагался под настольной лампой. До того согревался, что, наверное, благодарил Ильича, Лодыгина и даже американоса Эдисона; до того согревался под стоваттной лампочкой, что начинал нежиться, пере-

ворачивался на спину, подставляя брюшко под тепло, раскидывал в стороны лапы и лисий свой хвост. И вместо этого блаженства от бывшего ведомства Чубайса ртутно-холодная китайская дрянь с ее покойницким светом? «Надо запастись стоваттными на пару-тройку лет, пока еще продаются в хозмагах»,— подумал Николай Андреянович. Автобус вкатился на проспект и вскоре, сделав крутой вираж, остановился около автовокзала.

Через неделю позвонил Хмуров, доложив о прибытии, подтвердил прежнее: до первого сентября они не увидятся, будет готовить первые две книги монографии к сдаче в издательство Стеллочки. «Кстати, тебе от нее большой привет... но смотри у меня,— полушутя, полусерьезно предупредил Полковник,— на чужой каравай рот не разевай!».

Да-да, рассеянно подумал Николай Андреянович, пора теперь привыкать к новому ритму жизни: теперь им руководит во времяисчислении не астрономический, но учебный год, а дата его отсчета — первое сентября — это возвращение на круги своя. Как круговорот воды в природе.

ПЕРЕКУЕМ МЕЧИ НА ОРАЛА

◆ В первой декаде водоворотного сентября Хмуров подписал у Вадима Фомича трехдневную командировку в Москву по «издательским делам кафедры» и укатил в Первопрестольную с материалами первых двух книг своей пенталогии о будущем цивилизации Земли и обустройстве нашей Вселенной в целом.

И без того постройневший и помолодевший после месяца в Кривулинском санатории-курорте, вернулся Григорий Иванович из командировки еще более молодцеватым. Дьяконов, подписывая отчет о выполнении командировочного задания, даже заметил: «Такое впечатление, Григорий Иванович, что ты эти три дня не в издательских хлопотах провел, но не вылезал из сауны,

перемеживая ее с бросанием боулинговых кухтылей в ночном клубе!»

На что Хмуров тотчас погасил излишнее любопытство шефа сообщением, что к концу первого квартала следующего (календарного, неучебного, конечно) года в издательстве ждут монографию Вадима Фомича по ракетным микромашинам. Уже и в перспективный план изданий вставили. Дьяконов заулыбался и обрадовал подчиненного: «Эт-то хорошо! Спасибо за протежирование. Кстати, позавчера мы с Мариной Евгеньевной раскидывали кафедральные надбавки. Вам сделали профессорскую, как ответственному за редакционно-издательскую нагрузку». Пришла очередь алаверды благодарить шефа и Григорию Ивановичу. Расстались всенепременно довольные друг другом. Консенсус, как некогда гова́ривал Меченый.

До его лекции оставалось больше часа, поэтому Григорий Иванович в одиночестве сидел в преподавательской, как-то бессмысленно перебирая и приводя в порядок бумаги, скопившиеся еще с весны. Дверь в преподавательскую отворилась, вошел чем-то довольный Николай Андреянович, несколько фальшиво в четверть голоса напевая: «...Не нужен мне берег турецкий, вся Африка мне не нужна».

Полковник оторвался от бумаг, крякнул досадливо:

— Не искажайте, товарищ до́цент, слова песни: в оригинале не турецкий, а тунисский берег.

— Как так? Ведь все поют про турецкий?

— Мало ли что поют. Поют и вовсе историко-политически безграмотное типа: «...А на груди его светилась медаль за город Бухарест». Это надо же додуматься? Так получается, что Красная Армия штурмовала Бухарест — столицу уже своего союзника к концу войны, а потом Сталин румынского короля Михая II наградил орденом Победы? А штурмовали Будапешт. И медаль «За взятие Будапешта» учредили. Кстати, Андреяныч, ты-то историю хорошо знаешь; обратил внимание: эти

румыны во всех войнах начинают союзничать на одной стороне, а заканчивают воевать на другой.

— Ну-у, про Будапешт-то знаю, а причем тут Тунис?

— А притом, что в последней четверти девятнадцатого века Российская империя не только Среднюю Азию и Дальний Восток с Маньчжурией и Кореей подмяла, но и собиралась через дружественную Абиссинию-Эфиопию отхватить себе часть Туниса, да в последний момент побоялись портить отношения с французами. И грамматически-географически строфа «не нужен мне берег турецкий, вся Африка мне не нужна» — явная нелепость. Турция-то вроде как в Азии-Европе, но вовсе не в Африке! У тебя что — тоже пересменок? Чего такой веселый?

— М-м-да! Как бы сказал Язвишин с его медико-биологическими познаниями, дофламин-медиатор счастливого веселья у меня в мозгу повысился. А от чего повысился? — От созерцания реалий нашего бытия.

— Ну-ка, ну-ка, отсюда подробнее.

— А чего подробнее? Я вот сегодня отчитал лекцию, у меня в этом семестре первая заутренняя пара,— дескать живу рядом, решила Марина Евгеньевна, верстая расписание,— и решил сходить в пристройку к главному корпусу на кафедру дизайна, поздравить с днем рождения своего давнего приятеля — раньше вместе в *ЦКБ* агрегатостроения трудились — доцента и художника-графика Артура. В раннесентябрьские погоды одно удовольствие, особенно после общения с полусотней сонных оболтусов, прогуляться неспешно вдоль проспекта туда-обратно.

Иду по нашей, левой, хотя и не коммунист официально, стороне. Публики встречной-поперечной почти нет, красота! И мысли всякие возвышенные, о вечных истинах.

— Во-во, извини, перебью. На тему вечности в Москве тост замечательный слышал, одесский.

— Так ты, Иваныч, вместо занятий со Стеллочкой

в уютном гнездышке на банкетах банкетировал? Смотри, разочаруешь нашу красавицу и свои, плюс кафедральные, издательские планы похеришь.

— Да нет, я как приехал утром и с техредом занялся рукописью, то явно от нечего больше делать в издательство зашел сам директор-академик. Познакомился со мной, необязательно поинтересовался: о чем книга? Я и говорю, что о вечности эволюции жизни. Тот обрадовался, дескать, вчера как раз на банкете по случаю девяностолетия коллеги-академика присутствовал и услышал замечательный анекдот на тему вашей книги. Мол, жил в Одессе человек бедный, к тому же мечтательный, задумывающийся о смысле жизни. Пошел он в шаббат-субботу в синагогу. Истово помолился. Все остальные прихожане уже ушли, раввин удалился кошерный обед обедать, а тот все молится. И слышит голос бога: «Наверное, ты что-то хочешь у меня спросить?» «Да, боже, скажи: что для тебя миллион лет жизни?» — «Секунда»,— отвечает бог. «А миллион долларов?» — «Копейка».— «Господи,— взмолился бедняк,— так дай мне одну копейку?» — «Подожди секундочку!» — Так выпьем за долголетие!

...Здесь в редакторскую вошла Стеллочка и увела академика. Я ей потом сцену ревности устроил, но она сказала, что просто отвела заблудившегося после вчерашнего банкета директора в его кабинет. Ну-ну, продолжай, Андреянович.

◆ Николай Андреянович, слегка обидевшись — не любил когда его перебивают,— вежливо посмеялся и продолжил:

— Иду, значит, по тротуару, на душе покойно, посентябрьски умиротворенно. Но дошагал до упраздненной артухи — и так скверно вдруг стало: пустые корпуса, ни души за забором не видно, золоченую вывеску уже содрали, две корпусные пушки, что перед *КПП* красовались, тоже увезли; явно на металлолом ликвидационная комиссия продала, ведь каждая из них под шесть тонн тянет. Даже чугунные таблички с постамен-

тов, где пояснялось, что левая пушка изготовлена на заводе «Баррикады», а правая — на Новочеркасском заводе, с мясом вырваны. Дескать, *перекуем мечи на орала*! Только орала эти будут делать китайцы, которым всю Россию на металлолом успешно продают представители «малого и среднего «об... бизнеса».

Единственное, условно людное место на территории бывшего ракетно-артиллерийского училища — выстроенная несколько лет назад за счет минобороны церковь. Наверное, для успешности обучения будущих офицеров. Правда, как давно заметил, курсанты туда ни шагу! Отцы-командиры же из ворот училища брали курс налево, в кафе-распивочную «Штаб», на вывеске которой до сих пор красуется изображение пулемета «максим».

...Вот и теперь перед вратами бывшей училищной церковки молились, пятясь, три старушки в черном, а чуть обок осеняла себя мелким крестным знамением относительно молодая женщина, явно пришедшая помолиться за удачное замужество. В недалеком будущем. Видно, все они вышли из церкви после поздней заутрени.

Уже со смешанным чувством вошел в пристройку главного корпуса, поднялся на второй этаж, где мастерская Артура, а по-соседству домовая университетская церковь, которую окормляет самый авторитетный протоиерей Тулуповска с анархистской фамилией Кропоткин.

У Артура мастерская больше всего похожа на первопечатню Ивана Федорова: треть небольшой комнаты занимал пресс для гравюрных оттисков с рунным приводом от штурвального колеса, родного брата таковых на пиратских бригах; другую треть — и под потолок — загромоздила электропечь непонятного мне назначения. На оставшейся жилплощади разместился большой рабочий стол, на котором стояли две бутылки, одна початая, и бутерброды на газетке. Всякому входящему Артур наливал стопку. И я выкушал за здоровье приятеля. Коротко обменялись последними новостями. Я ушел, освободив место вновь зашедшему.

Отдыхает в воскресный день от трудов праведных университетская курьерша-письмоносица Вера Тимофеевна, уже полсотни лет разносящая почту по корпусам и службам огромного вуза. Отдыхает, пьет чай с топленым молоком, а кот Мурзик лакает с блюдечка на столике молочко цельное, некипяченое. Справа прялка с заправленной шерстяной куделью стоит, еще от дореволюционной бабушки доставшаяся. Вот попьют Вера Тимофеевна с Мурзиком каждый свое и примутся за неспешные дела-докуки. Хозяйка начнет нить вить из кудели — заготовку для вязанья теплого — на зиму — пуловера. Ведь почти весь рабочий день на улице! А Мурзик усядется на том же столике и будет с интересом смотреть на

нить, все удлиняющуюся и удлиняющуюся из шерстяного пучка. Потом утомится смотреть и задремлет, а потом и вовсе заснет, свернувшись калачиком и прикрыв хвостом нос.

Думы же Веры Тимофеевны протяжны и покойны. Все у них с Мурзиком хорошо, как у людей: пенсии и вполовину ее меньшей зарплаты на двоих хватает с избытком. Мяса она не ест, почитай, с советских времен, отвыкла. Мурзику много не надо. Одно ее печалит: жалко умных профессоров и до́центов. Как же они с семьями-то и без мяса? Вот и по телевизеру все говорят: без мяса ум-то у людей улетучивается. А как им, бедолагам, без ума в размышлениях студентов воспитывать в знаниях?

Кстати, за прошедший год моего пребывания в университете хоть раз в неделю, но приходилось бывать в пристройке главного корпуса, но ни разу не видел, что кто-то в эту домовую церковь входит. На этом же этаже, как сам знаешь, и пять лет назад открытая кафедра теологии под руководством все того же Кропоткина.

— Да-да, извини, опять перебиваю. Вадим Фомич рассказывал: когда на ученом совете университета обсуждался вопрос от открытии этой кафедры, то с гневной речью выступил один матерый профессор. Но Генрих Семенович погрозил ему, вроде как шутливо, пальчиком и поставил вопрос на почти единогласное голосование. А пенсионный профессор не прошел по конкурсу на следующие пять лет... Вот так-то!

Кстати, насчет перековки мечей на орала: ты, может, не знаешь, но в советское время на месте этой домовой церквухи размещались в соседних комнатах парткабинет и кафедра истории *КПСС*...

— Но это же символично,— рассмеялся Николай Андреянович,— естественная преемственность: король умер, да здравствует король! А еще конкретнее по Лейбницу: природа не терпит пустоты; по-фольклорному же: свято место пусто не бывает. Так ведь? Но — продолжу о святых делах.

После Артуровой стопки с прицепом дико взыграл аппетит, хотя и позавтракал плотно, и до привычного организму обеда еще два часа как минимум. Ну что ж, удивлю супругу, скажу на полном серьезе: у нас, в высшем образовании, сейчас все косят на западный, американский манер. Вот ректорат и выдал, как вы, Григорий Иванович, говорите, диспозицию: между завтраком и несколько поздним обедом устраивать ленч*,

---

* Герои нашего романа — тонкие знатоки русского языка, согласно нормам которого раз вошедшие в него иностранные слова не могут менять своего правописания и фонетики. Поэтому старинный ленч - правильно, а новомодный ланч — неправильно.— Прим. авт.

ленчевать так сказать. Это как у торгашей и всяких офисников принят об... бизнес-ленч в ресторациях и кофейнях. А откажешься ленчевать — по конкурсу на доцента на следующие пять лет не пройдешь. Как тот антирелигиозный профессор. Кстати, супруга, уже попривыкшая за последние двадцать лет к всевозможным нововведениям, даже поверила, потом позвонила подруге, доцентше на гуманитарном факультета, рассердилась, но лже-ленч, то есть ранний обед, разогрела.

Ну так вот, раз пообедать надумал, то и взял от главного корпуса курс на дом кратчайшим путем, то есть через наш студгородок, что заканчивается, как сам хорошо знаешь, за сто метров от торца моего дома. Иду мимо старых, еще довоенной постройки корпусов, возле которых университетскую церковь возводят, на сей раз самостийную...

— Кстати, я в тех местах почти не бываю. Говорят, что начали возводить?

— Какое возводить! За лето стахановскими темпами, благо церковка — для экзотики — бревенчатая, сруб собрали и сейчас золоченые купола уже наводят. Такие дела скоро делаются. Это как Николай Кровавый, думая отвлечь народ от революций, подписал программу строительства на территории империи ста тысяч церквей, так тотчас и построили. Быстрее чем флот взамен потопленного японцами в Цусимском проливе или перевооружение армии. Кстати, и в Тулуповске сохранились три таких новодела: это прямо напротив здания администрации области и города — через площадь Ленина, около трамвайного арка между выездом из Носково и въездом в Косолучье. Еще где-то одна имеется — точно не знаю, но так говорят.

Ладно, господь со своим же хозяйством. Здесь другой занимательный момент; даже два: исторический и подсмотренный мною, идущим на ранний обед.

Исторический: в советское время, как сам, наверное, помнишь, на месте новопоставленной церкви, как раз в

фокусе кучки старых корпусов находился памятник с сидящим Ильичем. Тоже поставленный в конце тридцатых годов. А вот уже в начале «волчьих девяностых» демократически настроенная молодежь, воспаленная малокачественной водкой, явно кем-то направляемая, памятник основоположнику разрушила этими кем-то загодя привезенными ломами и кувалдами...

Десять лет назад во время пастырского визита в Тулуповск прежний еще патриарх освятил на месте памятника Ильичу закладной камень будущего университетского храма — понятно, в честь студенческо-преподавательской святой Татьяны. Теперь же дело дошло и до самой церковки. То есть и здесь свято место пусто не осталось. Про Лейбница и фольклор уже говорил.

Теперь же подсмотренный мною момент. Коль скоро, Григорий Иванович, ты больше года не бывал в этой глубинке студгородка, то поясню: с самого начала возведения бревенчатого сруба, перед ним укрепили на врытых в землю столбиках в человеческий рост растяжку белого полотнища десятиметровой длины с надписью полуаршинными буквами: «*Здесь будет построен храм в честь Св. Татьяны*».

А тут иду по тротуару, левым бортом приближаясь к новостройке и слышу неуместную в таком месте матерную брань. Подошел ближе, смотрю, двое работяг горячатся у растяжки прямо напротив упоминания Св. Татьяны, кричат друг на друга: «Надо, мать-перемать, бензином или каким растворителем вычистить!».— «А я тебе, такой-растакой, говорю, что эту краску никаким растворителем не возьмешь; надо белилами под цвет полотнища замазывать!»

Здесь к ним третий работяга, слезши со сруба, подошел: «Нехрена муровать! И так всем видно, что это церква, а не пивная, потому к едрене-фене пора эту вывеску выкорчевать!» Здесь все трое разразились таким виртуозным, многоэтажным матом, что я подумал: наверное, все трое во флоте служили. Вспомнил свои

североморское детство и юность, когда понаслушался на пирсах Полярного свирепых корабельных боцманов, в речи которых цензурные слова отсутствовали напрочь. Как я понял, хозяйственный проректор сносить растяжку не позволил, а надпись стереть.

Совсем заинтересовался: какая-такая надпись? Но плотники все закрывали своими широкими пролетарскими спинами. Остановился, а тут и работяги со словами «нет, мужики, стрезву здесь ничего не решим» куда-то ушли, а я увидел искомое: под шрифтовыми словами «*Св. Татьяны*» было начертано той краской из баллончика с пульверизатором, что тинэйджеры на стенах домов и заборах рисуют стилизованные английские названия рок-групп, отчество Св. Татьяны: *Антоновны*.

Как несложно догадаться, имелась в виду Татьяна Антоновна — ректор Тулуповского госпедуниверситета им. А. В. Луначарского. Несложно было и догадаться: откуда взялось отчество педагогической ректорши, вовсе неуместное в историческом центре нашего универа; всего в полутора сотнях шагов располагалось старое, пятидесятых годов постройки, здание общежития педуниверситета. Почему его соорудили в этом месте, студгородке совсем другого вуза, не в одном километре от *alma mater*? — Сколько ни интересовался у ветеранов и старожилов педагогического образования Тулуповска, так внятного ответа и не получил.

Ухмыльнувшись такому веселому святотатству студентов-педиков (последнее слово не в нынешнем значении-понимании, конечно) продолжил тянуть курс на свой дом. Аппетит все возрастал и бунтовал.

◆ — Вот так-то, дорогой Полковник! За полчаса ходьбы, исключая «выпить-закусить» в первопечатне Артура, сделав небольшой круг, точнее вытянутый по большой оси овал, лицезрел три церкви при вузах, даже если и ликвидировали артуху. Невольно всякие мысли на этот счет в голове начинают вертеться. Ведь так, Григорий Иванович?

— Так точно, товарищ вольноопределившийся. В смысле не отсутствия офицерского звания, которое у тебя имеется от бывшей военной кафедры, но учитывая, что добровольно пришел трудиться в университет. А вуз в наше время — самое гиблое место с точки зрения так называемых деловых людей, то есть всех тех обоего пола, включая ж...суев и пидоров, которым сейчас менее пятидесяти.

— Согласен, господин старожил этих мест. Все-все, беру слово «господин», как говорят продавщицы, взад. Знаю твою присказку насчет деда по материнской линии, что комвзвода в Первой конной этих господ в деревянный бушлат одевал. Кстати, по церковному делу очень обижена на руководство нашего универа Татьяна Антоновна. Как говорит знакомый доцент из педуниверситета, что в нашем доме в четвертом подъезде квартирует, их ректорша с самого пришествия демократии лелеяла мечту построить в своем университете на площади перед главным корпусом если не храм Христа-Спасителя, то его уменьшительную копию. Естественно, нареча его именем Св. Татьяны. А тут ее опередили!

— Продолжу в контексте. У меня тоже имеются шапочные знакомцы из педа. Так говорят, что, погоревав об утрате Татьянинского имени, наша Татьяна Антоновна уже подрядила строителей на храмостроительство. А так как имя славного наркома Анатолия тож Васильевича Луначарского слабо гармонирует с теологической идеей, то, поговаривают, что ректорат имеет намерение втихую, на тормозах избавится от имени пролетарского просветителя в названии вуза. А взамен взять славное *ФИО* Александра Федоровича Керенского.

— Это с какой оглобли нужно упасть?

— А она свою, еще кандидатскую диссертацию, естественно, в советское время, сочиняла на тему о педагогическом наследии папаши Владимира Ильича, как тебе известно, инспектора школьного дела в Симбирской губернии, и в духе нашего советского времени нехорошо

отозвалась об отце Керенского, тож симбирского педагога. Теперь же Керенский-старший начал с завидной регулярностью являться ей во сне требованием восстановить доброе имя его рода. Очень просил за Сашу.

Татьяна Антоновна настолько измаялась с этими снами, что и решила исправить свой невольный грех.

— В «Хантах-мансях» шапочный знакомый эту трогательную легенду рассказывал?

— Да вроде того, но ведь что у трезвого на уме, то у пьяного на языке! А против фольклора не попрешь ведь. Давай-ка чайку сварганим и подведем итог нашей клерикальной беседы.

За пустым преподавательским чаем, кем-то из женщин опрометчиво оставленным, разговор пошел уже не о персоналиях церковно-вузовского движения, но на более общие, философские темы. В итоге, к допитию чая оба доцента пришли к одному мнению.

Действительно, начиная с кампании старта девяностых годов по строительству новодела храма Христа-Спасителя на месте открытого бассейна «Москва», в отечестве нашем, невзирая на смену руководства, определенную вариацию внутри- и внешнеполитических приоритетов, большинство в Госдуме — от коммунистов до правящей партии *ЕР* (от *КПРФ* до *ЕР* с благословения *ЛДПР*) и так далее, наметилась и со все ускоряющимися темпами начала реализовываться тенденция превращения православной церкви в некоторое подобие государственной религии навроде имевшей место быть в царской России, особенно в романовский династический период ее истории. При этом никто и не заикался о пересмотре, даже о малейшем дополнении к соответствующей статье конституции, декларирующей отделение церкви от государства. Здесь прослеживается несколько моментов, как уточнил склонный по военному воспитанию к точной систематизации.

Главный момент — материальная база строительства по всей стране от Балтики до тихоокеанских морей

Болонский сон № 412. Капитуляцию полковник Хмуров принимал от председателя Попечительского совета Болонского университета, в прошлом знатного мафиози, синьора Бартоломео Капуччини, очень гордившегося своим внешним сходством со знаменитым корсиканцем. По-наполеоновски же засунув левую руку за борт сюртука, Капуччини кичливо начал задирать Григория Ивановича:

— Ну-с, синьор полковник, какие условия капитуляции вас устроят? Можем предложить цистерну фалернского и два грузовика макарон!

— Слушай ты, Наполеончик, пальцем деланный, кончай юродствовать. Условия наши такие: тебя — выгнать вон, а ректору в двадцать четыре часа издать приказ о ликвидации трехуровневой чертовщины, стобалльной системы и менеджментера количества. От фалернского вашего животы пучит, макароны безвкусные в горле колом стоят. Вот от двух

цистерн коньяка «Нуово Чезаре» не откажемся. Закусим своей гречкой со свиной тушенкой.

— Может выпороть козла шприцрутенами и в пуху извалять? — *льстиво предложил Эдька-адъютант.*

— Нет, Эдуард Батькович, на нас сейчас с надеждой и умилением смотрит весь университетский мир,— а мы тут азиатчину разведем... Слышь-ка, подойди поближе, я тебе кое-что на ухо шепну.

— Так точно, вашбродь! Весь во внимании.

— Сейчас я отдам приказ о традиционных трех днях на разграбление города и университета. Так ты проследи, чтобы все архивы и наиболее ценные манускрипты из университетской библиотеки на самокрутки бойцы не разобрали. Распорядись все это загрузить в вагоны контрибуционного поезда.

десятков тысяч часовен, церквушек навроде ихней им. Св. Татьяны и полноформатных соборов. А в какую копеечку влетает ремонт и восстановление также тысяч церквей и целых монастырей, что при советской власти использовались как склады, картофелехранилища и сельские клубы? Не говоря уже о священнодействующей инфраструктуре церкви: содержание-довольствование батюшек с их причетом, монастырских послушников, личный состав (это Полковник говорит) духовных семинарий, которые сейчас открыты или открываются почитай в каждом губернском городе... и так далее вплоть до содержания иерархов церкви. Не следует забывать о многочисленных церквях, приходах и пр. по всему свету для окормления зарубежной паствы *РПЦ*.

И кто поверит, что все это огромное хозяйство, производящее только духовные, нематериальные ценности, содержится, развивается и крепнет исключительно за счет той денежной мелочи, что кладут в тарелку церковного старосты после окончания службы (здесь по-армейски грубый Полковник ни к селу, ни к городу вспомнил присказку из четвертого — во все времена с грифом «Для служебного пользования» — тома пословиц русского народа Афанасьева: «Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа!») малочисленные молящиеся в храмах или от продажи копеечных свечей?

◆ Кстати, как заметил по-военноморскому наблюдательный Николай Андреянович, после обретения церковью полной свободы своей благой деятельности число прихожан значительно сократилось по сравнению с «тоталитарными временами государственного атеизма». Причина столь непонятного на первый взгляд явления, однако, лежит на поверхности и в русском характере, а именно: народ наш добрый, но испытывает постоянно определенную, хотя и тихую, оппозицию к власть имущим. Так было при царе-батюшке, при молодцеватых и не очень генсеках, а про нынешние времена и говорить нечего.

Когда в советские времена госатеизма за посещение церкви и крещение младенца порой лишали комсомольского или партийного билета («Ты у меня, коммунист и капитан Хмуров, если такое повторится с крещением, положишь партбилет на стол!»), а старушек по радио и телевидению наставляли отречься от опиума для народа, этот самый народ из вредности хотя бы одной хоть раз в квартал, но заглядывал в храм. Старушки — помолиться за детей-внуков, остальные — из любопытства и той же вредности: хоть в тихую, но насолить парторгу-комсоргу и «лично товарищу Леониду Ильичу» показать кукиш в кармане.

Сейчас же, когда в отношении церкви демвласть круто, на 180°, переложила на штурвале курс, бывшие функционеры *КПСС*, занявшие руководящие посты в губернских и столичных органах управления, демонстративно начали неуверенно осенять себя крестным знамением, даже появились термины «церковный бизнес»*, «военный бизнес» и так далее при всем святотатстве таких определений, демонстрировать кукиш в кармане посещением храмов некому. А бабушек-старушек не то что на морозную заутреню, но и на вечернюю шестичасовую не отпускают телевизор с его занимательными ежедневными программами навроде «Как украсть миллион» или «Давай поженимся» (в контексте, понятно, фигурирует другой глагол)...

Полковник, несколько суеверный, как всякий военный, не участвовавший в боевых действиях, правда, что-то промычал относительно распространения крещений, отпеваний и венчаний, но Николай Андреянович в два счета все расставил по местам: вся эта обрядовость, особенно венчанья, да и те в среде столичной артисти-

---

* Как недавно рассказывал знакомый одессит, в их славном городе, что «у Черного моря», как пел Утесов, при наличии консерватории, знаменитого университета и многих других вузов, самый большой конкурс — для поступающих в семинарию.— Прим. авт.

ческой и иной богемы, отчасти дань новой моде, то есть «принципу тусовки», но главное — все та же суеверная боязнь, свойственная человеку, атавизм, стойко передающийся от поколения к поколению с пещерно-первобытных времен.

Резюме же таково: и бедные в православные храмы, и богатые в синагоги заходят редко и необязательно, оставаясь в душе теми самыми атеистами, какими их стойко воспитала советская власть. Про молодые поколения и говорить нечего; они даже для тусовки в церковь не заходят, их боги — «комп», интернет и доллар.

Кстати, как заметил Николай Андреянович, упомянув синагогу. Не имеет православная церковь сейчас и меценатов — купцов и прочих торгово-воровских воротил, как то было в России в XIX веке, ибо новорусские купцы-предприниматели скупее Шейлока и Плюшкина, а олигархеры исповедуют, хотя также чисто формально, ветхозаветную веру...

Полковник подытожил: остается, дескать, что нынешняя православная церковь живет и крепнет исключительно за счет госфинансирования. По какой уж там статье бюджета это проводят в ведомстве Кудрина? — Кто же вам скажет!

Другой архиважный вопрос: для чего нужно это де-факто огосударствление церкви и, в частности, оснащение храмами-маломерками всех вузов страны? Опять же — кто ж вам ответит! Но Григорий Иванович и Николай Андреянович, хотя и в скромной должности «до́центов с по́ртфелями», но ведь люди мыслящие — «мыслящий тростник» по Блезу Паскалю... (Это Николай Андреянович блеснул своей эрудированностью!) И пришли к определенным выводам. Хотя бы даже каждый со своим акцентом.

Военно-политический стратег полковник Хмуров, как военный, то есть склонный не только к внешним суевериям, но и к конспирологии, утверждал, что это Тайное мировое правительство, расквартированное в

Лондоне, Лэнгли*, Рейкьявике и на Мальте, используя «пятую колонну» и агентов влияния в России, а также прозападные подразделения российских *СМИ*, пытаются сделать *РПЦ* госцерковью в многонациональной и многоконфессиональной стране, исходя из своих стратегических целей: вызвать недовольство, прежде всего, мусульман Поволжья, Северного Кавказа, а главное — Москвы (их там, скорее всего, уже под два-три миллиона). И это внесет свою значимую лепту в раскол России на княжества и улусы, управляемые из стран-доминионов.

Более же гуманный и отчасти верящий в высшие идеалы добра и человечности Николай Андреянович, не отрицая совсем конспирологических козней Тайного мирправительства, склонялся к (безуспешному) стремлению нашей демвласти разуверить становящийся все более малограмотным народ в атеизме, вернуть в лоно церкви, сделать послушным. Причем забыть часть Христовых заповедей наврode «Не мир, но меч я вам принес», зато как таблицу умножения (это до появления компьютера) заучить другие: «Ударят тебе по левой щеке — подставь правую».

Кстати, здесь возразил Полковник в части аутентичности текста Св. Евангелий: дескать, сначала идет правая щека, а уж затем левая. Но Николай Андреянович обескуражил: представь, мол, Григорий Иванович, что ты, надев полковничьи лайковые белые перчатки, решив вызвать на дуэль из шестидюймовых осадных мортир члена Таймирправительства, ответственного за распространение Болонского процесса в школах и вузах, по какой щеке сначала ему врежешь? То-то, по левой. И Христос левшой не был!

...Зато в отношении воцерковления вузов мнения наших гуманистов-конспирологов совпали с точностью

---

* В Лэнгли, США расположена штаб-квартира ЦРУ.— Прим. авт

до промилле: принцип тусовки у вроде бы взрослых людей — имелись в виду люди из минобраза, наверняка, рассылающие тайные циркуляры о массовой постройке зданий культа. Принцип же тусовки гениально прост: все в науку и культуру (в советское время) — и мы в науку и культуру; все в профанацию (это сейчас) религиозности — и мы туда: за нами бог, правительство и наша *единая партия*! Бог же, как известно, не выдаст, а олигархеры еще не все подчистую украли и вывезли в Лондон.

«ПРОШЛА ПОРА ПРОФЕССОРОВ-ПОДВИЖНИКОВ...»

◆ — ...Отвечая на ваш вопрос, уважаемый Василий Корнеевич, по поводу взяточничества преподавателей в нашем университете, не премину вырисовать, так сказать, объективную причину этого щекотливого дела: прошла пора профессоров-подвижников, наступило время прагматиков! Разумеется явление это всероссийское и позорное, но как тому же профессору провинциального вуза свести концы с концами на зарплату в пятнадцать тысяч? Да еще учитывая, что при устойчивых темпах инфляции — цифру ее вы хорошо знаете — эта зарплата не индексируется уже шесть лет, а то и поболее. Главное — минфин и минвуз явно намерены ее заморозить на неопределенный срок, так сказать, до светлого будущего, а по-народному говоря, до морковкиных заговений...

Так наш новый ректор, человек молодой, еще пятидесяти нет, еще не обучившийся административному политесу и принятой в думских кругах политкорректности, ответил на вопрос председателя областной думы, одного из крупнейших торговцев города, владельца сети фирменных магазинов и крупной недвижимости Василия Корнеевича Лаврова относительно участившихся случаев взяточничества профессоров и доцентов в университете.

Надо заметить, что нынешнего ректора, хотя он и стоял за штурвалом, как бы сказал моряк Николай Андреянович, управления Тулуповским вузом уже третий год, все за глаза именовали именно как «нового ректора». Это, должно быть, оттого, что его предшественник Генрих Семенович возглавлял университет более четверти века, начав ректорство еще при Ильиче Втором, а закончив недавно уже при третьем переделе бывшей народной собственности... Так в деревенских семьях, где в одной избе живут три-четыре поколения, карапуз, только-только заговоривший зовет бабушку поиграть с ним, а с печи ее же окликает старик: «Эй, молодка! Чтой-то меня ревматизьма злое...чая прихватила седни. Плескани-ка в мою жестяную фронтовую кружку первача вчерашней выгонки!» Все познается в сравнении и соотносится с инерцией человеческого мышления.

Недавно новый ректор прошел от правящей партии, в которую спешно вступил в соответствии со своей нехилой должностью, в депутаты облдумы и, повторимся, еще не пообвык в ней.

...Услышав вполне справедливые, но такие неполиткорректные слова, Лавров побагровел своим лунообразным лицом, нервически провел ладонью по рано потерявшей растительность макушке, тоже не сдержался:

— Так вы что — оправдываете взяточников, так вас понимать?

И в зале зашумствовали, особенно та половина с гаком народных избранников, что составляла цвет городского и областного купечества и владельцев приватизированных еще во второй предел бывшей госсобственности фабрик и заводов:

— Позор! А еще ученый, профессор, воспитатель нашего славного юношества, надежды новой России! — И так далее, но без оскорблений и мата. Все в рамках политеса.

Присутствующие на открытии первой сессии думы нового избрания губернатор и его первый заместитель

поднялись из-за стола президиума и демонстративно вышли из зала.

Крики видных частнособственников достигли апогея, словно у каждого из них нищий на улице попросил на хлебушек целых пять рублевиков. Ректор держался спокойно, хорошо зная всю депутатскую братию, как коренной тулуповский житель, даже слегка улыбался, хотя дело завязывалось нешуточное, запахло остракизмом*... Но, как в гусарских анекдотах, пришел поручик Ржевский и все испортил.

Аршак Габриэлович, продвинутый в думу торговой армянской диаспорой, сам владелец трех дворцов-супермаркетов в центре города, мало интересовался областными делами, поэтому с самого начала думского заседания, полуприкрыв глаза, обдумывал давний свой проект: соорудить уже гипермаркет прямо напротив здания администрации города и области. Дело оставалось за малым: перевести в личную, то есть частную, собственность земельный участок размеров двести на двести метров. Вся затыка в том, что участок этот несколько лет назад был объявлен историко-археологической зоной, не подлежащей застройке. «Ай, хитрецы,— размышлял Аршак,— ну и прохиндеи эти чиновники! Прослышали, что я глаз положил на это место — и сразу тебе зона! Плати, мол, взятками не по таксе, а по понятиям. Как же трудно вести честный бизнес в *этой* стране!»

Деловые размышления Аршака Габриэловича самым бессовестным образом прервал шум и крики в зале. Но как человек деловой, он пропустил всякие благоглупости и выделил только слова ректора о зарплате профессора в пятнадцать тысяч. Он бы и на это внимания не обратил, но именно такую же цифру в контексте с окладом профессора называл ему сын Кареген, студент медико-физкультурного факультета. Решил сам голос подать,

---

* В античном мире — изгнание за пределы государства или отлучение от должности провинившегося.— Прим. авт.

чтобы не упрекали в равнодушии к делам и чаяниям тулуповского народа; дождавшись некоторой паузы, поднялся с кресла:

— Па-аслушайте, господа депутаты. Какое-такое нищенское жалованье у профессоров нашего университета? Пятнадцать тысяч долларов в месяц — это разве нищета? Да моя супруга Мариэтта на питание семьи в восемь человек в год меньше тратит!

В зале заседаний наступила гробовая тишина, затем раздался гомерический хохот. Председательствующий Лавров аж обхватил руками солидный свой животик. Рассмеявшийся тоже ректор махнул рукой, сошел с подиума и сел на свое место. Явно на хохот вновь вернулись губернатор с замом. Про досадливое слово отца местного высшего образования тотчас забыли и перешли к следующему вопросу повестки дня: обсуждение и голосование по представленному из департамента культуры обладминистрации проекту замены износившихся кресел в зрительном зале драмтеатра на новые, китайского производства.

Огорченный же Аршак Габриэлович шепотом изливал свою горечь соседу, владельцу целого районного промышленного города:

— ...Па-анимаете, Константин Филиппович, всю жизнь мечтал, чтобы в семье все дети были при деле: один — адвокат, другой — начальник милиции, третий — экономист и главный управляющий в моем бизнесе, а Карегена определил во врачи. Сколько мне стоило этого бездельника определить в наш университет на медико-физкультурный факультет, если бы вы знали! На первом курсе дважды по своей лени академический отпуск оформлял. Но сейчас, вроде бы, с ним по-мужски договорились: буду ему за учебу сам повышенную стипендию платить. Сколько, спрашиваю, тебя устроит? А он отвечает: как у наших профессоров: пятнадцать тысяч!

Я, Константин Филиппович, человек деловой; у нас принято измерять все в твердой валюте. Вот и стал

ему, сукину сыну, по пятнадцать штук баксов ежемесячно выдавать. Тот в первый раз вроде как удивился, а потом спокойно стал брать. Да еще намекать не необходимость учитывать инфляцию. Вот я ему сегодня устрою инфляцию!

◆ На неосторожное замечание нового ректора (будем и мы его так именовать) бурно отреагировали не только избранники от народа, но и многие местные рупоры гласности.

Самая читаемая в городе сорокавосьмистраничная «Толóка», частное издание с обширными разделами скандальной хроники, пикантного секса и новостей из жизни местного бомонда, откликнулась сразу двумя полосами; в основном, с безграмотными письмами студентов городских вузов на тему обдираловки их преподами. Но конкретно про скандальное выступление ректора на облдуме писать поостереглись: у хозяйки газеты дочь и два племянника учились в университете, причем учились на грани фола.

Отметили это событие другие городские и областные газеты: официозы, праволиберальные, коммунистические. Как и принято у нас в Тулуповске, сплошной компромат, причем на всех сразу, появился на скандальном интернетовском сайте *dyrka_ot_bublika.ru*. Особенно здесь досталось ни в чем не повинному Аршаку Габриэловчу, итак пострадавшему финансово от происков сынишки, которого папаша прочил по окончанию учебы в хозяина городской аптечной сети.

Григорий Иванович, ранее слышавший об этом скандальном сайте, но сам принципиально не подходивший к компьютеру ближе метра, попросил Николая Андреяновича распечатать ему материалы-отклики на думское выступление нового ректора, что тот и исполнил.

В одной из заметок, подписанной *Dum spiro-speros*, Хмуров безошибочно узнал руку Эдьки-аспиранта, который, кстати, в это время толокся в преподавательской. Григорий Иванович поманил его согнутым пальцем, без

обиняков похвалил содержание и поинтересовался: с какой целью этот сайт создан и на что содержится?

— Сами понимаете, Григорий Иванович, все сейчас имеет коммерческую подоплеку. «Дырка от бублика» не исключение. Не обращайте внимание, что до 95 % содержания сайта — чушь собачья. Это нужно для привлечения пользователей интернета. Зато оставшиеся пять процентов сочиняются — за плату, конечно — по заказу очень даже серьезных людей и организаций, которые вершат негласно большую губернскую политику. Действительно, газеты, исключая базарную «Толóку», почти никто не читает. Вот и блиставший в девяностые годы архирадикальный «Юный ленинец» впал в ничтожество. Зато все — от детского возраста и лет до сорока,— кто заглядывает в интернет, непременно читают и «Дырку».

— Спасибо за культпросвет. Свободен. Да-а, ты этими дырками-то, интернетовскими и женскими,— по-армейски сгрубил Хмуров,— особо не увлекайся. Помни, что пошел последний год твоей аспирантуры, через астрономический год будь добр диссертацию к защите!

Эдька шутливо взял под козырек и был таков. Потянулся на выход и другой народ: учебный галдеж затих пополудни. В преподавательской осталась известная дружеская тройка: Хмуров, Николай Андреянович и Василий Викторович Яцышен. Как-то так получалось, что из всего кафедрального состава именно они тотчас после окончания занятий не бежали опрометью домой, или куда там им нужно. Задержаться в преподавательской на час-полтора для расслабляющих бесед на вольные темы. Сам Дьяконов, усмехаясь, как-то назвал это «часом воспоминаний». Название всем понравилось — и закрепилось на кафедре, что называется, в глаза и за глаза.

Григорий Иванович все продолжал перебирать распечатки с «Дырки», иногда вполголоса, с бормотинкой отставного полковника, зачитывая наиболее интересные места. Николай Андреянович также вполголоса разговаривал с Яцышеным:

Когда царь и император Петр Алексеевич задумал в лапотной России европейский политес вводить, то повелел всех бородатых купцов и всякого рода раскольников на улицах хватать и к цирюльникам для стрижки препровождать. История всегда повторяет саму себя через определенные временные промежутки. Так вот и сейчас, спустя триста лет, в России снова воспылали к импортному политесу, только уже не к европейскому, а к североамериканскому, звездно-полосатому. Язык уже стал наполовину американским, скоро и проживающих в стране негров велят звать афрорашенами...

Но наибольшее обезьянничанье «с американского» привилось в высшем образовании. Нет, конечно, не в том смысле, что у нас появятся свои Гарварды и Массачусетские технологические институты — научно-образовательные центры мирового значения. Нет, это хлопотно, денежно и, по правде говоря, Новой России вовсе ни к чему. Зато с радостью внедряют весь мусор американской образовательной системы: стобалльная «фига» оценок, трехуровневое образование, необязательность посещения занятий студентами, тот же ЕГЭ... У нас это дико и нетрадиционно, а потому глупо и нивелирует наше «верхнее» образование где-то к советской десятилетке. Скорее всего — неполной. А система накопления баллов с ее дебетом-кредитом? — Для нас дико и неприемлемо, а для американцев, вся жизнь которых идет в терминах купли-продажи, куда как привычно и естественно.

— А что, Викторыч! Помнишь как в свое время трудились мы с тобой в «Меткости» и иных забот не знали, кроме как в предпраздничные дни пронести «с воли» мимо вахты бутылек-другой для коллективного обеда в отделе или лаборатории? Никаких тебе взяток, хитрож... студентов, главное — даже никакого намека на «менеджментер количества». И в странном послепраздничном сне не могло такое присниться!.. А что, правда, здесь со взятками так серьезно? Человек я новый в университете, кое-что краем уха слышал — и по местному радио, и в «Толóке» почитывал про профессоров-взяточников. А ты уж здесь прижился, в курсе, так сказать, криминальной стороны воспитания юношества, знаний жаждущих.

— Что тут говорить, Андреяныч! Я вот намедни и от нечего дома делать посмотрел какую-то передачу по телеку. Там репортеры-щелкоперы примотались к генералу, дескать, как вы, военачальники, довели нашу армию до такого состояния: командиры от лейтенантов до полковников круглосуточно пьяны, личным составом, учениями воинскими не занимаются; прапорщики оружие бандам и кавказским сепаратистам чуть не целыми складами продают; а солдаты? Сплошная дедовщина, с каждым новым призывом новобранцы здоровьем хлипкие, тупые, почти что с незаконченным начальным образованием? И так далее.

Генерал же случайно оказался не из нынешних «паркетных», что ротами и батальонами штампуют в серого камня здании на Арбате, но еще старого закала. И оборвал репортеров не хуже как наш новый ректор на думском токовище: вы, мол, что, граждане репортеры, только что из Новой Зеландии или из Папуа-Новой Гвинеи прибыли? Или думаете, что нам солдат, прапорщиков и офицерский состав из другой галактики привозят? Армия — это зеркальное отображение всего общества. И если это общество насквозь прогнило за много лет безумных реформ, то что ж вы хотите от со-

временной армии? И так далее, в том же стиле все по полочкам разложил.

Самое интересное, что это интервью на экран попало. Скорее всего диск с его записью репортеры пожалели в мусорное ведро выбросить, его и вмонтировали в передачу. Ничем иным объяснить не могу.

Здесь в общую беседу включился Полковник, перечитавший все самое занимательное о профессорах-взяточниках в листках-распечатках от «Дырки». С военной дотошностью и логикой он все расклассифицировал, расставил по местам.

— Прав и ректор, и отчаянный рубака-генерал: как армия, нынешняя, конечно, есть масштабная копия *status quo* современной России с ее олигархерами, братками, нищими, чиновниками-взяточниками, проститутками и прочая, прочая. Поднимающими голову попами тож. Аналогично, но, так сказать, в квадрате, в университетах.

— Почему в квадрате?

— А потому, Николай Андреянович, что в вузах самый большой объем взяток — по размеру и количеству участвующих сторон — в нашей сфере приходится на устройство полных идиотов в университет и предотвращение их исключения. В армии, понятно, все наоборот: взятки, правда, дают и не малые — но в военкомат для отмазки от призыва. Без взяток же отлынивающий может срок получить. Естественно, что и за попытку самовольно взять армейскую «академку», особенно с автоматом,— уже реальная тюрьма или дисбат. Второе хуже первого намного. Приходилось лейтенантом, когда в войсках служил, как-то сопровождать старшим двух провинившихся туда. Унтера там, сержанты и старшины, сущие звери; даже офицеры, тоже далеко не ангелы, их боятся...

Итак, разобрались с первым видом взятки: за поступление и неотчисление. Но поскольку сейчас, при *ЕГЭ*, мать ее перемать, преподаватели отлучены от вся-

ких приемных экзаменов, а индульгенция на предотвращение исключения есть дело тонкое и дипломатичное, то все сопутствующие процедуры вертятся исключительно в административных сферах, глубоко законспирированы и поэтому фамилии фигурантов на страницы «Толóки» и сайта «Дырок» практически не попадают. И мы их в своих теоретических дебатах оставим в покое. Мир им!

Другая, полярная противоположность, но крайне редкая, почти реликтовая — идейный взяточник. То есть его интересуют не сами деньги взятки, даже могут вообще не интересовать, но реализация принципа, поставленного им во главу угла. В нашем заведении за всю новейшую — от советских времен окончания — историю только один такой профессор, причем старой закалки, нашелся. Требовал он со студиозусов сущую мелочь, демонстративно подчеркивая свою принципиальность: по рублевику за балл. Хочешь тройбан — плати полтинник, а за сто баллов — сотенку. И не долларов, а деревянных! На следствии прямо сказал: брал не по нужде, но чтобы самого себя не унижать, участвуя в гнусном спектакле современного, так сказать, высшего образования. Если рядовой студиозус хам, полный бездельник и идиот, то ставить ему положительную оценку, а именно их с меня деканат требует, значит становиться соучастником этого спектакля. Так что все эти полтинники и кредитки с видом на Большой театр суть символическая компенсация за мое унижение.

— Правильный мужик был,— вставил слово Василий Викторович,— я его шапочно знал. Всего-то на три с половиной тысячи ему следствие насчитало, даже на условный срок не очень-то тянуло, но... сердце подвело, переживания, принципы. Увы, принципиальным как раз часто что-нибудь на голову падает. Извините, Григорий Иванович, перебил вас.

— Нет-нет, отчего же? У нас общий разговор, а не монолог в театре одного актера. Но все же продолжу

разбирать по ранжиру... кстати, сегодня пятница, уикэнд по-американски, не продолжить ли нам беседу о грустном в более неофициальной обстановке, то есть в «Хантах-мансях»? Конечно, тамошняя закусочная селедка и в подметки не годится той, что моя дражайшая половина готовит, но... все познается в сравнении, и вкус хорошей еды понимаешь и ценишь только попробовав диетической преснятины. Как говорится в одесском анекдоте: я человек непритязательный, был бы белый хлебушек, а икра пусть будет даже черной. Пошли!

Оба собеседника согласно кивнули. Выйдя из «пентагона», Григорий Иванович, как усердно помоливший-ся в церкви прихожанин, выходя из храма непременно обернется перед дальнейшей дорогой на божий дом и поклонится, тож обернулся и с одобрением окинул взглядом свой корпус, выдержанный в строгом сталинском ампире. В какой-то момент ему захотелось стать по стойке «смирно» и отдать честь по-ефрейторски, в три приема.

◆ За недолгий путь вниз по проспекту Хмуров почти завершил классификацию вузовских взяток: наивных, но уже по демвоспитанию жадных до денег, молодых преподов; специфических взяточниц-женщин, по своей женской осторожной хитрости никогда не попадающихся и так далее по всем градациям.

Уже на подходе к народному питейному заведению, де-факто вспомогательному корпусу сразу двух университетов города, сдружившиеся доценты пожалели, что перед уходом со службы не позвонили Язвшину с медико-физкультурного, который много чего знал о подпольной жизни университета. Но Геннадий Сергеевич оказался легок на помине. Как только они вошли в бывшую «стекляшку», как их радостно приветствовал доцент-патриот, в одиночестве отмечавший уикэнд, показывая на свободные три стула за своим столиком.

Только рассевшись, вновь пришедшие обратили внимание на шумную компанию в диагонально противопо-

ложном углу. А оттуда им уже приветственно махали руками... доценты-художники с кафедры дизайна. И наши до́центы сделали им приветственную отмашку: дескать, рады встретить в богоугодном заведении!

— Ребята по-крупному сегодня завелись,— пояснил все знающий Язвишин,— похвастались мне, что подрядились у ректората на внутреннюю роспись церкви Св. Татьяны, обмывают наши иконописцы-рублевцы аванс! Звали, они сегодня щедрые, за свой столик, но, во-первых, они и сами столик как мухи обсели, во-вторых, я редко ошибаюсь: предчувствовал ваше явление. Хотя было покушение все же к иконописцам втиснуться со своим стулом; вишь, как с собой принесенный коньяк фужерами хлещут!

— Ничего, Геннадий Сергеевич, мы тоже на правильной диспозиции,— на правах неизменного старшины стола отчеканил Хмуров,— и бутылочку очищенной по дороге прихватили для экономии на здешних наценках, и здесь графинчик антипатриотической виски затребуем.

— А мы вот, брат Язвишин, о святотатственном сегодня говорим, о взятках в нашем универе,— дал вводную Николай Андреянович, чтобы занять собеседника, поскольку Полковник рассказывал официантке о требуемом качестве заказываемой селедки, а Яцышен, наклонившись, расстегивал свой портфель, вынимая из него принесенную бутылку.

— Да-да, вам в «пентагоне» это почти что в диковинку, понятие ее у вас почти отсутствует. А почему?

— А потому,— ответил отпустившей с богом измученную им официантку Хмуров,— что блатных и коммерческих студиозусов к нам и на аркане не затащишь. С другой стороны, полные идиоты тоже к нам не идут: шесть лет учиться в режимном корпусе, причем на некоторых специальностях едва ли не университетские курсы математики и физики «проходить». То есть у нас учится золотая середина нынешней молодежи: не богатые, не полные идиоты, в основном, из инженерных

семей, то есть генофенотипически — это по твоей части, Геннадий Сергеевич — уже в какой-то мере подготовленные морально к военно-техническому делу. И никаких тебе ближних и дальних иностранцев, что по режиму исключается, никаких абреков с Кавказа и Закавказья. Словом, нет тех, кто вносит торгово-взяточную жилку в учебный процесс, отвлекает нормальных студентов от занятий. В такой ситуации нет мотивов для предложения и требования взяток. То есть нет предложения — нет и спроса!

...Выпив по «разгонной» и закусив казенной селедочкой, оказавшейся вовсе не дурной, продолжили тему. В прямом смысле этого слова, которое в современном новоязе в телеящике приобрело криминальный оттенок. Слово взял Николай Андреянович:

— Я вот в начале учебного года гулял после работы в парке; красивый сентябрь, листва желтая, но еще не опадает. Опять же музыка из репродукторов-«колокольчиков». Тамошний новый директор из отставных милицейских полковников, так он распорядился в парковом радиоузле: давать только «Милицейскую волну». И в перерыве между музыкой и песнями эстрадников слышу в последних милицейских сводках: в столице задержан и препровожден в *СИЗО* уже бывший ректор главного физкультурного вуза страны. Оказывается, этот лихой парень продал знаменитому Черкизовскому рынку, что рядом с площадями физкультурного заведения, несколько корпусов и подсобных помещений — под видом аренды, а выручку в карман!

Конечно, такого приличного человека никто бы не осмелился и мизинцем тронуть, но здесь Лужков с черкизовской братией горшки побил, видно, доходы не поделили, за базарных абреков крепко взялись. Пришлось и ректора побеспокоить. Неужто на нары пойдет?

— Куда там,— вставил слово Язвишин,— отмазался от *СИЗО*, а там и оторвался от нашей славной судебной системы. Словом, как слышал от знающих лю-

дей, сам экс-ректор в Черногории, где замок прикупил, отдыхает от треволнений, а в Москве влиятельные друзья спускают его дело на мягких тормозах. Скоро оно и вовсе развалится. А еще слышал от педуниверситетских, что этот бедолага и счастливчик, так сказать, в одном стакане, является членом ихнего докторского диссертационного совета.— Так сказать, по соседству городов.

Доцент-патриот явно взял нить разговора в свои руки. После второй он перешел к истории с авантюрно-криминальным колоритом.

— Есть у меня давний приятель, не полная сволочь, хотя и из новорусских, водку пьет часто и охотно. Поэтому и прежних знакомцев не растерял по сию пору. Мы с этим Костей Перегреевым по шахматному клубу знакомы. Однажды обмывали нашу командную победу тулуповцев в межрегиональном турнире памяти нашего земляка, гроссмейстера Солуянова. Сначала по маленькой-другой в клубном буфете, а затем Костя разошелся по-купечески и пригласил меня для компании в «Папу Бендера», где, не помню по какой ассоциации, он и рассказал мне историю с бывшим завкафедрой Рождественским. Помните такого?

— Что-то слышал, лет десять назад было, но конкретики не знаю. Да и с самим Рождественским знаем не был. Он с какой-то гуманитарной кафедры, а тамошний народ для меня все на одно лицо,— откликнулся Полковник. Николай Андреянович с Яцышеным только пожали плечами.

— Ну и хорошо, что краем уха слышали,— Язвишин почувствовал ажиотаж профессионального тамады или рассказчика анекдотов,— хоть не зазря расскажу: сразу трех доцентов просвещу.

◆ Начну с того, что Костя Перегреев давно был знаком с Рождественским, еще с тех далеких советских пор, когда первый трудился в оборонном НИИ, не помышляя еще, что со временем станет мучным спекулянтом в областном масштабе, а Рождественский числился

рядовым доцентом-гуманитарием в пединституте, также не зная, что судьба возведет его завкафедрой в наш университет, тогда еще технический вуз.

На какой почве-интересе свела их судьба? — Сложно сказать; судя по родству их характеров — скорее всего что-то денежное, конечно, архискромное по нынешним меркам.

Шло время, в стране демократия с полицейскими дубинками успешно заменила кратковременный горбачевский «социализм с человеческим лицом». Костя, как уже сказал, влился в ряды новорусских воротил, а Рождественский, перескочив в наш универ на вновь образованный гуманитарный факультет, занял вакансию зава кафедрой.

Следует пояснить, что Рождественский, как поведал раз под хмельком Костя, был взяточником-выжигой едва ли не с момента своего появления на свет. Еще будучи студентом, он поменял отцовскую фамилию на материнскую, но не из-за неблагозвучности, как он всем пояснял, первой — Хренакин, а для анкет будущей карьеры: от отцовской линии дедушка в войну сдался в плен с оружием в руках, а дядю в шестидесятых годах приговорили к расстрелу за крупные валютные операции в столице.

Жизнь в советской действительности угнетала потомственного предпринимателя, но настал и его звездный час. Звезда эта явилась ему и еще миллионам деятельных россиян в расплывчатом кровавом пятне на лбу Горби-генсека. А там пошло и поехало. Но, видно, тюремный конец дяди удержал племянника от соблазна безудержной спекуляции, или иного вида честно-криминального предпринимательства. Поэтому он и стал взяточником той категории — со звериным нюхом и осторожностью,— представители которой почти никогда не попадаются, если только свои не сдадут. Увы, его свои, то есть Костя, и сдали.

Болонский сон № 467. После подписания университетским ректоратом акта безоговорочной капитуляции Полковник лично исполнил процедуру заклания ворона-ящера Болонского процесса. Это чудище, по бытующему преданию, залетело на чердак главной башни университета еще в Средние века. До этого монстр обитал на Мальте в некоем масонском логове. Также говорят, что ворона хотел сжечь на костре сам Гарибальди, но почему-то его отговорили. И Бенито Муссолини поднимался на башенный чердак. Как социалист, Дуче в мистику не верил, но ворона велел сохранить. На всякий случай. Занимался же ворон-ящер тем, что читал постоянно тайную каббалистическую книгу «Комментарии к Зогару и Сеферу Иециру», извлекал из нее цитату, записывал ее на одном из европейских языков и по пневматической почте отправлял эту записку

в помещение башни, где в ночь на тринадцатое число каждого месяца заседал тайный же руководящий совет Болонского процесса...

Итак, Полковник поднялся по витой лестнице на чердак главной башни и приколол ворона к полу пикой со знаменем Добровольческой дивизии.

— Все, гад! Кончилось твое время.

Труп ворона и тайную книгу ритуально, под победную дробь полковых барабанов, сожгли в топке печи соседней макаронной фабрики имени Гарибальди.

Костя Перегреев являлся, как и ты, Андреяныч, потомком староверов, причем купеческих, тех, кого так несправедливо хаял в своих пьесах Островский. Так что не только тяготение к торговому предпринимательству в его характере имелось, но и определенная — с поправкой, конечно, на реалии нашего времени — порядочность, в частности, в отношениях с любовницами.

На момент события, о котором я веду рассказ, его пассией была красивая, в теле, незамужняя главбух его торгово-спекулятивной фирмы *ПКФ* «Что посеешь». Скромно замечу, что это ваш покорный слуга подсказал, естественно, за бутыльком коньяка, такое юморное название его производственно-коммерческой фирме.

Меж тем у моложавой главбушихи пришло время ее сыну поступать в университет. Сынку-лоботрясу все равно куда было идти, поэтому Костя устроил его на специальность по кафедре Рождественского. Как люди деловые и конкретные они сразу обговорили условия обучения сына главбушихи: Костя дает завкафедрой двадцать «тонн баксов» за весь период прохождения сынком университетского курса — предоплатой, как принято сейчас везде, а Рождественский дает гарантию получения юным Владиком диплома через пять лет, даже если тот слабо запомнит название своей специальности.

Так все гладко и шло до третьего курса. Но в весеннюю сессию профессор оборзел, потерял чувство меры и потребовал с Кости-мукомола доплату в десять тысяч долларов, ссылаясь на инфляцию и всякие там дефолты.

Но и Костя равно помнил как добро, так и зло. Опять же, как потомка купцов-староверов, его обидела не сумма затребованного, смешная по его меркам, но бессовестное нарушение честного купецкого слова. Как ни любил он общения с правоохранительными лицами, но решение принял жесткое.

Словом, вроде согласившись с аргументированными доводами Рождественского, вошел он в маленький кабинетик завкафедрой с пачкой меченых долла́ров, с

микрофоном в узле галстука и с обычной на вид кожаной бизнес-сумкой; в сумке же упрятана кинокамера, а в торце ее прорезано малозаметное отверстие под неусыпное око объектива.

Как только передача оговоренной суммы состоялась, Костя поспешно распрощался с воспитателем юношества, сославшись на форс-мажорные дела в мукомольном деле, и вышел, разминувшись в дверях с двумя скучными людьми в штатском, доселе делавших задумчивые восьмерки в коридоре. Через пяток минут они вывели под руки хозяина кабинета, проследовали на выход из корпуса и уселись в поджидавшую их машину.

Далее события развивались следующим образом. Костя тоже сел в свою машину с водителем (близорук был, сам за руль никогда не садился), заехал по пути в свой офис в прокурорскую оперативку и сдал кинокамеру, микрофон с записывающей коробочкой. В офисе же, запершись с главбушихой в своем кабинете с диваном, с полчаса успокаивал ее, переволновавшуюся за сына, а потом умчался в районы действительно по спешным делам: шел весенний сев, нужно заключать с предоплатой договоры с колхозами, или как там они сейчас именуются, на осеннее зерно для своих мукомолен.

Вернулся он через неделю и узнал новость, будоражащую если не весь город, то университет точно, а именно: отпущеный под подписку о невыезде на другое утро после задержания, Рождественский тем не менее выехал, позвонив секретарше, что срочно командируется в Москву. А к вечеру того же дня в милицейскую управу Тулуповска позвонили из маленького городка на берегу Оки, в пятидесяти километрах от областного центра и сообщили: на этом самом берегу, в километре от городка найдена мужская одежда. В кармане удостоверение и паспорт на имя Рождественского. И записка: «Прощайте! Я виноват перед многими».

...Утопленника в холодной еще воде водолазы, согревавшиеся водкой за свой счет, как водится, не на-

шли. Народ в университете и в городе понял все правильно: пожертвовал собой, чтобы оставить семью обеспеченной — тогда еще действовала статья о конфискации, ныне отмененная «по просьбам трудящихся честного предпринимательств».

Прибыв из сельхозкомандировки, Костя передал все дела по договорам своей главбушихе («Любовь любовью, но деньги платят за работу»,— любил повторять Перегреев, намекая, что очаровательная Инесса не проститутка), а сам с головой ушел в организацию и проведение очередного шахматного мемориала. Встретившись в клубе и осведомившись, знаю ли я историю с Рождественским, он отвел меня в сторонку от безумных кандидатов в гроссмейстеры и, похохатывая, дорассказал мне неизвестное.

Оказывается, у Рождественского сдали нервы, что в профессии взяточника исключено. Если бы хотя бы день-другой выждал, то следователь позвонил бы ему сам и, извившись перед маститым профессором, восстановил его честное имя. Оказывается, Костя по своей близорукости поставил сумку, дабы освободить руки для манипуляции с деньгами, на книжную этажерку напротив стола с сидящим за ним хозяином кабинета таким образом, что в объектив кинокамеры попало только вдохновенное лицо профессора и еще висевший за его спиной на стене поясной портрет почему-то Миклухо-Маклая. Хотя специальность Рождественского не имела никакого отношения к географии. Приглашенный же следствием в качестве эксперта специалист из общества глухонемых, прочитал по движению губ на съемке следующее: «Вот и хорошо, Константин Ипполитович, что вы интересуетесь учебными делами вашей сотрудницы. Владислав, как и все юноши по весне, несколько расслабился, но, будучи парнем серьезным и целеустремленным, уже взялся наверстывать упущенное».

Микрофон же устанавливал на Косте совсем еще зеленый оперативник и штекер этого прибора по ошиб-

ке вставил в гнездо «*Выход*» коробочки в пиджачном кармане — вместо гнезда «*Вход*». Пачку же долларов сверхопытный профессор умело столкнул локтем в приоткрытый ящик стола. И это все. Перевод логопеда об успехах Владика к делу не пришьешь! Даже если бы дошло до обвинения, то еще на стадии следствия любой средней руки адвокат на сумму всего лишь в половину той злосчастной пачки это самое дело успешно развалил.

Убитую же горем вдову особо не расспрашивали. И ей было не до следствия. Только этим, а также бестолковостью молодой же следачки, можно объяснить, что к делу не подшили сведения о некоторых странностях в поведении Рождественского за последний год: потерял свой паспорт, выправив новый, и зачем-то оформил себе еще и загранпаспорт, хотя за рубежи нашей (и прежней) великой родины никогда не выезжал. Забыла безутешная вдова сказать, что в свою последнюю командировку супруг уехал, захватив баул с полным комплектом одежды «по погоде».

Приятели под увлекательный, жизненный детектив приняли по третьей, полагая, что поучительная для всех взяточников история завершена. Но Геннадий Сергеевич, как опытный рассказчик анекдотов и тостов, самое интересное приберег для концовки:

— Через полгода после трагического события безутешная вдова, урожденная Цинглер, забрав из отдела кадров для памяти о муже его трудовую книжку и продав всею недвижимость, уехала на *ПМЖ* в Израиль к своей сестре. Соседям и знакомым объяснила: «Осталась я одна, не с кем слово перемолвить! Будем с сестрицей век доживать вместе». Кроме трудовой книжки мужа взяла с собой в Землю обетованную и дочь с ее мужем и детьми.

...А спустя еще несколько лет Костя, опять же в «Папе Бендере» после шахматного турнира совсем сногсшибательную новость поведал. Оказывается, месяц назад, отдыхая с главбушихой (жене сказал, что едет

налаживать зарубежные торговые контакты) на южном средиземноморском побережье Турции, съездил со своей подругой в двухдневную экскурсию в Иерусалим: очень главбушиха хотела посмотреть на гроб Господень и поставить свечку за трудовые успехи Владика, уже успешно окончившего университет.

На обратном от Иерусалима пути, у самой сирийской границы, водитель автобуса остановился для заправки, а экскурсовод объявил о двадцатиминутном променаже — дальше машина пойдет без остановки.

Главбушиха осталась поблизости, беседуя с соотечественницами, а Костя перешел через дорогу, единственную в крохотном городке, взяв курс на магазин: прикупить на путь через мусульманскую страну коньяка и пива. И перед самым входом в этот магазин лоб в лоб столкнулся с шестидесятилетней супружеской парой, разговаривающей на русском.

Как рассказывал мне Костя, в Иерусалиме, блюдя святость места, он даже глотка не сделал, поэтому глюки полностью исключались: это были Рождественский с супругой, урожденной Цинглер. Онемел он от такой неожиданности, а копии профессора с женой кротко взглянули на Костю и заторопились прочь от магазинчика, в разговоре сразу перейдя на иврит.

Вот такие истории бывают, что нарочно не придумаешь. Давайте по последней — и ужинать по домам.

Я Б В УЧЕНЫЕ ПОШЕЛ

◆ Работая всю довузовскую жизнь в оборонных конструкторских бюро, и в относительно небольшом, с двумя тысячами сотрудников, и в громадном даже в мерках всей страны НПО «Меткость», что в лучшие, советские времена с учетом московского филиала тянуло за десять тысяч инженеров и работяг («умных» и «гегемонов» по местному фольклору), да и теперь не намногим меньшем, Николай Андреянович слово «академик»

воспринимал как нечто одиозное, далекое от его служебного и вообще любого круга общения. Ассоциировались академики преимущественно со столицей, ставились они в один ряд с маршалами, космонавтами, народными артистами СССР, а в самом начале демократизации страны — со знатными ворами-олигархерами, штатными политиканами-говорунами на центральном телевидении, скандальными эстрадными певцами-педерастами.

Правда, ближе к закату советской власти академиком главной академии страны стал генеральный конструктор и начальник «Меткости» Гусаков. Но он и до этого держался небожителем...

И за два десятка лет деморежима, когда появились негосударственные, то есть общественные, академии, в «Меткости» несколько наиболее видных людей навроде главного инженера, но не более трех-четырех, стали членами Академии инженерных наук. Понятно, что простой инженерный, тем более рабочий, народ в «Меткости» уже не относился к новым академикам с тем же пиететом, что к Гусакову. Скептики даже посмеивались в курилках, но уважающие громкие титулы женщины, даже из числе умных, произносили слово «академик» с уважительным придыханием.

Но когда скептики объясняли им, что общественные академики не получают месячного академического жалованья, но, наоборот, платят годовые членские взносы, то даже самые восторженные дамы — из числа незамужних и за сорок лет — разочаровывались. Их даже не утешали слова скептиков, что-де поскольку наши общественные академики на высоких должностях, то взносы платят из казенных денег. Таки приличные люди бережно относятся к своей трудовой копейке: все в дом — в советское время, все в банк — сейчас.

Но став доцентом университета, Николай Андреянович был ошеломлен: не только действительные, полные профессора, но и некоторые доценты щеголяли значками самых различных академий на лацканах своих

пиджаков. Тож и его новые, ближние коллеги. Доцент-патриот Язвишин с медико-физкультурного состоял членом-корреспондентом совершенно диковинной академии биоэнергоинформационных наук со штаб-квартирой в райцентровском городке близ Моршанска Мордовской республики. Двойной коллега — по «Меткости» и университету — Яцышен баллотировался тож в членкоры некоей ленинградской, то есть питерской, академии какого-то инженерного профиля, но там потребовали предоплатой вступительный и годовой взнос. Супруга запретила Василию Викторовичу «тратить последние деньги на ерунду».

Полковник Хмуров несколько мрачнел, когда его спрашивали об академическом членстве. Разъяснил такое поведение тот же Яцышен:

— Понимаешь, Андреяныч, Григорий Иванович всегда скептически относился к академическому психозу, даже речевку-присказку цитировал: «Все на трактор! Все в академики!» Но как-то раз, явно с подачи некоего его недоброжелателя, загорелся желанием стать член-кором (в полные академики в более или менее приличных академиях берут только докторов наук) очень престижной — по ведомству минобороны и генштаба — академии ракетостроения, артиллерии и боеприпасов. Особенно его вдохновил тот факт, что это единственная из всех общественных отраслевых академий, членам которой платят, как в госакадемиях, ежемесячное жалованье, что-то около семи тысяч. Рублей, конечно.

Словом, узнал он по инету правила оформления документов на прием в академию, с большим трудом выправил рекомендации от двух уже академиков-артиллеристов из столицы, давних, еще по военной службе, хотя и шапочных, но все же знакомцев. Уйму времени на поездки в Москву и денег на ресторанные обеды истратил. Документы отправил. Через три месяца и нас в кабак, в самый «Папу Бендера» сводил с работы: намедни позвонили из президиума академии, поздрави-

ли член-кором. Сказали: ждите официальной бумаги по месту работы, то есть на имя ректора Тулуповского университета...

А еще через неделю Дьяконова срочно вызвал сам Генрих Семенович. Вернулся от него Вадим Фомич злой, как списанный с корабля за пьянку матерый боцман. Не говоря ни слова, проследовал в свой кабинет и, что не предвещало ничего хорошего, через Марину Евгеньевну вызвал к себе Хмурова, попросив гневно плотнее закрыть за собою дверь. С полчаса проходящие по своим делам по коридору мимо кабинета шефа, явственно слышали, правда, не разбирая слов, громкую, порой малоцензурную ругань Дьяконова.

...Только еще через неделю Хмуров, доселе молчавший, заговорил — после второй стопки в «Хантах-мансях». Оказывается, на имя ректора из артиллерийско-боеприпасной академии пришло письмо на бланке академии с пришпиленным к нему бухгалтерским счетом. В письме сообщалось, что «полковник Хмуров Геннадий Иванович за выдающиеся научные достижения тайным голосованием членов Президиума (за — 17, против — 2, воздержались — 3) избран членом-корреспондентом по отделению управляемых и баллистических боеприпасов».

В конце письма вроде как мимоходом, пустяки, мол, особого внимания серьезных людей и не стоящие, сообщалось: диплом, удостоверение и нагрудный знак будут торжественно вручены Г. И. Хмурову на очередном пленуме академии, для чего университет, как рекомендовавшая к избранию организация, должен перечислить на расчетный счет академии вступительный взнос в размере ста пятидесяти тысяч рублей и ежегодный взнос в размере двухсот тысяч тех же рублей.

Уже позже Генриетта Пахомовна, моложавая в свои восемьдесят два года бессменная секретарша ректора охотно рассказывала скучающим в приемной очереди сотрудникам университета, что Генрих Семенович, про-

Когда Марина Евгеньевна, секретарша кафедры ракетостроения, была маленькой девочкой, то воспитывала ее бабушка Ефросинья Степановна — из добрых и все умеющих деревенских бабушек, коротающих покойную и ровную старость у детей в городе. Вот учит она семилетнюю Машу искусству вязания, а между тем ведет воспитательный разговор. «Вот, Машенька, родители твои целый день работают на заводе. А после окончания смены мать твоя еще по магазинам набегается за всяким нужным продуктом, а отца, как партийного, на собранию в цеху оставят. Оба домой приходят затемно, усталые. Хорошо хоть я ужин приготовила. Помаются, помаются, отец вполдреме газетку невнимательно почитает, лежа на диване, а мать тоже с зевотой перед телевизором посидит. А там и время сна по-

доспеет. А все отчего? — Оттого, что не удалось им образования анженерного или учительского какого получить. Время такое неустойчивое и не очень сытное было. А ты, Маша, как школу через десять лет закончишь, так в институт непременно иди. Выучишься — на чистую работу пойдешь, уставать не будешь, сама деток своих воспитывать и уму-разуму учить будешь, не перекладывая на маму свою, которая бабушкой станет. Образованным сейчас хорошо, легко живется.

...Эти давние слова певучие своей бабушки каждый раз припоминает Марина Евгеньевна, расписываясь в платежной ведомости в табельный день. Но бабуся ее — не баба Ванга, про которую что-то часто по телевизору стали говорить, не могла будущее не столь уж далекое увидеть...

читав «хмуровское письмо», вышел из кабинета и попросил — доселе точно не знавший даже местоположения своего абсолютно здорового сердца бывшего геолога — у нее валидолу из аптечки, что держалась для посетителей... Ибо и Генриетта Пахомовна тоже не знала своей сердечной топографии. Вот что значит люди старинного закала!

А отсюда и стойкая аллергия у Хмурова к словам академия и академик.

...Еще из кафедральных в полных академиях состоял Дьяконов, даже в двух академиях: по управлению техническими объектами и по навигации. Правления их располагались в Ленинграде-Питере, куда Вадим Фомич часто ездил в командировки к брату, с которым очень дружил.

В совершенно немыслимой академии оснований и фундаментов числился и бывший парторг института, еще не университета, «холодный» профессор Владимир Васильевич Шерстобитов.

◆ Поскольку все пространные разговоры «за жизнь» велись обычно по пятницам в «Хантах-мансях», а у Полковника имелась аллергия на академические темы, то Николай Андреянович, мучимый любопытством невежды в этих делах, также ее избегал. Но раз случилось, что пришлось «пятничать» сам-трое с Яцышеным и Язвишиным. Хмуров очередную свою командировку в Москву по издательским делам оформлял не на понедельник-среду, как обычно, а на вторую половину недели, ибо вторник пришелся на какой-то новодемократический праздник. Словом, Григорий Иванович уже возвращался в электричке домой от удовлетворенной им Стеллочки, а друзья сидели за «своим» угловым столиком, что справа от барной стойки и полуприкрыт от остального зала искусственной пальмой.

Николай Андреянович сразу после первой дал вводную: рассказать, желательно систематизировано об академическом ажиотаже. Вызвался аналитик и практиче-

ский знаток этого дела Геннадий Сергеевич; он даже разместил на сайте своего московского знакомого профессора биологии, имевшего почетное (изустное) звание «классика лженауки», непригодную для печати статью-обзор под названием «Из подворотни — в академию!» Слегка откашлявшись, как опытный оратор, Язвишин приступил к делу.

— Конечно, все мы за «неправильное» советское время, в данном деле всего лишь продолжавшее царскую традицию, привыкли к тому, что в стране имеются только государственные академии: «большая» Академия наук СССР и четыре отраслевых: медицинская, сельскохозяйственная, педагогическая и художественная. И еще имелись, исключая обиженную РСФСР — ни тебе своей академии, ни своей компартии... — соответствующие учреждения науки в союзных республиках. Конечно, среди них были и весомые — на Украине и в Белоруссии, но обычными являлись определения типа узбекский академик, туркменский член-корреспондент.

Между тем, само понятие негосударственной академии не несет в себе ничего предосудительного. Более того, с самого возникновения в Европе академий они не являлись и сейчас не являются государственными, то есть, общественными! Единственным исключением оказалась, как всегда, Россия. Здесь ей «повезло» в том смысле, что академические веяния появились в эпоху Петра Первого, сугубого бюрократа-государственника. Он умудрился и церковь сделать госучреждением, заменив патриарха на священный синод, то есть министерство религии. Что же тут говорить об учреждаемой академии? И дочь его Елизавета, официально основавшая Академию наук, осталась верна воле и делам отца.

Советское правительство, повторюсь, сочло разумным сохранить госстатус в этом деле. А после создания на Западе и Востоке соцлагеря аналогично поступили и с этими странами, дав их академиям государственную опеку. В Китае и Вьетнаме это и посейчас сохранилось,

а вот в остальных, в европейских? — Не знаю, надо как-нибудь в инете посмотреть.

Во всем же остальном мире — сплошная академическая самодеятельность. В тех же *США* на вас с изумлением посмотрят, если спросить: есть ли у них госакадемии? Даже британская академия, то есть Королевское научное общество — общественная организация, хотя и под патронажем ныне царствующей королевы. Впрочем, сама королевская семья там — это досадливая статья расходов в бюджете...

У нас же в самом конце восьмидесятых — начале девяностых, когда госакадемии впали в полное ничтожество, не вписавшись по определению в стратегию безудержного обогащения за счет разворовывания бывшей всенародной собственности, оставшись на символическом финансировании, возникшая идея общественных академий сразу превратилась в фарс и веселую комедию. Сработали сразу несколько факторов, как традиционных для русского характера, так и новых, обозначившихся в эпоху демократизации.

Наш человек более всего на свете любит покрасоваться в мундире, понимаемом им расширенно: собственно форма дисциплинарной одежды, военная или партикулярная, знаки наград, громкие титулы и звания. Эти качества, пожалуй что даже генетически, воспитали в русском человеке Петр Первый, Николай Первый же и Иосиф Виссарионович. Не зря же в советские времена бранчливые базарные тетки и магазинные продавщицы, желая подчеркнуть явно завышенные требования по вежливости обслуживания от покупателя, одергивали нахала: «Еще в шляпе!» Или: «Ишь, какой академик выискался!» Иногда и профессором попрекнут.

Из новейших же веяний здесь сработало возвращенное бывшему советскому человеку чувство, то есть биологический атавизм, гипетрофированного частнособственничества. Как говорится, на всех бананов для торговли и прихватизированных фабрик, заводов и парохо-

дов не хватит, поэтому часть потенциальных бизнесменторов пошла в околонаучное предпринимательство.

Наконец, ситуацию замкнули в круг многочисленные изобретатели велосипедов, вечного двигателя, переоткрыватели всех законов физики с помощью четырех действий арифметики, наконец, просто клинические сумасшедшие, свихнувшиеся на доказательстве теоремы Ферма.

А между всеми ними сотни тысяч, даже миллионы скромных — и не очень — тружеников науки и ее практических приложений, наивно полагающих, что в составе академии они получат новый импульс вдохновения к грядущим научным исканиям и открытиям.

И пошло, и завертелось.

◆ — Не знаю точно: сколько на сегодняшний день этих самых заведений, которые с барской снисходительностью бессмертных (по роману Альфонса Доде) члены госакадемий называют «академиями парикмахерских наук»? Что за две сотни — это точно. Опять же надо в интернет заглянуть. Может уже и «полштуки» осилили!

Ты вот, Андреяныч, просил систематизировать. Я и сам как-то на досуге этим занялся и пришел к таким вот выводам.

Среди этих «парикмахерских» сотен самопальных формирований есть с десяток, не больше, академий достаточно серьезных. Они и образовались самыми первыми в период надежд и неразберихи между горбачевщиной и ельцинизмом. Их спешно создавали под раздел *СССР* в надежде, что и «большая академия» тоже рухнет, а они подсуетятся в качестве новых отраслевых, естественно, государственных, академий. Увы, прежних бессмертных выбросить на помойку истории не удалось: хотя госфинансирование и уменьшилось до «марочной диеты», но на вояжи по зарубежным курортам для начальства и на хлеб с маслом, порой и с дешевой красной икрой, для рядовых академиков и член-коров хватало. Сотрудники же многочисленных академических

институтов, которым в самом начале девяностых и на хлеб с маргарином не оставили, как-то быстро и в одночасье уехали в Штаты, Израиль, Германию и Испанию.— Кто на *ПМЖ*, но большинство на заработки.

Итак, вольнолюбивые надежды не сбылись, но, во-первых, руководители явочных академий уже скоро попривыкли к своим президентским и вице-президентским титулам, а рядовые члены с гордостью носили звания полных академиков и стремящихся к нему членов-корреспондентов.

Во-вторых и в-главных, президенты-то являлись уже госакадемиками, директорами солидных академических институтов, даже были среди них нобелевские лауреаты. Поэтому скоренько была организована инфраструктура таких академий: созданы отделения по всей стране, начали издаваться научные журналы по избранному профилю. Минимально требуемые на содержание руководства и поддержание всей структуры денежные средства со вздохом, но давали директора различных *НИИ-КБ* и заводов, поверстанные в академики и член-корры. Регулярно собираются годичные сессии в престижных столичных залах. Даже с буфетом и банкетом. Когда первый президент уходит в бессрочный отпуск, то его имя присваивают академии. Учреждается медаль премии (без денежной части) его.

Это общественные академики первого разряда; в члены их принимаются люди, достаточно известные в науке, хотя бы даже областного масштаба, а также профессора из обеих столиц и традиционных университетских центров.

Второй разряд представлен, наверное, сотней-другой названий. Они также создавались с определенными амбициями. Понятно, что на госстатус они не помышляли, а амбиции принадлежали их президентам и ближнему кругу. Соответственно, не слишком разборчиво относятся и к принимаемым в члены. Отличить академию второго разряда от первого просто: их названия предельно

детализированы. Типичные примеры — это моя сомнительная академконтора и академия оснований и фундаментов нашего дорого экс-парторга Владимира Васильевича. Порой члены этих заведений не знают, где расположена их штаб-квартира. И вообще могут не знать: а не ликвидирована ли регистрация их академий как общественной организации? — На память остались диплом, удостоверение и значок. Никаких денег у таких учреждений нет и не будет. Попытки собирать членские взносы успешно проваливаются.

Есть еще два разряда. Один из них спел свою лебединую песню в девяностых годах, особенно в первой их половине. Затем как-то втихую заглохли, выполнив, очевидно, свою задачу. Сразу чувствовалось, что деньги у них есть, а для руководства — и вовсе приличные. Съезды свои порой в Кремлевском дворце проводили. Роскошные издания по оккультно-информационным темам, глянцевые буклеты и прочее. В подборе кадров крайне неразборчивы, но целенаправленны. Резиденты-вербовщики этих академий, в названиях которых акцент ставился на словах «информатизация» и «международная», планомерно объезжали более или менее крупные города, устраивали собрания в различных учреждениях от административных департаментов и университетов до областных больниц. Тут же выписывали дипломы и вручали их со значками с несколько абстрагированными символами: четырехугольными звездами-бликами, стилизованными пирамидами и сложно переплетенными аббревиатурами. Можно не только что догадываться, но и аргументировано утверждать: академии эти, появившиеся одновременно с ротари-клубами*, были созданы масонами на паритетных правах, возможно, и западны-

* Напрягите память и вспомните, как в теленовостях первой половины 90-х радостно сообщали о создании в Москве и других крупных городах ротари-клубов, то есть организаций, из членов которых подбираются кандидаты в нижние ступени масонских лож.— Прим. авт.

ми спецслужбами. Естественно, все это руководством академий не афишировалось, но нужные, подходящие по тем или иным параметрам, люди «выдергивались» из академической массовки.

Самый занимательный академический разряд — это чисто коммерческий. Здесь виртуальные академии не только в России, но и в Нью-Йорке, Лондоне и других европейских местах, выдумали веселые ребята из Одессы. Торгуют всем, что связано с символикой их академий: дипломами действительных членов и «фотоаппаратами на гениталии», то есть членов-корреспондентов, значками, разнообразными медалями с барельефами ученых мужей — от Платона с Сократом до Нобеля и Сахарова. Только им велено «своего парня» Алика Эйнштейна не позиционировать. Обычная такса для вступления в такую «международную» или «европейскую» академию — двести пятьдесят, триста долларов; ежегодный взнос — сто пятьдесят, двести тех же долларов.

Наши по своей бедности туда неохотно, недружно идут, поэтому бывшие одесские ребята ориентируются на другие палестины. Мне как-то попался в руки тощенький журнальчик — вестник вроде как Чикагской международной академии наук, а там половина страниц посвящена знакомству с новыми членами: фото и краткая автобиосправка. В основном в числе новых академиков значатся, по всей видимости, вожди африканских племен (в галстуках) и главы бандустановок. На втором месте — американские бейсболисты и учащиеся колле́джей; некоторые из университетов.

Но есть и еще один вид академий, самый серьезный, то есть по-нынешнему бизнес-академии. Кстати, в своих названиях они, как и масонские, упор делают на информатизацию. Они достаточно замкнуты на себе — типа как академические закрытые акционерные общества в обычной торговле. Создаются они вроде как для благих дел науки, но очень скоро во главе их отделений, столичных и региональных, становятся деловые люди из

госструктур, обычно — филиалов столичных вузов, и через эти академические отделения отмывают деньги, то есть государственные переводят в категорию личных.

Вот такие-то пироги с коврижками. Давай, Василий Викторович, разлей еще по дринку. Мотай на ус, Андреяныч, раз ты попал в нашу вузовскую стаю, то и тебе надо бы украсить лацкан своего пиджака академическим значком. Намедни Вадим Фомич, вернувшись из дежурной командировки в питерский Ленинград, как он именует родину революции, смеялся: на двери второго подъезда дома, что напротив братанина, табличка появилась: «Президиум Академии двигателей на магнитной подушке». Ха-ха-ха!

◆ После дринка нить разговора перехватил Яцышен:

— Дьяконов, упомянутый тобой, Геннадий Сергеич, только что, как-то рассказывал, что у его ленинградского брата есть знакомый академик по части военно-морской навигации и управления. Настоящий академик — из Большой академии, значит. Так он, смеясь, всем говорит, что ему, не спрашивая, для своего престижа разные «парикмахерские» заведения наперегонки шлют и вручают свои дипломы. Академик же, как человек воспитанный, их не отвергает, а складывает в нижний ящик своего рабочего стола. Однако недавно тот доверху заполнился. Пришлось наполовину разгрузить от второстепенных бумаг второй снизу ящик и класть новые дипломы в него. Сколько всего? — Как-то не доходят у академика руки для счета. Очень он занят вопросами навигации и управления. А еще — опять же Вадим Фомич — рассказывал: в Москве есть известный коллекционер различных наградных документов. Так вот коллекция «парикмахерских» дипломов, удостоверений и значков насчитывает под тысячу единиц хранения. Для этого ему пришлось стать членом 157 академий. Но эти данные на начало прошлого года; сейчас, конечно, у коллекционера академназваний штук триста!

Болонский сон № 501. Три законных дня на разграбление города и университета Добровольческая армия провела весело. Грабить вовсе не потребовалось: едва завидев воинственно настроенный взвод добровольцев, владельцы кабаков, магазинчиков сувениров и публичных домов гостеприимно распахивали двери:

— Синьоры русо! Пожалте к нам: лучшие девушки аморального поведения Северной Италии будут вас ласкать и нежить трое суток подряд,— зазывали владельцы «массажных» заведений.

Опасаясь энтузиазма освобожденного населения и разложения армии, Полковник сократил грабиловку-пьянку до полутора суток, а затем основную массу бойцов в строевом порядке вывел за город в палаточный лагерь. В городе же остались только трофейные команды и генералитет Добровольческой армии — для выработки текста и подписания мирного договора.

Наибольшие сложности возникли при формулировке и согласовании той части договора, которые должны были регламентировать невозможность реконкисты Болонского процесса. Выручил хорошо знающий логику доцент Язвишин:

— Чтобы не допустить реконкисты-реставрации зловредного этого процесса, следует изъять из употребления само понятие «Болонский процесс», а это единственно будет возможным, если отныне ваш славный вуз будет именоваться как Северо-итальянский университет имени Григория Хмурова. Ура, товарищи и синьоры!

— Полная профанация,— обреченно махнул рукой Николай Андреянович,— так и до торговли и коллекционирования лауреатствами научных премий можно дойти?

— Ха-а! Попал пальцем в небо,— рассмеялся Василий Викторович,— сразу видно неофита в наших околонаучных играх. Эта торговля и, как ты сказал, коллекционирование в полном расцвете. Понимаешь, Андреяныч, ты все по нашей с тобой «Меткости» судишь, да ЦКБ агрегатостроения, где раньше служил. Ясно, что и там в советское время тоже к лауреатствам много всякого начальства примазывалось, но ведь и действительных авторов-разработчиков не забывали в списки выдвиженцев вносить. А главное — премии-то действительно за серьезные дела давали.

Сейчас никаких дел, тем более серьезных, и в квадрате «тем более» в вузах, нет и не предвидится. Авторы-сочинители всяких фантазий, преимущественно насчет зубчатых колес, известных с вавилоно-шумерских времен, за умеренную доплату к сиротскому жалованью доцента и профессора выдают на заказ «на гора» нужную кипу бумаг. Лауреатскими авторами вписывают себя всякие нужные люди, очень дружные между собой, пока у них имеются деньги и должности. С деньгами едут в столицу и «оформляют» лауреатство. Тамошним чиновникам не просто нужно жить, а жить в самом дорогом городе мира. Поскольку же такие люди по натуре алчные, то приходят в азарт. Да что там абстрактно рассуждать — Симановского, конечно, знаете?

— А кто его не знает,— хмыкнул Николай Андреянович,— правда, уже года четыре как исчез с небосвода городского бомонда, но в конце девяностых — начале двухтысячных сильно суетился. Доход имел с газовой трубы — по московским меркам, незавидный, по местным — на городского олигархера замахивался. Все в губернаторы рвался, в избирательные кампании от его штаба почтовые ящики под завязку набивали

газетами, брошюрами и даже книгами о трудовых подвигах.

А какие спектакли устраивали его имиджмейкеры? За один день попозирует в ермолке на фоне синагоги, что на улице Московской в Серебрянке, в каком-то дедовском кафтане-армяке истово крестится на купола епархиального собора, во фраке и при галстуке-бабочке на благотворительном балу у городского мэра и так далее. Но раз конфуз с этими переодеваниями случился. Решил он для своей популярности перед военным электоратом попозировать в камуфляже, да еще и изобразить погранца, сняться с овчаркой. Дали ему в руки поводок смиреннейшего по характеру пса из соседнего с его городским особняком дома, а овчарка возьми да набросься на ряженого. Еле оттащили.

Левая пресса, возрадовавшись, такой кипеж подняла! Дескать, даже собаки понимают с кем имеют дело! Ну-у и что, Василий Викторович, с этим бывшим полуолигархером? Какая связь газовой трубы с лауреатскими премиями?

— А такая, что как раз в эти самые годы на рубеже веков и тысячелетий...

В этот момент у Язвишина, разливавшего по последней, мобильный запел «Интернационал». Геннадий Сергеевич выслушал и объявил, что супруга требует его домой, кран на кухне потек.

— Что же, коллеги, кран — дело серьезное. Тем более, что бутылка наша донце кажет. Продолжим тему в следующую пятницу. Уже с Полковником; тем более, что у него нет аллергии на лауреатства и прочие научные забавы. Давайте по последней — и в путь!

Я Б В УЧЕНЫЕ ПОШЕЛ — 2

◆ В следующую пятницу в «Хантах-мансях» заседанием руководил Хмуров. Язвишин отсутствовал по уважительной причине: пошел на общее собрание ком-

мунистов своего района, хотя никогда и ни в каких партиях и движениях не состоял, публично именуя себя беспартийным патриотом-сталинистом. Пошел произносить гневную речь, упрекая нынешнее руководство компартии в меньшевизме и плехановщине. Разозлила же его статья в недавнем номере «Тулуповской правды», в которой на полном серьезе видный областной функционер партии убеждал, что полиция, скоро сменяющая прогнившую на корню милицию, вроде как дает надежду на «наведение общественного порядка».

Яцышен же продолжил начатую неделю назад тему, кратко введя в курс дела Полковника. О классификации академий он умолчал.

— ...А связь владельца даже не газовой трубы, а региональной распределительной сети самая прямая. Ты, Николай Андреянович, не в курсе, а вот Григорий Иванович прекрасно помнит, как с середины волчьих девяностых, когда ручеек госфинансирования высшей школы совсем обмелел, наиболее серьезные ректора, а в то время почти все вузы возглавляла старая гвардия, поневоле — пан или пропал — бросились во все тяжкие. Конечно, по понятием советских времен.

Самое безобидное — это наплыв в наш университет иностранных студентов, преимущественно из Китая и Индокитая, Индии с Цейлоном и Бенгалии, Бангладеш по-нынешнему, из Африки, даже из Южной Америки. Солидно были представлены и наши бывшие среднеазиатские ханства и эмираты, так сказать.

Вроде все хорошо: и оплата в твердой валюте, да и в советское время иностранцами в вузах наших не брезговали. Но вот наш друг Геннадий Сергеевич, как истинный патриот и склонный к конспирологической оценке самых вроде бы обычных явлений, несколько смутил меня в части этой безобидности. Речь шла о студентах из Китая, вмиг организовавшим в общежитии для иностранцев чайнд-таун. То, что они с самого первого курса начинают сочетать учебу с мелкой рыночной

торговлей, причем в ущерб первому, особо никого не трогало. Понятно, что все восточные люди склонны к торговле. Язвишина же насторожил тот им просчитанный момент, что все студенты из чайнд-тауна из Северного Китая, Манчжурии, из приграничных районов. И учатся они, в основном, на специальностях по обслуживанию автомобильного хозяйства и по связи. А именно специалисты такого профиля, по мнению Язвишина, в большом количестве понадобятся при начавшемся уже освоении-заселении подданными Поднебесной нашего Дальнего Востока.

Второй контингент студентов, приносящих деньги университету — «платники», ради которых потеснили бывшие бюджетные места. Почему-то принято считать, что платники — сплошь полу или полные дебилы. Это ошибочное мнение. Просто им нужен только диплом, а образование вовсе ни к чему; они уже всему в нынешней жизни нужному обучены. Более того, это бесценный резерв для кадров чиновничества, оптовой торговли, серьезного об...бизнеса и органов правопорядка. А их отношение к самому пребыванию в университете гениально просто: мы платим, вы нам ставите положительные оценки и в итоге даете диплом.

...Понятно, что платники-соотечественники, включая сюда многочисленных детишек торговых кавказских диаспор в нашем городе, есть ноу-хау новейшего времени. Но супер-ноу-хау можно назвать привлечение крупных бизнесментеров с их деньгами в обмен на ученые чины и звания.

Генрих Семенович, как ректор старого закала, долго сопротивлялся этой новации, во многих университетах страны ставшей уже нормой, но многие корпуса с советских времен даже косметически не ремонтировались, а на какие шиши покупать всю эту компьютерную дрянь — Минвуз наседает, отказывается сертифицировать почти все специальности без обеспечения их вычислительной оргтехникой. И много-много чего другого;

на все нужны деньги-деньги-деньги. Нужда сломила и Генриха Семеновича.

Мы, господа до́центы, как-то уже беседовали на эту тему: как организовали кафедру под главного водочного фабриканта города, что владел ныне разоренной подмосковной мафией «ликеркой». Так сказать, ближнего соседа нашего «пентагона». Но звездой первой величины, Андреяныч, здесь как раз сверкнул и погас неудавшийся кандидат в губернаторы Симановский.

Решил он, как всякий алчный человек, что раз в губернаторы не прошел сразу, так нужна длительная осада, а пока надо набирать «вес». Во-первых, всячески начал раздувать свою окологазовую контору. В самом историческом центре города купил место, за малую мзду кому надо снес старый купеческий дом, памятник архитектуры начала XIX века, и вскоре турки начали возводить на его месте из всякого пенно-бетонного дерьма нечто помпезное, одновременно напоминающее планетарий и парижский Дом инвалидов. Рассказывают, что искал он ходы снести массивную церковь постройки начала XX века, чтобы его газовый офис напрямую просматривался из здания областной администрации, но ему сразу дали понять: церковники сейчас даже в большем фаворе, нежели газовые воротилы областного масштаба.

Параллельный ход Симановского, как имеющего диплом о высшем техническом образовании,— обрастание научными степенями, званиями и лауреатствами. Ход он выбрал верный, благо опыт главного водочника пригодился.

Помните из «Евгения Онегина» про мосье Трике, который, как истинный галантный француз, «принес в кармане куплет Татьяне»? Так и наш газовик уже при первом, пробно-ознакомительном визите к ректору сделал галантный презент. Разговорились представители высшего образования и крупного бизнеса о временных, конечно, трудностях с финансированием вузов. Сима-

новский, сразу поняв, что дело на мази, сокрушенно поддакивал, добрым своим лицом с героическим шрамом от укуса давешней овчарки изображая сочувствие. Затем, отхлебнув кофе с коньяком, неожиданно заявил: «Знаете, Генрих Семенович, турки, что строят *мне* новый офис рядом с «белым домом», зачем-то приволокли вагон шифера. А я решил крышу настилать из модной сейчас в деловом градостроительстве немецкой черепицы. Куда этот шифер девать? Ума не приложу. Может вам пригодится? Я тут ехал к вам, обратил внимание, что на некоторых корпусах университета шифер на крышах аж позеленел от старости. Берите, оформим как спонсорскую помощь.

Генрих Семенович, как раз ломающий уже не первый год голову относительно протекающих крыш, аж встал от душевного волнения со своего кресла, обогнул стол и с чувством пожал руку меценату.

Тут же осведомившись об ученой степени гостя и узнав, что таковой нет, искренне удивился: нет степени у такого уважаемого человека, склонного к смелым научным новациям в практике газового дела?! Словом, Генрих Семенович расплатился по-джентльменски: вагон шифера за степень кандидата технических наук.

Через год, уже кандидатом наук, Симановский охотно принял предложение за капитальный ремонт двух корпусов еще «сталинской» постройки с учетом потребных для этого строительных материалов стать доктором экономических наук и де-юре заведующим кафедрой на одном из технических факультетов. Понятно, кафедра создавалась заново. Симановский даже пару раз посетил ее, познакомился с коллегами-сотрудниками и с барского плеча объявил о персональных надбавках профессорам и доцентам из фонда своей фирмы и пяти именных — имени его — стипендиях для выдающихся студентов. Все были в восторге.

Первую половину «научной программы» наш газовик выполнил. Осталось стать лауреатом престижной

научно-технической премии. Здесь он, опять же с природной алчностью, даже переборщил. Через московских коллег-газовиков он «организовал» подряд целых три лауреатства. В течение короткого периода времени, с интервалом в 6—7 месяцев университетский народ ошарашено читал поздравительные объявления в вестибюле главного корпуса. Профессора и доценты обменивались политкорректными язвительными полуулыбками. В премиальные лауреаты-коллеги Симановский брал тогдашних проректоров, их брательников и подающих надежды племянников. Генрих Семенович благоразумно отказывался от лауреатств. Благо у него давно уме имелись легальные советские.

◆ Где-то через месяц после той беседы в «Хантах-мансях» Николай Андреянович сидел в перерыве, точнее в «окне» между двумя не подряд следующими друг за другом лекцией и практическими занятиями, задумчиво изучая мудреную инструкцию из учебно-методического управления об усилении... чего-то, что он взять в толк не мог. На обдумывании фразы «...в перерыве между окончаниями зачетной недели и началом экзаменационной сессии преподаватель обязан проанализировать процентный состав студентов, улучшивших свои балльные оценки по сравнению с предыдущей сессией по предметам сходного профиля», его поманил следовать за ним заглянувший в комнату завкафедрой. Усадив в кабинете доцента на интеллигентско-либеральный диванчик, что означало доверительный разговор-просьбу-поручение, Вадим Фомич для проформы осведомился об адаптации младшего (по должности, конечно) коллеги к вузовской жизни на втором году работы, но тут же перешел к делу:

— Не знаю, как это назвать: просьба или поручение по кафедре? Словом, в докторском межфакультетском диссертационном совете, где я состою, в скором времени будет защищать кандидатскую соискатель со стороны, то есть не наш университетский, из Нижнего

Тагила; там еще остались на плаву действующие оборонные НИИ и КБ.

Идет он опять же не по нашей кафедре, но диссертация «Для служебного пользования» и нашей тематики каким-то боком касается. Но случился казус: один из его официальных оппонентов, москвич, скоропостижно уехал в Израиль на *ПМЖ*. Председатель совета ко мне: выручай, мол, Вадим Фомич, давай оппонентом любого кандидата-доцента, благо другой оппонент в докторской степени, с твоей кафедры. А по профилю как раз ты подходишь. Послезавтра соискатель к нам приезжает бумаги согласовывать. С тобой свяжется — все и обговорите. Действуй, выручай кафедру!

Николай Андреянович уже заранее знал, что в тот день в совете планируются две защиты: докторской незнакомым ему москвичом и кандидатской его нижнетагильца, которого за веселый нрав все на кафедре уже звали за глаза чудилой из Нижнего Тагила; двусмысленное прозвище*. По принятому этикету в таком раскладе первой обычно защищается докторская диссертация, затем кандидатская.

Прибыв по тому же этикету за четверть часа до начала защит в зал заседания диссертационных советов в главном корпусе, Николай Андреянович был встречен нижнетагильцем, который по уральской простоте именовал свое *НИИ* ракетно-артиллерийским полигоном. Добряк был уже в возрасте, матерый инженер-практик. Несколько растерянно он сообщил своему оппоненту: докторский соискатель несколько опаздывает, едет из Москвы и будет в Тулуповске через час. Поэтому порядки следования защит поменяли: первый будет «чудила».

...Чудила чудилой, но дело свое знал блестяще, хорошо, без запинки и бумаг, сделал доклад, играючи от-

---

* Принятое в криминальном мире «погоняло» бывших сидельцев «Красной зоны» — лагеря в Нижнем Тагиле для осужденных бывших работников правоохранительных органов.— Прим. авт.

Как-то в распивочной «Ханты-Манси» полковник Хмуров и доцент-патриот Язвишин с медико-физкультурного факультета заспорили после третьей стопки о том, как быстрее и удобнее всего нелегально добраться до университета в Болонье — выкрасть и уничтожить планы злокозненного Болонского процесса уничтожения высшего образования на ближайшую пятилетку.

Достал Язвишин из своего доцентского по́ртфеля тетрадь, развернул на чистых страницах, абрисом накидал фломастером контурную карту Средиземноморья. Тут и доценты Яцышен и Николай Андреянович подключились: советами географического свойства.

После четвертой и последней пришли к консенсусу: под видом туристов долететь до безвизовой Турции, далее в пешем порядке добраться до азиатской части Стамбула, пе-

ребраться в его европейскую часть. Там загримироваться под безвизовых цыган и с песнями под гитары и тамбурин двигаться побережьем до самой Италии, а там до Болоньи рукой подать.

...Хорошо отдохнувшие в начале уик-энда доценты покидали гостеприимное заведение, тихо напевая добродушно-воинственную песню «Ходили мы походами...» Официантки — все сплошь выпускницы кафедры ракетостроения — весело кричали им вслед: «Приходите в следующую пятницу!»

ветил на все вопросы, даже самые каверзные. И Николай Андреянович хорошо выступил, с воодушевлением: все-таки впервые выступает в таком серьезном качестве. Мимоходом вспомнил и свою, не столь уж и давнюю защиту. И Дьяконов одобрил, кивнул со своего места в зале.

Перед самым тайным голосованием членов совета через открытые двери из зала в вестибюль из последнего послышались громкие и уверенные голоса, смех. Как сообразил Николай Андреянович, прибыл-таки кандидат в доктора.

После объявления результатов голосования — все «за», «против» нет — к трибуне подошел веселый нижнетагилец, от широкой уральской души поблагодарил совет и его руководство и кивнул приехавшему с ним коллеге — «группе поддержки». В зале одобрительно зашумели, когда тот, держа в левой руке большую матерчатую сумку, начал раздавать членам совета пакеты. А бывший соискатель, пять минут назад ставший кандидатом наук, так же весело комментировал:

— Дорогие друзья! Разрешите вручить вам символические подарки на память. Нашему полигону, то есть, *НИИ* недавно исполнилось восемьдесят лет. Юбилей, так сказать. В пакетах — зажигалки и очень хорошие авторучки с юбилейной символикой, *CD*-диски с фильмом о проведении ежегодной нижнетагильской выставки вооружений. По телевизору вы, наверное, видели двухминутные отрывки, а здесь часовой фильм. А для любителей нашей русской бани — комплект парильщика: шапочка в форме буденовки с красной звездой и варежки. Парьтесь на здоровье.— Это наш *НИИ* для поддержания, так сказать, штанов открыл подсобный цех ширпотреба.

...Совершенно развеселившись, члены совета, оппоненты и «группа поддержки» вышли в вестибюль и далее в буфет — фуршет на объявленный председателем пятнадцатиминутный перерыв.

◆ За фуршетным длинным столом уже вовсю тостовал нижнетагилец, охотно поясняя чей-то вопрос: «Это у вас, товарищи, куда ни плюнь — в кандидата, а то и в полного доктора наук попадешь! У нас же в уральской глубинке, у практиков-полигонщиков еще сильные традиции советских оборонщиков: работают от души, а всякие степени-звания как-то побоку. Вот и в нашем *НИИ* только два доктора — директор и его зам. по науке — и шесть кандидатов, я — седьмой, спасибо вам! Лично мне директор приказал: надо, мол, и нам показатели по ученым званиям поднимать, а тебе, Трофимыч, сам бог велел: три с половиной десятка лет испытаниями занимаешься, успел при советской власти два ордена схлопотать за трудовое отличие, траекторию снаряда или ракеты лучше измерительной всякой техники головой своей представляешь. Словом, на полгода передавай все дела по отделу своему заму, Артемов не подкачает, а сам за стол, за компьютер, за диссертацию. Я сам, как знаешь, из Тулуповска, то есть уже созвонился с кем надо и приискал тебе совет для защиты в университете. Действуй!»

Стоявший рядом с Николаем Андреяновичем за закусочным столиком Дьяконов одобрительно улыбнувшись на простоту уральского полигонщика, наклонился к уху подчиненного:

— Мы с ихним директором вместе учились, с разницей на один кус, на одной специальности. Ты сейчас как? В качестве оппонента вроде бы должен и на второй защите посидеть, дождаться банкета в ресторане «Апельсин», тут рядом. Посидеть-то посиди, набирайся опыта, пригодится когда сам докторскую будешь защищать. А на банкет *сегодня* идти не рекомендую; и сам уже предупредил: дела срочные на кафедре, не до банкетов. Хотя это близко к истине. Я в ленинградскую — по месту преподавания брата — комиссию по грантам вхожу; как раз прислали на срочный отзыв несколько заявок. Как говорится, мы им положительный

ответ даем, а они на наши заявки то же самое. Как говорится, джентльменский научный бартер!

Николай Андреянович за год с гаком службы в университете уже и сам понемногу начал разбираться в местном политесе, поэтому расспрашивать Вадима Фомича не стал. И так понятно: выходя на перерыв, члены совета и приглашенные навроде его самого, разминулись с «группой поддержки» докторанта — видного собой, явно не из простых вузовских или промышленных работников, в которой помимо москвичей оживленно разговаривали между собой и с гостями сразу три университетских проректора. Может, и сам ректор подойдет — краем уха уловил Николай Андреянович. Явно защищалась важная «шишка».

Выйдя из буфетной комнаты, Николай Андреянович и Дьяконов, благо время перерыва еще не закончилось, неспешно пару раз прошлись по диагонали просторного вестибюля перед залом заседаний.

Дьяконов думал о чем-то своем, иногда хмыкал, а Николай Андреянович заметил нечто привлекшее его внимание. Ученый секретарь совета, ловкий в движениях и вообще в жизни, самый молодой доктор наук в университете с кличкой за глаза «*ВИП*-профессор», стоял посредине вестибюля, цепко оценивал взглядом серых глаз выходящих из буфетной членов совета, к некоторым подходил, что-то коротко говорил, вынимал из пластиковой папки то узкие полоски бумаги, а иногда и сложенные пополам листы писчего формата и вручал собеседникам.

— А это что, Вадим Фомич, за тайны мадридского двора?

— Дело обычное в таких случаях; узкие бумажки — с вопросами к соискателю после его доклада, листы — тексты для выступления в прениях. Сам понимаешь, в Москве люди серьезными, денежными в основном, делами заняты. Так что порой некогда и *свою* диссертацию прочитать. Ладно, пошли на заседание.

ВИП-профессор, как положено ученому секретарю, зачитал выдержки из дела соискателя, несколько грузноватого, брюнетистого мужчины лет пятидесяти с небольшим, из чего Николай Андреянович узнал, что Валентин Гургенович занимает сложноназываемый пост в минвузе, имеющий отношение к лицензированию вузов и одновременно каким-то краем касающийся выдачи профессорских аттестатов. «Ого,— подумал Николай Андреянович,— это не просто «шишка», а в квадрате, или даже в кубе!»

В легком нарушении регламента после секретаря вышел на подиум проректор по инновациям и инвестициям и произнес краткую, но назидательную речь, в которой напирал на то, что Валентин Гургенович оказал высокую честь их университету, решив «защищать свою блестящую диссертационную работу у нас». При этом проректор внимательно и поочередно осмотрел прозрачными глазами всех членов совета в зале.

Поблагодарив проректора, *ВИП*-секретарь предоставил слово соискателю для доклада.

Валентин Гургенович встал за трибуну и начал читать доклад, который технический секретарь совета сопровождал проецируемыми на экран слайдами.

Николай Андреянович не был спецом в вычислительной технике — теме слушаемой им диссертации (в совете имелись для защит три разные специальности), но долгая работа в оборонной промышленности приучила кроме отменного знания своей отрасли деятельности разбираться на понятийном уровне и в терминологии много чего другого.

Доклад соискатель читал достаточно уверенно, хотя и с некоторым изумлением в голосе. Но когда, как опытный оратор, отвлекал взор от бумаги, показывая, что он все помнит и без печатного текста, всякий раз случался ляпсус. Так он несколько изумил Николая Андреяновича новым термином «цилиндрический маг-

нитный дольмен»*. Трансляцию этих «дольменов» Валентин Гургенович путал с трансмиссией... Члены совета при этом хранили задумчивое ученое молчание.

◆ Проголосовав единодушно за нового доктора наук, или, как вдохновенно сказал в завершающем заседание слове председатель совета, «поздравим, товарищи, Валентина Гургеновича с блестящей защитой диссертации, о содержании которой мы еще долго будем помнить», члены совета покинули зал. Большинство уклонились под благовидными предлогами от банкета с участием высшего начальства университета (береженого бог бережет, а пить с начальством — дело тонкое). Николай Андреянович с Дьяконовым по хорошей погоде гуляючи пошли пешком, благо первому до дома, а Вадиму Фомичу до «пентагона» было по пути.

— Ну, как тебе, Андреяныч, спектакль по полной форме?

— У меня, Вадим Фомич, два конкретных вопроса: почему этот Гургенович не у себя в Москве, а в провинции, хотя и недальней, так сказать, защищается? И много ли таких Гургенычей сейчас?

— Приятно посвящать неофита, а то всем университетским профессионалам все это обрыдло и интереса давно не вызывает!

В столицах не защищаются по той простой причине, что там таких, как Гургеныч, хорошо знают. Нет, конечно, и там бы его на ура защитили, но там сохранилась еще старая профессура, ранее привыкшая на всякие чины плевать; могут и взбрыкнуться, испортить, так сказать, весь малиновый сироп.

Что касается второго вопроса, то — по моим прикидкам, впрочем, достаточно объективным — в Москве таких «нового розлива» большинство. А у нас? —

---

* Дольмен — сложенная из каменных плит надземная гробница у древних адыгов и ряда других кавказских народностей. Правильный термин: цилиндрический магнитный домен.— Прим. авт.

Вспомни, сколько профессоров имелось в нашем университете, тогда институте, когда ты учился, а я аспирантуру заканчивал и корпел над кандидатской?

— Да-а, помнится, что двенадцать — как число апостолов у Христа.

— Совершенно верно, двенадцать, из них два — «холодные». И это на один из крупнейших вузов в стране, стабильно входивший в пятерку-десятку лучших — не только и не столько по числу, но, главное, по качеству подготовки инженеров, по научным разработкам. Почти каждый из тех профессоров — сейчас их барельефы почти весь низок фасада нашего «пентагона» заняли; и на других корпусах тоже — являлся создателем отечественной, а то и мировой, научной школы. Вот так-то.

Сейчас в университете полных профессоров за две сотни; почти все они получили докторские степени за последние двадцать лет; особенно сильный рост их количества относится к безвременным девяностым годам, когда *ВАК* похоже даже и не открывал присылаемые на утверждение диссеры. Не до того, Федя, не до того... А где их научные школы? Правильно, в ночных мечтательных снах. Словом, полная инфляция, или, как это называет ваш с Хмуровым и Яцышеным, доцент-патриот с медико-физкультурного: даже не инфляция, а дефляция.

— Что-то я не слышал от Геннадия Сергеевича о инфляции-дефляции? Наверное, в моем отсутствии говорил.

— Наверное. Здесь как в финансах наших. Инфляция — это обесценивание валюты. Чем больше товар стоит, тем больше выпускается казначейством денег. Это во всем мире так происходит, если экономика начинает хромать. У нас же в стране, как всегда, все подругому, то есть все в ногу, а мы не в ногу. Хотя минфин и пресса и у нас называют удорожание жизни инфляцией, но это все для простодушных масс. На самом же деле вместо «правильной» инфляции в России на-

блюдается дефляция. Смотри сам. Рубль наш жестко привязан к мировым валютам: доллару, в первую очередь, евро во вторую. А мировые валюты по их определению не могут быть подверженными инфляции, иначе они бы и не являлись мировым мерилом и эталоном. То есть в нашем отечестве — читай, дефляция, то есть при стабильном курсе привязанного к доллару рубля* в стране устойчиво-непрерывно растут цены на все и вся. Почему госвласти никаких мер не предпринимают? — А зачем предпринимать, если посредством дефляции за счет обирания всего населения формируется так называемый «средний класс» спекулянтов-перекупщиков — самая надежная опора существующего *modus vivendi*? То есть между производителем, прежде всего продовольствия, выстраивается цепочка перекупщиков-среднеклассцев, которые и отбирают в свой карман до 80—90 % тех денег, что народ платит за хлеб, мясо, рыбу, овощи и за все остальное. И не дай, бог, какой-нибудь повод для массового психоза — совести у перекупщиков-среднеклассцев поменьше, чем у крокодила.

Возьмем температурную аномалию прошедшего лета.— Итог ее видим сегодня на прилавках. Например, гречка подскочила в цене с пятнадцати до ста десяти (!?) рублей за пакет весом в девятьсот грамм. Ссылка на засуху в Европейской России здесь неуместна: почти вся гречка выращивается на Алтае, где прошедшим летом не было ни засухи, ни наводнения, ни цунами и извержений вулкана...

---

* Загадка из загадок уже двадцать лет: почему на российских дензнаках не официальный герб России, а «ощипанный орел» — герб Временного правительства 1917-го года? И надпись по дуге поверх орла: «Банк России» — а не «Российская Федерация»... Сразу вспоминается: в США со времен Рузвельта, то есть Великой депрессии 20—30-х гг., банкноты печатает не государство, а частное акционерное общество «Федеральная резервная система». То есть правительство США не несет никакой финансовой ответственности за свою валюту...— Прим. авт.

Точно также и в штамповании докторов и кандидатов разных наук. Инфляция — это постепенное особо никак не раздражающее, увеличение из года в год числа выпестованных обладателей ученых степеней. Это мы видели и в семидесятые-восьмидесятые годы, что объяснялось общим ростом подготовленности кадров, а главное — увеличением объемов научных исследований в стране.

Но с начала девяностых годов инфляцию в остепенении заменила дефляция, то есть предложение резко превысило спрос, конкретнее — реальный спрос на научные кадры. Да еще и во всех вузах страны, в том числе у нас, согласно официальным приказам на все преподавательские должности, даже ассистентов, утверждались только имеющие ученые степени. И пошла штамповка кандидатов и докторов сверх всякой разумной меры.

— Понятно, Вадим Фомич, ну — вам в «пентагон» направо, мне в переход и на другую сторону проспекта, до хаты, до хаты, до дома!

Задумчивый Николай Андреянович, перейдя на другую сторону проспекта, взял кратчайший путь на свой дом — дворами, мимо знаменитой «коллоквиумной» помойки, в которой рылось несколько бомжей, которых продвинутые интеллигенты с недавних пор начали звать по-импортному: фриганами. И здесь уже не инфляция, но дефляция.

«ВТОРОЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ»

◆ Художественный прием сна героя один из самых любимых авторами в литературе и вообще в искусстве. Сразу на память приходят: «Сон в летнюю ночь», «Сон разума порождает химеры» (в другом переводе — чудовищ); самое зловещее произведение Кальдерона тоже в жанре «сна». Зачем далеко ходить: возьмите дилогию об Остапе Бендере одесских классиков,

Болонский сон № 583. Выведенная за пределы города Добровольческая армия постепенно возвращалась после жарких сражений к мирной бивуачной жизни. Чтобы отвлечь бойцов от грешных воспоминаний о публичных домах и тавернах поверженной Болоньи, по приказу Полковника доценты Яцышен, Язвишин и Николай Андреянович напомнили бойцам, что они все же по основному роду занятий являются студентами и аспирантами Тулуповского университета. Поэтому надо догонять упущенное. Кто знал, что кампания не уложится в летние каникулы. Уже и октябрь за боями пришел, а осеннюю сессию и экзамены никто не отменял!

Сказано — сделано. Как только последний боец, он же студент-третьекурсник Толик Чмыр с технологического факультета, протрезвел, доценты разбили бойцов на группы по специальностям и курсам. Составив ружья в козлы, бойцы нехотя возвращались к учебному процессу в полевых условиях.

Готовя план занятий со своей группой, Николай Андреянович вспомнил школьные годы и

принятый тогда «Ленинский урок» первого сентября. Вот и сейчас решил начать с «болонского урока», то есть рассказал в понятных студентам терминах о сущности только что ликвидированного ими самими Болонского процесса, его вредности для науки и образования во всем мире. Завершил же вводную лекцию словами-напутствием:

— Студенты! Героические бойцы, не имеющие родителей-миллионеров или чиновников при кормушке! Вы только что совершили великий подвиг, разрушив это исчадие антинауки и образованщины. И как бы ни сложилась в дальнейшем ваша жизнь, дети и внуки будут с гордостью указывать своими испачканными чернилами пальчиками на ваши поясные портреты и говорить своим сверстникам: «Он ликвидировал химеру Болонского процесса!»

где учитель геометрии Хворобьев, люто ненавидящий все современное, советское, находил успокоение только в своих монархических снах...

А сны Веры Павловны из романа русского классика XIX века — из числа тех, про которых метко сказал Владимир Ильич в том смысле, что декабристы разбудили Герцена (почему-то забыв о его друге Огареве, с которым Герцен давал клятву на Воробьевых горах...), а Герцен растормошил всех остальных?

Но всех перещеголял наш полковник Хмуров. С некоторых пор ему перестали являться сны о борьбе с Болонским процессом в образовании. Может, по причине бесполезности борьбы с ветряными мельницами? Но, скорее, по той причине, что после знакомства со Стеллочкой и начала печатания ее издательством фундаментального труда в пяти томах, мысли и мечтания Григория Ивановича изменили свой вектор. Или направление в тысячных по-артиллерийски.

Такой вот сон приснился ему после очередной служебной командировки в Москву — в издательство и в постель Стеллочки. Вернулся он домой из поездки к самому вечеру. Несмотря на поздний час, с аппетитом и долго, смакуя, поужинал: эскалоп поджарен с хрустящей корочкой, картошка самая что ни есть калужская, из-под Ферзикова, а селедка настолько сегодня оказалась восхитительной, что сто очков вперед дала бы норвежской семге, что выращивают, как поросят, в замкнутых водоемах, откармливая кашей с противоглистными препаратами.

Все хорошо, даже сверхотлично у Стеллочки в ее уютной квартире, особенно сама она в апофеозе второй, страстной молодости, но... один изъян есть. Как и всякая москвичка, особенно из числа временно незамужних и деловых по работе, готовила она исключительно из фаст-фуда. Правда, отчасти это компенсировалось отличным коньяком, настоящим неподдельным «кизлярским». Его ящиками привозили Стеллочке после появ-

ления в ее жизни Полковника — по ее шутливому намеку — благодарные авторы, дагестанские академики. «Нэ сомневайтесь, да-арагая Стелла Аркадьевна, коньячок прямо с линии розлива для администрации нашего прэзидэнта в Махачкале!»

Супруга Григория Ивановича, к возвращению суверена даже подкрасившаяся и подпудрившаяся, любовно смотрела на жадно кушающего мужа: намотался, бедный, по Москве, все впроголодь! Вон как за три дня похудел-то... И еще она с негодованием отогнала от себя похотливую мыслишку, что сегодня уставшему Григорию Ивановичу не до супружеских ласк, как убитый будет спать.

Сам Хмуров никакого угрызения совести не испытывал. Не от бесчувственности, но от глубокого убеждения, что семья есть семья, а служба службой. И нечего котлеты с мухами в одну кучу смешивать, как любит говорить наш предбывший президент. «Я — как чекист, какой-нибудь Штирлиц,— на полном серьезе иногда отвечал он на каверзные подначки друзей в «Хантах-мансях»,— только у нас с ним все диаметрально противоположно: Штирлиц живет все время, годы и годы вне семьи и с супругой конспиративно видится в пражском «Элефанте», к дверям которого сейчас наши туристы очередь не меньше, чем в советское время к мавзолею, устраивают, а я, наоборот, из семьи езжу на конспиративную квартиру в Москве, ха-ха!»

...Вот и в этот раз, от души поужинав домашним, Григорий Иванович как прикоснулся головой к подушке, так и провалился в живописный сон. Точнее — в два сна: короткий предварительный и основной, очень двусмысленный.

Первый был явно навеян сценой, увиденной в столице возле дома Стеллочки: помахивая резиновыми дубинками-демократизаторами, трое милиционеров-полицонеров гнали вперед себя малую толпу таджиков в рабочих спецовках. Явно, нанявший их хозяин недоплатил бакшиш труженикам правопорядка.

А приснилось ему давнее, когда он только начал учиться в ныне упраздненном Тулуповском артучилище, из которого потом перевели в другое. Коренные тулуповцы помнят и даже гордятся тем, что в первый и последний раз введенные в СССР в начале семидесятых годов милицейские дубинки продержались в обиходе очень недолго и были изъяты у огорченных блюстителей порядка именно из-за того давнего происшествия в Тулуповске. Волею случая и младший еще курсант Хмуров оказался действующим лицом в случившейся заварушке.

Дело было к вечеру, уже стемнело, а темнота на улицах усиливалась еще позднеосенней, слякотной, с мокрым снегом из нависших черных туч погодой. Григорий Иванович, тогда просто по прозвищу Гриня Хмурый, после окончания занятий сидел на своей койке в казарменной комнате своего взвода. Ждали команды идти на ужин. Через растворенную в общий коридор дверь послышались хорошо узнаваемые голоса: их ротный о чем-то препирался с сегодняшним дежурным по училищу капитаном Самойленко:

— ...Так туда, едрень ее в корень, надо старшекурсников слать, а не салажат моих!

— А где я их тебе сейчас возьму? Они уже по домам закусывают с самогоновкой![*] Выполняй! — Приказ начальника училища. Потом с ними, то есть с твоими, с третьей ротой поедет замполит, а это пострашнее шестидюймовой гаубицы!

— Взвод, в ружье! — Это ротный вбежал через открытую дверь.

Такие же команды послышались и из других взводов. В оружейной комнате взводные и ротные командовали старшинам: выдать каски, а автоматы только с

---

[*] Принятая ранее (сейчас — не знаю какие нравы) практика: первые два года курсанты проживали в училищной казарме, а с третьего курса — по домам, если местный, или женат на местной, или если родители снимают ему жилье.— Прим. авт.

пустыми рожками. На плацу уже ждали крытые брезентом машины, которые и помчали голодных курсантов вниз по проспекту. Впереди колонны с сигналом и мигалкой мчался милицейский «козел».

◆ Во всех городах центр как центр, то есть географический, административный и историко-культурный. Но в Тулуповске, как писал еще наш великий сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, служивший здесь председателем казенной палаты, то есть казначейством губернии, все наоборот. Здесь в центре расположены три крупных оружейных завода, на которых в советские времена трудились порядка семидесяти тысяч человек.

В тот день уже в наступившей темноте из проходных выкатывалась толпами отработавшая свой трудодень первая смена, штурмуя на площади между заводами беспрерывно подбегавшие по трем направлениям трамваи, троллейбусы и автобусы. Но посадить и развезти по городу враз несколько десятков тысяч работяг, мастеров и инженеров и метро бы не могло, будь оно в Тулуповске.

С наступившей темнотой начало и подмораживать. Иногда на остановках вспыхивали легкие женские перебранки — это когда через рвущуюся в двери подкатившего трамвая, троллейбуса или автобуса толпу выдирался на улицу подъехавший опаздывающий во вторую смену бедолага. Как правило, выдирался он на площадь без пуговиц на пальто, в затоптанных грязью ботинках. Часто в грязи была и шапка, ненароком кем-то сбитая в толчее.

Спокойнее всего чувствовали те счастливчики, что сумели достать в своем или соседнем цехе технического спирта и причаститься перед выходом через проходные. Они группками стояли на свободных пятачках межзаводской площади, с наслаждением курили «беломор» и «приму», обсуждали последние заводские новости, потом переходили на свежие анекдоты про руководителей *нашей* партии и правительства. Глядишь, народ рассосется, и они преспокойно сядут в нужный им номер,

что помчит трудяг за много километров в Поречье, Косолучье, Ждановский поселок, на южную окраину через проспект.

Одна такая веселая группка завела разговор о недавно введенных в обиход милицейских резиновых дубинках. Подвыпившие мужики, доселе хохотавшие над забористыми анекдотами, вмиг помрачнели и озлобились: дескать, совсем в Кремле оборзели, обвешали свои пиджаки бостоновые звездами героев сидячего труда, а для народа — на, мол, работяги дубинкой по голове! Еще осталось им мильтонов полицаями назвать! Самый старший в группе, шестидесятилетний фрезеровщик Трофимыч тягуче сплюнул и пробасил: «Я в войну в коннице *НКВД* служил, так мы в сорок четвертом — сорок пятом этих полицаев без суда и следствия на фонарных столбах вешали!»

За актуальной темой работяги и внимания не обратили, что рядом с ними, за спинами, стоит невесть зачем подкатившая милицейская пээмгэшка, а сидящие в ней сержанты с интересом прислушиваются через приотворенные дверцы к громкому разговору.

Наверное, стражи порядка тоже находились в веселом, выпившем состоянии, или еще неопытны в делах службы; нормальные, трезвые еще милиционеры никогда не сунутся в многотысячную толпу иззябших и голодных по окончанию смены работяг. А этих принесло... на их же голову.

Здоровенный, но еще совсем молодой сержант с головой арбузом, на которой топорщились недобрые рыжие усы, вышел из машины и, поигрывая новенькой дубинкой, подошел к мужикам:

— Ну-у, кто тут нас полицаями называет и вешать на столбах желание имеет?

— А пошел ты к едрене фене... — обернулся к нему Трофимыч и тут же получил удар дубинкой. Рыжеусый метил по плечу, но попал поворачивающемуся фрезеровщику по скосу виска, задев ухо. Трофимыч

дико закричал от резкой и острой боли, а кто-то из его компаньонов еще громче закричал:

— Мужики! Мильтон дубинкой нашего Трофимыча покалечил!

Вмиг набежавший народ свалил рыжеусого в самую грязь, вырвав из его рук дубинку и пинками не давая тому ухватиться за кобуру. Выломав дверцы, вытащили из *ПМГ* еще двух сержантов и водилу-рядового, также бросили на землю. Машину же мигом перевернули вверх колесами.

Увидев заваруху, к толпе бросились было двое постовых, что околачивались у соседнего с заводской площадью универмага, но поопаслись и, заскочив в телефонную будку, зазвонили в управу с объяснением ситуации.

Меж тем тысячная толпа, забыв про трамваи, троллейбусы и автобусы, все более озлобляясь, стоусто орала, уже слышались крики про всеобщую забастовку. Какой-то грамотей, а может, и пожилой уже очевидец, громко напоминал, что их заводы и при советской власти в Гражданскую войну бастовали. Сержанты и рядовой водила уже сидели в грязной луже, оправдывались, что-де Трофимыч первый начал, а пистолетов у них нет, показывали пустые кобуры. Нам, мол, оружие только на задания дают, а мы ехали пособирать пьяных, помочь выполнить план вытрезвителю своего отделения. Последнее еще больше озлобило работяг.

...Меж тем в областной милицейской управе (как назло генерал накануне уехал в Москву получать очередную награду) по коридорам метались полковники. Заместитель генерала, сообразив, что своими силами здесь не справиться, позвонил командиру расквартированного в городе полка, но тот послал его куда подальше: «Мы не полиция, не каратели! Хочешь чтобы наши бойцы к своим отцам и дедам примкнули?»

Догадливый замполит тотчас позвонил своему коллеге в артучилище: «...Давай, Константиныч, выручай!

А кто будет отказываться — грози отчислением из курсантов в армию, да в Сибирь или в дивизию на Землю Франца-Иосифа!»

Когда крытые брезентом машины примчались к заводской площади, там уже все стихло. Народ успокоил через мегафон вышедший на шум директор одного из заводов; пообещал: буду требовать в обкоме тщательного расследования. И в свое министерство сейчас же позвоню!

Подоспевшие милиционеры числом в несколько десятков, ранее опасливо стоявшие поодаль площади, в обрат переворачивали машину своих коллег. Не высаживая, курсантов тоже повезли в обрат к запоздалому ужину. С тремя ранее отказавшимися участвовать в экспедиции курсантами ничего не сделали, промолчали отцы-командиры. Только замполит училища где надо поставил огорчительный «минус». Впоследствии, при распределении все трое и правда попали на Землю Франца-Иосифа в дивизию первого удара по *НАТО*. Но войны с альянсом не случилось. Двое из них вышли в отставку полковниками, а третий дослужился до генерала.

...Времена тогда текли тишайшие, поэтому никакого шума никто поднимать не стал; не осмелился. Ни одна местная газета, даже заводские многотиражки, не говоря уже о центральной прессе, ни слова не проронили. А так как Тулуповск — город закрытый для иностранцев, то и в западные «радиоголоса» ничего не попало.

Но обком подошел к случившемуся серьезно. Более того, первый секретарь Иван Харлампиевич, которого хорошо знал еще по довоенной, днепропетровской партийно-комсомольской молодости и зрелости сам Леонид Ильич, при случае, в Москве, доложил *Самому* о происшествии, напирая на то, что обком прореагировал мгновенно, обошлось без кровопролития и даже без членовредительства. Не как у некоторых. Иван Харлампиевич имел в виду, конечно, бывшего первого секретаря из Ростова, намекая на события в Новочеркасске.

Леонид Ильич с чувством пожал руку младшему партийному товарищу, даже хотел троекратно облобызать, но вспомнил: генсек лобызает первых секретарей обкомов только при вручении наград. Тут же подозвал вертевшегося рядом Георгадзе и продиктовал: первое — выдать Ивану Харлампиевичу очередной орден Ленина; второе — дубинки по всей стране у милиции изъять, но не уничтожать их, а складывать. На всякий случай. Как известно, до окончания советской власти таких случаев не было.

◆ Полковник, видимо, захрапел во сне, потому от ласково-предупредительного толчка супруги, не просыпаясь, привычно повернулся на другой бок. А сагу о резиновых дубинках заменил второй сон — о получении им Нобелевской премии.

Итак, Григорий Иванович успешно завершил свой фундаментальный труд, но уже не в пяти, а в десяти томах, как и обещала столько издать Стеллочка в страстные ночи в Кривулинском санатории. Она же организовала — за счет института — перевод и издание томов на английском язык. Тут подоспела весна, академик почувствовал отголоски былых веяний, восхищался выпуклостями фигуры Стеллочки. Поэтому ей не стоило большого труда убедить воздыхателя в необходимости массированной пиар-кампании «выдающегося труда профессора Хмурова», включая рассылку английского и русского тиража по всем ведущим научным центрам Европы, Восточной Азии и Северной Америки. Не была забыта и библиотека конгресса США. В Тулуповск хлынули теле- и радиожурналисты, включая зарубежных.

Поскольку их в режимный корпус «пентагона» не впускали, то восхищенный ректор разрешил Хмурову принимать репортеров в малом зале заседаний главного корпуса.

Реакция научной общественности не заставила себя ждать. Раздосадованные престарелые госакадемики из обеих столиц и университетских центров, а также из

престижного Сколкова, тотчас объявили Хмурова классиком лженауки. Только начальник Стеллочки, естественно, по наущению чаровницы, сказал несколько полуодобрительных слов. Зато в заграницe поднялась большая одобрительная шумиха. И сразу три европейских университета с почти тысячелетней родословной, включая Болонский, и Высшая школа бизнеса из американского Гарварда, выдвинули доцента Хмурова на нобелевскую премию по физике. Поскольку же ученое звание доцента не гармонировало со статусом динамитной* премии, то для исправления *status quo* Гейдельбергский университет срочно и заочно присвоил Григорию Ивановичу звание почетного профессора и степень *Doctor honoris causa*, то есть почетного же доктора наук.

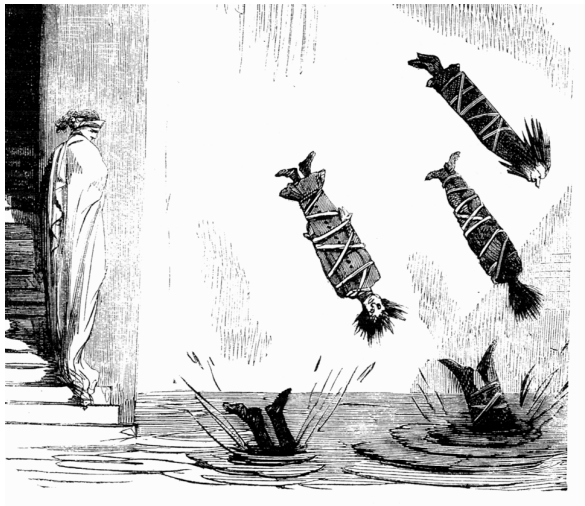
В Нобелевском комитете и в Шведской королевской академии наук (*Carolina*) к мнениям российских бессмертных по традиции не прислушивались, и в ближайший же премиальный сезон из Стокгольма поступили сообщения о присуждении премии профессору Хмурову из России. Но опять же поскольку в последние два десятилетия в Нобелевском комитете установилась традиция «давать Нобеля» россиянину, тем более, русскому, только в паре с каким-нибудь зарубежником, то и к Григорию Ивановичу пристегнули какого-то поляка из провинциального Келецкого политехнического института, который якобы перевел на язык физики и математики фантастические романы Станислава Лемма. Кстати, впоследствии в научном мире разразился скандальчик: бывший аспирант келецкого нобелиста затеял судебный процесс, утверждая, что профессор воспользовался его тетрадями с бессмысленным набором физических и математических формул, что он смеха ради засылал на научные сайты интернета, подписываясь фамилией профессора. Ради хохмы и мелкой мстительно-

* Свой основной капитал Альфред Нобель получил от производства динамита в России, Германии и Швеции.— Прим. авт.

сти: аспирант ухаживал за красавицей-дочкой своего руководителя, но тот не благословил их брак...

«С паршивой овцы, хоть шерсти клок,— пробурчал Хмуров, услышав из теленовостей о компаньонстве с посполитым паном,— хотя бы даже этот клок и тянет почти на «лимон» долларов». В родном университете, где среди двухсот с гаком профессоров-новоделов, а равно и советской выделки, не имелось ни одного даже член-корра самой захудалой отраслевой госакадемии, исключая полного академика Гусакова, который уже давно отошел от дел и вообще был приписан к университету чисто формально, насупились, узнав о лауреатстве рядового доцента. Но потом прибегли к испытанному приему. То есть при встречах с Григорием Ивановичем расплывались в ширых улыбках, хлопали панибратски по плечу, дескать, с нобелем тебя, дорогой! Не забудь при случае и о нас, сирых и лапотных, похлопотать... И так далее. А на всяких публичных заседаниях-конференциях представители ректората, разливаясь соловьями о невинных успехах вуза в научных изысканиях, мимоходом, опять же улыбаясь, как улыбаются, говоря о дурковатых оригиналах, изобретателях вечного движения или велосипеда с пятью колесами, скороговоркой упоминали о «нашем коллеге-доценте, недавно удостоенном престижной премии». Даже бессмертная (но не в академическом смысле!) университетская письмоносица Вера Тимофеевна, заходя с полной сумкой писем и поздравительных телеграмм со всего света Хмурову в деканат на первом этаже «пентагона» — выше на режимную территорию ее не пускали,— также с улыбкой и смешком говорила секретарше: «Надысь сумищу писем вашему лавуреату притаскивала, а седни опять все шлют и шлют. Видать делать им больше нечего!»

...Но Григорий Иванович, закаленный превратностями и субординацией воинской службы, на провокации не поддавался, на все и вся мысленно плевал и готовился к поездке в Стокгольм.

Снится полковнику Хмурову двусмысленный сон, будто стоит он в римской тоге и с лавровым венком на голове на ступенях мраморного дворца. И будто он не отставной полковник, ныне доцент кафедры ракетостроения, а Кай Юлий Цезарь. Совсем недавно, несколько календ назад, вернулся он в Рим во главе легионов, покоривших дикую Галлию. «Ad maiout Gallia gloriam!» — Так приветствовали его рядовые римские граждане и сенаторы.— «К вящей славе Галии!» Галии — отныне римской провинции. А позади Кая Юлия Хмурова шли ликторы с фашинами — пучками розог, перевитыми веревками. Напоминание: сегодня ты — триумфатор, а завтра тебя могут и высечь!

В какой-то неуловимый момент, как это бывает во сне, Хмуров, уже не Кай Юлий, увидел: ликторские фашины превратились в спеленатые веревками фигуры, которые гроздьями падали с неба в воду.

...Проснулся Хмуров, сходил на кухню, выпил остывшего с вечера чая, почесал репу, задумался: к чему такой непонятный сон на абсолютно трезвую голову? Только в очередной пятничный уик-энд в «Хантах-мансях» биолог и патриот Язвишин с медико-физкультурного факультета растолковал: «Это, Иваныч, у тебя во сне произошел, как говорят психологи, сдвиг мотива на цель. Каждый преподаватель, как тот же Кай Юлий, всегда ощущает за своей спиной ликтора с розгами, тот же менеджментер количества, учебно-методическое управление и так далее. И вот твое сонное подсознание пришло на помощь: всех этих захребетников засунуло в фашины и побросало в воду! И тебе легче на душе стало».

◆ Странно для людей, так сказать, всяких артистов высокого ранга, олигархеров и чиновников выше среднего ранга, но совсем не странно для круга общения Хмурова: Полковника не столько обрадовало известие о причислении к лику нобелистов, сколько огорчили навалившиеся хлопоты: на какие шиши приобретать обмундирование для визита в Стокгольм и билеты для проезда? Ведь нобелевский «лимон» он получит из рук короля безо всякой предоплаты?

Университетское начальство принципиально никак не прореагировало на событие, тем более матпомощь не предлагает. Самому просить — не в его характере с армейским девизом, очень схожим с уголовным: ничего не бойся, ни у кого не проси, верь только отцу-командиру, если тот трезв. Что же, придется очистить все домашние авуары.

Вздохнув, вызвонил по мобильнику Эдьку-аспиранта и дал поручение по части интернета: во-первых, выяснить, какая спецодежда требуется для нобелевских торжеств; во-вторых, как проехать от Тулуповска до Стокгольма; в-третьих, узнать: где в Тулуповске могут пошить или продать эту спецодежду.

— Проезд на чем: самолет или поезд?

— Только поезд,— категорично, не раздумывая, ответил Хмуров и для непонятливых пояснил, что хрен он даст возможность тому полячишке захапать всю премию, в том числе долю разбившегося в самолетной аварии русского лауреата.

— Но почему так фантастично, Григорий Иванович! Можно подобрать рейс на надежном самолете.

— Надежных сейчас нет. Самые надежные — советские, но они уже по сорок лет летают. Конечно, они бы и до ста летали, но запчасти к ним либо китайцы фабрикуют, или же наши кустари в артелях из силумина* вместо стали напильниками вышкарябывают.

---

* Легкоплавкий металлический материал, обычно используемый для заливки технологических отверстий и не несущий никаких конструктивных нагрузок.— Прим. авт.

«Боинги» после десяти лет эксплуатации становятся летающими гробами; закон капитализма: заранее заложенный укороченный ресурс работоспособности товара, чтобы постоянно расширять производство, то есть увеличивать и увеличивать прибыль. А такие списанные только и покупают по дешевке наши частные авиакомпашки.

— Сейчас ведь и у нас в Воронеже начали выпуск «суперджетов»?

— А эти самые ненадежные. Все разучились делать. Только-только под тем же Воронежом в «выпускном» полете грохнулся такой «джет», который уже успели продать то ли Бирме, а может, и Лаосу. Так что, мой юный друг, прокладывай мне маршрут по «чугунке». Исходи из даты моего явления в Стокгольм, да учти три дня в запасе для Москвы: визы всякие и *прочее*. Да, поезд от Москвы до Ленинграда бери самый простонародный. Экспрессов и всяких сверхскоростных не надо. Их кавказские партизаны любят взрывать. Занимайся, а я сейчас на лекцию, после к тебе зайду.

Через полтора часа лекционных Эдик доложил по всей форме:

— До Москвы на нашей утренней безостановочной электричке. День приезда — день отъезда, как принято у командированных, один день, то есть в столице вы пробудете по делам трое полных суток, а на третьи поздно вечером отбудете скорым пассажирским в северную столицу. Полдня погуляете по Невскому, затем на фирменном (у них кавказских партизанов пока нет) финском экспрессе «Сибелиус» — до Хельсинок, где пересядете на узкоколейный* поезд до Стокгольма. Вот вам на бумажке распечатка рейсов, номеров их, стоимостей билетов в купейном вагоне.

---

* В Финляндии, как и в России железнодорожная колея «николаевская», то есть широкая — «тяжелое наследие» вхождения Финляндии в 1814—1917 гг. в состав Российской империи.— Прим. авт.

— Однако-о-о! Супруга нахмурится. А амуниция?

— Полный джентльменский набор требуется: фрак для встречи с королем, смокинг для вечернего коктейля, пара штанов под них, лаковые штиблеты под фрак и матовые (это о цвете, Григорий Иванович) под смокинг. Рубашки и жилеты специальные, галстуки бабочкой. Я вот на струйнике распечатал фасоны, а размеры спросите у супруги.

— И-и где эту сбрую всю в Тулуповске взять?

— В «Элит-салоне» у Аршака Габриэловича. Цены — так супруга вовсе из дома выгонит. Но подключите Язвишина; сынок Аршака бездельник Кареген у того в вечных задолжниках, можно рассчитывать на серьезную скидку.

Григорий Иванович облегченно вздохнул, а вошедшая в преподавательскую секретарша из деканата и вовсе обрадовала, протянув ему факс от московского представителя нобелевского комитета с вопросами: каким транспортом «господин Хмуров» предпочитает добираться до шведской столицы? — Это нужно для заказа и приобретения за счет Комитета билетов и выправляемых виз. Также сообщалось, что в Москве он получит под отчет загранкомандировочные. Просили сообщить: в каком количестве и кого конкретно новый нобелевский лауреат намерен взять с собой в качестве сопровождающих лиц.

Вот и все хлопоты с плеч долой! Загранпаспорт он выправил еще полгода назад, когда Стеллочка намекнула, что не мешало бы им вдвоем летом прокатиться в Турцию, а лучше в Египет.

...Не мешкая, Григорий Иванович позвонил нобелевскому представителю, рассказал про поезда и необходимость, кроме шведской, еще и финской транзитной визы; назвал имя единственного сопровождающего лица: Стелла Аркадьевна Горелик.— В качестве переводчицы. Стеллочка, кроме всех других ее достоинств, хорошо говорила по-английски, как это сейчас принято в столице.

◆ Остановившись у Стеллочки, Хмуров встретился с нобелевским комитетчиком, который и не скрывал особо, что он «двойной комитетчик», получил под расписку нехилые командировочные, отдал ему свой и переводчицы загранпаспорта для визирования, а также — по его просьбе — диск с текстом подготовленной нобелевской лекции. Сам же провел двое суток с лишком с прелестницей. Стеллочка во время своего секретарства объездила со своим академиком все европы-америки, поэтому чередовала долгие часы любви обучению Хмурова западному этикету: как с достоинством носить фрак и смокинг, не путать ложки, вилки, ножи и рюмки из сервировки стола. Главное — обучила понимать и произносить самые расхожие фразы по-английски; Полковник в школе и училище изучал мужественный военный немецкий.

...В первый же вечер позвонил по сотовому несколько озадаченный комитетчик. Похвалил, что «господин Хмуров» подготовил очень качественный перевод нобелевской речи-лекции на английском, но зачем тот же текст на латыни? На что Полковник напомнил: хотя завещанная Нобелем традиция выступать с речью по латыни давно уже утеряна, но ее никто формально не отменял. Он же решил ее возобновить.

— Хорошо,— обреченно промычал комитетчик,— я сейчас позвоню в Стокгольм, предупрежу.— По короткой дневной встрече с «господином Хмуровым» он с интуицией ныне маловостребованного «двойного» понял: отставного артиллериста и шестидюймовой пушкой не перешибешь!

Григорий Иванович, дав отбой, похохатывая, рассказал Стеллочке, только поднявшейся с ложа любви и, позевывая, облачавшейся в шелковое кимоно, о переводе на английский и латынь своей нобелевской речи.

— А кто тебе переводил? — В голосе Стеллочки явно проскользнула ревность.

— На латинский перевел знакомый доцент с наше-

го медико-физкультурного факультета. Он еще в молодости на спор на ящик коньяка латынь изучил. Еще и потренировал меня в произношении, а на всякий случай написал транскрипцию русскими буквами. А на англо-американский... так у нас на факультете, по нашей кафедре учится сын доцентши с педуниверситетского иняза. Так что без вопросов.

— Может и по-шведски тебя кто-нибудь в вашем Тулуповске обучал?

— Нет, дорогая, по-шведски это у нас западло считается, а по-французски у тебя зам-мечательно получается, ха-ха!

— Дурак и нобелист,— притворно застыдилась вновь возбудившаяся Стеллочка,— марш в койку!

...В изучении языков и банкетного этикета время вплотную приближалось к моменту истины: нобелевским дням и ночам. Последние в *VIP*-номере стокгольмского «Хилтон-отеля» со Стеллочкой.— За все уплачено Комитетом.

Как отметила вся мировая пресса, нобелевский лауреат «господин Хмуров», профессор и почетный доктор Гейдельбергского университета, держался на церемонии великолепно. Особо остановили внимание на том, что шведский король Густав-Адольф (номер такой-то) сверх положенного этикетом не только пожал руку лауреату, но и символически обнял его. Оказывается, король получил в юности классическое образование и знал латынь, на которой профессор Хмуров так блестяще прочитал свою нобелевскую лекцию. Те же мировые *СМИ* сообщили, что второй, польский нобелист по сравнению с могучим русским (на родине *СМИ* его именовали «российским» богатырем) выглядел заморышем, что-то невнятное и скороговоркой говорившим на плохом американском диалекте английского языка.

Но на вечернем коктейль-банкете вышел конфуз. Хотя личная переводчица Стеллочка и старалась отодвинуть от босса подальше бутылку с виски, но тот су-

мел-таки на брудершафт со шведскими профессорами хватить порядочно. И когда к нему подошел с рюмкой для поздравления коллега-поляк, то Григорий Иванович неожиданно запел: «...Помнят польские паны, помнят псы-атаманы конармейские наши клинки!» Поляк побледнел, поскольку с советских (народных — в Польше) времен помнил русский язык, побежал жаловаться своему послу в Швеции, что был приглашен на банкет. Комитетчики с трудом замяли назревавший скандал.

Ночью в номере Григорий Иванович и Стеллочка играли, перекладывая под свои подушки премиальный чек.

...Гриша, ты что там ищешь? — Супруга с недоумением смотрела на него среди ночи что-то искавшего во сне под подушкой.

— А-а, что? Да так, дорогая, какой-то чудной приснился.

— Устаешь ты, милый, в этих своих командировках. Может снотворного тебе принять?

ГЛАВА О ПОЛЬЗЕ ПОДХАЛИМАЖА И СОБСТВЕННО ПОДХАЛИМОВ

◆ Нобелевский сон, как ни странно это звучит для такого скептика, заинтриговал Хмурова. Стыдясь самого себя, он расспросил верного оруженосца Эдьку насчет загранпаспорта... Узнав, что такая «ксива» изготавливается два месяца, Полковник — на всякий случай, как он сам себя убеждал — с помощью все того же аспиранта распечатал, заполнив нужные графы, требуемые исходные справки-заявления.

С огорчением он узнал, что без обращения к университетским службам не обойтись: нужны подписи начальника отдела кадров, но это полбеды и даже вовсе никакая не беда: кадры такие дела не интересуют. Вся сложность заключалась в получении разрешающей визы начальника первого отдела Бабенко, как человека

сверхподозрительного — по своей должности — и имеющего местопребыванием их же корпус.

Назвался груздем — полезай в кузов. Вздохнув, Хмуров отправился после обеденного перерыва, когда люди добреют, к Бабенке. Тот приветливо встретил армейского коллегу, усадил напротив себя через стол, осведомился о цели визита столь уважаемого человека.

— Да вот, Иван Егорыч, решил себе загранпаспорт выправить. Нужна твоя виза, что форма допуска к секретным документам с меня хоть и не снята, поскольку работаю на режимном факультете, но уже пять лет, еще со времен военной кафедры, грифованной литературой из спецбиблиотеки не пользовался. Так как — разрешаешь?

Бабенко нахмурился, принял официальный вид:

— И-и, Григорий Иванович, и ты решил, глядя на молодых, променять родину на зарубежные коврижки?

— Эк, куда хватил! Хочу вот летом в Израиль съездить на...

Лицо режимника побагровело при упоминании государства, само название которого еще лет двадцать назад в разговоре с первоотдельцами считалось верхом неприличия. Такого вольнолюбца коллеги Бабенки тотчас заносили в черные списки.

— Ку-уда? В Израиль? И чего тебе там с твоим малочерноземным происхождением делать?

— Да вот, Егорыч,— перешел на фамильярность Хмуров и, отроду ничем не хворавший, весело начал врать, что от теперешней сидячей работы случился у него поясничный остеохондроз, а единственно где его могут лечить — это в Израиле грязями Мертвого моря. Московский медицинский профессор посоветовал: поехать в Израиль и купить там двухнедельную путевку в мертвоморский санаторий.

— Наши люди,— сухо заметил Бабенко, сам по осени страдающий ломотой в спине,— в Израилях не лечатся, ходят на прием к ревматологу в университет-

скую поликлинику, выписывают себе рецепты и успешно справляются с болезнями. Почти со всеми.

Здесь режимник заметил, как Хмуров достает из пиджачного кармана полулитровую плоскую бутылку коньяка, отчиняет винтовую пробку и разливает напиток по двум стаканам. Как у всякого отставного военного у Бабенки обок графина с водой всегда стояли два стакана, а не один, как то принято у штатских людей.

— Ну-у, конечно, я тоже слышал в телерекламе о лечении мертвоморскими грязями. Да и наша ревматологша Вера Порфирьевна разменяла девятый десяток, прием ведет по три часа в неделю, да и рецепты разучилась выписывать... Так говоришь, секретной литературой не пользовался уже пять лет?

Бабенко открыл ящик стола, достал большеформатную тетрадь в потрепанной картонной обложке, полистал, нашел нужную страницу.

— Да, точно, в списках пользователей не числишься. Съездишь — поделишься со мной опытом лечения. Ну, давай твою бумагу.

Военспецы чокнулись, дружески попрощались. Хмуров вышел из режимного кабинета с завизированным заявлением, а Бабенко упрятал в секретный сейф почти полную бутылку.

◆ Но это все было позже. А в пятничный уик-энд в «Хантах-мансях» сразу после нобелевского сна разговор свернул в несколько необычную сторону. Полковник, посмеиваясь, рассказал о нелепом сне, но Яцышен сделал практический вывод:

— А что, господа до́центы, мы ведь давно вышли из комсомольского возраста. Пора и докторскими степенями обзаводиться. У нас с Николаем Андреяновичем все ясно и прямолинейно, как в геометрии Евклида: по своим техническим специальностям. Ты, Геннадий Сергеевич,— обратился он к Язвишину,— запросто что-нибудь стоящее из своей биофизики и биохимии сварганишь, если на год-полтора отвлечешься от политической

Болонский сон № 599. После подписания мирного договора с университетом и мэрией Болоньи и отправки двух составов товарняков с контрибуцией на родину, полковник Хмуров дал прощальную аудиенцию профессуре, еще не разоблачившейся от мундиров болонских добровольцев:

— Синьоры профессора и доценты славного Болонского университета! Еще более славная наша армия покидает ваш город и вообще Италию. Мы хотим, чтобы в памяти вашей и ваших коллег по университету мы остались как бескорыстные освободители от чумы, по-

разившей весь университетский мир, которая, увы, получила имя вашего учебного заведения, старейшего в Европе.— Точно также, как осталась в Италии добрая память о суворовском походе, который, преодолев Альпы со своими чудо-богатырями, освободил север вашей страны от наполеоновской саранчи, а также о моряках адмирала Ушакова за его подвиги на юге Италии.

Словом, синьоры, мы сделали все, что смогли. Как говорится, извиняйте, если что не так. А те милые безделушки, что мы увозим в качестве контрибуции, будут напоминать нам о чисто итальянском радушии и гостеприимстве.

Эввива Италия! Эввива Россия!

деятельности и словесных битв со всеми — от коммунистов до единороссцев, самого правого крыла этой славной партии... Хотелось бы услышать мнение Григория Ивановича, а?

— У меня, действительно, сложная ситуация. Казалось, проще взять тему ракетно-артиллерийских взрывателей. Но здесь без экспериментальной базы не обойтись. А где она, база-то? Все *НИИ-КБ* военного профиля на издыхании. В Бауманке еще функционирует кафедра взрывателей, но это ведь конкуренты!

— Иваныч,— перебил Язвишин,— а почему не попробовать по тематике твоего пятитомника, что Стеллочка вот-вот напечатает?

— Эк куда хватил, Сергеич! Да все содержание моего труда — это прогноз нашего, земного, несветлого будущего. Где такую докторскую защищать? И кто ее воспримет, не накидает черных шаров?

— Отнюдь, Григорий Иванович. Есть и то, и другое.

— Это как? Поясни, Геннадий Сергеич, будь ласка.

— Ответ на первый вопрос, то есть где защищаться. Есть в Свердловске, нынешнем Катькином бурге, докторский совет по современной философской социологии. Создан он был на исходе советской власти тем самым Бурбулисом, что в эпоху «раннего Ельцина» являлся серым кардиналом, по могущественности стоявшем прямо за спиной патрона, пачками назначавший глав областей, краев и республик. Куда он сейчас сгинул? — Кто знает, наверное, где-нибудь в Испании или во Флориде близ своего свечного заводика мирно поживает...

Откуда знаю про этот совет? — А родственник моей жены из Симферополя там в середине восьмидесятых годов кандидатскую защищал. Теперь заведует социологической лабораторией в Крымском университете.

Ну-у, думаю, что Бурбулиса вы помните по его делам; так и совет он исподволь создавал под себя, под свой характер: отрицание позитива, поиск смысла в негативе, так сказать. Раньше в совете защищались диссерта-

ции, замаскировано, конечно, отвергающие социалистические ценности и идеалы. Сейчас — по проторенной дорожке, уже без папы Бурбулиса — отрицают ценности всей человеческой цивилизации... кроме доллара, понятно.

— Мда-а, интересно. Ты мне, Сергеич, адресок через жениного родственника спиши. И Эдьку попрошу по инету уточнить тематику нынешних защит в этом совете. Спасибо. Но все же диковато звучит: защищать диссертации по негативу?

— Это с непривычки, дорогой Григорий Иванович,— рассмеялся Язвишин, разливая по второй,— я вот знаю такой исторический казус на эту тему, но еще времен эпохи Просвещения*. Прежде поясню: что понималось под диссертацией в университетах Европы вплоть до девятнадцатого века. Может и сами знаете, но — повторение, как известно, мать учения. Так вот, диссертацией тогда именовалась любая научная работа, то есть трактат на избранную тему. Но чтобы университет напечатал этот трактат, его нужно было защитить на ученом совете, который и давал добро, либо отвергал очередное притязание на объяснение всего и всея в природе. Это и называлось «защитить диссертацию».

Если ученый совет полагал диссертацию очень полезной для науки, то попутно с разрешением на печатание трактата присваивал юному, или не очень, дарованию степень доктора философии, права или теологии.— По числу строго трех факультетов в тогдашних университетах. Кстати, в англоязычных странах по традиции эти три степени и остались: теология и право сами по себе, узкоспециальны, а вот в философию запихали все остальные науки. Так что «доктор философии в области электротехники» — это не юмор, а название ученой степени на визитной карточке какого-нибудь профессора Гарри из университета штата Миннесота.

---

* То есть XVIII века в Западной Европе, преимущественно во Франции, Англии, Испании и Германии.— Прим. авт.

...Вот у нас сейчас — в прямую противоположность с увядающей наукой — пошла мода защищать вторую, а то и третью докторскую диссертацию. Это же и в Средние века имело место быть: тот же католический авторитет Фома Аквинский, или, как его именовали, тройной доктор.

Но — к делу о позитивах и негативах из эпохи Просвещения. Известный вам по школьному курсу истории и обществоведения Жан-Жак Руссо любил сочинять диссертации и публиковать объемистые трактаты по лучшему устройству нашего, не лучшего из миров. Так он написал свой знаменитый «Общественный договор».

Шел он раз в задумчивости по коридору то ли Сорбонны, а может и Монпелье и лоб в лоб столкнулся с деканом философского факультета. «О чем задумался, брат Жан и одновременно Жак?» — «Да вот, достопочтенный ученый муж Клод и одновременно Карл Одувай, хочу сочинить диссертацию на тему о пользе влияния цивилизации на развитие общества. Одобряете?»

По всей видимости декан шел из мензы, то есть университетской столовки, где хорошо пообедал с литровкой выдержанного бургундского, поэтому рассмеялся: «Брат Жан и одновременно Жак! Ученому совету страшно наскучили все эти сонмы диссертаций о положительном влиянии цивилизации на что угодно — от государственного устроения до излечения геморроя. Накидают от скуки смертной тебе черных шаров, придется за свой счет издавать!»

А французы, господа-товарищи до́центы, как известно, после болгар самые жадные в Европе люди. Вот и спрашивает любитель печатать трактаты Руссо: «А как быть?» — «А вот так: сочини-ка, брат Жан и одновременно Жак, диссертацию о вредном влиянии цивилизации на развитие человеческого общества!»

Руссо так и сделал. Защита прошла на «ура». Даже девяностолетние бессмертные академики не сомкнули глаз. И вынесли вердикт: напечатать трактат тиражом

бестселлера. Кстати, после этого случая Жан-Жак Руссо только и сочинял диссертации и писал романы о вреде цивилизации... Чем и заслужил всемирную славу по нынешние времена. К сожалению для Жан-Жака, эта слава, похоже, по крайней мере в России, уже закончилась: в школах и универах о нем больше не вспоминают, а его романов даже в инете днем с огнем не сыщешь.

◆ Посмеялись компаньоны, ввели в организмы по тридцать капель и закусили. Только Полковник засмуровел, задумавшись о хлопотах с докторской диссертацией. Душевно чуткий Николай Андреянович решил отвести разговор от диссертационной докуки, продолжив «руссоистскую» тему о пользе негатива.

— А что, коллеги, Жан-Жак во многом был прав. Во-первых, пошел против устоявшегося предрассудка; во-вторых, наглядно показал, что не все белое — бело, а черное — черно. Вот говорят: добро всегда хорошо, зло — плохо и так далее. На самом же деле надо глубже копать. И тогда многое черное покажется белым.

— Хм-м, мудрено, Андреяныч, речешь,— встрял Яцышен,— давай конкретику, лучше — из повседневности.

— Ну-у, для примера возьмем такой, казалось бы, человеческий порок как подхалимаж. И носителей этого порока — подхалимов. Сейчас их особенно не афишируют, но слово-то остается бранным почти. В советское же время — это клеймо было, даже плакаты на эту тему рисовали и повсеградно развешивали!

Давайте подойдем непредвзято: чем лично каждому из вас вреден подхалим? Денег в долг без отдачи он не просит; кляуз и доносов на вас не пишет. Опять же в беде не злорадствует, даже охотно поможет. Правда, не первому встречному. Вот если мы сейчас пошлем, как в телеящике говорят в рекламе, самого умного за ящиком коньяка или водки и будем пить ее до полуночи, при этом перебирая все пакости, на которые способен человек, то придем к внешне парадоксальному выводу: от

подхалима стопроцентно можно не ожидать ни одной из них! Сплошной позитив да и только.

— Но это,— опять вмешался обычно не очень разговорчивый Василий Викторович, привыкший к молчаливому общению с компьютером,— так сказать, доказательство от противного. Это все равно, что хвалить человека за то, что он не стал вором по причине хорошего воспитания, или руки не из того места растут. Либо же мысленно осенять святым нимбом чиновника, не берущего взятки по причине отчаянной трусости. Или хвалить нашего брата препода, не берущего взятки потому, что его предмет малозначительный и завершается в конце семестра не экзаменом, а формальным зачетом для всего курсового потока в сотню с лишком голов? Ты, Андреяныч, раз начал тему, так и говори о прямой пользе подхалимажа и подхалимов!

— А я к тому и веду. Вот мы с тобой, Василий Викторович, работая в «Меткости», как-то не задумывались об этой стороне человеческой науки. Наверное, по той простой причине, что в нашем оборонпроме, да и вообще в серьезной промышленности, подхалимаж особо не приветствуется. И Григорий Иванович с ним познакомился только в университете, поскольку в армейской среде подхалимаж замаскирован должностной субординацией. Ну, а дорогой наш Геннадий Сергеевич в силу своей патриотической направленности мало обращает внимания на низменные человеческие пороки.

Тем не менее аргументировано, хотя и после третьей стопки, утверждаю: подхалим в коллективе — обязательное звено, без которого вся цепь человеческих, межличностных отношений если и не рвется, то перекособочивается, заплетаясь в неправильной формы восьмерку.

Подхалимы суть тот тонкий аромат французских духов, которыми изящная женщина завершает свой туалет, собираясь на балет или в престижный ресторан. Именно без этих двух-трех крохотных капель «Шанели» или

«Кристиана Диора» ничего не стоят ее эксклюзивное платье от того же Диора с Версачи, туфли из новейшей коллекции «Ломбардини», бриллиантовое колье — от любовника-олигархера и прическа в лучшем салоне города.

Бинокли из ложи губернаторши, конечно, оценят все по-отдельности, даже имя олигархера назовут, но вполне равнодушно отведут от бедняжки свои окуляры. Тож и разгулявшиеся первогильдийные купцы в ресторане, том же «Папе Бендере», все больше будут смотреть, загораясь, на пошлых стриптизерш. И все потому, что прелестница второпях забыла прыснуть на прическу и полуобнаженную грудь духами.

Но — вспомнила, опрометью в дамскую комнату, на ходу лихорадочно отыскивая в своем ридикюле заветный флакончик, перемешавшийся в беспорядке женской сумочки с дорогими презервативами, помадой от «Мебелин Нью-Йорк» и прочей сангигиеной. Вот вышла, успокоенная, вошла в концертный зал, продвигается в свой аристократический третий ряд, а все солидные мужики — с первого по седьмой ряд включительно — привстали и с вожделением смотрят на красавицу, вдыхая модный в этом сезоне волнительно-пряный запах ее духов. Разозленная губернаторша с досадой отложила бинокль и с неудовольствием посмотрела на ни в чем не повинного супруга, что беседовал со своим первым заместителем об общем подъеме культуры широких масс в период его губернаторства.

И купцы-миллионщики (в баксах, конечно) в «Папе Бендере» при возвращении благоухающей дамы в бриллиантовом колье отвели глаза от совершенно обнажившихся стриптизерш и начали заключать честное купецкое пари: кто увезет красавицу в свою загородную виллу, того они и поставят на следующие пять лет торговой головой города.*

---

* То есть по сегодняшней терминологии — председателем торгово-промышленной палаты (без отсутствующей промышленности...).— Прим. авт.

— Эк ты, брат, вдохновился,— заулыбался отошедший от тяжких диссертационных дум Хмуров,— давай ближе не к телу, а к делу!

— Это лишь преамбула, Григорий Иванович, то бишь увертюра к восхитительной опере под названием «Аура подхалимажа».

Да-да, подхалим и есть та капля-другая драгоценных духов, что создает начальнику любой руки — от завхоза заготконторы до... аж страшно вымолвить! А вот и конкретика, на которой вы, друзья мои безподхалимные, так настаиваете.

◆ — Возьмем руководителя преуспевающего научного института; понятно, речь идет о советском времени — сейчас нет таких институтов, исключая полумифическое Сколково да еще несколько навроде того, где уважаемому Григорию Ивановичу полное собрание ученых сочинений Стелла Аркадьевна печатает. Но исключения ведь подтверждают правила?

Так вот, задумался наш руководитель в тиши и одиночестве своего кабинета с поясным портретом Леонида Ильича на стене. А думы к невеселому все клонятся. В молодости и в зрелые свои годы являлся истинным подвижником своей ответственной, оборонной науки. Уже будучи начальником тематического отдела, не брезговал сам за кульман вставать. Домой приходил только к полуночи, хотя сталинский распорядок трудового дня руководителей давно ушел в славное прошлое. И свой первый трудовой орден, и свою первую госпремию получил за свои идеи и разработки своего отдела. Еще усмехался, когда в список гослауреатов кроме себя и двух ближайших помощников вписывал «обязательных персон»: главного инженера, директора, куратора с площади Маяковского* и еще одного товарища со Ста-

* То есть из здания, рядом с рестораном «Пекин», где в советское время располагалось Министерство оборонной промышленности.— Прим. авт.

рой площади. Не первого, конечно, ранга. В год до полусотни лично написанных статей в закрытой и открытой печати публиковал. Даже нехилую теорему доказал, что вошла в вузовские учебники по спецдисциплинам.

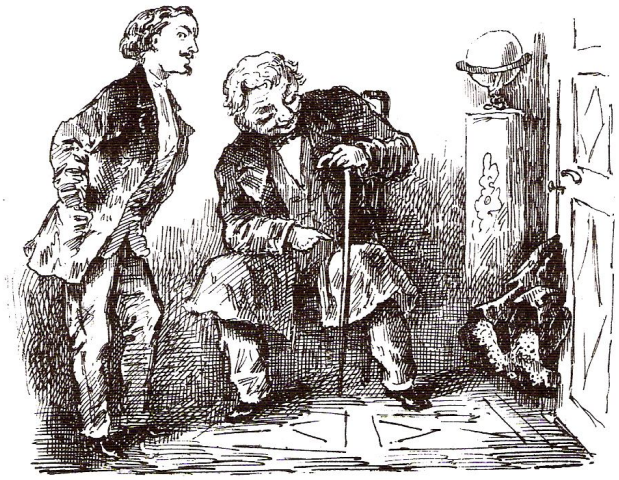
...И вот уже два десятка лет он является директором ведущего в главке, то есть в оборонной отрасли, института. Всего-то ему шестьдесят лет, а он сам из сибиряков — детский возраст! Голова как супер-*ЭВМ* работает, физически крепок как дуб. Незамужние женщины института в горячечных снах именно его, а не его должность, степени и звания, академическое член-корреспондентство, видят.

Но вот незадача: текучка так все его время занимает — институт-то огромный,— что давно он ничего не пишет, только деловые бумаги подписывает подаренным сотрудниками к 50-летию паркером. И книг научных свежих не читает, не говоря уже об ученой периодике. Своих тематических направлений не ведет — на это дело умные головы поставлены. Ордена трудовые регулярно дают с общей формулировкой: за успешное и умелое руководство... И уже его вписывают «обязательной персоной» в высокие премии.

Совсем грустно стало руководителю института. Хотел уже было достать из сейфа початую... но здесь зуммер от секретарши просигналил: «К вам, Егор Захарович, по неотложному делу Подмыхайлов. Примете?»

Поморщился директор: очень уж прилипчив этот Подмыхайлов, начальник незавидной лаборатории, хотя и безобидный, не рвач до денег и должностей. Пожалуй, приму на послеобеденном безлюдье в приемной.

Подмыхайлов, ловко-щупловатый, аккуратно подстриженный, в несносимом темном костюме при словно приклеенном к белоснежной рубашке галстуке, бесшумно, словно джин из бутылки, возник в тамбурной двери, изображая предельное волнение, пригнув голову, быстрыми шажками домчался до огромного стола заседаний, глубоко вдохнув воздуха, а дальше сделал не-

Молодой доктор новомодных политических наук Перебежкин, естественно, с кафедры политологии — бывшая история КПСС — разговаривает со своим отцом, пенсионером по профессорской части, кстати, некогда и заведовавшего кафедрой истории КПСС:

— А что, папаня, небось скучно было тупоголовым студентам рассказывать про съезды нашей... то есть вашей партии?

— Отчего же, сынок, вовсе не скучно. И студенты тогда очень даже способными в массе своей были, и предмет свой я не формально преподавал. Многое им говорил, чего в учебниках не печатали. В рамках дозволенного, конечно. А у тебя, сынок, как с этим, раз вопрос такой непраздный задаешь?

— Да так, посередке. Студент сейчас не то что глуп, но нагл, хитер и, вообще говоря, паскуден. Девки и те лучше, особенно которые в содержанки или проститутки, что, впрочем, одно и то же, собираются. Или, не дожидаясь

диплома, уже работают. Хотя бы откровенны и независтливы.

— А-а зачем этим, так сказать, девицам легкого поведения твоя политология?

— А как же, папаня, им без нее? Ну-у, допустим, почасовым проституткам она особо ни к чему: клиентам время, то есть деньги, дорого, а у жриц покупной любви рты всегда заняты. Но вот кому без политологии не обойтись, так это содержанкам. Какой бы могучий ни был ее содержатель, но и ему передых нужен: расслабиться, послушать женский треп. Поэтому и она, как японская гейша, должна в перерывах развлекать его. А о чем говорить бугаю-торгашу? Из книг он только свою чековую читает, музыка его «Мурка» и «Владимирский централ» покойного Миши Круга. Остается политология, самая торговая из всех наук.

мыслимый пируэт. За два с половиной метра до Самого Подмыхайлов, с каждой долей секунды все ниже и ниже сгибаясь, как лыжник заскользил по совсем не скользкому полу на одной ноге, подняв другую едва не до середины спины. При этом все длиннее и длиннее, казалось — на полметра больше естественного, становилась его правая рука, которая, почти ставшая автономной от хозяина, в итоге ловко ввернула под самые очи директора раскрытый на нужной странице отраслевой журнальчик.

— Вот, Егор Захарович, подготовленная *нами ваша статья* по итогам работы *нашего* института за время *вашего* руководства. Это к годовщине, так сказать почти круглой, Октября!

Указал директор подчиненному на стул. Тот осторожно присел на краешек, словно оставляя место еще двум-трем посетителям.

Читает Егор Захарович *свою* статью и оттаивает душой: все его трудовые и, главное, научные достижения перечислены этак ненавязчиво. Даже знаменитая теорема. А Подмыхайлов смотрит преданными, нарочито чуть глуповатыми глазами и радостно про себя отмечает: доволен *Сам*, а я уж тем рад, что по доброте душевной порадовал директора!

И Егор Захарович, читая статью, сочиненную Подмыхайловым с начальником *ОПИНТИ**, также пару раз мельком взглянул на визави. Понимает, что Подмыхайлов честный подхалим. Ничего ему лично для себя не нужно — только бы сделать приятное начальнику.

— Что это ты, Сергей Филиппович (и имя-отчество вспомнил), вместе с Лихтерманом меня так выпячиваете в статье: все *Я* да *Я*, а ведь главный герой, так сказать, дня у нас коллектив?

— Так, Егор Захарович, в заключении статьи так и

---

* Отдел патентных исследований и научно-технической информации.— Прим. авт.

сказано. А ведь в министерстве люди все занятые, они только заголовок и окончание читают — как раз про коллектив!

Рассмеялся совсем согретый душой директор, даже поблагодарил Подмыхайлова за... «так сказать, оперативность». И отпустил, благодушно махнув рукой.

Приятно стало; все же открыл сейф и с аппетитом выкушал рюмку коньяка. Даже шаловливая мыслишка на миг всплыла: а давно ли с Ниночкой-секретаршей не ездили в загородную гостиницу-турбазу института полюбоваться тамошними видами... Но оставил мысль-шалунью до вечера. И еще подумал: ведь Подмыхайлов три десятка лет у нас работает, в вытрезвитель ни разу не попадал. Надо бы его к какой-никакой медальке к годовщине Октября представить. Напевая мотивчик своей молодости, еще раз перечитал статью, вызвал зуммером Ниночку, распорядился «размножить журнальный материал» и с сопроводиловкой от *ОПИНТИ* разослать по отделениям и отделам института. Мимоходом поинтересовался ее планами на сегодняшний вечер. Жизнь стала прекрасной и удивительной!

◆ — Точно такая же картина и в университетах,— продолжил вдохновившийся Николай Андреянович.— Я хотя и новичок у вас, но к чему-то уже присмотрелся. Да и присматриваться особо не надо: нравы у нас везде одинаковы. Впрочем, в вузах ситуация посложнее. Как-никак, реноме преподавателя высшей школы, тем более профессора, доктора, предполагает работу в научной области. Но в новейшие времена, как сами прекрасно знаете, оклады, а точнее надбавки к ним, ранее не дотягивавшие у административных работников до профессорского, сейчас в разы, а то и на порядок превысили нищенскую зарплату доцентов и профессоров. И заведующих кафедрами тоже.

Опять же лучше меня знаете — сложилась ситуация, дикая для советских времен: если раньше учебными, методическими и тому подобными отделами заведо-

вали либо отставники по политчасти, то есть умеренно грамотные, или же канцелярского склада женщины, в молодости трудившиеся ассистентами, разумеется все безо всяких научных степеней и званий, то теперь на их местах сидят сплошь полные доктора и профессора. Кстати, спешно ставшие таковыми в девяностые годы, когда только ленивый не стал доктором-профессором. Аналогичная ситуация со всеми другими административными службами, вплоть до учебных мастерских, гаражного хозяйства и хозяйства водопроводно-коммунального. Как говорят-злословят малоопытные в практической жизни только что оперившиеся кандидаты наук: где раньше начальником являлся шоферюга-завгар или вечно неопохмеленный бригадир водопроводчиков, там сейчас руководят профессор Головейченко или доктор новомодных политических наук Шустерман, в девичестве Шустиков...

Но ведь даже тройная-четверная, по сравнению с рядовым профессором, что читает лекции студентам и выращивает аспирантов-докторантов, а то и более зарплата не в силах полностью отбить у тех же Головейченки и Шустермана-Шустикова ощущение некоторой неловкости, особенно у потомственного в четырех поколениях вузовского преподавателя Шустермана. То есть вроде как к научно-преподавательской деятельности готовились, даже что-то там сочиняли, готовя к защите свои диссертации, а теперь? Вот и врет Головейченко приезжающим погостить родственникам из родного районного центра, что профессорствует по автомобильной части.

А бывший Шустов, поздравляя по телефону с праздниками Пурим и Пейсах своих теток и племянников в Израиле, весело тоже врет, что ведет фундаментальные исследования по турбулентному течению жидкостей, намекая на «заказ одного могучего ведомства».

Наивных родственников легко облапошить, но как быть с университетскими знакомыми и незнакомыми коллегами? — Получается как-то неудобно, неуютно.

Вот здесь ситуацию исправляют подхалимы. Один подхалим на ученом совете или на общем собрании к юбилею университета, отдельного факультета напомнит собравшимся о большом вкладе профессора Головейченки (тогда еще советского старшего преподавателя без степени) в исследование зависимости износа цилиндров двигателей внутреннего возгорания от вариабельности октанового числа бензина.

Другой — местный родственник Шустермана — в своем выступлении назовет доктора политнаук «вторым Карауловым», тонким знатоком экономической политики Газпрома в части закупки за рубежом труб большого, магистрального диаметра.

А темпераментный доцент Почечуйкин*, давно лелеющий мечту о теплом местечке зама у Головейченки или Шустермана, так и подпрыгивает на своем месте в зале собрания и в нарушении регламента выкрикивает, что, дескать, почему это до сих пор Василий Матвеевич и Семен Иосифович не получили звания заслуженного деятеля науки?

— Вот видишь, Андреяныч,— вступился Полковник,— а ты все про бескорыстие подхалимов толкуешь?

— А я к тому и веду, Григорий Иваныч, что в рядах подхалимов тоже есть градация, разнокалиберность, говоря по-артиллерийски. Вне всякого сомнения, бескорыстный профессионал-подхалим наиболее массов. Иначе сам институт подхалимажа вымер бы. Как он вымер на современном прагматичном Западе.

Две другие группы подхалимов — это корыстный подхалим типа упомянутого Почечуйкина и женщина-подхалим. Первый тип потому относительно малочислен, что участь его незавидна. Ну кто из пользующихся услугами подхалима для поддержания душевного равновесия захочет его терять? А отблагодарить его должностью, зарплатой и так далее — это и значит потерять

* Почечуй — старорусское название геморроя.— Прим. авт.

бывшего подхалима. Как только корыстный подхалим получит искомое, так он и отходит от этого занятия.

Что говорить о женщинах? — Они по полу своему и от рождения все стопроцентно подхалимы. Точно также, как всякая женщина с ясельного возраста никому и ни в чем не верит. Женский подхалимаж если и корыстен, то по сущей мелочи. Но в то же время типичная женщина, как подхалим, бесконечно далека от классического подхалима-профессионала. Для женщин — это игра, театр, который скрашивает их серую жизнь на работе, службе. Ибо настоящая жизнь нормальной женщины только в семье, а для незамужних — в постели с любовником.

Ну, уважаемые коллеги, последнюю стопку предлагаю выпить за подхалимаж и подхалимов — истинное и безвредное украшение и утешение нашей трудовой жизни. Аминь!

Хорошо отметившие окончание трудовой недели ракетно-артиллерийские доценты вышли из «Хантов-мансей» на угол пересечения проспекта с самой интеллигентной улицей города, распрощались до понедельника и, как васнецовские богатыри, разошлись в три стороны: Хмуров с Язвишиным — вниз по проспекту, Николай Андреянович пошагал вверх, а Яцышен сел в троллейбус, идущий по интеллигентской улице.

...И мы с вами, уважаемый читатель, распростимся, по крайней мере в рамках этого романа, с гостеприимными «Хантами-мансями».

ЧУДАКИ В НАШЕМ ДОМЕ

◆ Коллектив без ауры — вовсе не коллектив. К такому выводу пришел Николай Андреянович уже дома, поужинав и все продолжая сам с собой, но на разные голоса, проигрывать тему подхалимажа, только что обсужденную в «Хантах-мансях».

Уютно расположившись на диванчике, полуприкрыв глаза, он грезил наяву, стараясь не прислушиваться к

словам ведущего теленовостей, что смотрела, впрочем больше по инерции, супруга.

Настоящий коллектив был возможен только в русской, советской среде, причем в сытые шестидесятые-восьмидесятые годы. Даже горбачевский полусухой закон пошел ему на пользу, добавив к общению в рабочее время многочасовые коллективные стояния в водочно-талонных очередях. А потом и распитие с таким трудом обретенной огненной воды на задворках, на берегах городских ручьев, чуть ли не на помойках — подальше от милиции-троеручницы.

Собственно же коллектив создавался и поддерживался, вопреки уверениям и горячечным речам парторгов-комсоргов о трудовой сплоченности и мудром партруководстве, исключительно наличием большого числа женщин, которые при социализме полагались поголовно работающими, и чудаков. К последним Николай Андреянович относит и профессиональных подхалимов.

В новейшие, объявленные демократическими, времена классический коллектив, в советском еще по духу и содержанию облике, сохранился только в воровской среде и в университетах. О первом Николай Андреянович судил по наитию, второе же наблюдал воочию. Да, из легальных сообществ только в вузах массово остались представлены только женщины и чудаки, то есть сохранились два наиболее важных источника ауры. *Aura collectivum* — как бы сказал латинист Язвишин.

С чудаками-подхалимами разобрались в «Хантах-мансях», но куда как интереснее и своеобычнее представители неугомонного племени увлекающихся чудаков! Ни секунды не сомневаясь, к таковым из ближайшего окружения Николай Андреянович отнес Полковника с его научной фантасмагорией о несветлом будущем человеческой цивилизации на Земле и Язвишина с увлеченностью патриотизмом, вовсе неуместным в толерантном демократическом сообществе торгово-чиновничьего типа.

Вообще говоря, сейчас, когда всякие военно-про-

мышленные — а иных в Тулуповске в советское время не наблюдалось — *НИИ, КБ, НПО* и их опытные и серийные заводы ликвидировались, ракетно-артиллерийское училище за ненадобностью армии тож прихлопнули, а в педуниверситете преобладает женский состав, единственным магнитом для всякого рода чудаков остался только их университет. То есть в нем наблюдались не только свои оригиналы навроде Хмурова и Язвишина, но каким-то боком соприкасались люди и вовсе сторонние.

Так Геннадий Сергеевич, потешаясь, рассказывал о некоем сумасшедшем, представляющемся врачом-биофизиком, который как-то целый месяц терроризировал медико-физкультурный факультет. Приходил он с утра, благо пожилые вахтеры с почтением пропускали очень прилично одетого мужчину лет сорока, видного собой — в меру полноватого, с относительно молодой академической лысиной, с дорогой крокодиловой папкой подмышкой. Тот же весело здоровался, желал доброго утра, даже делал движение достать из нагрудного кармашка пропуск, но подобревшие вахтерши махали разрешительно руками: видим, мол, что не прощелыга какой, не торговый рекламщик, а приличный человек, наверное, профессор из Москвы прибыл местных преподов на ум наставлять!

По иронии судьбы в первое свое явление он напал в пустом еще коридоре на Язвишина, привыкшего с военной своей службы приходить на работу спозаранку. И он даже слегка оробел при виде столь представительной фигуры. Узнал, что Язвишин биофизик, всплеснул пухловатыми ладошками: «Вот истинно рыбак рыбака! А я — врач-биофизик, выпускник Второго московского меда! Будем знакомы, уважаемый профессор».

Геннадий Сергеевич несколько расслабился при слове «профессор», а гость начал скороговоркой убеждать его принять участие в неформальном комитете, цель и задачи которого — спасение человечества от чего-то

нравственно-негативного. Затем вручил ошарашенному лжепрофессору лист бумаги, отпечатанный с обеих сторон, притянул к себе пухлыми своими ручками голову визави и трогательно поцеловал в рот. Сделал той же рукой прощальное «адью» и заспешил дальше по совершенно пустому коридору.

В своей комнатушке-кабинетике изумленный Язвишин дважды прочитал текст: сверху вниз и снизу вверх. Смысла так и не понял, но листовка заканчивалась грозным предупреждением кому-то, или кем-то из власть в мире имущим: «...Комитет напрямую уже обращался в *ЮНЕСКО*, *ООН*, *ЮНИСЕФ*, а также в Конгресс США, Госдуму России, лично к Председателю Китайской Народной Республики, в Интерпол и в Канадскую Конную полицию*».

При следующей встрече комитетчик попросил коллегу-биофизика подписаться под воззванием к Генсеку *ООН*. На грубый ответ он не обиделся и попробовал вновь облобызать доцента-патриота, но был отбит длaнью Язвишина.

К концу месяца хождений на комитетчика начали жаловаться в деканат. Но здесь он налетел — Язвишин случайно оказался свидетелем — на завотделением областной психбольницы, подрабатывавшего чтением лекций на факультете.

«Петров! Опять за свое взялся? Смотри, снова к нам попадешь...» Больше врач-биофизик в корпусе не появлялся.

◆ Конечно, клинические чудаки вносят свою лепту в создание университетской ауры, отвлекая хоть на короткое время зачумленных преподавателей от общения с тупоголовыми студентами и представителями службы менеджментера количества. Но, как сугубо научно — со ссылками и цитатами из классиков — доказал доцент-

* Сохранившееся со времен Джека Лондона официальное название внешней разведки Канады.— Прим. авт.

Болонский сон № 631. Все же итальянцы есть итальянцы. И хотя перегнул палку Стендаль, назвав всех их певцами и предателями. Но вот волынщики они преподрядочные; отсюда и термин: итальянская забастовка. Вот она-то и подвела армию Хмурова. Только, допив остатки реквизированного фалернского и закусив его спагетти (своя водка, гречка и тушенка закончились), собрались воины-освободители погрузиться в эшелон и двинуться на восток, как железнодорожники Северной Италии забастовали: чего-то ранее обещанного им не дал премьер Берлускони. Надолго забастовали, ибо что-то много им задолжали. Как быть? И так застряли, осенний семестр на исходе, скоро и сессия в Тулуповском универси-

тете. Сгоряча Эдька-аспирант с задором цветущей молодости предложил вновь разобрать ружья, уже почищенные, смазанные тавотом и уложенные в оружейные ящики, и, как белочехи в восемнадцатом году в Сибири, занять все промежуточные станции на территории Италии и с боем пробиваться к границе... «Будя, навоевались,— урезонил его Хмуров,— придется повторить суворовский переход через Альпы... только в обратном направлении.

И вот Добровольческая армия, волоча пушки и провиант, с сожалением оставив мешающих здесь коней, двинулась через заснеженные горные перевалы. Но добровольцы оказались не хилее суворовских чудо-богатырей... Словом, Новый год армейцы Хмурова встречали дома.

патриот Язвишин, шестьдесят семь процентов женщин и сорок два процента мужчин, даже из числа непьющих, сразу чувствуют сумасшедшинку в комитетчиках петровых, а нормальному организму свойственен инстинктивный страх в таких ситуациях. Собственно же аура возникает опосля, в женских пересудах.

Но вот истинное украшение вузовского бытия — нормальные, даже образованные, интеллигентные чудаки. С одним из таких судьба свела Николая Андреяновича еще задолго до его перехода в университет, даже на исходе советской власти.

Как-то в июньский выходной день решил Николай Андреянович прогуляться и покупаться за городом. Сел на автобус и скоро показался на речке, в зоне отдыха южного района Тулуповска. Искупнулся, прилег на травку, прикрыл глаза, всем телом впитывая июньскую негу солнца и теплой речной воды на необсохшей еще коже.

Забыл о своих ракетах, расслабился, даже задремал. Но скоро проснулся, потревоженный голосами всполошившихся соседей по пляжу: «Смотри, Трофимовна, смотри! Цыгане что ли свадьбу празднуют?» Открыл глаза и увидел: поверх зеленой полосы пляжа шла колонна человек в пятьдесят, преимущественно молодого и среднего возраста женского пола. А мужики как-то неуверенно шли обок и в конце колонны, над которой высились несколько транспарантов зеленой материи с белыми лозунгами. Впереди четко вышагивал невысокий мужичок с зеленой же хоругвью. Коротко остриженный, почти что с выбитой круглой головкой.

По команде вожатого ходоки остановились, сложив в одну кучку транспаранты и хоругви, колонна потеряла свои очертания. Видать, старшой дал распоряжение на отдых-перекур. Так получилось, что начальник колонны присел на травку в метре от Николая Андреяновича, добрыми, располагающими к необязательной беседе глазами глядя на него.

Легко и доброжелательно познакомились. Оказались тезками по именам. Осведомился о чине-звании; сам представился: «А меня все зовут Колей-хоругвеносцем, ха-ха-ха! Работаю в техническом институте, который, судя по всему, и вы окончили. Ассистент на кафедре философии. Еще со студенческих лет увлекся учением Махатмы Ганди о ненасилии и спасении человечества близостью с природой. Сейчас, при Горбачеве, разрешили различные природоохранные движения, вот мы и организовались со своими сторонниками: есть вузовские преподаватели, студенты, рабочие, барышни разного возраста. Вот устраивали летом многодневные пешие походы, призывали народ бережно относиться к природе. Может, и вы к нам, а?»

Николай Андреянович отшутился необидно, но в последующие лет двадцать без малого уже узнавал Колю-хоругвеносца в газетах, на местном телевидении, на митингах демократических девяностых годов.

...Перейдя на работу в университет, Николай Андреянович сразу же столкнулся с Колей-хоругвеносцем в главном корпусе — ходил в отдел кадров расписываться в какой-то бумаге. Коля ни капельки не изменился.

— Ну-у, Николай, а я твои фото часто в газетах встречаю, на экране вижу. А как с основной работой? Небось, уже в профессора вышел?

— Да нет, общественная работа полностью увлекла. Внедряю, так сказать, идеи Ганди о непротивлении злу насилием в массы. И ректор поддерживает. Генрих Семенович даже навстречу пошел: еще в начале девяностых перевел меня в профком кем-то вроде инструктора по организации быта преподавателей и студентов. Но это для формы, а так основное занятие — движение, походы, агитация.

— Но ведь все это средств требует?

— Так я приставучий; в обладминистрации, чтобы от меня отделаться, чего-нибудь да дадут.

...Теперь, раз-два в месяц встречаясь с Колей-

хоругвеносцем, Николай Андреянович по полчаса — тот никуда и никогда не торопился — отводил душу в беседах о Великом Махатме и непротивлении злу.

Как-то сторонник учения Махатмы признался, что работу профессионального общественника избрал и потому, что живет он в поселке при бывшей шахте, полчаса езды от города. Никакой природы там нет — одни терриконы и болота. Как стемнеет — из дома выходить опасно: безработная шпана. Остается только сидеть в квартире и в телевизор смотреть? — Потому и нашел отдушину в общении с людьми, в общественной работе. «А деньги на все это — как говорится, курочка по зернышку...»

◆ Другого чудака, по предмету увлечения чем-то близкого к Хмурову, Николай Андреянович знал лучше, благо учился с Володей Беловым в Тулуповском техническом институте на одном курсе по смежным специальностям.

...Самое интересное, что Коля-хоругвеносец, Володя Белов, еще несколько отдаленно знаемых Николаем Андреяновичем чудаков и калик перехожих — все они проживали не в Тулуповске, а в поселках и городках в получасе с небольшим езды автобусом. Возможно их манил к себе относительно большой город, где они могли хотя бы растрачивать понапрасну свою неуемную энергию, раз не желали ее расходовать на скучный регулярный труд инженера, преподавателя, обычного работяги. Но — это всего лишь аналитические догадки Николая Андреяновича.

Володя Белов, по общегородскому же прозвищу Астродвигатель, после окончания института проработал обязательные тогда три года в своем городке технологом в местном цехе-филиале Тулуповского оборонного завода. Цех являлся заготовительным, непрестижным, но Володю-Астродвигателя это нимало не беспокоило: он просто отрабатывал положенный минимум. Кстати, еще в студенческие годы он отличался молчаливостью и

некой внеземной задумчивостью. Еще он выделялся — и весьма заметно — тем, что не курил и совершенно не потреблял спиртного, даже пива. Хотя был здоров физически и душевно.

И вообще он надолго исчез из поля зрения однокашников, но это понятно: все они, в основном, встречались в пивных и забегаловках, в советское время — в ресторанах и кафе, а для Володи эти места табуированы. Раз-другой доходили до Николая Андреяновича неуверенные слухи, что-де Белов, проживая в своем пригороде, ездит на работу в Тулуповск, трудится кем-то навроде конструктора, причем рядового, в окраинном проектном институте невоенного профиля, где однокашники брезговали служить. В самом начале горбачевщины дошел слух, что Володя запоздало женился на своей землячке, имеет двух мальчонок-погодков.

Но не успел еще Горби-демократизатор сыграть спектакль с форосским сидением — во всяком случае еще до лихих танковых атак кантемировцев на Верховный Совет на Краснопресненской Белова стали часто встречать в самых разных местах Тулуповска, преимущественно выходящим со строгим выражением лица и с плотно набитой бумагами папкой из кожзаменителя подмышкой из различных административных учреждений, новоявленных офисов частных предпринимателей.

Встретил его как-то раз и Николай Андреянович. Кратко поговорили, поскольку Володя куда-то торопился, пояснил: «У меня, извиняй, Андреяныч, на полвторого назначена встреча в *НПФ** «Индустрия Плюс». Там люди деловые, опозданий не приветствуют!»

На ходу, благо им с Николаем Андреяновичем оказалось по пути, кое-что рассказал о себе: «Как только ярмо коммунизма спало, уволился из своего института, благо тот сразу приватизировали и все здание заняли

---

* Научно-производственная фирма; так в начале девяностых именовали себя мелкооптовые торговцы.— Прим. авт.

ларьками и офисами. Зарегистрировал свою организацию. *НК НИП «Per aspera ad astram»*. Я — директор и генеральный конструктор, супруга — финансовый и технический директор-распорядитель. Члены правления и рядовые сотрудники пока формальные, родственники мои и жены, но сейчас набираю коллектив. Кстати, я и тебя имею в виду, Андреяныч. Вот тебе моя визитка; ты позванивай, как только пойдут первые финансовые потоки, а я сейчас проворачиваю проект по астродвигателям на сорок миллионов долларов на три года, так тебя и других наших ребят головастых к себе возьму».

Николай Андреянович инстинктивно сделал шаг в сторону, но, вспомнив давний разговор с соседом-психиатром, решил подтвердить или рассеять свои сомнения:

— Слушай, Володь, это все интересно, но хотелось бы подробнее узнать. Может как-нибудь встретимся, за рюмкой-другой коньяка побеседуем, а?

— А чего ж, можно и за коньячком. Ты позванивай; как только у меня «окно» случится между делами, так сразу.

— Нн-о-о, ты вроде как не потреблял?

— Сейчас иногда приходится: на приемах всяких, на бизнес-встречах в офисах. А то доверия не будет.

«Слава богу,— подумал тогда Николай Андреянович,— здесь все в норме». Распрощавшись с Беловым, Николай Андреянович размышлял в том смысле, что сейчас ничему удивляться нельзя. Вот ведь и миллионеры в стране едва не из круглых сирот растут как грибы! Правда, по-прежнему смущала цифра в сорок миллионов «зеленых». Только вчера он уловил из теленовостей, что столько стоит современная мощная нефтяная платформа, что качает нефть со дна Северного или Норвежского моря.

Для интереса он как-то через пару месяцев позвонил в городской офис Некоммерческого партнерства, как было указано на визитке Белова, но услышал ха-

рактерную мелодию отключения за неуплату. Посмеялся сам над собой и забыл. Но сразу после обстрела здания на Краснопресненской, холодным октябрьским днем проезжая на трамвае мост через городскую реку — ехал в Косолучье в родительский дом к брату, заметил одиноко стоящего у ограды моста Володю Белова. Испугался: аль нехорошее от отчаяния что тот задумал? На замостовой остановке вышел и почти что бегом помчался назад.

Увидев однокашника, Белов ничуть не удивился и, как будто сегодня утром с ним простился, начал обстоятельно пояснять:

— Выбираю место под здание *моего* будущего *НИИ* астродвигателей. Нина Семеновна — помнишь, я говорил о ней в пошлую нашу встречу — проект одобрила. Хотя и не сорок миллионов, но первую половину под НИИ обещают начать перечислять через *Bank of New York* уже в первом квартале следующего года.

— Но тут же место низменное, заливное — река излучину делает. Поэтому здесь ничего и не строят. Только городская свалка зимой под вывозимый снег, а летом — лодочная станция.

— Ерунда. Я советовался со знакомым проектировщиком из «Гражданстроя». Если вырыть котлован глубиной десять метров, забутовать его, а по периметрам забить на пятнадцать метров же сваи вперемежку с дренажными многошунтовыми флюбатами, то хотя и не двадцать, как планировалось, но четырнадцать этажей градостроительная служба утвердит без всяких возражений. Ты давай, позванивай. Я под тебя лично отдел запланировал.

— Слушай, Володь, а сейчас чем конкретно занимаешься?

— Сам понимаешь, пока транши от Нины Семеновны не пошли еще, ребят поднимать надо, то время свое распоповинил: три дня отвожу на всякие согласования частных проектов, кой-какие небольшие гранты-

дотации от госорганизаций получаю, а остальные четыре дня недели в пригороде на тарной фабрике тетрапаки под молочные продукты формую. Как раз то, что мне надо: работа автоматическая, руки сами все делают, а голова работает, все тонкости обустройства будущего НИИ продумывает. Да, еще планирую со следующего года, пока коробку будут возводить, начну издавать научный журнал «Актуальные астротехнологии».— Чтобы было где свои труды печатать. Тебя планирую пригласить зав. отделом ракетных двигателей. Сколько ты сейчас в «Меткости» своей получаешь? — Нд-а-а, не густо. У меня для начала будешь иметь ту же сумму, но с дополнительным нулем справа.

...Больше Николаю Андреяновичу судьба не дала встреч с однокашником, но, по слухам, Вова-астродвигатель все так же успешно обивает пороги административных и вузовских зданий города, выучил детей на юристов. Всегда полон прожектов и оптимизма. Говорят, очень жалеет, что у него нет допуска в «пентагон» — хотел бы встретиться с бывшими своими преподавателями, пригласить их завотделами в *свой* будущий *НИИ*.

◆ Получается так, что современные чудаки, калики перехожие, успешно совмещают свои фантасмагорические идефикс с каким-никаким пропитанием, выспрашиваемым по мелочи в различных общественных и государственных — в ранге районных и городских — инстанций. Частные меценаты, во-первых, в современной России полностью отсутствуют; во-вторых, если бы и были, то ничего бы не дали. Как люди прагматичные, в вечные двигатели и непротивление злу насилием не верящие.

Конечно, и в советское время вузы не были обижены племенем чудаков. Но тогда они сидели на твердом, приличном окладе, да еще всякие надбавки, хоздоговорные, премиальные — но все законно! А чудачествами развлекались для души. Не всегда безобидными — для других — чудачествами.

Николаю Андреяновичу вспомнился один такой

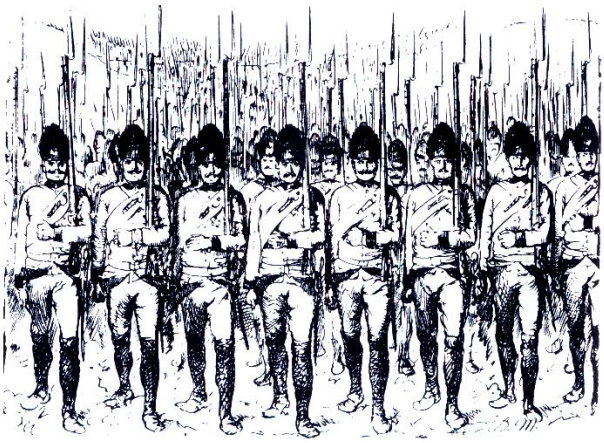
эпизод. В год окончания им Тулуповского технического института по факультету «пентагона», тогда державшего шишку не только в рамках института, но, наряду с московской Бауманкой и ленинградским Военмехом, и всего огромного СССР, в этом же институте разразился скандал, не виданный в нем со времен основания в год первой сталинской пятилетки. А именно: еще не успели выпускники злосчастного факультета, деканом и заведующим ведущей кафедрой которого в то время был тот самый Рождественский, который в новейшие времена, утонув в Оке, чудесным образом оказался на ПМЖ в Израиле, получить в отделе кадров заветные дипломы, как на досках объявлений университета запестрели выписки из приказа по МВССО РСФСР*.— В отличие от нынешнего времени «полной гласности» тогда все приказы, включая и касающиеся реальных зарплат сотрудников, вывешивались на видных местах...

Приказ гласил, что факультет, возглавляемый деканом Рождественским, работает малоэффективно, готовит специалистов на уровне начала пятидесятых годов, а квалификация большинства преподавателей крайне низки. И постановляющая рубрика приказа: факультет расформировать, а его кафедры передать другим, смежным по специальностям факультетам, усилив их профессорско-преподавательский состав сторонними квалифицированными специалистами.

Эффект почище грома среди ясного неба (тогда при ясном же небе кавказские воздушные партизаны не взрывали). Ведь специальности факультета в городе, области, соседних областях котировались не хуже «пентагоновских». Выпускников на ура разбирали военные предприятия Тулуповска, а в министерстве стопками лежали заявки со всей страны. И преподавательский состав не хуже, чем на других факультетах. Правда,

---

* Министерство высшего и среднего специального образования. Аббревиатуру РСФСР вроде пока еще помнят... — Прим. авт.

Болонский сон № 665. Полумиллионное население города Тулуповска с восторгом неописуемым встретило покорителей Болоньи. Полковник Хмуров отдал последний приказ по армии: «Провести парад. Командовать парадом буду я!» Поначалу намеревались сделать это на центральной площади имени Фридриха Энгельса, но вышел конфуз: за время Итальянского похода гласный областной думы, первогильдийский купец Аршак Габриэлович выкупил у городских властей половину этой площади и возвел сорокаэтажный гипермегамаркет, назвав его своим именем. Пришлось перенести парад на главный городской проспект.

Лихо, при оружии и в выцветших на итальянском солнце мундирах маршировали бойцы: старая гвардия, личный лейб-штандарт Полковника, рядовые бойцы-студенты, впрочем, все поголовно произведенные накануне парада в ефрейторы и унтер-офицеры. От счастья плакали теснящиеся на тротуаре ста-

рушки, почему-то решившие, что «это наши пришли». Махали красными гвоздиками немногие сохранившиеся в городе инженеры и заводские рабочие. Многотысячные толпы торговых предпринимателей и офисных девиц бросали в колонну бойцов мелкие кредитки (в рублевой валюте). Мэрша города Лолита Тяпкина произнесла зажигательную речь о роли мелкого бизнеса в развитии образования и науки. Не остался в стороне и ректорат университета: всем студентам-добровольцам, даже двоечникам, выплатили стипендию за весь осенний семестр, а профессорам и доцентам, участникам похода, за сентябрь-декабрь начислили персональную надбавку в размере двух- и полутора тысяч (рублей), соответственно.

профессоров на факультете не имелось. Но ведь их тогда, считая и «холодных», всего-то была дюжина на полторы тысячи сотрудников и десять тысяч студентов. Да и почти вся дюжина обиталась в «пентагоне».

...И никаких объяснений и догадок. Впрочем, кто будет посвящать в тайны мадридского двора только получившего диплом Николая (тогда еще не Андреяновича) и тоже выпускника малосчастливого факультета того же года Василия Яцышена?

Поработав с десяток лет в *ЦКБ* агрегатостроения, Николай, уже почти Андреянович, перешел в «Меткость», где и встретился с Яцышеным, с которым был знаком в студенческие годы. Он-то и раскрыл Николаю Андреяновичу тайну закрытия факультета. Узнал же он ее, во-первых, чисто случайно; во-вторых, узнал от первоисточника.

◆ Василий Викторович Яцышен, собираясь покинуть «Меткость» и стать преподавателем в родном институте, исподволь готовил к защите диссертацию. Поэтому постоянно «набивался» своему начальнику отдела в части командировок на различные конференции-семинары: пообкататься в ученом мире, себя показать, на других поглядеть. Начальник был даже доволен: самому ездить некогда по занятости работой, другие тяжелы на подъем, а «сверху», включая и самого Гусакова, требовали набираться ума-разума на различных научных сборищах. Отпускал начотдела Василия с легкой душой: знал, что пьет в меру. И на подвиги его, выпившего эту саму меру, не тянет.

Как-то раз во время такой поездки в Минск на конференцию по вычислительной технике оказался Яцышен в одном гостиничном номере с тож конферентом из столицы, доцентом и «холодным» профессором из Московского авиационного института имени Серго Орджоникидзе - дважды орденоносного вуза.

Вечером первого дня конференции они по-соседски выпили, познакомились. Узнав, что младший коллега из

Тулуповска, Сергей Андреевич оживился, поинтересовался: на каком факультете Василий учился и в каком году окончил? Узнав же, хлопнул ладонями по коленям, расхохотался:

— Так это мы с доцентом Ильей Игоревичем Светловым из Рязани ваш факультет прихлопнули!

И далее под недурную водку минского розлива поведал поучительную историю.

Обычно их со Светловым, обычных доцентов, пару раз в год командировали от минвуза для плановых инспекций в провинциальные технические институты — на факультеты по их с Ильей Игоревичем специальностям. Так и в Тулуповск их послали для обычной проформы: факультет на хорошем счету в министерстве, скандалов и претензий не было. Так, словом, отметиться и дать обычное положительное заключение.

В Тулуповске их ждал заказанный номер на двоих в гостинице рядом с корпусом института, где располагался инспектируемый факультет. В день приезда Сергей Андреевич с рязанским компаньоном начерно ознакомились с кафедрами факультета, кратко побеседовали с Рождественским. Меж собой порешили: смотреть тут больше нечего, все в порядке. Сегодняшним вечером, по принятой традиции, примут угощение от факультетского начальства, завтра с утра слегка опохмелятся, проведут небольшую экскурсию по старинному городу и вечерней электричкой или поездом — так быстрее — вернутся в Москву, где и напишут положительный отчет о командировке. Далее Светлов укатит в Рязань, а Сергей Андреевич отнесет отчет в министерство с устными пояснениями.

Вернувшись в деканат, они выжидательно посмотрели на Рождественского, предварительно сделав дежурный комплимент кафедрам и факультету в целом. «Ну и замечательно,— ответил декан,— сейчас вам подадут микроавтобус для экскурсии по городу, а я с вами прощаюсь до завтрашнего утра. До свидания, товарищи!»

...После короткой экскурсии озадаченные доценты взяли в номер бутылку фирменной «тулуповской». Неужели декан все перенес на завтра и хочет настоящий банкет им выставить?

Но на следующий день, опять же кратко побеседовав с инспекторами с утра, Рождественский попрощался и пожелал доброго пути до Москвы. Обиженные в самых добрых чувствах доценты тотчас посуровели, отложили отъезд и потребовали выделить им комнату для работы на пару дней и предоставить всю общую и частную документацию по факультету и кафедрам за последние пять лет.

Два дня они работали в поте лица, выискивая в ворохах бумаг любые намеки на непорядки. По вечерам молча пили «тулуповскую» в номере.— За свой счет пили. Убыли в столицу, не попрощавшись со странными хозяевами. Через две недели — рекордно короткий срок — в Тулуповск пришел министерский приказ.

Кто из них был бóльший чудак — инспектирующие или факультетское начальство? — Здесь как и с какой стороны посмотреть...

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ...

◆ Еще в самом начале своей преподавательской деятельности, встретившись с ранее знаемыми Василием Викторовичем Яцышеным и Геннадием Сергеевичем Язвишиным, а через них познакомившись дружески с полковником Хмуровым, Николай Андреянович, слушая их неодобрительные высказывания в адрес нынешних сотрудников университета (дескать, раньше и вода мокрее была...), задумывался. А задумки-мысли склонялись к тому, что главенствующий в технике принцип обратной связи еще более эффективен в социальной сфере.

Вот говорят: преподаватели вузов ввиду низкой зарплаты и непрестижности профессии совсем обленились. На студентов совсем внимания не обращают, лекции

скороговоркой и с отвращением бормочут, а на практических и лабораторных занятиях и вовсе газетки-журнальчики почитывают, а со студентами кой-как справляются техники-лаборанты, а в лучшем случае — аспиранты. И так далее, и все в одной тональности.

А еще родители студентов, оставившие при себе с советских времен привычку во всем ссылаться на авторитеты, горячатся: какие же преподаватели бессовестные! Говорят, что наша Маша и ваш Паша наглецы и бездельники! И про всех студентов так говорят. Но ведь по телевизору руководители, как мы раньше говорили — партии и правительства хвалят нынешнюю-то молодежь, так и говорят: хорошее новое поколение выросло, умное и тянущееся к знаниям, инициативное и трудолюбивое, умеет деньги зарабатывать, но и счет им знает! И когда про эти самые, как их... инвестиции с инновациями говорят, то опять же молодежь, то есть и наших Машей и Пашей добрым словом поминают.

А раз такие родители, мигом перестроившиеся на новые ценности жизни, то почему их дети должны быть другими? Яблоко от яблони... Им же, «преподам университетов», приходится все расхлебывать. Сколько раз, а число им тьма, приходилось Николаю Андреяновичу в том или ином кругу присутствовать при разговорах об удручающем студенческом контингенте, столько он вспоминал два эпизода, услышанные еще в самом начале его первого учебного года в университете — один от Язвишина про «второе воскрешение Лазаря», другой от Яцышена.

◆ Посмеялся тогда Николай Андреянович над рассказом Язвишина.

Про себя же подумал: ну, ладно, ребята; мы и сами в студентах не очень-то прилежными были. Правда, корыстных уклонов у нас не было... Но вот девицы-то не должны особо измениться? Ведь женщины ближе к биологической первоприроде, к женским инстинктам любви, семейственности? Но его скоро разочаровал коллега Язвишин, как-то рассказавший одну исто-

рию — со слов, как он оговорился, своего студента-старшекурсника, родом из небольшого районного городка соседней области.

Ленька Тарханов сдал последний экзамен за четвертый курс строго на «отлично»: не зубрилой был, но просто голову на плечах имел, что по нынешним временам редкость. А учился он в совершенно нелепом университете, скоропалительно возникшем в середине 90-х годов в райцентре исконной русской губернии на базе скромного пединститута, существовавшего в старинном купеческом городе едва не с ветхозаветных времен. Все дело в том, что тщеславные городские власти вовремя подсуетились перед губернатором, который по совместительству занимал очень высокий пост в Москве по части законодательной власти. И вот создали монстра: четырнадцать факультетов, целый квартал старокупеческих зданий, отремонтированных под учебные корпуса. Только потом сообразили: количество приемных мест превышает число выпускников школ города, района и еще двух-трех районов. И вот на рубеже веков старинный город стал высокообразованным; везде выпускники университета: на рынке, за прилавками, обслуга в пивных и забегаловках и так далее. А глава города публично похвалялся: дескать, переплюнули советскую власть!

Но это к слову, сейчас и не такие перекосы случаются; главное — Ленька вздохнул с облегчением: впереди два месяца без докуки слушать каждый день вялые лекции «преподов» — только что переквалифицировавшихся из школьных учителей и училок, бывших коллег его матери, тоже учительницы. А главное, во дворе корпуса, на скамейке сквера его ждала Ольга, его первая серьезная любовь, второкурсница с психологического факультета. Уже ставшую столь знакомой изящную фигуру самой красивой девушки факультета Ленька отметил боковым зрением — через распахнутое по случаю июньской жары окно — еще спускаясь по лестнице с третьего этажа. Душа запела: первая в жизни девушка, ставшая *его*

женщиной: юной, ласковой, искренней в словах и любви. Леньку передернуло от отвращения; почему-то вспомнил не к месту, как зимой ездил в соседний областной город проведать брательника, учившегося в тамошнем солидном университете: рискнул, поступил и тем самым вырвался из провинциального зазеркалья, где через пару капиталистических пятилеток только пенсионеры не будут иметь высшего образования.

Соседи брательника по общежитской комнате на троих досрочно разъехались на зимние каникулы (братья собирались ехать домой через три дня — пока же город Леньке показать), прикорнуть нашему провинциалу было где. В первый же вечер в их комнату вошла приятная на вид маленькая блондинка, кивнула гостю:

— Юр! У тебя есть что-нибудь пожевать? Последнюю полторашку на мобильную карту истратила, только на автобус до дома осталось.

Брат подмигнул Леньке, достал из шкафчика батон, колбасу и сыр, вышел с чайником на кухню. Девица с интересом посматривала на съестное, что-то щебетала о закончившейся сессии. К ужину Юрка из того же шкафчика достал початую бутылку дешевого портвейна (Ленька принципиально ни капли в рот не брал, памятуя спившегося и отъединившегося от семьи отца). Девица без объяснений осталась на ночь в кровати с Юркой, а Ленька, нимало дивясь простоте нравов, уснул только заполночь под жаркой подушкой, накрывшей голову.

...На следующий день ужинать и спать с Юркой пришла вальяжная крашеная брюнетка, а последнюю перед отъездом ночь с брательником провела длинноногая девушка с волоокими крупными глазами. Юрка, экономный по натуре и общежитскому житью вдали от дома, трясясь в автобусе, запряженном на шесть часов пути до родного дома, сокрушался: ох, и жрут же эти девки, себе дороже эта самая любовь обходится! Ленька молчал, с тоской поглядывая то на розовощекого брата, то в окно на скучный зимний пейзаж.

Ольга тоже зорко отметила выходящего из корпуса Леньку, но продолжала сидеть на скамейке. Тот же, отвечая машинально на приветствия однокашников и преподавателей (они с ним обычно здоровались запросто, за руку, как со взрослым сыном их прежней школьной коллеги), шел только по оптической прямой: от его глаз к Ольге. Мотнув головой, он почти что физически отбросил паскудные воспоминанья об общежитских сопостельницах брата; сами эти мысли казались ему оскорблением для его возлюбленной.

Ольга поднялась только когда Ленька подошел к скамье; понятно, что лизаться публично, тереться голым животом в пупочном декольте о торс партнера, как то сейчас заведено, здесь и в мыслях не было. Страстная, женственная в моменты недавно наступившей близости, Ольга была воплощенным воспитанием при постороннем взгляде. Взяв Леньку под руку, она, как истинная девушка-мажор, пошла к выходу из дворового сквера, но на самом выходе ее спутника остановил пожилой преподаватель, осведомился об успехах в сессии, спросил о здоровье матери — как ей учительствуется в школе. Старомодно раскланялся и зашел во двор.

Ольга исподлобья, мотнув очаровательной мелированной челкой, взглянула на спутника, остановилась и отняла свою руку.

— А-а что, у тебя мать училка?

— Да, в той же школе, где я учился,— машинально ответил Ленька, а в мыслях он был далеко, главное, что его сейчас волновало: после нового поворота в отношениях с Ольгой каковы должны быть его действия? Делать предложение сейчас или как?

— Послушай, а Людмила Георгиевна Тарханова, проректор по экономике, кем она тебе?

— Да никем, просто однофамилица. Здесь как в деревне, на весь город десяток фамилий. А что?

— Нд-а-а... А я полагала, что она твоя мать, смотрю и преподаватели с тобой за руку здороваются, разго-

варивают. Так-так, вот что, милый, времена сейчас сложные, мне тоже нужно о себе позаботиться, поэтому давай-ка на этом и поставим точку в наших отношениях.

Леньку прошиб холодный пот, ноги перестали держать, он даже пошатнулся, заглотал пересохшим ртом воздух, еле-еле выдавил:

— Ппо-о-чему? — вернулось забытое в детства легкое заикание.

— Сам понимаешь почему. Не ребенок. Вот что, давай вернемся на ту же скамейку, я тебе кое-что рассказать, так сказать на прощание, хочу.

◆ Слава Кирпичников, только что перешедший на третий курс естественного факультета, с утра выстоял очередь к кассе бухгалтерии университета и с удовлетворением получил стипендию за два летних, каникулярных месяца. Тем более, что уже полгода, как ее стараниями ректора и проректора по экономике Тархановой довели до «штуки» — против вполовину меньшей по всей европейско-российской провинции. Для шику он попросил кассиршу дать деньги двумя бумажками с видами города Ярославля.

Выйдя из главного корпуса, Славка вынул из кармана дешевый мобильник, купленный в обменном магазинчике, заметно волнуясь, набрал номер своей недавней знакомой с факультета психологии:

— Оленька! Ты еще не уехала? В Воронеж собиралась... Может отметим успешное, так сказать, окончание учебного года?

Весь день он готовился: попросил мать постирать свою выходную рубашку с занятным калейдоскопическим ярким рисунком, тщательно отутюжил лучшие свои светлые брюки. Стригся вроде бы недавно, только перед выходом долго причесывался. На вопрос матери о стипендии за летние месяцы ответил, что завтра выдают.

— Вот и хорошо, а я вчера пенсию получила, на лето нам и хватит,— ответила Вера Тихоновна.

Славик отвернулся от матери, на душе кошки

скребли, до слез было жалко мать: после прошлогодней операции пришлось оставить заводскую работу; другой не нашлось, вот и осталась с третьей группой и пенсией в полторы тысячи... «Допустим, даже если в кафе штуку истрачу, то отдам матери вторую, скажу: в университете денег нехватка, в два приема будут летнюю стипендию выдавать, а за месяц? — Все одно подрабатывать нужно». На душе сразу полегчало. Матери что-то не терпелось спросить, не выдержала:

— На свиданку, небось, собираешься?

— Ага, к девушке моей знакомой, у нас учится, Ольгой звать. На психологическом факультете. Да ты нас с ней видела месяц назад, помнишь — у почты?

— А-а, это с челкой такая? Красивая девушка...

Славик вышел из квартиры и через четверть часа уже ждал Ольгу у входа в городской парк.

◆ К половине одиннадцатого Славик уже с нехорошим предчувствием ждал окончания ужина с Ольгой в лучшем ресторане города «Белый Орел» (бывший «Спутник»). Ольга сразу отвергла парковое кафе.

— Хочу шампанского и лазанью, а здесь только это мерзкое пиво и полусырые шашлыки. Извини, не так воспитана.

К их столику, красиво сервированному, но более всего к чуть захмелевшей Ольге, присматривались молодые кавказцы, сидевшие в уголке за своим дастарханом. У Ольги запел мобильник; выслушав, она сказала что-то утвердительное:

— Славик, пора заканчивать пиршество, отец досрочно из командировки в Старый Оскол прибыл, а он не мама — помешан на благонравии девиц и не любит, когда после двенадцати кого-то в квартире не хватает. Попроси, пожалуйста, счет, а через полчасика проводишь меня до дома.

Счет оказался в три тысячи без копеек, но Славик уже загодя все продумал с каким-то яростным хладнокровием.

— Официант! Еще нам на дорожку кофе и мороженое. Олечка, извини, я на минутку.

В предбаннике ресторана он набрал на мобильнике домашний телефон и деревянным голосом все объяснил матери. Та заохала, даже чуть всплакнула, но обещала через четверть часа (дом рядом) подойти ко входу.

Когда через эти самые четверть часа Славик вторично извинился, встав из-за стола, Ольга уже с легкой насмешкой во взгляде разрешающе кивнула своей знаменитой и влекущей челкой. Сердце Славика заныло, когда он, шагнув из ярко освещенного подъезда на тротуар, увидел немного сгорбленную фигуру матери.

— Вот, Славик, возьми полторы тысячи, как просил. А как мы лето-то будем жить, ведь только через месяц следующая пенсия?

— Иди, мам, домой. Я все понимаю.

Кода он протянул подозванному официанту две крупные кредитки и полторы тысячи сотнями («Сдачи не надо!»), Ольга с интересом, как бы со стороны, изучающе посмотрела на Славика, а прощаясь у своего дома на центральной улице города, слегка обняла спутника, чмокнула в щеку:

— Вечер мне понравился, а ты-ы интересный парень! Завтра созвонимся. Пока.

Славик еще с полчаса побродил по затихающим улицам. Ни сердца своего, ни ног под собой он не ощущал. Так и вошел в квартиру. Мать сидела на стуле в крохотной кухне «хрущевки», опустив голову долу. Медленно подняла ее на Славика. Такая тоска, беспокойство и жалость к сыну была в ее глазах на почерневшем лице, что Славик снова развернулся в коридорчик, вошел в санузел, сожалея, что никак не нашел времени починить щеколду, висевшую на одном шурупе, сел на старую маленькую стиральную машинку, взял с полочки бритву и, отставив правую руку в сторону ванной, вонзил ее в вену у запястья.

Болонский сон № 66... словом, заключительный. Снится полковнику-доценту Хмурову вещий сон, будто Болонский университет, который он освободил от заразы стобалльной системы оценок студентов и трехуровневой же системы образования, решил поставить Григорию Ивановичу памятник. Был объявлен всемирный конкурс на лучший скульптурно-архитектурный проект, который, конечно же, выиграл... ну, понятно кто — российский налогоплательщик из Москвы. Тем более, у него в мастерской давно ржавела стодвадциметровая фигура генерала Симона Боливара, которую скульптор безуспешно пытался всучить какой-нибудь латиноамериканской стране.

Мигом скульптор-модернист поменял голову генерала на полковничью — Григория Ивановича и переправил за счет ЮНЕСКО в Северную Италию, в Болонью, где скульптуру и установили на фоне старейшего в Европе университета в живописном предгорье Апеннин.

Стоит на ласковом солнышке бронзовый истукан с вселившейся в него душой Григория Ивановича и напевает алтайским горловым пением героическую песню: «Бывали мы в Италии, где воздух голубой...» А как дошел до слов «...а России лучше нет», так заплакал бронзовыми же слезами, попрощался с осчастливленными им болонцами и двинулся на родину. Дошагал до Тулуповска и навечно встал перед главным корпусом университета. Больше всего обрадовалась городская управа: мигом состряпали документ, что все затраты на создание памятника в размере трехсот миллионов рублей взяла на себя мэрия. А деньги эти поделили между собой.

Через короткое время мать, почуяв неладное, бросилась к сыну.

...«Скорая» забрала Славика в больницу — слишком много крови потерял. Врач успокоил Веру Тихоновну, но предупредил: в случаях суицида они обязаны ставить в известность милицию.

Через две недели, еще с перевязанной рукой, что он скрывал рукавом рубашки, Славик устроился подсобным рабочим во вновь открывшийся в городе супермаркет. Мать тоже нашла работу «на телефоне».

◆ К концу рассказа Ленька уже пришел в себя. Что-то в нем вмиг перегорело:

— Ну и к чему это мне все знать?

— К тому, милый, что если ты задумаешь вены себе резать, вешаться или топиться по летнему времени, то делай это не сейчас, а дня три-четыре спустя. А сейчас расстанемся, как говорится,— не сошлись характерами...

— Постой, постой! А почему через три дня?

— А чтобы милиция меня не беспокоила, как в прошлый раз. Привет маме!

ЭПИЛОГ:
СОВЕРШЕНСТВО И АБСУРД — 2,
ИЛИ СОН ПОЛКОВНИКА ХМУРОВА
ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ГРАЦИИ

◆ Хмуров вернулся из очередной деловой поездки в столицу с тройкой сигнальных экземпляров пятого тома своей фундаментальной монографии воодушевленным, ибо сегодня, расставаясь на две недели со Стеллочкой, вдруг обнаружил: его сладострастная подруга, судя по всему, решила продлить свою вторую молодость еще на неопределенное число лет:

— Гришенька! Я намедни договорилась со своим профкомом и утвердила у академика две двойные путевки в Кривулинский курорт! То есть полтора месяца будем на природе отдыхать от городской гари! А ты, мой мужественный, когда следующий пятитомник в печать будешь сдавать?

Хмуров, уже начерно сочинивший первый из дополнительных томов, довольно усмехнулся:

— К новому учебному году первый выдам на гора́. А пока займешься моим учебником по ракетным взрывателям и монографией нашего завкафедрой по микродвигателям.

...Как всегда в день приезда из командировки Полковник заснул сразу после позднего ужина, несколько огорчив добрую свою супругу. Сны у Хмурова в такие дни, точнее — ночи, всегда отличались яркой содержательностью.

Поначалу, правда, привиделась всякая реальная бывальщина. Например, как у него в администрации области скрысятничали дешевую пластиковую папку-скоросшиватель за двадцать пять рублей. Это когда он по наивности решил получить за долгую и беспорочную работу в университете — сначала на военной кафедре, затем

на ракетостроительной — министерское звание почетного работника высшего профессионального образования. Вадим Фомич горячо поддержал его: «И ты при звании будешь со значком на лацкане пиджака щеголять, и кафедре нашей галочка к осеннему рейтинговому отчету!»

Аспирант Эдька распечатал шефу с инета перечень и формы-образцы нужных документов. Хмуров все заполнил, а лаборантка Света за коробочку конфет от Коркунова их набрала на компе и размножила в нужном числе экземпляров. Упаковал все это в первую же подвернувшуюся под руку пластиковую папку-скоросшиватель. Подписал исходящую бумагу у Дьяконова, затем у декана, после чего пару дней побегал по инстанциям в главном корпусе. Получив все нужные подписи и печати, через кафедральную секретаршу передал папку, как положено по регламенту, в департамент образования и науки обладминистрации.— У Марины Евгеньевны в местном «белом доме», как то принято в нашем отечестве обезьянничать, родная сестра трудилась в топливно-энергетическом департаменте на рядовой технической должности. Поэтому, когда на кафедре или вообще на факультете возникала необходимость что-либо передать из бумаг в администрацию, то Марина Евгеньевна с охотой бралась помочь: погонять кофий с сестрицей без возврата в этот день в «пентагон».

Когда в такое отсутствие кто-нибудь спрашивал про нее, то получал ироничный ответ: «Наша Мариночка только что вышла из Пентагона и держит курс на Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия!»

Прошло полгода — предельный срок для оборота бумаг — в Москву, в министерство, и обратно. Сам Вадим Фомич, радея о рейтинге кафедры, позвонил в образовательный департамент, очень озадачился и сообщил Полковнику:

— Ничего не понимаю. Бумаги они в Москву не отправляли, чего-то там не складывается. Сейчас Марину пошлю — может что через сестру проведает.

Также недоумевающая Марина Евгеньевна, нарушая свой обычай, вернулась в тот же день. Передала Хмурову его бумаги, все какие-то скукороженные и без папки.

— Не совсем поняла, Григорий Иванович, но вроде как сам ректор должен был прежде согласовать с департаментом.

Хмуров Марину Евгеньевну поблагодарил, затем публично в преподавательской порвал бумаги, бросив четвертушки в мусорную корзину. Более всего возмущался, что скрысятничали грошовую папку-скоросшиватель.

...Далее сон перебился, а чуткая супруга с недоумением прислушивалась к бормотанию суверена: «Хм-м, самые проклятые слова: бизнес, доллар, Болонский процесс, частная собственность, менеджментер, трехуровневая система высшего образования, общечеловеческие ценности, компьютеризация образования, интернет...» Далее Хмуров захрапел во сне, повернулся на другой бок — смотреть другой сон.

◆ Получение Полковником «динамитной» премии совпало по времени с очередным коренным преобразованием в высшем образовании, инициатором которого явился очередной же, новый министр этого самого образования. Поскольку правительство полностью разочаровалось в отечественных кандидатурах на этот малопрестижный пост, то, следуя традициям, сложившимся в смежном, но только очень престижном министерстве национального футбола и бобслея, на этот раз минобраз возглавил Джакомба-Фирулента Сесё Нгмбвамба, приглашенный по рекомендации Болонского университета, бывший тренер по водному поло из среднеафриканской страны.

Джакомба в свое время окончил два курса Сорбонны, откуда был изгнан за излишнее пристрастие к общечеловеческим ценностям, поэтому в духе приобретенного парижского шарма провозгласил в высшем образовании «эпоху административной грации».

В это же время транснациональное руководство Болонским процессом вместо неоправдавшей себя системы оценки знания студентов ввело *666*-балльную. По всем странам цивилизованного мира, то есть исключая Азию и Африку, разослали трехтомную инструкцию по расчетам балльных оценок учащихся. Инструкция была составлена столь мудрено, что для расчета оценки одного студента по конкретному предмету требовалось преподавателю не менее двух часов работы на скоростном восьмиядерном компьютере.

По этой причине другого времени преподавателя на всякие лекции, семинары, практические занятияи и лабораторные работы не оставалось. Но Джакомба не зря числил среди своих давних предков царицу Савскую и Соломона, потому и провел через коллегию минобраза Соломоново решение: обучение сделать виртуально-дистанционным. То есть студенты сидят по своим домам, выполняют полученные по инету тестовые задания за весь курс обучения и раз в неделю шлют их *on line* своим преподам. А те по регламентированным трудовым договорам восемь часов в день вычисляют оценку по *666*-балльной системе. За каждую ошибку в подсчете баллов Высшая счетная палата университета вычитает из недельного — по введенной американской системе — жалованья преподавателя треть недельной же зарплаты.

Тихо и покойно теперь в университетских корпусах: никаких тебе шумных студиозусов. Они за период учебы появляются там только два раза: на зачисление и для получения диплома. На одного препода теперь приходится пять административных работников. Все специальности «подвели» под торгово-экономические и полицейско-правовые. Так и их кафедру из ракетостроительной переиначили в «Менеджмент импортных запчастей спецтехники». А на медико-физкультурном факультете, где трудился приятель Язвишин, оставили две базовые специальности: «Актерская подготовка в фармакоторговле» и «Охранная физподготовка».

Сущность же введенной Джакомбой, принявшего православие и русскую фамилию Чурсенков, административной грации состояла в особой, тщательно выверенной форме взаимоотношений между администрацией и преподавательским составом. Последние по табели о рангах, включая «холодных» профессоров, приравнивались к нижним армейским чинам. Только полных профессоров снисходительно дарили ефрейторскими лычками.

Но и здесь справедливость была соблюдена; так в межпреподавательском общении указывался стаж работы в вузе: «господин профессор тридцать второго года службы», «почтенный доцент двенадцатого...» и так далее. Только полковнику Хмурову, как нобелевскому лауреату, именным приказом Джакомбы (Ивана) Чурсенкова было даровано исключительное к нему обращение: рашинсэр Хмуров.

А вот вся администрация уравнялась в правах с дворянством, причем была введена *666*-ранговая табель о рангах. По игре случая в административные работники оказалась зачисленной и древняя письмоносица Вера Тимофеевна. Ей присвоили дворянский титул-обращение: Ваше почтмейстерство.

При случайных встречах администраторов и преподавателей — действительно, случайных, поскольку они обитали в разных корпусах — по этикету административной грации за десять шагов друг от друга препод снимал шляпу, кепку или бейсболку с цифрами *666* на тулье и, размахивая этим прибором перед собой, помушкетерски раскланивался. Администратор же в непременной форменной фуражке с номерной бляхой на лаковом козырьке становился во фрунт и отдавал честь по-ефрейторски, то есть в три приема. Женщины-преподавательницы, прихватив щепотью клеш форменных же юбок, делали книксен. Административная же дама мило кивала головкой, увенчанной туальденоровой шляпкой со страусиными перьями. Перья страусов поставляли оптово с родины Джакомбы-Ивана.

...От невыразимой скуки сна Хмуров проснулся на миг, перевернулся на другой бок вдругорядь и снова заснул.

В третьем по счету сне Полковник с изяществом доказал знаменитую теорему Ферма, которая свела с ума несколько десятков поколений математиков и даже обычных, рядовых пациентов тихих палат специализированных лечебниц.

Уже размышляя о второй Нобелевской премии, Григорий Иванович с ужасом обнаружил, что, во-первых, теорема Ферма имеет положительное решение только для показателя степени чисел $n = 666$; во-вторых, за открытия в математике Альфред Нобель премии не учредил. Как поговаривают злые языки в научном мире, юный Алик в гимназии по математике являлся круглым двоечником.

И здесь еще Стеллочка вмешалась в сон по поводу злосчастного числа, но — именно она, прелестница, его рассмешила:

— Знаешь, милый, я веду счет нашим... ну-у, противный, сам знаешь чему. Так вот, сейчас у нас должен быть по счету *666*-ой раз. А поскольку ты чураешься этого числа, то давай его пропустим, а наверстаем в следующий, *667*-ой.

— Как так пропустим? Что-то не могу представить...

— А просто: мы с тобой двадцать положенных минут, поскольку сегодня уже не в первый раз, ляжем в постельку спинами друг к другу, а я тебе расскажу сказку про белого бычка. Ха-ха-ха!

...Без просыпания и ворочания с бока на бок Полковника посетил следующий сон. Почему-то в коридоре их кафедры полулежали, опершись на локотки правых рук доценты Николай Андреянович и Язвишин, который, кстати говоря, не имел допуска в «пентагон». Как люди военно-морского воспитания, одеты они были во флотские клеши, тельняшки и бескозырки с надписью

золотом на лентах: «*Варягъ*». На ремнях клешей висели кортики китайской фабрикации за четыреста девяносто рублей *00* копеек вместе с сувенирной коробкой.

Как понял, научившийся читать мысли на расстоянии, Хмуров, оба доцента полностью отчаялись освоить счет по *666*-балльной системе. С огорчением в голосе они тянули в унисон:

Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг.
Сами взорвали «Корейца»,
Нами потоплен «Варяг»!

1 сентября 2010 г.— 1 мая 2011 г., Тула

Оглавление

К читателю (Предисл. Леонида Ханбекова).....3
Часть первая.
Полковник Хмуров и другие в апофеозе толерантности.....11
Перезагрузка: Алитет уходит в горы, а инженер
в педагоги.....11
Классик лженауки полковник Хмуров.....35
Заклеенный форзац.....45
Бдительность — наша сила.....59
Рулевой на покое.....77
Второе воскрешение Лазаря.....95
Оболонивание.....112
Люди в масках.....134
Административный восторг.....156
Часть вторая.
Полковник на водах и служебный роман.....187
Дело о барсетке и несостоявшийся адмирал.....187
Как потопаешь, так и полопаешь.....242
Приятное путешествие, приятные во всех отношениях
попутчики.....273
Коллоквиум на помойке.....293
Полковник Хмуров идет ва-банк.....339
Совершенство и абсурд.....354
Часть третья.
Тонущий корабль науки.....392
Круговорот воды в природе, или снова первое сентября...392
Перекуем мечи на орала.....402
«Прошла пора профессоров-подвижников...».....421
Я б в ученые пошел.....443
Я б в ученые пошел — 2.....460
«Второй сон Веры Павловны».....476
Глава о пользе подхалимажа и собственно подхалимов.....496
Чудаки в нашем доме.....515
Яблоко от яблони.....533
Эпилог:
**Совершенство и абсурд — 2, или сон полконика
Хмурова об административной грации**.....544

Библиотека журнала «Приокские зори»

Академия российской литературы
Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»

ЯШИН
Алексей Афанасьевич

СНЫ И ЯВЬ ПОЛКОВНИКА ХМУРОВА

Педагогическая поэма в трех частях

Компьютерный набор: Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин
Редактирование и корректура:
В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Художественное оформление: А. А. Яшин

Издатель — Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
123995, Москва, Поварская ул., 52, комн. 24,
тел.: 8-495-691-63-41

Подписано в печать 29.08.2011 г.
Формат 84×108/32. Печ. л. 17,25.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92